

Федеральное государственное автономное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

ГОЛОВНЕВА Елена Валентиновна

**КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В
СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СИБИРСКОГО РЕГИОНА)**

09.00.13 – философская антропология, философия культуры
(философские науки)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора философских наук

Екатеринбург – 2018

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Регион: критическое прочтение концепта в контексте теории социального конструктивизма.....	22
§ 1. Концепт «регион» в научном дискурсе.....	22
§ 2. Регион: переосмысление понятия в контексте новой пространственной парадигмы.....	40
§ 3. Регион как социальный конструкт.....	59
§ 4. Параметры конструирования региона и проблема его репрезентации.....	75
Глава 2. Региональная идентичность в меняющемся мире.....	102
§ 1. Региональная идентичность как социокультурный феномен.....	102
§ 2. Структура региональной идентичности.....	123
§ 3. Формы дискурсивной репрезентации региональной идентичности.....	138
Глава 3. Сибирская идентичность в конструктивистском измерении: формирование и содержательный анализ.....	163
§ 1. Конструирование сибирской идентичности: к постановке проблемы.....	163
§ 2. Динамика образов Сибири: когнитивный компонент сибирской идентичности.....	184
§ 3. Кто такие сибиряки? ценностный компонент сибирской идентичности.....	203
§ 4. «Чувство места» в Сибири: чувственно-эмоциональный компонент сибирской идентичности.....	226
§ 5. Поведенческие стратегии сибиряков: регулятивный компонент сибирской идентичности.....	255
Заключение.....	277
Список литературы.....	282

Введение

Актуальность темы исследования

Исторически социокультурное пространство России формировалось как основанное не только на этническом, но и на региональном многообразии. Резкие перемены, произошедшие со страной в период распада Советского Союза, усугубили ее региональную контрастность и обусловили рост регионального самосознания. С 1990-х гг. в академической среде не ослабевает интерес к вопросам, связанным с изучением формирования и развития региональной идентичности, ее влияния и значения для становления национального самосознания.

Для российской гуманитарной мысли значимость данной проблематики связана, прежде всего, с попыткой выяснить, какие образы идентичности доминируют в общественном сознании, что представляют собой важнейшие референтные группы самоидентификации. От ответа на эти вопросы во многом зависят перспективы становления в России структур гражданского общества, возможности развития межкультурных коммуникаций и предотвращение культурных конфликтов. В изменчивых условиях современной реальности актуализируются именно те культурные механизмы, которые обеспечивают солидарность общностей. В этой ситуации осмысление социокультурного разнообразия региональных сообществ, их адекватное представление в дебатах и документах, потребность в определении понятий «регион» и «региональная идентичность» приобретают особое значение.

Отечественные традиции обсуждения региональной идентичности разворачиваются, как правило, на двух уровнях – теоретического анализа и концептуализации политических проектов. В процессе теоретического изучения региональной идентичности формируется значительный объем суждений о миссии того или иного региона, его символических ресурсах и, в конечном итоге, – его субъектности. В научных дискуссиях активно обсуждается вопрос о путях формирования региональной идентичности, постоянно растет число

эмпирических исследований, посвященных изучению ее конкретных форм. Обращается внимание на то, что региональная идентичность, несмотря на процессы глобализации, сохраняет свое значение и выражает глубокую потребность региональных сообществ к сооружению разного рода конструктов, мифологем, которые помогают регионам выделиться и предложить миру свой отличительный образ.

Однако на фоне эмпирической констатации наличия и роста региональной идентичности растет ощущение, что многие традиционные для социогуманитарного знания подходы к ее изучению исчерпали свой эвристический потенциал и требуется обновление методологического инструментария в осмыслении новых сюжетных линий, формирующихся на субнациональном уровне. Концепции региональной идентичности и региона, представленные на уровне частных наук в отечественном научном дискурсе, нуждаются как в корреляции российских и зарубежных исследований по этой тематике, так и в изучении фундаментальных оснований формирования региональной идентичности. Это приводит к необходимости осмысления данной проблематики в тематическом пространстве философии культуры.

Особенно остро в современном гуманитарном знании стоит вопрос о необходимости нахождения методологии содержательного изучения региональной идентичности, позволяющей исследователям выявить и описать ее структуру. Без выделения и характеристики ключевых компонентов региональной идентичности в рамках философии культуры, без анализа образующих региональную идентичность дискурсов, невозможно представить данный феномен как специфическое когнитивное и социокультурное образование. Представление о структуре и механизмах формирования региональной идентичности служит основой для выявления всех каналов, через которые формируются и через которые воспроизводятся в современной культуре образы «своего» региона и «других» регионов.

Специального внимания со стороны философии культуры заслуживает также проблема формирования и функционирования *сибирской* региональной

идентичности. В культурном и идеологическом пространстве современной России сибирская идентичность является если и не самой выраженной и активно растущей среди форм региональной идентичности, то во всяком случае относится к числу лидирующих. Последнее десятилетие в России было отмечено проведением различных политических кампаний и акций под лозунгом “Я – сибиряк”, настойчивыми попытками сибирских территорий выработать свою концепцию региональной идентичности и создать отличительные региональные бренды. Понятие «сибирской идентичности» получило довольно широкое распространение на уровне научного дискурса, феномен «сибирского характера» стал предметом рассмотрения в художественном творчестве, в политической риторике сибирская идентичность часто рассматривается как ресурс формирования общероссийской идентичности. В XX – XXI вв. усилиями средств массовой информации представления о «сибирскости» стали даже некоторой отправной точкой для формирования в отношении к россиянам в целом стереотипов, которые непросто уходят из современных политических настроений элит и массового сознания. Все это свидетельствует о том, что сибирская региональная идентичность представляет собой сегодня значимую проблему в рамках философии культуры. Данная ситуация актуализирует необходимость для философского знания решить вопросы содержательного наполнения сибирской идентичности, предсказать возможные перспективы развития данного умонастроения. При этом особую актуальность для социогуманитарного знания приобретает сегодня поиск методов анализа сибирской идентичности.

Степень разработанности проблемы

В настоящее время проблема региональной идентичности существует как междисциплинарная и находится на стыке философии и политологии, социологии и психологии, философской антропологии и культурологии. Основная сложность в целостном осмыслении материала по этой проблеме заключается в том, что обширный комплекс философских идей, возникших не в результате эмпирических исследований, а в результате философских

размышлений не используется для анализа региональной идентичности в той мере, в какой, на наш взгляд, это возможно. Кроме того, термин «региональная идентичность» в современных исследованиях часто сближается с понятием «имидж территории» и используется скорее в инструментальном ключе, в частности, в политической практике и для разработки региональных брендов. В диссертации феномен региональной идентичности рассматривается в ином исследовательском ракурсе, в контексте современного философско-антропологического и культурологического знания, опираясь на конструктивистскую научно-исследовательскую программу.

В научной литературе накоплен значительный опыт анализа региональной идентичности, которая осмысливается по-разному в рамках модернистской и постмодернистской концепций. Модернистское понимание региональной идентичности основано на эссенциалистском подходе (Э. Берк, Р. Коэн, Э. Смит, Дж. Элтон и др.) и исходит из того, что ее развитие обусловлено рядом объективных внешних факторов, и идентичность носит тождественный характер у всех членов регионального сообщества. Постмодернистская концепция ставит под сомнение очевидность многих традиционных концептов, включая самотождественность, а региональная идентичность рассматривается как непрерывный процесс самоидентификации, как результат многочисленных само- и иноприписываний, аскриптивной классификационной практики множеств людей. Представители данного подхода (Б. Андерсон, Р. Брубэйкер, М. Кастельс, У. Коннор, Ф. Купер, М. Саруп, Ч. Тилли, В.А. Тишков, Э. Хобсбаум и др.) полагают, что использование региональной идентичности в социальном взаимодействии, отнесение себя и других к определенным категориям, собственно и формирует региональные сообщества в их организационном качестве.

Для определения современного статуса региональной идентичности в рамках философии культуры необходимым является обращение к обеим данным концепциям. В широком плане исследование региональной идентичности, безусловно, оказывается связанным и с общими концепциями идентичности,

рассматриваемой на индивидуальном и групповом уровне. Сюда относится обширная литература, представленная фундаментальными работами Б. Андерсона, Э. Гидденса, И. Гоффмана, У. Джемса, К. Кардинера, И.С. Кона, В.В. Козлова, Ч. Кули, Д. Локка, Р. Мертона, Дж. Мида, П.А. Сорокина, Дж. Тэрнера, З. Фрейда, Э. Фромма, Э. Хобсбаума, Э. Эриксона и др.

В отечественной научной литературе различные аспекты региональной идентичности рассматривались в трудах В.Я. Гельмана, Д.С. Докучаева, М.П. Крылова, О.Я. Киричек, А.С. Макарычева, О.Ю. Малиновой, В.С. Малахова, В.А. Мальковой, А.Г. Манакова, И.Я. Мурзиной, М.В. Назукиной, С.А. Панарина, И.В. Побережникова, О.Б. Подвинцева, И.С. Семененко, Л.В. Смирнягина, С.В. Соколовского, В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой и др. В рамках реализации программы «Социокультурный проект региона», разработанной Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН (ЦИСИ РАН) под руководством члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина была предложена методология и инструментарий изучения российских регионов, обосновано использование жанра «портрета» как способа их исследования. В зарубежной литературе обращение к вопросам региональной идентичности происходило в научных трудах М. Антонсич, К. Джонсон, Д. Грегори, А. Коулман, Л. Манзо, Г. Маркса, И. Нойманна, А. Пааси, К. Терлоу, Ж. Раагмаа, А. Харелла и др. Особо следует выделить исследования, обращающиеся к вопросам изучения регионального имиджа и региональных брендов и дополнивших теоретическое изучение проблемы эмпирическими данными (В.В. Абашев, Д.В. Визгалов, Т.А. Морозова, Л.А. Фадеева, Ю.Г. Чернышова и др.).

В работах этих авторов региональная идентичность была рассмотрена как особый вид коллективной идентичности, проанализированы конкретные виды региональной идентичности, эмпирическим путем были выделены ее структурные компоненты. Однако в этих исследованиях не была осуществлена корреляция концепций региональной идентичности в отечественной и

зарубежной научной мысли, не была разработана методология содержательного анализа региональной идентичности.

Поскольку региональная идентичность в диссертации рассматривается с конструктивистских позиций, особенное значение для данного исследования имеют работы, в которых представлены идеи конструктивизма, в том числе, теория социального конструктивизма. Это фундаментальные исследования Б. Андерсона, Ф. Барта, П. Бергера, П. Бурдьё, Ф. Варела, Л.С. Выготского, К. Гергена, Дж. Келли, Т. Лукмана, У. Матураны, Ж. Пиаже, А. Шюца и др. Следует упомянуть также работы современных отечественных философов, которые в ряде положений близки к конструктивизму, развивая идеи о неклассическом и постнеклассическом типах рациональности (В.С. Степин), неклассической эпистемологии (В.А. Лекторский, Е.О. Труфанова), социальной эпистемологии (И.Т. Касавин).

Основу для идеи конструирования региона и региональной идентичности, развиваемой в рамках исследования, составила концепция конструирования различных реальностей под авторством Н.И. Мартишиной. В рамках данной концепции дан анализ механизма конструирования множественных реальностей, а также обозначены основные принципы конструктивизма как научно-исследовательской программы. Нарботанный Н.И. Мартишиной материал позволил развить ее идеи и применить принципы конструктивизма для анализа таких социокультурных феноменов, как регион, региональная идентичность и сибирская идентичность.

Особое значение для исследуемой проблемы составили те философские и культурологические концепции, в которых наиболее полно обосновывается связь субъекта с пространством, бытие субъекта в локальной культуре. Сюда относятся работы по гуманитарной географии и городским исследованиям, связанные с анализом «культурных ландшафтов», «локальной культуры», «привязанности к месту», «образов места» (В.Л. Глазычев, Г.В. Горнова, А. Джилберт, Т. Ингольд, Д.Н. Замятин, Н.Ю. Замятина, В.Л. Каганский, М. Конки, С. Милграм, Д. Мэсси, Р. Парк, К. Райт, Л. Роунтри, М. де Серто,

В.Н. Стрелецкий, Е.Г. Трубина, Р.Ф. Туровский, К. де Вит, Р. Шилдз и др.). Значимыми для данного исследования являются также работы феноменологического направления, связанные с анализом субъективного восприятия пространства (Б. Верлен, Э. Гуссерль, Д. Косгроув, М. Понти, Э. Соджа, Ф. Туан, М. Фуко, А. Шюц и др.). Формы дискурсивной репрезентации региональной идентичности анализируются на основе обращения к концепции различий и сосуществования форм отражения действительности в сознании субъекта (С.Ф. Денисов, Л.В. Денисова, И.И. Митин, И.-Ф. Туан, Д.М. Федяев, М. Фуко и др.).

Поскольку специфика региональной идентичности во многом определяется ее субъектом, значимыми для рассматриваемой темы оказываются работы, в которых была дана характеристика региона. Исследование региона осуществлялось с опорой на философские и конкретно-научные исследования, среди которых особое место занимают работы политологов (М. Китинг, А.С. Макарычев, М.В. Назукина, И. Нойманн, И.С. Семенов и др.), географов (М.П. Крылов, Б.Б. Родоман, В.Л. Каганский, Л.В. Смирнягин, Дж. Харт и др.), социологов (Л. Вирт, Л. Уорнер, А.Ф. Филиппов, Р. Шилдз и др.) и экономистов (Н.В. Зубаревич, Б.Л. Лавровский, В.И. Суслов, А.И. Трейвиш и др.). Особенность данных исследований состоит в том, что они характеризуются отсутствием единого подхода к пониманию региона и изучением его каждой дисциплиной на основе одного из аспектов явления.

Развитие методологического аппарата социально-культурных исследований и наблюдаемый сегодня «пространственный поворот» в гуманитарной науке (А. Аппадурай, З. Бауман, Н. Бреннер, П. Бурдьё, Э. Гидденс, М. Кастельс и др.) побудили обратиться к работам, касающимся «социального производства пространства» (Дж. Голд, Г. Зиммель, А. Лефевр, Дж. Ло, И.-Ф. Туан, А.Ф. Филиппов, Д. Харви и др.), а также к концепциям региона, рассматривающих его как социальный и культурный конструкт. Это, в основном, новейшие исследования зарубежных авторов М. Бассина, Г. Блотефогель, П. Бэллинджер, П. Вайххарт, П. Джексона, Г. Зиммербауэра,

Р. Йенкиса, Г. Кибриб, Л. фон Лангенхоув, К. Ломбарта, Г. МакЛеод, Л. Манзо, А. Мерфи, И. Нойманна, А. Пааси, Г. Раагмаа, К. Рот, Ф. Содербаум, Ф. Чартон-Вачет, Д. Фиаловой, М. Хальбвакса, Б. Хеттне и др., многие из которых не переведены на русский язык.

Поскольку исследование выполнено на материале сибирской идентичности, особое значение для диссертации имеют работы прикладного характера, в которых рассматриваются вопросы, связанные с сибирской идентичностью и сибирским характером, дается представление об их основных признаках и факторах формирования. В литературе эта проблематика рассматривается в конкретно-научных исследованиях социологов (А.А. Анисимова, Е.Е. Дутчак, О.Г. Ечевская, М.Я. Рожанский, Н.В. Сверкунова и др.), этнологов (М.В. Васеха, М.Л. Бережнова, М.А. Жигунова и др.), историков (А.О. Бороноев, С.А. Красильников, Е.И. Красильникова, Я. Кусбер, В.А. Ламин, И.В. Нам, А.В. Ремнев, В. Сандерленд, Н.Г. Суворова, Н.Н. Родигина, В.В. Шевцов и др.), филологов (К.В. Анисимов, Н.Н. Курдина, А.М. Литовкина, Е.Н. Савельева и др.). Вопросы, касающиеся сибирского областничества, как актора конструирования сибирской идентичности, проанализированы на основе обращения к трудам А.Э. Зайнутдинова, Д.А. Михайлова, А.В. Ремнева, М.В. Шиловского и др., а также к сочинениям самих областников (Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев). Для раскрытия структуры сибирской идентичности, ее дискурсивных форм, рассматривается та литература, которая позволяет эксплицировать тему «сибирскости» в текстах мифологического, религиозного, художественного содержания (К.В. Анисимов, В.П. Астафьев, Дж. Кеннан, Н.В. Ковтун, А.И. Разувалова, С.У. Ремезов, Т.Л. Рыбальченко, М. Тарковский, В.И. Тюпа и др.). Косвенно оказались связаны с темой исследования, но, безусловно, также оказали на него влияние работы, в которых дан анализ визуальных источников для конструирования образа региона (И.П. Басалаева, А.В. Головнев, М.Ю. Рожанский, Е.Н. Савельева, О.Э. Саркисова, А.А. Ситникова и др.).

В целом, степень разработанности проблемы по сибирской идентичности может быть оценена следующим образом. При обширном комплексе исследований по частным сюжетам затрагиваемой тематики, проблема конструирования сибирской идентичности и ее структуры не являлась предметом целостного философско-антропологического и культурологического анализа. Особенность исследований по сибирской идентичности заключается в том, что они останавливаются в точке признания ее ключевой роли для формирования регионального сообщества сибиряков, структурные компоненты сибирской идентичности выделяются в них эмпирическим путем и могут быть оспорены, в силу чего содержательный анализ данного феномена оказывается недостаточным.

Таким образом, несмотря на устойчивый интерес к проблемам региональной идентичности в целом, сибирской идентичности в частности, можно утверждать, что в современной исследовательской практике не разработана еще методология содержательного изучения этих феноменов, отсутствует корреляция между результатами теоретических и прикладных исследований в этой области. Конструктивистская исследовательская программа в отечественной философской мысли до сих пор последовательно не применялась для раскрытия природы и сущности региональной идентичности и ее конкретной формы – сибирской идентичности.

Объектом исследования является региональная идентичность в современной культуре.

Предметом исследования является процесс конструирования региональной идентичности как сложного, многоуровневого феномена.

Проблема исследования заключается в необходимости цельного осмысления региональной идентичности (и ее сибирской разновидности) как конструируемого социокультурного и когнитивного феномена. Данная проблема может быть конкретизирована в следующих вопросах: как изменилась трактовка понятий «регион» и «региональная идентичность» в контексте новой пространственной парадигмы; что представляет собой региональная

идентичность как социокультурный конструкт; каковы акторы и параметры ее конструирования; какие компоненты можно выделить в структуре региональной идентичности и как можно обозначить формы ее дискурсивной репрезентации; какова природа и содержание сибирской идентичности?

Целью исследования выступает концептуализация содержания региональной идентичности как конструируемого феномена и применение полученных выводов для изучения сибирской региональной идентичности.

Задачи исследования:

1. Уточнить концептуальное содержание понятия «регион» в научном дискурсе и выявить изменение статуса этого понятия в контексте новой пространственной парадигмы.

2. Сформулировать особенности понимания региона как социального конструкта, указать параметры его конструирования и дать представление о способах его репрезентации в культуре.

3. Зафиксировать когнитивную и социальную возможность региональной идентичности, раскрыть ее значение, уровни бытия в современном социокультурном контексте.

4. Выявить концептуальное содержание региональной идентичности, выделить ее структурные компоненты и охарактеризовать формы ее дискурсивной репрезентации в культуре.

5. Обосновать применимость конструктивистского подхода к проблеме сибирской идентичности и определить основные направления ее исследования.

6. Разработать модель структурирования сибирской идентичности и дать содержательный анализ ее структурных компонентов.

Методологические основания диссертационного исследования

Логика исследования выстраивалась с опорой на *конструктивистскую научно-исследовательскую программу*. Отправной идеей всех конструктивистских теорий является признание того, что субъект не только «создает что-либо», но и «создает план чего-либо», то есть моделирует объекты в идеальном и реальном плане. В результате конструирования могут возникать

как материальные объекты, обладающие субстанциональностью (предметное конструирование), так и объекты идеальные (идеи, образы, концепты, нормы), которые могут быть реальными в значительно большей степени, чем сами объекты в их непосредственном бытии (когнитивное конструирование).

В рамках социального конструктивизма этот принцип реализуется следующим образом: наблюдатель неотделим от объекта наблюдения, субъект не просто пассивно или активно отражает реальность, а выстраивает/формирует ее (идеально и предметно) посредством языка и культурных систем. Итогом социального конструирования (по аналогии с техническим) является создание структурированных объектов социальной реальности, предназначенных для выполнения определенных функций и способных действовать заданным образом до некоторой степени автоматически, согласно опредмеченной в их конфигурации схеме действия (теория социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана).

В методологическом плане конструктивизмом задается необходимость устанавливать круг факторов, параметров конструирования возникающего объекта (его внутренних и внешних детерминант), а также необходимость анализа того, как на основе этих параметров создается целостность объекта. Поскольку конструирование изначально ориентировано на рассмотрение объектов как систем, состоящих из элементов, которые также обладают внутренним устройством, и являющихся частью еще более сложных систем, организованных другими закономерностями, в диссертации конструктивистская парадигма дополняется *системным* подходом. Кроме того, конструктивизм, как исследовательская программа, включает в себя *структурный* подход, поскольку конструирование специально акцентирует внимание на возникающей структуре объекта, уровнях его бытия, подразумевает установление принципов его внутренней организации, позволяющих объекту функционировать с обеспечением заданных параметров.

Применительно к изучению региональной идентичности в диссертации данные установки реализовались как требование рассматривать идентификацию

субъекта с определенным регионом (например, «Я-сибиряк») лишь как отправную идею, требующую дальнейшей концептуализации и обоснования. Для экспликации содержания региональной идентичности необходимо было проанализировать из каких компонентов она формируется, откуда происходит в культуре каждый из этих компонентов и какими средствами он поддерживается. В диссертации конструирование региональной идентичности рассматривается по существу как создание ее концептуальной модели, направленной на поддержание и воспроизводство привязанности регионального субъекта (социума, личности) к своей территории.

Использование в качестве базовой категории понятия «региональной идентичности» в социокультурном контексте, а также сопряженных с ним концептов «культурно-географический образ», «культурный ландшафт» (cultural landscape), «привязанность к месту» (place attachment), «репрезентация места» и т.п. обусловили обращение к подходам, сформировавшимся в русле культурной/гуманитарной географии, социологии пространства, локальной истории и культурологии. Методологические разработки в рамках этих направлений позволили включить в исследование региональной идентичности новые сюжеты, как в плане понимания ее природы, так и в плане изучения ее структурных компонентов. В частности, эвристические возможности культурно-географического подхода способствовали рассмотрению вопроса о динамике образов в сибирской идентичности, ее ценностно-нагруженных нарративах, экспликации понятия «чувство места» и характеристики поведенческих характеристик в сибирском «культурном ландшафте».

Необходимость выделения форм дискурсивной репрезентации региональной идентичности побудила обратиться к *методу дискурсивного анализа*. В рамках этого подхода предполагается, что, формируясь и развиваясь под воздействием определенного социума и культуры, дискурсы как системы представлений и речевых высказываний, сами оказывают на них влияние, вербализуя актуальные для сообщества смыслы и конструируя общественное сознание. В процессе построения дискурса неизбежно происходит активизация

определенных правил мышления и возникают конкретные языковые формы (М. Фуко). В диссертационной работе этот подход помог объяснить особенности функционирования региональной идентичности в современной культуре. Метод дискурсивного анализа позволил также рассмотреть региональную идентичность как социокультурный феномен, который конструируется и становится реальным во многом благодаря дискурсивной практике. В качестве источников анализа дискурсов сибирской идентичности в исследовании использовались данные социологических опросов, художественной литературы, визуальных и архивных документов, а также работы экспертов, рефлексирующих над сибирской идентичностью в академическом, публицистическом, медийном полях.

Значимыми для исследования оказались также некоторые общелогические методы и принципы. В частности, использовался *принцип дополнительности*, в котором проявляется единство специально-научного и философского подходов к изучению региональной идентичности. Региональная идентичность в диссертации рассматривалась с учетом научных разработок, полученных в сфере социальной антропологии, этнологии, социологии, политологии, истории, визуальной антропологии, культурологии. Конкретные исследования, выполненные методами этих наук, использовались в работе для построения собственно философских обобщений и выводов, для решения фундаментальной философской проблемы – бытие субъекта в (региональной) культуре.

Поскольку исследование было направлено на выявление структурных компонентов региональной идентичности в диссертации использовался *аналитический метод*. Последовательное движение от принципов построения концептуальной модели региональной идентичности к описанию конкретных социокультурных феноменов обусловило использование *метода восхождения от абстрактного к конкретному*. Необходимость применения концептуальных оснований исследования, полученных для одного объекта (региона), к другому, связанному с ним (региональной/сибирской идентичности), обусловила значимость использования *метода экстраполяции*.

Основная идея диссертационного исследования заключается в рассмотрении региональной идентичности как сложного, комплексного, многоуровневого явления, складывающегося в процессе взаимодействия регионального сообщества и его членов с определенной территорией их проживания и формирующегося под воздействием политического, экономического, исторического и социокультурного факторов.

Научная новизна исследования

1. Выявлена тенденция перехода в понимании онтологического статуса региона от эссенциализма к конструктивизму в современных социогуманитарных исследованиях.

2. Разработана концепция понимания региона как социального конструкта, определены возможные параметры его конструирования (территориальный, институционально-политический, экономический, культурный, исторический) и показаны способы репрезентации региона в культуре.

3. Выведен существующий в социокультурном знании дискурс региональной идентичности и показана его недостаточность. Осуществлена концептуализация региональной идентичности как конструируемого феномена и особой формы индивидуальной и коллективной идентичности. Показано соотношение национальной идентичности (как политико-государственного и идеологического образования) и региональной идентичности (как конструируемого на основе территориальной общности поликультурного феномена).

4. Предложена четырехаспектная модель структурирования региональной идентичности, которая включает когнитивный, ценностный, чувственно-эмоциональный и регулятивный компоненты, как каналы конструирования и функционирования региональной идентичности в современной культуре.

5. Показано, что в содержательном плане региональная идентичность образована дискурсами мифологического, религиозного, художественного, политического и философского характера, определяющими ментальный, дискурсивный модус ее бытия. Обосновано значение политического дискурса в

позиционировании региона и формировании его имиджа, а также роль философского дискурса в оформлении «мы-концепции» на уровне региональных культур. Выявлена логическая сторона мифологической, религиозной и художественной формы дискурсивной репрезентации региональной идентичности и показано место каждой из них в ее функционировании.

6. Выведенная методология проверена на осмыслении сибирской региональной идентичности. Разработана модель структурирования сибирской региональной идентичности и дан содержательный анализ ее компонентов: *когнитивного* – стихийно и целенаправленно создаваемых образов Сибири и сибиряков; *ценностного* – ценностных ориентаций, связанных с природно-ландшафтным, топонимическим, переселенческим, этнокультурным, историческим, ментально-психологическими нарративами; *чувственно-эмоционального* – социокультурных смыслов, обеспечивающих выраженную эмоциональную привязанность сибиряков к месту своего проживания; *регулятивного* – системы регулятивов, обеспечивающих предрасположенность сибиряков к конкретным поведенческим стратегиям и культурным практикам. Показано, каким образом мифологический, религиозный, художественный, научный и политический дискурсы, как факторы структурного порядка, поддерживают разнообразие сибирского регионального дискурса.

Основные положения, выносимые на защиту

1. В настоящее время, благодаря обновлению методологического инструментария гуманитарных исследований и новому пониманию пространства, наблюдается переход в характеристике онтологического статуса региона от эссенциализма к исследовательской программе социального конструктивизма. Регион рассматривается не как устойчивое территориальное образование, функционирующее на основе действия объективных факторов, а как социальный конструкт.

2. Элементами «сборки» региона в сознании коллективного и индивидуального субъекта являются: институционально-политический контроль, экономическое развитие, культурная стандартизация и общность

исторического прошлого региона. Территориальность приобретает специфическую размерность в зависимости от параметров конструирования, а любое ее измерение обеспечивает (реальную или воображаемую) внутреннюю гомогенность территории. Необходимость дистанцирования определенного регионального сообщества от других сообществ и позиционирование регионов в социокультурном пространстве обуславливают возникновение множественных форм региональной репрезентации.

3. Региональная идентичность является не только свойством индивида и группы соотносить себя с определенной территорией, но и представляет собой некое качество, которое активно конструируется и репрезентируется на уровне индивидуального и коллективного сознания. По форме существования региональная идентичность во многих аспектах оказывается изоморфной национальной идентичности, но, в отличие от последней, напрямую не сопряжена с политико-государственными и идеологическими характеристиками, а является поликультурной и выстраивается на основе территориальной общности.

4. Результирующая модель структуры региональной идентичности предстает как двухосновная. С одной стороны, она образует собой четырехаспектную модель, включающую когнитивный, ценностный, чувственно-эмоциональный и регулятивный компоненты. В этом плане содержание региональной идентичности составляют: стихийно формирующиеся и целенаправленно создаваемые культурно-географические образы; ценностные ориентации и оценочные суждения, имеющие нарративный характер и конструктивистскую природу; культурная историческая память; «чувство места» и разного рода эмоциональные реакции на место проживания; система регулятивов, обеспечивающих способы поведения и практики ориентирования в региональном пространстве. С другой стороны, структуру региональной идентичности можно рассматривать, как образованную дискурсами различного характера (мифологическим, религиозным, художественным, политическим, философским), которые обеспечивают формы ее репрезентации в культуре.

5. Границы сибирского региона как территориального сообщества людей с неким особым самосознанием связываются с конкретными носителями сибирской идентичности. Существование оформленных конвенциональных способов говорения о *сибирском*, апеллируя к которым субъект может артикулировать собственную сибирскую идентичность, обеспечивает ее функционирование в культуре в качестве конструкта. Сибирская региональная идентичность не сводится к декларациям «Я-сибиряк», она представляет собой сложное структурное образование.

6. Четырехаспектная структура сибирской идентичности включает в себя: 1) образы Сибири и сибиряков, исторически стихийно сконструированные на уровне обыденного сознания и являвшиеся предметом целенаправленной, специальной разработки на концептуальном уровне (в деятельности сибирских областников и др.) – *когнитивный* компонент; 2) ценностные ориентации, связанные с природно-ландшафтным, топонимическим, переселенческим, этнокультурным, историческим, ментально-психологическими нарративами – *ценностный* компонент; 3) сложную систему значений и смыслов эмоциональной привязанности к своему месту, включающие как чувство гордости за историческое прошлое своего региона, любовь к своей земле и ее природе, так и чувство региональной социально-экономической ущемленности и конкуренции – *чувственно-эмоциональный* компонент; 4) предрасположенность к действиям, конкретные поведенческие стратегии и практики сибиряков (взаимодействие с природой и освоение пространства, солидарность, коммеморативные и перформативные практики) – *регулятивный* компонент.

7. Факторами, которые поддерживают разнообразие сибирской идентичности и одновременно являются формами ее дискурсивной репрезентации выступают мифологический, религиозный, художественный и политический дискурс о Сибири и сибиряках. Целостность образов сибирской идентичности обеспечивается вербальными и визуальными источниками, формирующими особый «сибирский текст».

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается:

- в апробации, расширении и адаптации исследовательской программы конструктивизма на материале региональной идентичности и ее конкретной разновидности (сибирской идентичности), в формировании теоретических условий для синтеза различных прикладных исследований в сфере изучения региона и региональной идентичности; в возможности развития методологического аппарата социально-культурных исследований;

- в перспективе использования полученных материалов для разработки учебных курсов, связанных с социально-философским анализом современной российской ситуации, философией культуры, регионалистикой, социальной эпистемологией, для разработки имиджевых проектов отдельных регионов и субъектов РФ.

Апробация работы

Основные положения диссертационного исследования доведены до сведения научной общественности на конференциях, семинарах, конгрессах различного уровня, в том числе: международной научной конференции “Reassessing religion in Siberia and neighbouring regions” (Халле, Германия, 2006); международном научном семинаре «Альтернативная культура: новые подходы в развитии преподавания и исследования» (Будапешт, Венгрия, 2007); международной научной конференции “Multiple moralities in contemporary Russia: religion and transnational influences on shaping everyday life” (Халле, Германия, 2008); международном научном семинаре «Религиозная география, символические ландшафты и религиозные движения» (Будапешт, Венгрия, 2010); международном междисциплинарном семинаре «Европейская идентичность» в ЕС и России: повседневность и публичный дискурс» (Казань, 2012); международной научной конференции «Culture in Mind. Mind in Culture» (Сеул, Корея, 2014); международной научной конференции “Religion in floating territories” (Люблин, Польша, 2014); международной научной конференции «Многообразие российской модерности: религия, государство и подходы к плюрализму в российском контексте» (Москва, 2014); XI и XII Конгрессах

антропологов и этнологов России (Екатеринбург, 2015; Ижевск, 2017); международной научной конференции «Азиатская Россия: люди и структуры империи» (Омск, 2015), VI международной конференции молодых исследователей Сибири «Сибирь в движении: поколения и субъекты действия» (Иркутск, 2016), международной научно-практической конференции «Коммуникационные тренды в эпоху множественных модерностей: разрывы и сопряжения» (Екатеринбург, 2016), международной научно-практической конференции «Nation-building and nationalism in today's Russia (NEORUSS)» (Таллин, Эстония, 2016); всероссийской научно-практической конференции «Роль визуальных источников в изучении региональной истории» (Сыктывкар, 2016), международном научном семинаре «Советский экран: игровое и документальное кино как инструмент конструирования реальности» (Иваново, 2016) и др. Исследование проходило апробацию также в рамках участия автора в международном научно-исследовательском проекте «Alternative Culture Beyond Borders: Past and Present of the Arts and Media in the Context of Globalization» (2007-2010 гг., участник), международной научной летней школе «Religion, Culture and Society» (Антверпен, Бельгия, 2012, участник), международной научной летней школе «Societies in Transition – Former Soviet Union and East Central Europe between Conflict and Reconciliation» (Йена, Германия, 2014, участник), научной группе «Открытый город: от теоретических концепций к инновационному проектированию» (2014 – 2017 гг., Уральский федеральный университет, исполнитель), а также в рамках реализации гранта РФФИ (№ 16-33-01038) «Образ региона в культурфильме (на примере творчества А. Литвинова)» (2016 – 2017 гг., руководитель).

Структура и объем исследования

Текст диссертационного исследования состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, содержащего 580 наименований. Работа изложена на 339 страницах компьютерной верстки.

Глава 1.

Регион: критическое прочтение концепта в контексте теории социального конструктивизма

§ 1. Концепт «регион» в научном дискурсе

Исходя из определения концепта как формы мышления, способной собирать (*conspicere*) смыслы, синкретичной по своему содержанию и формирующейся в речи, термин «регион» используется в данной главе в качестве широкого понятия (концепта), позволяющего объединить в себе различные виды дискурсов и содержательные уровни рассмотрения предмета исследования.

Проблема определения концепта «регион» в научных исследованиях имеет довольно длительную традицию изучения. Еще в конце 1960–х гг. географ Р. Миншалл сформулировал два ключевых вопроса, важных для осмысления региона: может ли регион выступать средством анализа пространственной организации? являются ли регионы реально существующими общностями?¹ Спустя тридцать лет шведский историк Р. Йоханссон, анализируя историю развития регионов Европы, задал похожий вопрос: в каком отношении и при каких обстоятельствах регион является основой для территориальной идентификации?²

В определенной степени трудность решения этих вопросов объяснялась положением дел с самими регионами, которые меняли свои очертания в современной культуре. Достаточно отметить, что крушение советской империи, начиная с 1990-х гг., привело к бурному росту регионального самоопределения на постсоветском социокультурном пространстве. Как отмечает В.А. Шнирельман, «в 1990-х гг. приход демократии в Россию и децентрализация власти и капитала породили достаточно неожиданное явление, показавшее, что русским оказывается недостаточным иметь общерусскую идентичность, а в ряде

¹ Minshull R. *Regional Geography: Theory and Practice*. London, 1971.

² Johansson R. The impact of imagination. History, territoriality and perceived affinity // Tägil S (ed.). *Regions in Central Europe*. West Lafayette, 1999. P. 1–29.

случаев они вообще готовы от нее отказаться. В разных регионах и областях они ведут поиск своих особых местных идентичностей, и это выражается в своеобразных версиях древней или средневековой истории, которые там вырабатываются»¹. С разрушением «старых скреп» и связей, с остановкой ротации партийных элит, ликвидацией центральных ведомств в России региональная идентичность не только сохраняется, но и начинает доминировать над общенациональной².

В странах Западной Европы значительный рост регионального самосознания обозначился уже в 1960 – 70-е гг. Во Франции развернулись политические движения за восстановление и сохранение преимуществ регионов³, возникла оппозиция государственному централизму на фоне требований региональных автономий. Еще одним ярким примером роста регионального самосознания стала Германия, в которой, как известно, ведущую роль занимают федеральные земли (регионы). Аналогичные представления о значимости регионального в системе государственного управления характеризуют американскую политическую систему, отличительной особенностью которой является отстаивание прав штатов.

В условиях глобализации рост регионального самосознания приобрел новое значение и актуальность. Процессы глобализации выявляют необходимость пересмотра роли и значимости регионов не только на внутригосударственном, но и на мировом уровне. Императив роста, хроническая нехватка средств, диктуемая глобализацией необходимость реструктурировать экономику (в частности, развивать сервис и туризм) – основные трудности, с которыми сталкиваются регионы на современном этапе развития. В условиях глобализации не все регионы извлекают прибыль из ситуации перемасштабирования (rescaling) государств. Процветают наиболее

¹ Шнирельман В. А. Идентичность и политика постсоветской памяти // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2009. № 2. С. 213.

² Трейвиш А. И. Регионализация и централизация в России // Региональные исследования. 2008. № 5 (20). С. 4.

³ Филиппова Е. И. Этническая или региональная идентичность? // Французские тетради: диалоги и переводы. / Отв. ред. и перевод с франц. Е.И Филипповой. М., 2008. С. 19.

конкурентноспособные регионы, в то время как периферийные регионы переживают упадок. Не случайно, американский марксистский географ Н. Смит сравнивает пространственную дифференциацию в современном мире с движением качелей, когда подъем одних мест (городов, регионов, стран) сопровождается спуском/отставанием других¹. В новом пространственном порядке глобализация, перемасштабирование государств и поляризация регионов представляют собой параллельные процессы².

Данную ситуацию можно определить, как рост регионализма, рассматриваемого зарубежными авторами в качестве составной части и одновременно результата глобализации³. Термин «регионализм» в современной научной литературе имеет несколько значений⁴, но обычно под регионализмом понимается практика регионального управления, отражающая процесс самоидентификации территориальных сообществ, в ходе которого регион приобретает самобытность и особый статус в структуре государства. Как считает один из ведущих западных теоретиков в области региональных исследований М. Китинг, регионализм приобретает «сильную форму» там, где в пространстве совпадают природное начало, экономическая взаимозависимость, культурная идентичность, административный аппарат и территориальная мобилизация⁵. Регионализм, в общем смысле, представляет собой ту совокупность идей, которая формирует концептуальную основу для обнаружения региональной идентичности.

Американский географ К. Стоун заявил, что «Вторая Мировая война была для географии самым значимым событием, после рождения Страбона»⁶, поскольку она стимулировала переход от «старого регионализма» к «новому» и

¹ Цит. по: Трубина Е. Г. Центр и периферия: между ростом и развитием // Логос. 2013. № 4 (94). С. 240.

² Terlouw K. Rescaling regional identities: Communicating thick and thin regional identities // Studies in Ethnicity and Nationalism. 2009. № 9 (3). P. 452.

³ Mittelman, J. H. Rethinking the “New Regionalism” in the Context of Globalization // Global Governance. 1996. Vol. 2. № 2. P. 189-213.

⁴ О значениях термина «регионализм» см., напр.: Стрелецкий В. Н. Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 9-21.

⁵ Keating M. The new regionalism in Western Europe: territorial restructuring and political change. Cheltenham, 1998. P. 10.

⁶ Stone K. H. Geography's wartime service // Annals of the Association of American Geographers. 1979. № 69. P. 89–96.

актуализировала необходимость нового государственного и экономического планирования. В новой пространственной конфигурации регионы превратились в основные ячейки мирового политического пространства, относительно которого эксперты говорят, например, о Европе регионов, Китае регионов, Северной Америки регионов, т.е. новых субъектах, ориентированных на достижение территориальных и политических целей.

По мнению финского исследователя А. Пааси, «новый регионализм» представляет собой довольно интересную концепцию, которая объединяет как «старые регионы» Европы, естественно воспринимаемые массовым сознанием, так и регионы, сконструированные европейской бюрократией относительно недавно¹. Если «традиционный» регионализм представлял собой теории, описывающие проблемы европейской интеграции в послевоенное время и был связан, в первую очередь, с решением вопросов в сфере экономики и обеспечения безопасности, то «новый регионализм» в условиях глобализации ориентирован в большей степени на социальный и культурный аспекты². В классификации типов регионализма П. Шмитта-Эгнера упоминается даже «постмодернистский регионализм», который не связан с выдвижением территориальных политических требований, а направлен, прежде всего, на формирование имиджа региона³.

На фоне роста значимости регионализма понятие «регион» оказалось чрезвычайно востребованным в научном дискурсе; о регионах пишут в настоящее время довольно много⁴. Так, М. Фэзэрстоун говорит о своеобразной ностальгии, потребности восстановления или «изобретения» региональных

¹ Paasi A. Re-visiting the region and regional identity. Theoretical reflections with empirical illustrations // *The Archeology of Regional Technologies*. L., 2010. P.17.

² Hettne B. Globalization and the new regionalism: the second great transformation // *Globalism and the New Regionalism* / Ed. by B. Hettne, A. Inotai, O. Sunkel. Basingstoke, 1999. P. 6–7.

³ Schmitt-Egner P. The concept of «region»: theoretical and methodological notes on its reconstruction // *European Integration*. 2002. Vol. 24. № 3. P. 179–200.

⁴ См.: Gilbert A. The new regional geography in English and French-speaking countries // *Progress in Human Geography*. 1988. №. 12. P. 208–228.; Keating M. Rethinking the region. Culture, institutions and economic development in Catalonia and Galicia // *European Urban and Regional Studies*. 2001. № 8. P. 217–234.; MacLeod G. In what sense a region? Place hybridity, symbolic shape, and institutional formation in (post-)modern Scotland // *Political Geography*. 1998. № 17. P. 833–863; Storper M. *The regional world: territorial development in a global economy*. New York, 1997.

культур, которые в контексте глобализации, распространения медийной культуры и культуры потребления рассматриваются в качестве средства усиления утрачиваемого «чувства локальности»¹. Немецкий исследователь К. Рот, наряду с политическим регионализмом, употребляет относительно новый термин «символический регионализм». Необходимость его использования связывается К. Ротом с вниманием к периферийным регионам, наличием в условиях урбанизации и глобализации мира своеобразной ностальгии по «сельскому» образу жизни. Периферийные регионы в новых условиях перестают восприниматься как маргинальные, получают «второе рождение» и становятся предметом научного изучения². Понятие «регионализм» в таком контексте приобретает также выраженное субъективное измерение.

А. Харелл характеризует регионализм в современную эпоху, как нестабильный и недетерминированный процесс сосуществования множества логик, в котором конечные цели не являются очевидными³. В частности, существуют не только преимущества, но и опасности регионализации, среди которых наиболее существенны: «пространственная сегрегация капитала», усиление неравномерности экономического развития внутри страны, трансформация идеи рационального использования природных ресурсов в идею политического суверенитета, окрашенную в националистические тона и др.⁴ Регионы существуют в условиях мобильного, «сетевого» пространства, «мира потоков», который, по словам М. Кастельса, постепенно замещает собой устойчивый «мир локальностей»⁵. Возрастающий поток людей (иммигрантов, рабочих, беженцев, туристов), согласно А. Аппадурай, коррелирует с потоком технологий, финансов, медийных образов, информации, идеологий и

¹ Featherstone M. *Undoing Culture: Globalization, Postmodernism and Identity*. London, 1995. P. 95.

² Roth K. What's in Region? Southern European regions between globalization, EU-integration and marginalization // *Ethnologia Balcanica*. 2007. Vol. 11. P. 33-34.

³ Hurrell A. One world? Many worlds? The place of regions in the study of international society // *International Affairs*. 2007. № 83, 1. P. 127-146.

⁴ Колобов О. А., Макарычев А. С. Российский регионализм в свете зарубежного опыта // *СОЦИС: социологические исследования*. 1999. № 12. С. 38.

⁵ Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. М., 2000.

мировоззрений¹. Шведские исследователи Б. Хеттне и Ф. Содербаум утверждают, что современная социальная глобальная теория избавляется в онтологическом смысле от государственно-центристских установок². Но при этом, по словам С. Элдона³, когда государству уделяют меньше внимания, территория сохраняет первостепенную важность, и в этих условиях становится интересным по-новому рассуждать о регионах, учитывая их рост и разнообразие.

В настоящее время тематика исследований, касающихся региона, охватывает большой спектр проблем, включая в себя экономические, политические, культурные контексты, а также вопросы, связанные с идентичностью. Знание о регионе вырабатывается в социальной географии (*human and cultural geography*), социологии пространства, политической социологии, социальной психологии, сравнительной политологии, политической регионалистике, социальной и культурной истории, культурных исследованиях (*cultural studies*). Отметим, что в силу наблюдающегося в этих дисциплинах «пространственного поворота», изучение региона происходит параллельно с обращением к проблематике пространства, а многие исследователи признают, что такой «поворот» меняет основы современной социальной теории⁴.

Подобно тому, как мировой порядок оставляет пространство для существования регионов, так и научная сфера является ареной рождения разных идей о регионе. В этой связи, актуально обращение к представлению различных методологических подходов к изучению региона, а также исследование того, каким образом рассматривается понятие «регион» в различных дисциплинах. Рассмотрим далее варианты научного дискурса (в социально-гуманитарном знании) о регионе.

¹ Appadurai A. Disjunction and difference in the global cultural economy // *Theory, culture and society*. 1990. № 7 (2-3). P. 275-310.

² Hettne B., Soderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // *New Political Economy*. 2000. Vol. 5. № 3. P. 457-474.

³ Элдон С. Утраченная точка: глобализация, детерриториализация и пространство мира / пер. А.В. Дьякова // *Хора*. 2008. № 2. С. 56.

⁴ Friedland R., Boden D. *Now Here: An Introduction to Space, Time and Modernity* // Friedland R. & Boden D. (eds.) *Now Here: Space, Time and Modernity*. Los Angeles, 1994. P. 257.

В научных дисциплинах устойчивый интерес к региону присутствовал, прежде всего, в рамках географии. Географами использовался «хорологический» принцип (известный еще в античности), предусматривающий скурпулезное коллекционирование географических фактов, которые систематизировались в описании рельефа, местоположения, населения, ресурсов определенной территории. Например, у Н. Н. Баранского – это «полное географическое описание места, антология столь большого числа его аспектов, сколько удалось собрать»¹. В выявлении этих характеристик обозначалось отличие одного региона от другого. По словам Р. Хартшорна, «региональная география буквально означает то, что выражает ее название... это дескриптивная наука, занимающаяся описанием и интерпретацией уникальных случаев»².

Начиная с XIX века и до 1980-х гг., в географии доминировал также «реалистический» подход к регионам, которые рассматривались в качестве «контейнеров», вмещающих в себя природные и человеческие ресурсы³. Модерный тип мышления в качестве «контейнера» такого рода представлял себе, прежде всего, территорию государства как «естественноеместилище» для наций⁴. Речь шла о государственной системе, в которой регионы оказались приравненными к «агентам» в системе сложных федеративных отношений⁵. Регионы выступали в качестве субпространств, необходимых для контроля за социальной и политической жизнью, а также для осуществления экономической активности внутри государств.

Систематическая география понимала регионы как гомогенные, объединенные одной характеристикой пространства, как целостность и одновременно как часть целого⁶. Регион являлся наиболее значимой и обширной

¹ Цит. по: Митин И. И. На пути к региональной культурной географии: опыт англо-американских географов XX века. URL: http://pskgu.ru/projects/pgu/storage/prj/prj_13/prj_13_01.pdf.

² Цит. по: Соколовский С. В. Заметки о принципах выделения регионов в географии и антропологии // Этнографическое обозрение. 2013. № 5. С. 55.

³ Эта концепция региона какместилища природного и культурного субстрата восходит к концепции пространства немецкого мыслителя К. Риттера и трактуется в субстанциональном смысле.

⁴ Paasi, A. Re-visiting the region and regional identity. P. 18.

⁵ Makarychev A. Identity and representation of Russian regions: Adopting a critical theory perspective // Journal of Eurasian Studies. 2012. № 3. P. 185.

⁶ Каганский В. Л. Советское пространство: конструкция и деструкция // Регионоведение. 1998. № 5. С. 38-56.

подсистемой внутри государств или транснациональных ареалов. Д. Грегори объясняет такую двойственную трактовку региона тем, что на рубеже XIX – XX вв. в географии стала превалировать тенденция к рассмотрению мира как состоящего одновременно из ограниченных пространств и их объединения в более масштабные образования¹.

Географами предлагались также термины для описания регионов разного уровня. К примеру, немецкий географ К. Рот пишет о четырех типах регионов: микрорегионах (как пространствах повседневного существования индивидов), мезорегионах (территориальных образованиях среднего уровня, имеющих самоназвание и собственную историю), макрорегионах (образованиях, расположенных между государствами и континентами) и регионах глобального уровня (объединениях типа «Средиземноморский регион», «Тихоокеанский регион», «Ближний Восток»)². Отечественные географы разграничивали район и регион как часть районов³, определяли регион как «институциональный район»⁴. Макрорегионы, мезорегионы, субрегионы⁵ связывались с экономическими районами. Отдельно проводилась классификация регионов на суперрегионы (например, Балтийский регион), мезорегионы (административные образования)⁶ и регионы как муниципальные образования⁷. Например, в своей недавней работе В. И. Супрун говорит о необходимости различать «макрорегион», который подразумевает наличие экономических интегративных связей между регионами, находящимися в непосредственной географической близости, и «мегарегион»,

¹ Gregory D. Regions and regional geography // Johnston R.J., Gregory D., Pratt G. and Watts M.J. (eds). The dictionary of human geography. Oxford, 2000. P. 687–689.

² Roth K. What's in a Region? P. 18 - 19.

³ Крылов М. П. Взаимодействие смежных наук при изучении региона: эффективность и сочетаемость методологий и теоретических допущений // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 1. С. 37.

⁴ Каганский В. Л. Методологические основания регионального анализа как культурной практики // Культура в современном мире. 1997. Вып. 3. С. 4 - 29.

⁵ Гриценко А. А. Исследование региональной идентичности национальной окраины (на примере российско-украинского приграничья) // Идентичность как предмет политического анализа. Сб. статей. / Отв. ред. И. С. Семенов. М., 2011. С. 218.

⁶ Шлямин В. А. Россия в «Северном измерении». Петрозаводск, 2002. С. 20 - 21.

⁷ Жирякова И. В., Ильева И. А. Регион как объект междисциплинарного исследования // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки: философия, социология, культурология. 2010. Вып. 4 (84). С. 209.

основанный на культурной и геополитической общности и зависимости¹. Стоит отметить, что, несмотря на эвристичность подобных классификаций, они все же не носят универсальный характер, являются скорее инструментальными/рабочими для описания конкретных регионов и оспариваются на уровне частных исследований. При таком подходе, как утверждает Ф. Содербаум, макрорегион (к примеру, страны Бенилюкс) по численности населения, экономическому влиянию и иным параметрам может оказаться меньше микрорегиона (китайской провинции)².

В настоящее время все чаще признается несоответствие и разномасштабность выделяемых по различным основаниям регионов, а также неопределенность и условность существующих между ними границ. В конкретных исследованиях под регионом может пониматься как область, так и значительно более широкие по масштабу пространства (территория страны или нескольких государств)³. В этом случае регионы являются результатом социокультурного выбора жителей соответствующих территорий и могут быть интерпретированы по-разному. Как отмечает географ М. П. Крылов, под понятием «регион» может пониматься крупный город, административно-территориальная единица или более масштабное историко-культурное пространство⁴.

Представители гуманитарных наук обращаются к работам географов и часто объединяют в регион несколько административных единиц. Подобный подход позволяет по-новому взглянуть на существующие регионы, включить их в более крупные системы. Формируется новая область исследований – «воображаемая география», согласно которой регионы обладают общими

¹ Супрун В. И. Сибирь как мегарегион: концепции и реальность // Идеи и идеалы. 2016. № 1 (27). Т. 1. С. 124 - 125.

² Lombaerde de P., Soderbaum F., etc. The problems of comparison in comparative regionalism // Review of International Studies. 2010. № 36. P. 738.

³ Шматко Н. А., Качанов Ю. Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социс. 1998. № 4. С. 94 – 101.

⁴ Крылов М. П. Российская региональная идентичность как фокус социокультурной ситуации (на примере Европейской России) // Логос. 2005. № 1 (46). С. 285.

историко-культурными особенностями, имеют сходные параметры экономического и политического развития (например, Урал, Сибирь, Дальний Восток) и даже общие цивилизационные особенности (Азия, Европа). Данный тип региона соотносится, в первую очередь, с сообществом, и в этом случае, формальные границы территории (географические, административные) утрачивают свое значение, а сами регионы рассматриваются как ментальные символические конструкты. На этой основе разграничиваются, в частности, концепт «регион» и понятие «место» (place), для которого характерны четкое масштабирование, зафиксированность и ограниченность. Социолог А. Ф. Филиппов, в частности, определяет концепт «место» как часть территории, которая не поддается дальнейшему членению¹.

В целом, географические исследования, направленные на изучение региона, описывали их как природно-географические, а не как социокультурные образования. Смена парадигм в самой географической науке на протяжении XX в. (географический детерминизм – area studies – количественная география – поведенческая география – прикладная география – структурализм и неомарксизм – постмодернизм – постструктурализм)², приводит к пересмотру таких ее фундаментальных понятий, как «регион», «место», «расстояние» и способствует росту интереса к исследованию коллективных (региональных) идентичностей в рамках географического локуса³. По словам Л. В. Смирнягина, «географам все чаще приходится признавать, что в своем общественном поведении человек руководствуется не только и не столько пресловутыми объективными свойствами объективного мира, сколько своим представлением об этих свойствах, а поскольку оно, это представление, в сильнейшей мере опосредовано социокультурными факторами, нужно наращивать способность географии изучать этот феномен...»⁴.

¹ Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб., 2008.

² См.: Matthews, J., Herbert, D. Geography: A very short introduction. Oxford, 2008.

³ Смирнягин Л. В. Региональная идентичность и география // Идентичность как предмет политического анализа. Сб. статей. / Отв. ред. И. С. Семенов. М., 2011. С. 180.

⁴ Смирнягин Л. В. Эволюция места в ходе «производства пространства» // Символическая политика: Сб. науч. тр. М., 2016. Вып. 4: Социальное конструирование пространства. С. 99.

Если в работах географов термин «регион» длительное время описывался в его естественных, географических границах, то в работах экономистов на первый план выходит экономическое измерение регионального развития. В конкретных исследованиях регион анализируется на основе его расположения в территориальном разделении труда с характерным режимом функционирования товаров и услуг и типом социально-экономических проблем. При таком подходе регион является частью экономической системы государства, которая отличается от других особенными природными ресурсами, отраслевой специализацией экономики и способности к самообеспечению¹. Пространственная дифференциация в этом случае связана с немобильностью и ограниченностью ресурсов, проблемой их распределения и эффективного использования. Пространственные границы регионов зависят от принципов экономического планирования, а сами регионы предполагают обязательное наличие территории, специализации и экономических связей.

В целом, экономическое измерение регионов создает представление о них как о конкурирующих экономических зонах, которые становятся привлекательными местами для жительства и ведения бизнеса. В таком типе пространства естественный культурный ареал и экономическая жизнь совпадают. Регионы выступают как функциональные пространства,² создающие рамку для действия в системе других рамок, а объектом анализа является не историко-культурная общность, а экономическое комьюнити.

Политологи традиционно рассматривают регион как административную единицу государства с действующими в ее рамках региональными властными институтами, которые обладают определенными компетенциями и соответствующими финансовыми ресурсами для их реализации. С одной стороны, регион является субъектом действия, вырастает в ходе регионального самоопределения, а также в результате действий региональных элит. Его

¹ Казаченко Л. Д. Регион как объект научного исследования // Известия государственной экономической академии. 2012. № 3. (электронный журнал).

² Andersson M., Karlsson C. Regional innovation systems in small and medium-sized regions // Johansson B., Karlsson C. and Stough R. (Eds) *The Emerging Digital Economy: Entrepreneurship, Clusters and Policy*. Berlin, 2006. P. 55–81.

формирование может быть связано с практикой извлечения ресурсной ренты¹ и получением выгод в рамках «переговорного федерализма»². С другой стороны, регион рассматривается как объект создания со стороны государства. По замечанию лидера школы пространственного анализа Д. Харви, именно государство учреждает нормативные программы для производства пространства и определения территориальности³.

Создаваемые в рамках государственной политики регионы определяются как формальные и противопоставляются неформальным. Согласно К. Роту, формальные регионы характеризуются наличием четко определенных границ, административным статусом, в то время, как границы неформальных регионов отличаются динамичностью и имеют различные функции⁴. Неформальные регионы могут конструироваться учеными, а также обозначаться экспертами, исходя из политических соображений. К примеру, Юго-Восточная Азия, Центральная и Средняя Азия, Ближний Восток, Европа и Латинская Америка, не являясь однородными ни в культурном, ни в экономическом отношении, тем не менее, воспринимаются в массовом сознании как довольно устойчивые геополитические провинции. В конкретных исследованиях неформальные регионы могут описываться как «районы», а географ М. П. Крылов для определения неформальных регионов использует также термин «край»⁵.

В рамках социологического подхода регион рассматривается как место социального взаимодействия, в ходе которого формируется региональное сообщество, а группы внутри региона наделяются социальными статусами и находятся в определенных иерархических и горизонтальных отношениях друг к другу. В частности, на важность социальных отношений и социальных структур

¹Explaining Post-Soviet Patchworks. Vol. 3: The Political Economy of Regions, Regimes and Republics / ed. K. Segbers. Aldershot, 2001. P. 19 - 137.

²Полищук Л. Российская модель «переговорного федерализма»: политико-экономический анализ // Политика и экономика в региональном измерении / Под ред. В. Климанова, Н. Зубаревич. М., СПб., 2000.

³Harvey D. Spaces of Capital: Towards a Critical Geography. Edinburgh, 2001. P. 208 - 233.

⁴Roth K. What's in Region? P. 24.

⁵Крылов М. П. Современная региональная идентичность в Европейской России: Север-Юг // Известия РАН. Сер. Географическая. 2005. № 5. С. 51 - 60.

региональных сообществ указывает А. Джилберт, которая призывает «поймать» специфику мест путем изучения различий в социальных процессах¹.

При социологическом анализе оказывается важным широкий спектр вопросов, связанных с расселением субъектов на территории региона, формированием профессионально-должностной структуры в рамках региона, его положением в системе властных отношений². Социологов интересует также уровень материальной обеспеченности жителей региона, готовность региональных сообществ к самоуправлению, информационное обеспечение региона, степень адаптированности региональных субъектов к трансформациям. Анализируются факторы, оказывающие влияние на социальную стратификацию в регионе³. Регион, таким образом, рассматривается в качестве «мозаики различных социальных миров», в которой на первый план выходят вопросы формирования и воспроизводства идентичности социальных групп. Как отмечает А. Ф. Филиппов, «смысл территории, границы, пребывания, места, движения обнаруживается в практике социальной жизни, и он находит себе подтверждение в этих объективных характеристиках»⁴.

В российской этнологии, долгое время находившейся под влиянием географии, объектами изучения традиционно являлись этнос и этническая территория, а не регион и региональная культура. Использование подобного категориального ряда во многом объясняется тем, что в послереволюционной России на вооружение был взят национально-территориальный принцип деления. В итоге, как утверждает академик В. А. Тишков, для советских этнографов не существовало на Земле места без этносов,⁵ а призыв Ф. Боаса изучать культуру в рамках «малой географической области» так и не был услышан. При анализе этнической территории, в основном, ссылались на

¹ Gilbert A. The new regional geography in English and French-speaking countries // Progress in human geography. 1988. Vol. 12. № 2. P. 219.

² Жирякова И. В., Ильяева И. А. Регион как объект междисциплинарного исследования. С. 209.

³ Warner W. L. Social Class // Yankee City in Bell C., Newby H. (eds.) The Sociology of Community: A Selection of readings. London, 1973. P. 265.

⁴ Филиппов А. Ф. Социология пространства. С. 34.

⁵ Тишков В. А. Усложняющееся разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова. М., 2016. С. 10

определение П. И. Кушнера, согласно которому, этническая территория – это «область, на которой данный народ развился, на которой он обитает (или обитал до недавнего времени) и с которой он длительно и непрерывно связан своей творческой культурной деятельностью»¹. Обращение к этнической территории как единице анализа было обусловлено, в том числе, необходимостью политического управления государством и декларации его геополитических претензий.

Приоритет категорий «этнос» и «этничность» в российской этнографии привел к ситуации, когда пространственные концепты (территория, регион, провинция, область, ареал, район, зона, локальность, место) стали, по выражению С. В. Соколовского, вспомогательными: они продолжали активно использоваться, но не привлекали критики и анализа². Впрочем, в рамках отечественных этнологических исследований проводилось изучение локальных культурных комплексов, базирующихся на концепции «культурных кругов» Ф. Ратцеля, Ф. Гребнера и Л. Фробениуса. «Культурные круги» определялись как замкнутые географические ареалы с определенным набором культурных элементов. Утверждалась корреляция между географическими и культурными элементами в рамках такого локального комплекса. Получившая широкое распространение в советской этнографии концепция хозяйственно-культурных типов,³ развивающая и достраивающая концепцию «культурных ареалов» у американских индейцев Кларка Уисслера, представляла собой по сути усовершенствованную версию «культурных кругов».

К идее региональных культур обращался также основатель отечественной этнолингвистики, академик Н. И. Толстой, предложивший концепцию локальных культурных комплексов. По мнению этого исследователя, атрибутивным свойством культуры является ее локальность. Функционирование культуры осуществляется не в сфере языка вообще, а на уровне диалектов,

¹ Кушнер П. И. К методологии определения этнографических территорий // Советская этнография. 1946. № 1. С. 14.

² Соколовский С. В. Заметки о принципах выделения регионов в географии и антропологии. С. 55.

³ См., например: Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблема их картографирования // Советская этнография. 1972. № 2. С. 3 - 16.

наречий и говоров. Н. И. Толстой использовал метод картографирования языкового и культурного материала, а также утверждал изоморфность (соответствие) языковых явлений – изоглосс, явлений духовной культуры – изодокс и явлений материальной культуры – изопрагм. По мнению ученого, они существуют поверх этнических границ и являются базовыми элементами локальных культурных комплексов (ЛКК)¹. Отметим, что предложенная Н. И. Толстым классификация ЛКК охватывала традиционную культуру и, при всей своей научной эвристичности, оказывалась недостаточной при выделении и характеристики современных регионов, включающих в себя также городскую культуру.

Обращение к региональной культуре в рамках этнографии было связано, в первую очередь, с французской этнологической традицией, уделявшей внимание изучению территориальных единиц (коммунам, городам, историческим землям, регионам) или культурным феноменам, но не этническим группам. В основе этого подхода лежали идеи известного географа Видала де ла Бланша, утверждавшего, что неповторимость человеческих коллективов обусловлена природной средой, накладывающей отпечаток на ее обитателей². Термин «ethnie» во Франции использовался не для описания населения страны, а, в первую очередь, для обозначения населения далеких колоний. Относительно европейского сообщества французские исследователи предпочитали говорить о «региональных» языках и культурах, поскольку среди самих «урожденных французов» есть те, кто говорит не только на французском языке, но и на баскском в Пиренеях, каталонском в Руссильоне, немецком в Эльзасе, бретонском в западной Бретани, нидерландском во Французской Фландрии, корсиканском на Корсике³.

Таким образом, в рамках разных дисциплин создавались различные концепции регионов, которые, как правило, развивались на собственных

¹ Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

² Цит. по: Филиппова Е. И. Этническая или региональная идентичность? С. 13-14.

³ Тишков В. А. Усложняющее разнообразие: как его понять и упорядочить... С.11.

основаниях, без корреляции друг с другом. Регионы изучались как географические, административные, экономические образования, локальные культурные комплексы. В научной среде рассматривались различные вопросы теории региона: от философских теорий пространства (без обращения к которым невозможно рассуждать о регионах) до частных вопросов, касающихся соотношения сил субъектов в сфере региональной политики. При этом выработка общего языка описания региона была затруднена по причине того, что представители различных дисциплин, изучающих регионы, долгое время были разобщены и нечасто обращались к работам друг друга.

Попыткой преодоления этой ситуации стал так называемый системный подход, ориентированный на изучение региона как целостного социокультурного явления, в котором исследователи объединили несколько регионообразующих факторов, рассматривая их, как дополняющие друг друга. При таком подходе выделяется, как правило, различный комплекс регионообразующих параметров (географический, языковой, политический, экономический, религиозный), обозначенный в свое время еще Н. Я. Данилевским при разграничении им локальных сообществ, культурно-исторических комплексов. В исследованиях подобного рода регион рассматривается как «часть физико-географического, экономического, геокультурного, социального и семиотического пространства»¹, или как «территория, обладающая характерными климатическими, географическими особенностями, традициями культуры, административными границами»². В составе этого образования, в свою очередь, выделенные компоненты (географическое положение, экономика, различные сообщества и т.д.) рассматриваются как комплексная, функционирующая на основе определенных факторов, система. Наконец, отмечается, что целостное образование – регион

¹ Докучаев Д. С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях: социально-философский анализ: автореферат дис. ...к.филос. н. Иваново, 2011. С. 12.

² Пивоев В. М. Этнос и нации: проблемы идентификации. Петрозаводск, 2006. С. 89.

представляет собой элемент в целостном территориальном образовании более высокого уровня (государства, сообщества государств и т.п.).

Отметим, что при всей продуктивности такого подхода, принцип системности в отечественных региональных исследованиях зачастую не реализуется последовательно и в полной мере. Анализ региональных проблем, как правило, оказывается тесно связанным с интересами и ценностями определенных групп, а парадигма ареальных исследований часто подвергается критике как политически и идеологически ангажированная. К примеру, в современной отечественной научной литературе понятие «регион» в большинстве случаев отождествляется с понятием «субъект Российской Федерации», что зачастую объясняется политическими интересами, не учитывающими национальные и социокультурные особенности развития региональных сообществ.

В западной науке в настоящее время нахождение междисциплинарной основы изучения региона связано с появлением нового направления – Regional Studies. С одной стороны, региональные исследования означают наименование целого спектра тенденций, позиций и интерпретаций, которые стремятся сформулировать междисциплинарное понимание региона, с другой стороны, – они представляют собой расширенную форму методологии case studies, являясь менее нагруженными теоретически. Regional Studies можно рассматривать как междисциплинарный проект по интеграции географической, социальной и культурной теории, который направлен на понимание характера организации мест, пространств, регионов. Данный комплекс исследований оказался наиболее разумным ответом на вызовы американского и европейского территориального разнообразия, явился своеобразным ключом к его пониманию. Например, способность интересно описать региональную и городскую специфику развития стран Европы и Азии позволила зарубежным ученым активно включиться в англоязычные дебаты, посвященные глобализации, социальному пространству, границам и дистанциям, ареалам и зонам.

Вызов, с которым столкнулись современные отечественные исследователи, изучающие регион, заключается в том, что существенные моменты развития Regional Studies в западной науке получили весьма слабое отражение в нашей литературе. Можно зафиксировать распространение в отечественной современной научной литературе идеи «политического» могущества регионов на фоне, в целом, неразработанной философской концепции региона и внутренней несогласованности подходов в его понимании, сформированных в рамках отдельных дисциплин. Неизбежная эклектичность существующего сегодня знания о регионах еще более осложняет ситуацию становящегося в России сообщества исследователей, изучающих регионы. В этой связи актуальна позиция релятивизма, утверждающая, что слова о регионе, от имени какой бы из дисциплин они не произносились, остаются лишь одними из возможных. То, что мы называем регионом, является одним из способов концептуализации этого феномена и ни один из них не является истинным.

На наш взгляд, для современного отечественного гуманитарного знания синтез имеющихся представлений о регионах должен произойти, прежде всего, на уровне философского знания. С одной стороны, философия в большей степени, по сравнению с частными науками, нацелена на реализацию принципа дополнительности и системности знания. По своей сути философия выражает критическую позицию по отношению к существующим явлениям, а наблюдаемое в настоящее время разнообразие подходов к пониманию региона (и растущая потребность в выработке единых концептуальных оснований его осмысления) маркирует момент смены методологии / формирования парадигмы, в котором философия участвует обязательно.

С другой стороны, философия по своей сущности рассматривает человека в контексте обстоятельств его бытия, поэтому, как только в теоретических представлениях регион превращается из географической единицы в место существования человека, он становится объектом философского рассмотрения. Как отмечает Р. Парк, передвижение в пространстве гарантирует индивиду особый опыт, на основе которого он способен думать и действовать, и это, в

конечном итоге, делает его персоной¹. Дж. Харт указывает на недостаточность «географического описания распределения важных элементов места в простой последовательности, которое, может быть полезно лишь в энциклопедии»², а Э. Соджа в знаковой работе «Географии постмодерна» призывает географов обратиться к философии³. Иными словами, интерес к региону именно как бытийной включенности человека, места его проявления и реализации в культуре, делает регион значимым объектом для философского анализа.

Сегодня ключевой вопрос в Regional Studies, требующий решения на философско-теоретическом уровне, состоит в определении того, что представляет собой «региональное» и что «региональным» не является, что включается в регион и что из него исключается. Проблемы, с которыми сталкиваются представители частных наук, исследующие регион и которые служат своеобразным вызовом для философии, могут быть сформулированы следующим образом: как формируется регион, как происходит его сборка (assembling)? Что является тем «строительным материалом» (building-materials), который лежит в основе конструирования региона? Способствует ли регион возникновению новых вариантов коллективной идентичности? Какова социальная логика структурирования и самоструктурирования региона? Каковы языки описания и самоописания региона?

§ 2. Регион: переосмысление понятия в контексте новой пространственной парадигмы

В данном параграфе предлагается проследить переосмысление понятия «регион» в современных научных исследованиях на фоне изменения общих представлений о пространстве. Появление новых методологических подходов и

¹ Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок / пер. В. Николаева // Социологическое обозрение. 2006. Том 5. № 1. С. 17.

² Hart J. F. The highest form of the geographer's art // Annals of the Association of American Geographers. 1982. Vol. 72. № 1. P. 22 - 23.

³ Soja E. Postmodern Geographies: the reassertion of space in critical social theory. L., NY., 1989.

изменение языка науки в рамках популярных сегодня на Западе «критических исследований» приводит к тому, что мы начинаем смотреть на привычные явления как на воображаемые, конструируемые, посредством гуманитарных нарративов и культурных ассоциаций, феномены. В данном разделе обращается внимание на то, в каком направлении в научных исследованиях происходила трансформация содержания понятия «регион», какой понятийный статус он обретает в современности и какие перспективы для исследования в связи с этим могут быть обозначены.

Проанализированный нами в первом параграфе традиционный научный дискурс отражает объективистский подход к регионам. С точки зрения этого подхода, регион является самоочевидной, естественной и самодостаточной реальностью, которая выстраивается на основе определенных факторов. В таком контексте регионы рассматриваются как «индивидуальности», имеющие свои отличительные особенности, по аналогии с индивидуальностью человека¹. Американский исследователь по культурной географии Тим Крессвелл отмечает, что для эссенциалистски ориентированных исследований региона было типичным выделение в качестве его значимых маркеров почвы и климата, природного, а затем культурного ландшафта, и, наконец, привычек, обычаев и верований². Финский исследователь А. Пааси также говорит о привычности восприятия в научной литературе регионов как эмпирических феноменов, отличающихся друг от друга культурными чертами (диалектом, музыкой, пищей, литературой, фольклором и т.п.)³. Изоморфизм территориального сообщества, очерченного географическими маркерами, и культуры воспринимается в этом случае как изначально данный и не оспариваемый.

Современный научный дискурс исходит из нового понимания механизма формирования регионов. Постмодернистские концепции постколониализма, глобализации и нового понимания пространства все отчетливей ставят под

¹ Shearmur R. Innovation, Region and Proximity: From Neo-regionalism to Spatial Analysis // *Regional Studies*. 2011. № 45 (9). P. 1229.

² Cresswell T. *Place: a short introduction*. Oxford, 2004. P.4.

³Paasi A. *The re-visiting the regions...*P. 23.

сомнение эссенциалистский подход. В работах современных социальных теоретиков пространство утрачивает статичность и четкое масштабирование, в центре внимания оказываются более динамичные контекстуально зависимые явления, сети социального взаимодействия, связанные с процессом «местообразования» (place-making)¹.

Так, начиная с 1990-х гг., стала ставиться под сомнение «объективность» регионообразующих факторов. Оказалось, что выделяемые эмпирическим путем критерии региона, постулируемые в качестве «исторически необходимых», могут быть привходящими, не сущностными для данного феномена. Как справедливо отметил П. Бурдьё: «регионы, выделенные на основе различных критериев (язык, форма жилища, другие культурные особенности) никогда полностью не совпадают»².

Отмечается, в частности, что ландшафтный принцип разграничения регионов в современных условиях изменчив и может быть оспорен. С. Панарин утверждает: «По физико-географическим условиям регионы чрезвычайно разнообразны: и в одной природной зоне ландшафтно-климатические различия бывают значительными, что уж говорить о различиях между зонами. На это налагаются несходства социальные и культурные, расовые, этнические, лингвистические, своеобразные черты общественных установлений, исторического опыта и наследия народов и социальных групп внутри одного народа»³. С. В. Соколовский называет «иллюзией» заданность границ регионов исключительно физическими свойствами ландшафта и климата и отмечает, что их существование опирается на человеческие представления в рамках

¹ См.: Kaiser R. Borderland spaces of identification and dislocation: Multiscalar narratives and enactments of Seto identity and place in the Estonian-Russian borderlands // *Ethnic and Racial Studies*. September 2006. Vol. 29. № 5. P. 928–958; Agnew J., Duncan J. *The Power of Place: Bringing Together Sociological and Geographical Imaginations*. London, 1989; Paasi A. Place and region: regional identity in question // *Progress in Human Geography*. 2003. Vol. 27. №. 4. P.475–485.

² Цит. по: Филиппова Е. И. Этническая или региональная идентичность? С. 15.

³ Панарин С. Вместо послесловия: двенадцать тезисов о региональной идентичности // *В поисках России: Серия публикаций и дискуссий об идентичности*. Т.3. Восточная Россия – Дальний Восток / Сост., отв. ред. С. Панарин. СПб., 2011. С. 215-216.

конкретных идеологий, то есть неизбежно включает «нефизические» параметры¹.

В этой связи, при выделении регионов предпочтительнее говорить не о четких географических маркерах, а скорее о некоторых исходных точках в *конструировании* значимых географий. Среди них выделяют особенности природного и культурного ландшафта, исторические и политические события, известных людей, чья биография и деятельность связана с региональными географическими объектами². Словом, речь идет уже не о самих регионах, а о некоторых *геоконцептах* – исторически сформировавшихся в результате совокупных процессов концептуирования (массовые или народные образы и представления) и концептуализации (политические, научные, литературно-художественные представления) пространственных образов³.

По мнению А. Гупты и Д. Фергюсона, тезис о тождественности регионального сообщества и культуры также порождает некоторые вопросы. Например, как быть с «культурой» фермеров, которые полгода проводят в Мексике, а полгода в США или, когда эмигранты из Индии переносят свою культуру на новую родину в Англию? В ситуации постколониализма отношения между пространством и культурой становятся гораздо более сложными⁴. А. Гупта и Д. Фергюсон пишут: «В мире диаспор, транснациональных культурных потоков и массового перемещения населения старомодные попытки картографировать мир как совокупность регионов воспринимаются скорее, как порождение симулякров, поскольку Индия и Пакистан воспроизводят себя в Лондоне, дореволюционный Тегеран рождается из пепла в Лос-Анджелесе, и тысяча похожих культурных форм разворачивается в городских и сельских поселениях по всему миру. В этой ситуации очевидные связи «здесь» и «там», «центр» и «периферия», «колония» и «метрополия» становятся размытыми»⁵.

¹ Соколовский С. В. Заметки о принципах выделения регионов в географии и антропологии. С. 55.

² Малькова В. К., Тишков В. А. Культура и пространство. Книга первая. Образы российских республик в интернете. М., 2009. С. 22.

³ Соколовский С. В. Заметки о принципах выделения регионов в географии и антропологии. С. 57.

⁴ Gupta A., Ferguson J. Beyond "Culture": Space, Identity, and the Politics of Difference // Cultural Anthropology. 1992. Vol. 7. № 1. P. 7-8.

⁵ Там же. P. 10.

Многочисленные несовпадения региональных (ареальных) идентичностей с административно-территориальным делением, выявленные политологами и этнологами, на практике привели к тому, что в научных исследованиях регионы все чаще начали осознаваться как конструкции. В трактовке термина «регион» обозначилась тенденция, выявляющая значимость в его структуре субъектного начала. Например, географ М. П. Крылов заметил, что для выявления регионов России можно опираться на использование критерия возраста территории от начала упоминания о ней в качестве формальной или неформальной единицы¹. Исследование пермского автора М. В. Назукиной показывает, что объективные характеристики региона могут лежать в основе конструирования региональной идентичности, но степень их значимости зависит от активности региональных элит, изобретающих историческую традицию региона². Похожую точку зрения разделяет Л. В. Смирнягин, изучавший развитие регионов и региональной идентичности, как в США, так и в России. По его мнению, районирование каждой страны должно строиться не на статистических и тому подобных изысканий географов, а на присущих данному обществу вариантах региональной идентичности, будь она активной или дормантной³.

Отдельного внимания в региональных исследованиях заслуживает вопрос о «границе», как основном сопутствующем термине при изучении региона и современных практиках проведения границ. Понятие «регион» не может рассматриваться в отрыве от исследования границы, поскольку традиционно регион определялся как некое пространство, заключенное в определенные территориальные рамки, имеющие собственные границы. Без границы как без формы, посредством которой происходит различие или дифференциация, не может быть и того, что обретает себя и воспроизводит свою суть и форму

¹ Крылов М. П. Понятие «регион» в культурном и историческом пространстве России // География и региональная политика. Часть 1. Смоленск, 1997. С. 32 – 37.

² Назукина М. В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: автореферат дис. ... канд. пол. наук. Пермь, 2009. С. 22.

³ Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 17. «Меняющаяся география зарубежного мира». М., 2007. С. 21 – 49.

благодаря границе (в гегелевском смысле)¹. Понятие «граница» оказывается сопряжено с философской категорией «форма», выражающей принцип порядка и внутренней организации. По словам Н. Лумана, «сохранение границ... является сохранением системы»². Граница в таком контексте становится центральным моментом порождения региона и появления регионального сообщества.

Применительно к этническим группам понятие «граница» было проанализировано норвежским ученым Ф. Бартом³. Придерживаясь конструктивистского подхода к пониманию этничности, Ф. Барт предложил способ определения этнических границ группы, которыми она сама себя очерчивает, в качестве главного критерия этничности. По Ф. Барту, этнические границы направляют социальную жизнь в определенное русло, и это влечет за собой сложную организацию поведения и социальных отношений. В определении Барта, понятие «этническая граница» оказывается условным и ситуативным, поскольку всякая произведенная демаркация – это результат субъективного выбора. Поэтому для определения этничности решающую роль имеют те представления, которые в данный момент определяют групповые границы и устанавливают различия.

Как показывают конкретные исследования, применительно к региону термин «граница» в настоящее время также является весьма многозначным. Границы задаются характером концептуализации и типами задач. Границы между регионами могут быть природные, административные, политические, экономические, религиозные, лингвистические⁴. Граница между регионами не обязательно является объективно очевидной, разделяемой всеми региональными субъектами, и часто вообще существует как «воображаемое» явление. Однако, по словам В. А. Тишкова, несмотря на то, что границы локальных пространств аморфны и пересекаются между собой, они все же существуют «в коллективном,

¹ Федяев Д. М., Чинакова Л. И. Диалектика границы: общее в различных версиях // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. С. 325.

² Луман Н. Введение в системную теорию. М., 2007. С. 42.

³ Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. М., 2006.

⁴ Paasi A. Constructing territories, boundaries and regional identity // Forsberg, T (ed.): Contested Territory: Border Disputes at the Edge of the Former Soviet Empire. Edward Elgar, Aldershot, 1995. P. 43.

групповом сознании и нередко специально, прямо или косвенно, поддерживаются или закрепляются в общественном сознании заинтересованными в их сохранении местными элитами»¹.

А. Пааси отмечает, что в отличие от государств, регионы не имеют фиксированных границ, скорее они являются продуктом социального или символического конструирования. Группы и сообщества сами создают деления между «нами» и «ими», символические границы определяют процессы включения (inclusion) и исключения (exclusion)². По словам И. Нойманна, «невозможно взять карту и провести на ней строгую линию, которая фиксировала бы конец Европы. При Габсбургах считалось, что Азия начинается к Востоку от Рингштрассе, опоясывающей Вену. Прибалты и румыны скажут, что она начинается за ближайшей рекой, отделяющей их от Украины. То же заявят и поляки... Сами же украинцы посчитают, что Азия начинается на их границе с Россией. Русские, в свою очередь, будут утверждать, что Азия находится к югу и востоку от них. В юго-восточной Европе та же история. Австрийцы скажут, что Азия начинается в Словении. Словенцы укажут на Хорватию, хорваты — на Сербию, сербы — на Боснию, а боснийцы — на Турцию, в чём с ними согласятся греки и киприоты»³. Таким образом, границы постоянно переопределяют себя, а в роли дифференцирующих признаков выступают лишь те черты, которые сами агенты считают значимыми.

Конечно, естественные рубежи, горы и реки, налагают свой отпечаток на специфику регионального общества и образуют естественные преграды для взаимодействия людей, часто являясь маркером, отграничивающим одну территорию от другой. Как отмечал Ф. Бродель, «история тяготеет к закреплению границ, которые словно превращаются в природные складки местности, неотъемлемо принадлежащие ландшафту и нелегко поддающиеся перемещению»⁴. Однако в случае отсутствия естественных рубежей, проведение

¹ Малькова В. К., Тишков В. А. Указ соч. С. 27.

² Paasi A. Re-constructing regions... P. 6.

³ Neumann I. European Identity and Its Changing Others. NUI Working Paper N 710. Oslo, 2006.

⁴ Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. М., 1994. С. 274.

границ зависит от воли и интересов людей. Об этом, в частности, писал Г. Зиммель: «Граница — это не пространственный факт с социологическим действием (Wirkungen), но социологический факт, который принимает пространственную форму...»¹. Г. Зиммель сравнивает границу с «рамой», функцией которой является отделение целого от части, фона от сути и, тем самым, высвечивание определенной реальности². По Г. Зиммелю, всякая граница – это мысленное, социологическое явление, а, следовательно, большое значение имеет наше восприятие границ, наши причины их установки.

В настоящее время многие современные авторы, исследующие регион, сходятся в едином мнении о том, что регионы сложно представить себе, как внешне резко ограниченные и внутренне культурно гомогенные пространства. Границы региона стали слишком прозрачными и растяжимыми (в географическом и социальном смысле), чтобы определять его в качестве единого целого.

Относительность концепта «регион» связана, по-видимому, также и с тем, что регион всегда занимает промежуточное положение в пространстве, это, как правило, *space in-between*³. Одним из главных качеств региона оказывается, в частности, его расстояние до других регионов, существенных для него. По словам Д. Харви: «Место есть сеть отношений одной сущности по отношению к другой, и в этом смысле оно содержит «другое», поскольку ни одна сущность не пребывает в изоляции»⁴. Иными словами, в понимании региона (как, впрочем, и других форм пространственной организации) происходит серьезный сдвиг в духе релятивистской теории пространства, который можно описать как переход от региона как «объекта-в-себе» к региону как системе отношений (учитывая, что эти отношения могут быть весьма разных форм, например, столкновение и принадлежность).

¹Simmel G. *Sociology: inquiries into the construction of social forms*. Leiden-Boston, 2009. P. 551.

² Там же. P. 549.

³ В отечественной географии, к примеру, актуальна концепция переходных зон – территорий, которые отличаются смешением регионообразующих признаков.

⁴ Harvey D. *Justice, Nature & the Geography of Difference*. Oxford, 1996. P. 261.

Изменение понятийного статуса региона связано с его осмыслением как открытой структуры. К примеру, М. Китинг определяет регионы как частичные социальные системы, функционально связанные с другими уровнями¹. По словам Б. Андерсона, если нация предстает одновременно как открытое и закрытое (суверенное) сообщество, то регион – это сообщество открытое. Здесь также уместно применить новаторскую концепцию Дж. Ло, понимающего регион как сеть не столько близко расположенных, сколько взаимосвязанных территориальных объектов². В качестве примера можно привести преимущественное использование антропологами и географами понятия «Центральная Азия» (в противоположность прежнему геополитическому концепту «Средняя Азия») для обозначения региона, в который, помимо среднеазиатских государств, входят Афганистан, Монголия, Синьцзян, Тибет, а также Азербайджан. Единство этих территорий основывается не на критерии «географической близости», а на исторической и геополитической общности, наличии культурного и экологического сходства.

Как представляется, новое понимание региона обнаруживает себя в русле трансформации общих представлений о пространстве. Онтологизируя пространственные представления, мы приписываем географическому пространству определенную структуру, причем создание этой структуры культурно-исторически обусловлено.

Идея «контейнерного» способа организации пространства, деления на государства и подчинения регионов территориальным государствам была свойственна модерному типу культуры. Э. Смит утверждал, что со времен Французской революции национальное государство доминирует, а впоследствии остается практически единственной «легитимной» формой политической организации и местом появления коллективной идентичности³. Государственная солидарность выстраивалась вокруг идей безопасности и экономического

¹ Китинг М. Новый регионализм в Европе // Логос. 2003. № 6 (40). С. 78.

² См. раздел «Сети создают регионы, регионы создают сети» в работе: Ло Дж. Объекты и пространства // Социология вещей: сб. статей / под ред. В. С. Вахштайна. М., 2006. С. 223 – 243.

³ Smyth A. Nationalism and modernity. L., 1998. P. 70.

процветания. Рациональная «контейнеризация» социальной жизни и территориализация национальных государств рассматривались в качестве главных путей достижения этих целей.

В эпоху глобализации национально-государственные образования перестают рассматриваться в русле «контейнерного мышления». «Мир сетевых потоков» приводит к формированию новой «пространственной логики» (М. Кастельс)¹, в том числе, необходимости переопределения концепта «регион». Регионы как территориальные образования мезоуровня (расположенные по пространственной шкале между локальным и государственным) утрачивают свою определенность в географии. По замечанию М. Китинга, в настоящее время регионы представляют собой скорее «ускользающее пространство» с разными типами территории².

В контексте усложнения социально-пространственных отношений и разрушения прежнего изоморфизма между пространством, обществом и культурой «вопрос о пространстве» требует нового решения³. В современных исследованиях пространства, с одной стороны, его онтологический статус ставится под сомнение. В этом случае, в духе теории конструктивизма, осуществляется ревизия западной классической науки, в которой мы описываем мир и самих себя. Так, Э. Гидденс замечает, что в ситуации взаимодействия с «отсутствующими другими» фактор пространства сведен до нуля⁴, а Ф. Кейрнкросс публикует работу под названием «Смерть пространства»⁵. С другой стороны, в социогуманитарном знании фиксируется «поворот к пространству»⁶ и признается, что географическое пространство является неоднородным, многослойным феноменом.

Н. Бреннер пишет о том, что евклидовы и картезианские представления о географическом пространстве как зафиксированном, прочном, самоочевидном и

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 23.

² Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе. С. 75.

³ Бурдые П. Социология социального пространства. СПб., 2005.

⁴ Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 83.

⁵ Cairncross F. The death of distance: How the communications revolution will change our lives. Boston, Mass, 1997.

⁶ Трубина Е. Г. Поворот к пространству: междисциплинарное движение и сложности его популяризации // Политическая концептология. 2011. № 4. С. 34 - 49.

априорно данном в сознании субъекта, в настоящее время должны быть пересмотрены, по крайней мере, в критической географической теории. Она должна выстраиваться на новых основаниях, принимая во внимание динамику пространства¹. Дорин Мэсси в книге «Для пространства» (For Space), изданной в 2005 году, характеризует пространство следующим образом: пространство – это продукт взаимосвязей, оно формируется с помощью взаимодействий, от необъятно глобальных до предельно небольших; пространство – это сфера сосуществующей гетерогенности; пространство всегда находится в становлении, оно никогда не окончено, никогда не закрыто². Пространство не является некоей «оболочкой», в которой находятся объекты и совершаются процессы, напротив, любое пространство, от внутреннего пространства тела до пространства земного шара, является нестабильным набором отношений между различными субъектами.

В этом контексте регионы представляют собой одну из возможных форм организации людей в пространстве³. Альтернативными формами являются город, как территориальное образование, функции и структура которого часто не зависят от местоположения⁴ и государство, как тип территориальной общности, обладающий наличием политического суверенитета. Признается, что пространственные формы жизни людей могут выстраиваться на внетерриториальных основаниях, и именно с таким явлением мы сталкиваемся, когда говорим о дистантных браках, интернет-сообществах, диаспорах, электронных офисах с разбросанными по всему миру рабочими местами, различных протестных движениях, международном терроризме или преступных

¹ Brenner N. The limits to scale? Methodological reflections on scalar structuration // Progress in Human Geography. 2001. №. 25 (4). P. 591 - 614.

² Massey D. For Space. London, 2005. P. 9.

³ Одним из первых обратил внимание на смысловую взаимосвязь понятия «регион» с другими формами пространственной организации Э. Маркузен. Он определял регион как «исторически эволюционирующее, территориально компактное сообщество, которое содержит в себе физическое окружение, социально-экономическую, политическую и культурную среду, а также пространственную структуру, отличную от иных регионов и территориальных единиц, таких как город или нация». (Markusen A. Regions: economics and politics of territory. Rowman & Littlefield publishers. 1987. P. 17)

⁴ Так, в трудах американских теоретиков урбанизма начала XX века Патрика Геддеса, Льюиса Мамфорда, Луиса Вирта, город представлялся пространственно связным образованием, воплощавшем в себе особый образ жизни (стремительной, светской, анонимной) с отчетливым пространственным и социальным разделением труда внутри него, со специфическим отношением к деревне, стране в целом, а также эволюционную линейность (цивилизацию и прогресс).

сетях. Французский автор А. Лефевр отмечает, что в условиях капитализма и неокapитализма пространство зависит от обширных банковских и предпринимательских сетей и крупных центров производства¹. В таком контексте дискурс о регионе становится одним из возможных вариантов рассуждений о пространстве.

Как разновидность территориальности регион утрачивает определенность в работах тех зарубежных и отечественных исследователей, которые предпочитают в последнее время рассуждать не о регионах, а о «культурных ландшафтах». Термин «культурный ландшафт» (*Kulturlandschaft*), как оппозиция естественному ландшафту (*Urlandschaft*), стал использоваться еще с 1920-х гг., благодаря работам О. Шлютера. В современных философско-культурологических исследованиях представление о культурных ландшафтах является неоднозначным в силу неопределенности границ ландшафта и его пространственной изменчивости. Так, в интерпретации немецких исследователей культурный ландшафт может выступать территорией, основанной и преобразованной людьми (К. Фен); трансформацией первичного ландшафта в результате заселения какой-либо территории (Х.-Й. Нитц); экзистенциальной средой устойчивых территориальных общностей людей (М. Рихнер)². И. Саган отмечает, что естественные, природные условия создают основу для материального производства, а культурный ландшафт представляет собой ценностно-символическую систему. Ландшафт является материальным воплощением отношений между человеком и окружающей средой³. Л. Роунтри и М. Конки рассматривают культурный ландшафт как «информацию, сохраненную в символической форме, ...которая отчасти функционирует как нарратив»⁴.

¹ Лефевр А. Пространство. Социальный продукт и потребительная стоимость // Социология власти. 2014. № 2. С. 190 – 202.

² Цит. по: Стрелецкий В. Н. Парадигмы геопространства и методология культурной географии // Гуманитарная география: науч. и культурно-просветительский альманах. Вып. 1. М., 2004. С. 110.

³ Sagan I. Contemporary Regional Studies – theory, methodology and practice // Regional and local studies. 2006. № 5. P. 11.

⁴ Rowntree L. B., Conkey M. W. Symbolism and cultural landscape // Annals of the Association of American Geographers. 1980. Vol. 70. № 4. P. 459 – 474.

В работах отечественных географов, обратившихся к понятию «культурный ландшафт», этот феномен определяется как «целостная и территориально локализованная совокупность вещества, энергии и информации, сформировавшаяся в результате спонтанных природных процессов, преобразовательной и интеллектуально-созидательной деятельности людей»¹. В настоящее время эта концепция развивается представителями так называемой отечественной школы культурно-ландшафтных исследований. Согласно этому подходу, мы можем считать жизненную среду достаточно большой группы людей культурным ландшафтом, если группа освоила это пространство утилитарно, семантически и символически².

Таким образом, ключевой в определении культурного ландшафта является привязка культуры к географическому локусу, который в значительной степени влияет на способы поведения, мышления, организацию жизни и отношения людей, определяет их картину мира. В рассуждениях о культурных ландшафтах оказывается значимым также дискурс о «реальных» или «воображаемых» территориальных общностях.

В современных исследованиях культурных ландшафтов, как и в отношении регионов, также сильна позиция рассмотрения их как мобильных, динамичных пространств. По словам А. Аппадурай, в современном глобализирующемся мире положение групп определяется их постоянным движением³. Г. Кибриб отмечает, что укорененность (*rootedness*) людей характеризовала «оседлое мышление», предполагающее «существование естественной связи между местом и людьми»⁴. Однако в эпоху глобализации «оседлое мышление» предстает лишь как одно из возможных⁵, формируются

¹ Веденин Ю. А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Изв. АН СССР. Сер. Геогр. 1990. № 1. С. 6.

² Каганский В. Л., Родман Б. Б. Наука о культуре: итоги и перспективы. Вып. 3. Ландшафт и культура. М., 1995. С. 32.

³ Appadurai A. Disjunction and difference in the global cultural economy // Theory, culture and society. 1990. № 7 (2-3). P. 275 - 310.

⁴ Kebreab G. Revisiting the debate on people, place, identity and displacement // Journal of Refugee Studies. 1999. Vol. 12. № 4. P. 386.

⁵ Тим Крессвелл, к примеру, выделяет понятия *placenessless* и *nonplace* как варианты пространственного существования в современную эпоху.

новые бытийные формы бездомья¹. З. Бауман характеризует современное общество как преимущественно «номадическое», а Э. Амин и Н. Трифт говорят о транзитивном характере городов и регионов². Трактовка культурного ландшафта как вместилища статичных объектов все чаще заменяется его видением как «мобильного пространства», а концепты «устойчивые иерархии и идентичности», «оседлый» образ социального бытия уступают место понятиям «мобильности», «движения» и «пересечения границ»³. Дж. Урри, к примеру, в нескольких своих работах о мобильности показывает, каким образом разные виды движения (образов, информации и т.д.) и путешествий (воображаемых, виртуальных, телесных) материально преобразуют «социальное как общество» в «социальное как мобильность»⁴.

С другой стороны, на фоне переосмысления вопросов организации пространства, концепция седентаризма и «географической близости»⁵ выглядит по-прежнему актуальной, а концепт «регион» является весьма распространенным в научном дискурсе. Этот парадокс в свое время был объяснен Э. Дюркгеймом, указавшем на интеграцию и дифференциацию, как на два взаимодополнительных закона развития цивилизации: с одной стороны, происходит унификация культур, с другой, – наблюдается углубление культурных различий. М. Фэзэрстоун также отмечает, что усилия национальных государств, направленные на создание гомогенных, интегрированных культур и гражданских институтов общества, лояльных национальным идеям, парадоксальным образом приводят к углублению этнической и региональной дифференциации⁶. Введенный Р. Робертсоном термин «глокализация», в противовес глобализации, подчеркивал разнообразие ее проявлений в

¹ См.: Денисов С. Ф. Философско-антропологическая систематика бытийных форм бездомья // Реальность. Человек. Культура: Философия и философствование в современной культуре. VII Ореховские чтения. Материалы Всерос. науч. конф. Омск, 2015. С. 114 – 118.

² Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. 2002. № 3–4. С. 9.

³ Featherstone M. Undoing Culture: Globalization, Postmodernism and Identity. P. 128.

⁴ Urry J. Sociology beyond society. L., 2000. P. 186.

⁵ Leamer E. E., Storper M. The economic geography of the Internet age // Journal of international business studies. 2001. Vol. 32. № 4. P. 641–665.

⁶ Urry J. Sociology beyond society. L., 2000. P. 95.

современном мире¹. П. Бэллинджер говорит о значимости в эпоху глобализации разделения по региональному принципу, как перспективной альтернативе деления на нации, и обозначает процесс формирования регионов как разворачивающийся помимо национальных процессов (*going beyond the nation*)². По словам Л. Вирта, в современной культуре отдается приоритет локальным сообществам, как «человеческим единицам», для которых характерен дух соседства и единения, труднодостижимый в больших по размеру обществах, к примеру, в национальных государствах³.

Космополитизм, как отмечает Мануэль Кастельс, несмотря на его широкое распространение среди современной молодежи, до сих пор остается идеологией меньшинства⁴. Майкл Китинг придерживается более умеренной позиции в отношении оценки региона как альтернативной государственному принципу организации формы, но и он отмечает, что на существование национальных государств сегодня оказывают большое влияние «сильные регионы» и у государств нет больше монополий над их внешними связями⁵.

Современные исследователи регионализма подчеркивают значимость регионов в политической мобилизации населения и конструировании идентичности. Отмечается тот факт, что регионы и регионализм имеют давнюю историю развития в европейских странах. Регионы предшествовали возникновению национальных государств и способствовали оформлению возникавшей государственной системы. Как указывает Уильямс, «слово «нация» восходит к термину «коренной» (*native*). Мы рождаемся в системе взаимодействий, которая привязана к определенному месту. Эта форма первичной, региональной привязанности имеет важное фундаментально человеческое значение. В этом контексте переход к современным национально-

¹ Robertson R. *Globalization – Social Theory and Global Culture*. L., 1996.

² Ballinger P. *Beyond the “new” regional question? Regions, Territoriality, and the space of Anthropology in Southeastern Europe* // *Ethnologia Balkanica*. 2007. № 11. P. 68.

³ Вирт Л. Локализм, регионализм и централизация // *Логос*. 2003. № 6 (40). С. 55.

⁴ Castells M. *The Power of Identity*. Oxford, 2004.

⁵ Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе. С. 77-78, 86.

государственным образованиям выглядит чем-то совершенно искусственным»¹. Не случайно поэтому, что в современном мире деление на регионы остается важной составляющей государственной политики.

Обращение к анализу региона связано также с выделением экзистенциального аспекта существования субъекта. Именно в регионе люди ищут ресурсы для самореализации и позиционирования. Исследователи говорят о появлении феномена неопределенной или проблемной идентичности, связанной с потерей чувства региональной принадлежности, что характеризует, например, мироощущение мигрантов. С. Олалгуага предупреждает об угрозе психастении, «потерянности в пространстве», когда происходит отказ от собственной идентичности в пользу «воображаемых пространств»². Вместе с тем, ситуация, названная А. Аппадурой «тотальным дисплейсментом», вряд ли возможна, поскольку люди переживают процесс инкультурации в определенных локальностях и географических контекстах. По словам В. Л. Каганского, несмотря на возможные скитания, человек рождается, становится и принимает смерть в некотором регионе³. Как указывает Д. Прендерграст, место (place) является настолько важным в персональных нарративах, что на обыденном уровне становится невозможным провести различия между «кто мы» и «откуда мы»⁴. В свое время американский социолог П.А. Сорокин также отмечал значимость территориальных связей между людьми, порождающих в них общность стремлений и интересов. Именно на этой основе, по мнению исследователя, в российской действительности и рождаются яркие региональные типы⁵.

Таким образом, несмотря на процесс «рассеивания» регионов, их фрагментацию, они сохраняют устойчивость как территориальные сообщества в

¹ Цит. по: Brennan T. The national longing for form // Bhabha (ed.) Nation and Narration. London, 1990. P. 44 – 70; Штепа В. Новая эра географических открытий // Неприкосновенный запас. 2013. № 91 (5). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/4009>.

² Olalquiaga C. Megalopolis: Contemporary Cultural Sensibilities. Minneapolis, 1992.

³ Каганский В. Л. Методологические основания регионального анализа как культурной практики. С. 4.

⁴ Prendergrast J. G. Regional Identity and Territorial Integrity in Contemporary Russia // A New Russian Heartland? URL: <http://www.le.ac.uk/geography/research/RussianHeartland/index.html>.

⁵ Сорокин П. А. Система социологии. В 2-х томах. Т. 2. М., 1993. С. 210, 213.

современном мире. В качестве единицы анализа регион представляет собой противоречивое смешение «корней» и «путей», в нем отражается единство механизмов устойчивости и изменчивости в мире.

Изучение регионов, по М. Китингу, связано с опасностью приписывания региону особенностей, свойственных образующим его элементам¹. В свое время географ Х. Дарби также сетовал на то, что примеров регионального синтеза мало и обращал внимание на необходимость перехода от простого описания региона к его *объяснительному* описанию². В силу этого, становится значимым нахождение концептуальной рамки для анализа этого феномена. При этом речь должна идти не о прогрессистской попытке заменить старые концепции региона новыми, а о нахождении такой оптики его изучения, которая позволила бы включить в теорию региона новые образцы социально-пространственных отношений. Здесь актуальными «методологическими картами» могут стать подходы гуманитарной географии и социального конструктивизма, каждый из которых говорит о неоднозначной включенности субъекта в географический ландшафт. Именно в этих методологических подходах обнаруживается тенденция к смещению интереса от изучения региона «самого по себе» к выявлению его значимости для жизни субъекта.

В предисловии к сборнику «Ключевые тексты гуманитарной географии» его редакторы Ф. Хаббард, Р. Китчин и Д. Валентайн подчеркивают, что география в своем современном состоянии является наукой, в которой наше понимание мира постоянно переоценивается. В критической теории необходимо отказаться от имплицитного преобладания чисто геометрического пространства, а географические исследования должны основываться на представлении о том, как люди, местности и окружающая среда сплетаются в комплексную взаимосвязанную географическую сущность³. Э. Джилберт определяет географию как «искусство выявления, описания и интерпретации «личности»

¹ Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе. С. 78.

² Darby H. C. The problem of geographical description // Transactions of the Institute of British Geographers. 1962. Vol. 30. P. 6.

³ Hubbard, P., Kitchin R., Vinentine G (Eds). Key Texts in Human Geography. London, 2008. P. 4.

региона, а географа как субъекта, старающегося охватить все элементы региона как целостности¹. Тем самым, с одной стороны, обозначается важный поворот в исследовании географического пространства к гуманитарной географии, с другой, – критические теории непосредственно включают в себя конструктивизм как новую методологическую установку.

Д. Н. Замятин видит потенциал гуманитарной географии в исследовании региональных явлений как раз в том, что она позволяет описать формирование и развитие ментальных конструктов, которые структурируют наше пространственное восприятие². На этой основе, в частности, становится возможным отнестись к городам и регионам не только как к географическим объектам, но, в первую очередь, как к социокультурным образованиям, представляющим из себя «организмическую модель», адекватную самому духу региона и его жителям³. В этом контексте появляются новые темы для региональных исследований, и о регионе становится интересно рассуждать, например, как о пространстве повседневных ритмов, как «магните для инвестиций», как пространстве «политического спектакля», а также как «пространстве ожиданий и беспокойства». Гуманитарная география по своей направленности ориентирована на обнаружение множественного и гетерогенного в региональном и городском пространстве, и объектами анализа в ней могут оказаться ценности, интересы, предпочтения регионального сообщества, а также «чувство места» или «нарративы страха». Эвристичность социального конструктивизма как исследовательской программы заключается в том, что он способен дополнить эти идеи методологически важными представлениями о регионе. Среди этих идей – идея региона как социально-политического и социально-культурного конструкта, идея региона – как области

¹ Gilbert E. W. The idea of the region // *Geography*. 1960. Vol. 45. № 3. P. 158, 167.

² Замятин Д. Н. Идентичность и территория: гуманитарно-географические подходы и дискурсы // *Идентичность как предмет политического анализа*. Сб. ст. / Отв. ред. И. С. Семенов, Л. А. Фадеева. М., 2011. С. 187.

³ Федяев Д. М., Федяева Л. В. Образы города: организм и отключенный механизм // *Визуальные образы современной культуры. Человек в современном городе: облик, образ, образование*. Сб. трудов конф. Омск, 2016. С. 7 - 11.

реализации коллективного дискурса и определенного типа «воображаемого сообщества»¹.

Российский географ В. Л. Каганский отмечает, что «региональная аналитика, в отличие от регионального исследования, есть взаимодействие с регионом на основе ценностей и целей. Региональный аналитик, претендующий на адекватность, должен быть равно чужд двум наиболее распространенным позициям: интеллектуального обеспечения/обслуживания сиюминутных целей некоей группы, отождествляемой с регионом (или сводящей регион к простому объекту, пространственному телу), или же отрешенного внешнего наблюдения»². В первом случае возникает опасность следования социальному заказу, что ставит под сомнение научность результатов изучения региона. Во втором случае исследователь начинает придерживаться позитивистских позиций. Оптимальным подходом здесь, по-видимому, является позиция включенного наблюдения, когда регион рассматривается, как наполненное смыслами и следами личного переживания, освоенное пространство. «Жизнь-в-ландшафте – это способ, один из способов обретения-восстановления-наращивания собственного жизненного мира»³.

По словам Э. Амина, изучение жизнедеятельности людей в определенной местности требует и «соответствующего ему движения со стороны наблюдателя». Традиционные средства – карты, описания, макеты, выделение самого существенного на этом пути малопригодны, необходимо вжиться в рефлексирующего прохожего и в чувствующего фланера⁴. Именно феноменологические исследования региона оказываются наиболее сложными для реализации в современных научных работах, а в академической среде все

¹ Jessop R. The Political Economy of Scale and the Construction of Cross-Border Regions // Söderbaum F., Shaw T. (eds). *Theories of New Regionalism. A Palgrave Reader*. Basingstoke, 2003. P. 183.; Katzenstein, P. J. *The Culture of National Security. Norms and Identity in World Politics*. New York, 1996.

² Каганский В. Л. Методологические основания регионального анализа как культурной практики. С. 4 – 29.

³ Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М., 2001. С. 42 - 43.

⁴ Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. 2002. № 3 (34). С. 5.

больше протеста по поводу попыток описывать регионы как статичные географические объекты.

§ 3. Регион как социальный конструкт

Как было показано в предыдущем параграфе, в современных научных исследованиях региона четко прослеживается тенденция критического пересмотра того, *как* регион мыслился прежде. В связи с этим, намечается переход в характеристике онтологического статуса региона от эссенциализма (теоретической и философской установки, характеризующейся приписыванием некоторой сущности неизменного набора качеств и свойств) к исследовательской программе социального конструктивизма.

Социальный конструктивизм – это особый тип конструктивизма, сформировавшийся в рамках социально-гуманитарных наук, ориентированный на идею неотражательной, конструктивной природы познания, опосредованности понимания мира индивидуальными и коллективными конструктами, множественности способов концептуализации объективной реальности. Нельзя утверждать, что согласно социальному конструктивизму, субъект «конструирует мир» в буквальном смысле, подобно тому, как инженеры конструируют машины, а архитекторы дома. Конструктивистский подход в социальных науках ограничивается более слабым тезисом об активном построении образов познаваемых предметов и событий в сознании субъекта, через которые в конечном итоге возможен выход к неким фиксированным структурам реальности, «фактам мира». В. П. Филатов отмечает: «Три понятия – целеполагание, обоснование и творчество – являются ключевыми для конструктивизма, если под ним понимать все противоречивое многообразие его программ»¹.

¹ Филатов В. П. Обсуждаем статьи о конструктивизме // Эпистемология и философия науки: Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. 2009. Том 20. № 2. С. 142 - 156.

Концепт «конструкт» определяется как способ истолкования мира, своеобразные классификационно-оценочные схемы, посредством которых субъект познает мир. Теория социального конструктивизма, по П. Бергеру и Т. Лукману, различные конструкты мира связывает, в первую очередь, с внутригрупповым согласием в различных сообществах по поводу того, что считать существующим и значимым, тем самым, подчеркивая социальную природу производства знания о мире. Эта система знаний передается следующему поколению. Оно воспринимает ее как объективную истину в ходе социализации, интернализируя, таким образом, в качестве субъективной реальности¹. Именно благодаря этому знанию, субъект ощущает себя членом какой-то социальной группы и играет соответствующие социальные роли.

В концепции еще одного представителя социального конструктивизма Н. Лумана само понятие «общество» есть социальный конструкт, происхождение которого нельзя объяснить никак иначе, чем из самого себя. Н. Луман допускает (не без помощи логического круга), что само общество конструируется из отдельных коммуникативных актов, в то время, как коммуникация уже предполагает социальные связи². Реальность в теории социального конструирования перестает восприниматься как нечто заданное какими-то объективными структурами, она анализируется как смысловая конструкция. Теория социального конструирования придерживается, таким образом, идеи о том, что классификация объектов окружающего мира возникает в процессе социальных взаимодействий и носит культурно-исторический характер.

Конструктивизм в своем современном состоянии можно рассматривать так же, как актуальную исследовательскую программу, находящуюся в стадии экстраполяции изначально определенных методологических принципов на

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 47.

² Луман Н. Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М., 2004.

новые проблемы¹, в том числе, применяющуюся для анализа пространственных феноменов. Пожалуй, наиболее явно обозначил необходимость изучения пространства с конструктивистских позиций французский исследователь А. Лефевр, заявивший в своей знаковой работе «Производство пространства» о том, что в современной действительности «естественное пространство необратимо утрачено»².

Использование термина «конструирование» применительно к пространственным объектам, в том числе регионам, вполне уместно, поскольку в ходе этой деятельности создаются внутренне структурированные пространственные образы, функционирование которых осуществляется на основе заложенных при их формировании принципов. Д. Уиттлси называет такой принцип *компажем* – «интеллектуальной конструкцией, предназначенной для воссоздания образа региона на практике», «методом, позволяющим ограничиться при описании региона определенным числом региональных аспектов (характеристик), отобранных в соответствии со взглядом самого исследователя»³. При этом создание пространственных/географических образов является всегда опосредованным. При их формировании активно участвуют культурные (в том числе, медийные) конструкты и, соответственно, мы можем говорить об определенной *конструкции* опыта.

При рассмотрении пространственных объектов с конструктивистских позиций оказывается важным также положение о том, что при создании пространственных объектов как конструктов обнаруживается активность субъекта, который использует специальные приемы (в том числе, рефлексивные) для построения образа объекта. При этом возникающий образ объекта отличен от самого объекта за счет появления в его составе новых структурных

¹ Мартишина Н. И. Конструктивистская исследовательская программа в социально-гуманитарном знании // Гуманитарные исследования. 2015. № 2 (6). С. 19-23.

² Лефевр А. Пространство. Социальный продукт и потребительная стоимость // Социология власти. 2014. № 2. С. 190.

³ Цит. по: Митин И. И. На пути к региональной культурной географии: опыт англо-американских географов XX века. URL: http://pskgu.ru/projects/pgu/storage/prj/prj_13/prj_13_01.pdf.

компонентов¹. Обратимся к философским концепциям, которые оказались наиболее значимыми для иллюстрации данного положения.

Идея об активной роли субъекта в создании пространственных образов впервые была обозначена в философии И. Канта. И. Кант отрицал абстрактный характер «малого пространства», возникающий из опыта его созерцания. По Канту, малые пространства нашего «внешнего опыта» являются продуктами единой всеобщей пространственности, которая не имеет эмпирического основания. Благодаря «единому априорному представлению» о пространстве субъекту доступен опыт восприятия любого пространства². Пространство предстает своеобразной формой, в которой отливаются все явления внешнего мира. При этом, по И. Канту, пространство не существует вне субъекта, вне его конституирующей деятельности сознания, оно не является свойством каких-либо вещей в себе и их отношения друг к другу и не является характеристикой самих предметов³. Пространство обнаруживает себя лишь в отношении к субъекту и, как отмечает Б. Верлен, является его «эпистемологической интуицией»⁴. В философии Канта пространство носит субъектный характер, а нормативный порядок в мире является результатом социальных конвенций.

Й. Арисака, рассматривая теорию пространства у М. Хайдеггера⁵, отмечает, что, как и Кант, М. Хайдеггер исходит из активной роли субъекта в формировании пространственных представлений. Однако, если у Канта пространство есть «априорное представление», Хайдеггер соотносит пространство с практической вовлеченностью субъекта в мир и описывает пространство как *способ нашего существования в мире*. М. Хайдеггер различает «мировое пространство», «местности» (*Gegend*) и *Dasein*. «Мировое пространство» – наше повседневное понимание пространства, соответствующее идее «контейнера» как вместилища для вещей. Так, М. Хайдеггер пишет: «парта

¹ Мартишина Н. И. Реальность и ее конструирование. Новосибирск, 2009. С. 47.

² Виндельбанд В. От Канта до Ницше. М., 1998. С. 67.

³ Кант И. Критика чистого разума. СПб., 1993. С. 54.

⁴ Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. 2001. № 1 (2). С. 33.

⁵ Arisaka Y. On Heidegger's Theory of Space: A Critique of Dreyfus // Inquiry 38:4. December 1995. P. 455-467.

находится в классной комнате, классная комната в университете, университет в городе и так далее. В итоге мы говорим, что парта находится в мировом пространстве». Такое пространство дается нам в опыте настоящего (*present-at-hand*). В нашем повседневном существовании мы связаны, прежде всего, с функциональными пространствами (*ready-at-hand*) или, по М. Хайдеггеру, местностями (регионами). Местности образуют определенный «контекст», в рамках которого разворачивается деятельность субъекта, включают в себя объекты, с которыми мы непосредственно связаны и среди которых мы движемся. Событийность понимается как развитие пространства, бытие чувствует себя в пространстве и пространством¹.

В рамках данных концепций философами обращается внимание на позиционирование себя по отношению к наблюдаемому объекту. В ходе «присвоения пространства» субъект вырабатывает особые приемы, направления наблюдения и позиции взгляда². К примеру, в процессе путешествия происходит конструирование пространственных образов, при создании которых на первый план выходит значение эстетических, эмоциональных, психологических элементов и связей, в то время, как роль информационного аспекта (физико- и экономико-географическая информация, статистические сведения и т.д.) снижается³.

Представители направления «критических исследований» в современной культурологии и антропологии полагают, что даже факт употребления экзотической пищи может стать способом «оконтуривания» и присвоения пространства. По мнению Джилл Валентайн, экзотическая пища является порождением «воображаемой географии» и становится причиной возникновения социальных дистанций, способом отделения себя от других региональных пространств⁴. В любом случае все способы восприятия пространства становятся

¹ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 102 - 114.

² Замятин Д. Н. Географические образы путешествий // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1. М., 2004. С. 14.

³ Там же. С. 16.

⁴ Valentine G. Imagined geographies: geographical knowledges of Self and Others in everyday life // Human Geography today. Cambridge, 2007. P. 49.

жизненно важными элементами знания субъекта о пространстве, параметрами его конструирования, а не пассивными средствами представления познанного. Каждый вычерчивает собственные субъективные, или «ментальные» карты «своего» пространства.

Проблема конструирования такой разновидности пространственных образований, как регионы, не разработана в отечественной философской мысли; для ее освещения приходится прибегать, главным образом, к зарубежной традиции *Regional Studies*. Применительно к анализу регионов конструктивистский подход, как представляется, открывает новые перспективы их изучения, позволяющие продвинуться существенно дальше эмпирических констатаций их существования.

Так, в русле конструктивизма появляется деятельностный горизонт их анализа, предполагающий рассмотрение регионов не как статичной данности, а живого явления, творимого, используемого и преобразуемого людьми. Данная позиция опирается на идеи швейцарского исследователя Б. Верлена, основателя «деятельностно-ориентированной социальной географии», рассматривающего пространственные феномены как «конструируемые» субъектом деятельности образования¹. Аналогичная позиция выражена также в работах И. Туана² и А. Ф. Филиппова³. В рамках такого подхода вне наблюдателя не существует региона и его границ, места и регионы приобретают определенное значение лишь для тех, кто действует в их рамках или для тех, кто наблюдает за действующими.

Важность субъективного начала и деятельностного аспекта в конструировании регионов представлены также в работах современных зарубежных исследователей Б. Хеттне и Ф. Содербаума, отмечающих, что регион представляет собой открытый процесс и может быть определен только *post factum*. Регионы, с точки зрения этих авторов, не предзаданы, они

¹ Верлен Б. Общество, действие и пространство. С. 34.

² Tuan Y.-F. Space and Place: Humanistic Perspective // Human Geography: An Essential Anthology. Oxford, 1996. P. 445.

³ Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб., 2008.

формируются в процессе взаимодействия и интерсубъективного понимания¹. В теории Б. Хеттне, в частности, используется термин «регионность» (*regionness*), который обозначает стадии перехода региона из состояния пассивной территории (общности) в состояние активного (политического) субъекта. Л. Лангенхоув рассматривает образование регионов как *проект*, осуществляемый акторами, иницирующими его строительство. По его мнению, образование регионов – это всегда *процесс*: регионы возникают постепенно, имеют свою внутреннюю логику формирования и зависимость от широкого спектра экономических и геополитических факторов. Процесс регионостроительства выражается в определенных результатах, *продуктах*: регионы действуют как акторы и конституируются посредством соглашений, официальных постановлений, организационной структуры и т.д.² Американские географы П. Джеймс и Дж. Мартин отмечают, что выделение гомогенных территорий любого размера является генерализацией, или обобщением, проводимом путем отбора подходящих единиц³. В зарубежных *Regional Studies*, таким образом, в настоящее время отчетливо выявляется тенденция описания региона как разворачивающегося во времени процесса деятельности, состоящего в интерпретации различий, в формировании границ, изобретении традиций и конструирования интересов.

Из работ, посвященных социальному конструированию регионов, наиболее интересны также исследования финского географа А. Пааси, который утверждает, что регионы являются социальными конструктами, возникающими посредством практик и дискурсов⁴. В процессе конструирования регионов происходит их определение, интерпретация, их существование может также оспариваться (*contested*). А. Пааси отмечает, что конструирование регионов и региональной идентичности является *социальным* процессом, а устойчивость региональных границ поддерживается системой различных переменных

¹ Hettne B., Soderbaum F. Theorizing the Rise of Regionness. P. 459.

² Langenhove von L. Why we need to “unpack” regions to compare them more effectively // The international spectator: Italian Journal of International Affairs. 2012. № 47 (1). P. 16-29.

³ Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры. История географических идей. М., 1988. С. 526 - 527.

⁴ Paasi A. Place and Region: regional worlds and words... P. 804.

(идентичностью, культурой, институциональными структурами, политической мобилизацией, коллективной солидарностью, административных границами, географическим положением региона).

Конструктивизм как аналитическая программа, применяемая по отношению к региональным исследованиям, оказывается направлен и на выявление практик и дискурсов, связанных с созданием и поддержанием регионов. Понятие «дискурс», в терминах М. Фуко, прочно связано с теорией социального конструктивизма. Под дискурсом понимается способ видения мира, выражаемый в самых разнообразных практиках, который не только отражает мир, но и творит, создает его¹. В теории дискурс-анализа дискурс трактуется как система фиксированных значений, опосредующих восприятие явлений и несущих в себе определенную идеологию². А. Пааси специально отмечает, что не регионы формируют дискурсы, напротив, – регионы существуют и возникают в силу действия определенных социальных практик и дискурсов³. Можно привести несколько примеров: Россия как «фронтирная страна Европы», Европа как «высший стандарт качества», «Прибалтика» как нерасчлененное в российском общественном сознании целое и т.п.

Именно в дискурсе о регионе формируются конвенции относительно использования концептов «регион» и «граница». Официальному (политическому, научному) дискурсу региона могут противостоять множество неофициальных дискурсов, которые формируются на уровне обыденного сознания. Немецкие географы П. Вайххарт и Г. Блотефогель, например, говорят о регионе как «двойном конструкте». С одной стороны, регион – это «ментальный конструкт науки», с другой, – «результат человеческих действий и, в этом смысле, исторический и социальный конструкт», или «когнитивные конструкты повседневного мира»⁴. В рамках этого подхода регионы конструируются в процессе развертывания дискурсивных практик, и понятие

¹ Миллер А. И. О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 141.

² Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2004.

³ Paasi A. Re-constructing regions... P.5

⁴ Цит. по: Roth K. What's in Region? P. 20.

«граница» здесь также приобретает конвенциональный статус. На уровне речевой практики это ведет, например, к представлению о существовании «сильных» и «слабых» границ региона. Представления о «сильных границах», характеризующихся исторической зрелостью и устойчивостью в политико-административном отношении, разделяются многими субъектами, прочно зафиксированы в речи, вызывают множество ассоциаций, в то время, как «слабые границы» не запоминаются и редко фигурируют в дискурсах.

Исследовательская программа социального конструктивизма предполагает рассмотрение региона также как «воображаемого сообщества», в котором члены воображаемого коллектива лично не знают друг друга и не взаимодействуют, и, тем не менее, разделяют общие представления о единстве своей общности, воображают себя как целостность. Вопрос состоит в том, *что значит воображать себя как сообщество?* Представляется, что воображение в данном смысле восходит к аристотелевской трактовке воображения – *фантазии*, под которой философ понимал человеческую способность перерабатывать данные чувственного восприятия (*aisthesis*) в репрезентации (*phantasmata*), осуществлять их рекомбинацию и синтез в образы. Позднее понятие «воображение» приобрело смысл творчества, продуктивного воображения, подразумевающего создание образов, которых может и не быть в реальном мире (например, образы богов), но которые, тем не менее, рассматриваются в качестве вещей, реальных в своих последствиях.

Применительно к сообществам, термин «воображение» также оказывается вполне уместным, поскольку большие и распределенные в пространстве группы людей никогда не даны в непосредственном восприятии и схватываются как целостность исключительно в воображении. Воображение достраивает пространственно ограниченные наблюдения до образа, объединяющего всех «земляков», «соотечественников», «сограждан», иногда даже в воображаемых их качествах, как единого сообщества. Иными словами, независимо от того, существует ли (при любых трактовках существования) конкретное общество как самостоятельная сущность, сами воображение и убежденность субъектов в его

существовании, оказываются достаточными, чтобы заставить их думать и действовать, как если бы оно безусловно существовало¹.

Концепция «воображаемого сообщества» в значении дефиниции нации, как известно, была предложена Б. Андерсоном, который полагал, что само воображение себя нацией, наличие национальных чувств, национализм выступают ярким свидетельством существования национальных сообществ. Б. Андерсон писал о том, что любые сообщества крупнее первобытных деревень (а, может быть, даже и они) – это воображаемые сообщества². Согласно Б. Андерсону, они являются воображенными, поскольку «члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев по нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности...»³. Анализируя нации, Б. Андерсон связывал их развитие с революцией Гуттенберга, т.е. с революцией в книгоиздании, становлением газетного дела и романа как жанра. Роман и газеты, по мысли Андерсона, позволяют воображению представлять нацию как сообщество одновременно действующих людей, сама одновременность действий которых, создает включенность в общество⁴.

Можно отметить, что воображение такого вида сообществ, как региональные, также зависит от технологии медиа и осуществляется через средства массовой коммуникации. В современном мире СМИ вытесняют как традиционный способ общения, который когда-то был свойственен сельской среде и все участники хорошо знали друг друга, так и функционально-ролевой способ коммуникации, характерный для городской среды, где правила коммуникации для участников были обусловлены их социальными ролями⁵. По словам Н. И. Мартишиной, конструирование реальности в средствах массовой информации сегодня приобретает принципиально иной характер, поскольку оно

¹ Соколовский С. В. Онто-логики национального: культурная сложность национальных сообществ и проблемы ее категоризации // Культурная сложность современных наций. М., 2016. С. 41 - 42.

² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 31.

³ Там же. С.31 - 32.

⁴ Соколовский С. В. Указ соч. С. 45.

⁵ Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Сотворение человека печатающего. М., 2005. С. 382 - 389.

адресовано сразу огромному количеству людей и, в силу своей наглядности, оказывается осязаемым, доступным во всех деталях и воспринимается как непосредственная данность¹. Региональные политические элиты могут достаточно интенсивно взаимодействовать с международными инстанциями, в то время, как обычные люди имеют возможность постоянно сравнивать свой образ жизни с теми странами и регионами, которые для них являются примером.

Э. Соджа также отмечает, что для субъекта, зависящего от компьютерных экранов и видеомониторов, важно создание образов для того, чтобы передать их другим и увидеть самого себя². Так, можно разграничить конвенциональные, общепринятые образы региона, ориентированные прежде всего на туристов и часто разделяемые местными жителями и нежелательные, негативные образы, скрывающиеся властями и целенаправленно не замечаемые на местах. К первым относятся, к примеру, образы Санкт-Петербурга как «культурной столицы», Новгорода как «колыбели русской демократии», Калининграда как «западных ворот России» и «янтарного края», Нижнего Новгорода как «российского Детройта» и т.п. Ко вторым – можно отнести кварталы иммигрантов, поселения иностранцев, маргиналов и т.п., т.е. места, связанные у местных жителей с чувством напряжения и психологического дискомфорта.

Таким образом, СМИ – это оперативный и гибкий канал для формирования групповых и массовых представлений, для распространения актуальных идей, образов, стереотипов, в том числе, связанных с регионом. По словам Т. Крессвелла, «когда мы пишем «Калькутта», «Рио» или, к примеру, «Манчестер», даже те из нас, кто никогда не был в этих местах, имеет о них некоторое представление, ряд смыслов, сформированных посредством фильмов, литературы, рекламы и других средств передачи информации»³. В этом отношении образ региона (как продукт воображения) предшествует реальности, в точности как образ нового товара в рекламе предшествует в сознании

¹ Мартишина Н. И. Реальность и ее конструирование. С. 56.

² Соджа Э. Постметрополис. Критические исследования городов и регионов // Логос. 2003. № 6 (40). С. 141.

³ Cresswell T. Place. URL: <https://booksite.elsevier.com/brochures/hugy/SampleContent/Place.pdf>.

потенциального покупателя прежде никогда не виданной, но уже желаемой вещи.

В современной культуре регион, как отмечает А. Лефевр, изобретается (в том числе, и под воздействием СМИ) еще и как объект потребления. По замечанию французского исследователя, «когда жители индустриальной Европы едут к Средиземноморью, ставшему местом их отдыха, они переходят от пространства производства к производству пространства»¹. Эти идеи оказываются созвучны представлению З. Баумана, который говорит о «прецессии симулякра», совокупной замене реального (мира) его симулятивными представлениями и образами, процессе, к примеру, характерном для таких мест, как Южная Калифорния, где виртуальным образом вся реальность является сейчас реалистичной симуляцией².

Эти образы-конструкты относятся к числу разделяемых (shared) «коллективным сообществом» и они, разумеется, могут отличаться от индивидуального (personal) восприятия. Несмотря на то, что люди легко усваивают коллективно разделяемые образы, все же следует говорить и о формировании своего, «личного» образа пространства, который соотносится с повседневностью субъекта. Но именно эти образы-конструкты (как индивидуально формирующиеся, так и возникающие в результате целенаправленного воздействия извне) в конечном итоге руководят нашим поведением и формируют нашу идентичность.

Описанная ситуация позволяет определить регион как социальный конструкт, обладающий собственной структурой, специфическую форму пространственного восприятия, конструируемую на уровне коллективного и индивидуального сознания.

В контексте теории социального конструктивизма формирование региона – это процесс конструирования, связанный с целенаправленной деятельностью субъектов, а результат такого конструирования, выражаясь словами

¹ Лефевр А. Пространство. Социальный продукт и потребительская стоимость. С. 190 - 202.

² Bauman Z. Disappearing into Desert // Times Literary Supplement, December 16-22, 1988.

Г. Блотефогеля, есть «целенаправленный пространственный конструкт»¹. Разновидностями таких конструктов, или «воображаемых сообществ», наряду с регионами, являются также города, национальные государства, транснациональные общности. По замечанию Н. Смита, их нужно воспринимать не столько как предзаданные сущности, сколько как формы и средства социального производства пространства². Все они имеют относительно общие принципы построения и организации, и когда устанавливаются отношения, соответствия между ними, формируется некая единая пространственная реальность. В этом контексте и возникла идея «контейнерного» принципа организации географического пространства, долгое время воспроизводившаяся в научном дискурсе.

Очевидно, что рассмотрение региона в терминах социального конструктивизма вызывает следующие вопросы: насколько в современном глобальном мире регионы могут быть реальными, аутентичными? Что именно стоит за географическими, пространственными образами? Каким образом регионы могут заявлять о себе, учитывая, что в современной культуре они могут появляться и исчезать по воле имиджмейкеров, писателей, правителей и ученых?

Отвечая на эти вопросы, следует признать, что «за слоем социальных реалий, сконструированных в качестве мифов и с целью манипуляций, существует слой социальных реалий, составляющих конструкцию самого социального бытия и образующих ткань культуры как среды самосохранения человека в человеческом качестве, а за ним – слой физической объективной реальности»³. В отличие от радикального конструктивизма (Э. фон Глазерфельд, П. Ватцлавик, Х. Ферстер и др.), умеренный конструктивизм признает, что наше знание соотносится с онтологической, объективной действительностью. Отличительной особенностью умеренного конструктивизма является то, что в нем обозначается тенденция к усложнению познаваемых объектов, которые

¹ Цит. по: Roth K. What's in Region? P. 23.

² Smyth N. Uneven Development: Nature, Capital and the Production of Space. Oxford, 1984. P. 142.

³ Мартишина Н. И. Реальность и ее конструирование. С. 58 - 59.

являются не просто отражением, «копиями» объективной реальности, а ее конструктами.

Как исследовательская программа конструктивизм признает, что процесс конструирования требует определенного «строительного материала» и не исключает обращения к материальному миру. С другой стороны, реальность становится явной для субъекта только через его деятельность, имеющую конструктивный характер. Как отмечает В. С. Степин, «мы видим мир сквозь призму определенной системы категорий, их смыслов, продиктованных культурой определенной исторической эпохи, сквозь призму тех реальных практик, в которых мы реально конструируем из исходного материала (предмета деятельности) его новые состояния. Но всегда следует помнить, что конструирование обусловлено законами функционирования и развития объектов, поэтому понятие объективной реальности не утрачивает своего смысла и ценности в современной эпистемологии и теории деятельности»¹. Поэтому, по словам В. А. Лекторского, позиция социального конструкционизма при правильном ее понимании коррелирует с точкой зрения эпистемологического реализма².

Отметим, что и современные западные концепции пространства также учитывают роль материального фактора в его производстве. Так, Д. Харви полагает, что сконструированные пространства обладают материальным измерением и предостерегает от чрезмерного увлечения реляционным подходом. Д. Харви отмечает: «Будучи однажды построенным, место приобретает перманентность (термин Уайтхеда) физической формы. И хотя оно всегда открыто для реконцептуализации значения этой физической формы, так что люди могут научиться переживать его по-разному, лишь материальность конструкции в абсолютном пространстве и времени имеет свой собственный вес

¹ Степин В. С. Конструктивные основания научной картины мира // Конструктивизм в теории познания / Отв. ред. В. А. Лекторский. М., 2008. С. 28 - 29.

² Лекторский В. А. Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии? // Конструктивизм в теории познания. М., 2008. С. 39.

и влияние»¹. В акторно-сетевой теории Дж. Ло территориальные объекты любого типа (например, города, регионы, государства) выглядят как существующие, по крайней мере, в двух топологических системах, или двух формах пространственности. Одна из них – это физическое пространство (определяемое как порядок отношений между материальными объектами), вторая – сетевое, или синтаксическое пространство (в котором между материальными и нематериальными объектами поддерживаются отношения, аналогичные отношениям синтаксиса)². Территориальные образования любого типа (города, поселения, регионы, государства) представляют собой *топологически множественные объекты*, поскольку существуют одновременно в географическом, ментальном, символическом, сетевом поле. «Проблемой является то, как организовать физическое пространство, чтобы оно производило эмоциональный эффект, приводя в соответствие определенные ожидания (коммерческие, а также аффективные и эстетические) касательно того, как это пространство может быть пережито»³.

Региональная идентификация, таким образом, наряду с субъективным осознанием, предполагает и объективный фундамент. Как отмечает И. В. Побережников, «формирование регионального самосознания – кульминация в развитии региональной идентичности, означающая трансформацию исторического пространства, заданного «извне», то есть сконструированного *наблюдающим* независимо от представлений исторических акторов, в пространство, сконструированное самими участниками социального взаимодействия, наделенное ими особыми смыслами, выраженными посредством символического универсума системы культуры (социальных мифов об особых качествах местообитания, мистических компонентов традиции, примет «малой родины», дизайна места обитания), поддерживаемыми коллективной памятью, сложившимися ценностями и нормами,

¹ Харви Д. Пространство как ключевое слово // Топос. 2011. № 1. С. 23 - 24, 36.

² Вахштайн В. С. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 27 - 28.

³ Харви Д. Пространство как ключевое слово. С. 27.

сконструированными самообразами, созданными специфическими чертами быта (одежды, диеты, словаря и т. п.)»¹.

«Мягкой формой» конструктивизма, признающего значимость объективных детерминант развития территорий, является также концепция региона немецкого исследователя К. Рота. По его мнению, факторы, образующие и определяющие регион, являются одновременно объективными и субъективными, реальными и ментальными. К. Рот пишет, что необходимо принимать во внимание как «реальные качества» данной территории, так и социальные концепты, разворачивающиеся вокруг нее². На основе синтеза объективистского и конструктивистского подхода, К. Рот специфицирует три вида регионов: непосредственно существующие (given) регионы, чье существование определено природными и ландшафтными маркерами, культивированные (grown) регионы, образованные в результате совокупности нескольких факторов (административного, экономического, этнического и др.), возникших на определенной территории, и регионы сознательно создаваемые (intentionally formed), конструируемые в административных целях³.

Таким образом, отечественными и зарубежными исследователями, работающими в рамках конструктивистской исследовательской программы, в качестве возможностей конструирования региона признается необходимость появления определенных культурных и исторических предпосылок развития территории, своеобразного строительного материала, на который позднее наслаиваются идеи и представления о регионе. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что наиболее перспективными моделями регионального изучения в настоящее время оказываются именно те концепции региона, которые учитывают дополительность внутренних и внешних детерминант по отношению друг к другу.

¹ Побережников И. В. Уральская региональная идентичность: у истоков формирования // Десятые Татищевские чтения. Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2013. С. 140 - 141.

² Roth K. What's in Region? P. 21.

³ Там же. P. 22 - 23.

§ 4. Параметры конструирования региона и проблема его репрезентации

В общем смысле термин «конструирование» означает деятельность, в результате которой нечто создается, деятельность, предполагающую момент внешней детерминации. В результате такой деятельности «возникает конструкция – объект, обладающий неким устройством, внутренней структурой. (В переводе с лат. construction означает построение, в смысле устройства, взаимного расположения частей какого-либо предмета). Именно этот признак результата является ведущим: результат конструирования представляет собой объект системного типа, с развитыми внутренними взаимосвязями, обладающими возможностями самоподдержания»¹.

Как было показано ранее, применительно к регионам использование термина «конструирование» является вполне адекватным: создание пространственных форм связано с возникновением внутренне структурированных реально и идеально существующих объектов. В данном случае предполагается, что создается пространственная форма не только идеальная, но и реальная, посредством сочетания разработки идей и моделирования / преобразования самой социальной реальности. Каковы же особенности процесса «сборки регионов»? В обширной литературе об историческом становлении регионов довольно подробно описаны специфические черты конкретных исторических случаев регионостроительства, однако вопрос о выделении параметров конструирования регионов до сих пор специально не ставился.

Использование методологии конструктивизма дает нам возможность выделить пространственные маркеры, параметры, которые предполагают и взаимно обуславливают друг друга при формировании, конструировании региона. В данном параграфе представляется возможным обозначить и

¹ Мартишина Н. И. Реальность и ее конструирование. С. 45.

охарактеризовать несколько таких параметров: территориальный, политический, экономический, исторический, культурный.

Прежде всего, образ региона выстраивается (формируется) в отношении к определенной территории. Территориальность, расположенность в пространстве, вписанность в определенный географический контекст является важнейшим регионообразующим фактором. Сам термин «регион» происходит от лат. *regio* и обозначается как территориальная, пространственно ограниченная общность. Шведские исследователи Б. Хеттне и Ф. Содербаум полагают, что регион укоренен в территориальном пространстве, он образует группу людей, представляющих собой общность, имеющую географическую привязку, контролирующую определенную систему природных ресурсов, объединенную общей системой культурных ценностей и общими социально-историческими связями¹.

Как возможно определить территориальность? В свое время Д. Готтман сетовал на то, что понятие «территория» не привлекает большого внимания, хотя «много речей, чернил и крови было пролито в территориальных спорах»². К. Кокс отмечал, что, говоря о территории, нужно говорить о территориальности и утверждал, что территориальность отсылает к действиям, направленным на осуществление контроля над территорией³. Современные концепции территориальности варьируются от понимания этого феномена, как предопределенного инстинктами и экологией до представления территориальности социальным феноменом, предметом межгрупповых споров и переговоров⁴. Так, этолог Р. Ардри определяет территориальное пространство как такой ареал, который обеспечивает идентичность, безопасность и стимуляцию и в пределах которого происходит подавляющее большинство наших социальных взаимодействий⁵. Антропологи изучают малые группы, для

¹ Hettne, Soderbaum. Theorising the rise of regionness. P. 460.

² Gottman J. The significance of territory. Charlottesville, 1973. P. 9.

³ Cox K.R. Political geography: territory, state and society. Oxford, 2002. P. 29.

⁴ Подходы к территориальности см.: Муш Т. Территориальность и мобильность: о мигрирующих сообществах и территориальной «укорененности» // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 15 - 19.

⁵ Jones E., Eyles J. An Introduction to Social Geography. Oxford, 1977.

которых территориальность является, прежде всего, средством адаптации к окружающему миру и защиты имеющихся ресурсов и которая основана на брачно-семейных отношениях. В последнее время, в условиях возрастающей социальной мобильности, выделяется также феномен «кочевой территориальности» как особый вид существования групп и индивидов в пространстве. Характеризуя территорию как способ пространственного существования, М. Китинг отмечает: «Территории, как пространства, не просто линии на карте, они образуются функциями, культурой и общей идентичностью, политической мобилизацией и руководством, а также институтами»¹.

В контексте конструктивистского подхода регион – особое территориальное образование, которое создается определенной культурной группой, наделяется смыслом и разрушается в групповых и индивидуальных действиях. Его жизнестойкость не всегда выражается в фиксируемых характеристиках (административных, географических, экономических, природных границах), но именно в регионе проявляют себя информационные, коммуникативные, регулятивные и организационные технологии, которые приобретают определенность и могут быть реализованы только на этом уровне пространственных отношений. Здесь через унификацию и дифференциацию, включение и исключение, возникающие идеи и их реализацию, выявляются ресурсы и разрешаются основные социальные противоречия.

С. Элдон отмечает, что у людей, живших в эпоху античности и Средневековья, еще не было развитого чувства территории. Лишь в эпоху Ренессанса, когда в конце пятнадцатого столетия рождаются итальянские города-государства, появляются пространственные представления, важные для возникновения регионов и государств². По замечанию Р. Сэк и А. Пааси, на развитие абстрактного, метрического пространства повлиял рост капиталистического производства и потребления³. Сдвиг в математическом и

¹ Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе. С. 74.

² Элдон С. Утраченная точка... С. 69.

³ Sack R. Human territoriality: its theory and history. Cambridge, 1986. P. 84 - 85, 218; Paasi A. Territory // A companion to political geography. Eds. J. Agnew, K. Mitchell and G. Toal. Oxford, 2003. P. 114.

философском мышлении, связанный с геометрией и калькуляцией, осуществленный в Новое время, оказался важным моментом в формировании современных государств и регионов.

Отграничение региона в пространстве производится субъектами, прежде всего, с помощью процедуры именованя, самоназвания, которая также может быть рассмотрена как процесс создания (в процессе словесного творчества) конструкта. По словам Ж.-М. Бенуа, наделение индивидов и группы собственными именами является начальной операцией их классификации¹. Посредством наименования объект создается как целое из частей, частное, относящееся к классу, т.е. требует мыслительного конструирования. Согласно М. Хайдеггеру, все, что важно для человека, обозначено знаками, словами, а если что-либо знаками не обозначено – того не существует, о нем ничего нельзя сказать². По Н. Луману, язык производит собственные индикаторы реальности³. При этом особое внимание здесь принадлежит письменному языку: письменный язык (развитие карт, атласов и т.п.) способствует превращению региона в качественно новое место, образ которого может быть представлен на гладкой поверхности. По словам Р. Сэка, «мыслить территорию как вмещающую и наполняемую проще, когда общество владеет письмом, а особенно – метрической геометрией, способной представить пространство независимо от событий... система координат современной карты идеально удовлетворяет этому условию»⁴.

По мнению В. А. Тишкова, нация становится реальностью, когда появляется сам концепт в общеразделяемом членами сообщества смысле; если нет слова, то нет и нации⁵. По аналогии с нацией, регион также приобретает свои очертания благодаря множеству смешанных наименований. Наиболее очевидные из них – туристические карты и путеводители, в которых отобраны особые маршруты и воспроизведена история с тем, чтобы оформить регион как наиболее

¹ Идентичность во французском обществознании. С. 37.

² Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. время и бытие. М., 1993. С. 192.

³ Луман Н. Реальность масс-медиа / Перевод с немецкого А. Ю. Антоновского. М., 2005.

⁴ Sack R. Human territoriality: its theory and history... P. 63.

⁵ Тишков В.А. Усложняющееся разнообразие: как его понять и упорядочить... С. 8

привлекательное место. Регион становится доступным, а благодаря поименованию мест в хронологии, путеводителях и т.п. он становится также и пространственным образованием, имеющим смысл.

Наименование (naming) региона базируется часто на исторических и природных особенностях занимаемой территории. Согласно А. Пааси, именно процесс нейминга делает явными регионы в политическом, научном и повседневном дискурсах. «Повсюду политические элиты наклеивают ярлыки на символические «ландшафты» с целью разделения и контроля пространства и людей, а также обозначения территории»¹. В региональных дискурсах, как правило, проводится определенная связь с территорией, ландшафтом, «месторазвитием». Не случайно, в речи закрепились характеристики регионального типа по географическим названиям («волжанин», «помор», «сибиряк», «кавказец»).

Как было показано ранее, при определении региона в социальных науках инвариантно выделяются три аспекта его понимания: регион как историко-политическое, экономическое и социокультурное пространство/сообщество. Конструктивизм как исследовательская программа рассматривает эти аспекты не просто как свойства, присущие самому объекту (региону), а делает акцент на отображении этих свойств в сознании, и, в конечном итоге, языке. То есть мы имеем дело с различными образами региона, существующими на обыденном и специализированном уровне сознания. Каждый из этих понятийных образов, ставящихся в соответствие с понятием «регион», не может являться достаточным для экспликации смысла понятия «регион», но каждый из них высвечивают новую грань его содержания. Их сопоставление, как представляется, задает ориентир для теоретического исследования региона и способствует раскрытию, смысловому «достраиванию» содержания данного феномена. В итоге, регион концептуализируется как объект системного типа, со своей структурой и внутренними взаимосвязями его элементов.

¹ Paasi A. Re-constructing regions... P. 7.

Исходя из этого, формирование региона можно определить, как *конструирование типа территориальности, дифференцируемого по одному или нескольким из следующих параметров: институционально-политический контроль, экономическое развитие, культурная стандартизация, общность исторического прошлого.*

Эти измерения представляются теми социокультурными детерминантами, которые определяют конструирование регионов. Территориальность в этом контексте является не независимой переменной, обуславливающей существование тех или иных измерений, а опосредующим фактором, благодаря которому остальные факторы постигаются и наделяются смыслом. В действительности, *любое* из указанных измерений достаточно для спецификации региона, любой из этих параметров может обеспечить (реальную или воображаемую) внутреннюю гомогенность территории. Они также являются неразрывно связанными между собой. Например, экономическое доминирование эффективно сочетается с культурной политикой во многих регионах.

По-видимому, характер связи элементов региона определяет его статус и восприятие. Там, где элементы географии, истории, экономического единства, культурной идентичности, административного управления и территориальной мобилизации совпадают, имеет смысл говорить о существовании сильного регионализма. Эту особенность можно назвать, выражаясь словами Д. Мэсси, «мультифакторностью» (thrown togetherness), которая раскрывается, как способность факторов пересекаться, образуя восприятие целостности и особенности места¹. В то же время там, где регионализм выражается лишь посредством одного измерения (политического, экономического, культурного), определение региона становится менее очевидным и часто начинает оспариваться. Следует отметить также разную степень изменчивости/сохранности этих измерений: если экономические ориентации регионов могут меняться довольно быстро, то для изменения культурных традиций региона требуется гораздо больше времени.

¹ Massey D. For Space. P. 147.

Сущность институционально-политического измерения состоит в формировании административно-территориального устройства региона, постепенном административном его «отсечении» от других регионов и нахождении им собственных управленческих центров. Речь идет об организации и функционировании управленческих систем для мобилизации социальных групп, формирования институциональных практик, технологий и ценностей ради достижения общественно значимых целей. По словам Э. Амина, регионы являются «юрисдикцией, вне которой у акторов нет реального бизнеса или влияния», регион – это «политическая общность, которая через механизмы партнерства и общих интересов, осознает, что необходимо локальности и может принимать решения в целях всеобщего блага»¹.

Г. Зиммель утверждал, что невозможно осуществлять контроль над пространством, не контролируя деятельность проживающих в нем людей². Институты (медиа, система образования, политические организации), инициируя коллективные действия посредством производства определенной смысловой системы (знания, моральные ценности), регулируют и контролируют социальную жизнь в регионе. По мнению М. Китинга, именно территория обеспечивает рамку восприятия политических проблем через систему ценностей и культурных допущений, которые в свою очередь, укоренены в территориальном сообществе³.

Политической элитой вслед за установлением приемлемых и в достаточной степени безопасных границ в регионе, проводятся обдуманые усилия по его унификации. А. Пааси подчеркивает, что границы, символы и институты регионов являются не результатом эволюционного процесса, а выражением непрекращающейся борьбы вокруг пространства⁴, в результате которой регион «изобретается». В качестве иллюстрации, отражающей такую борьбу дискурсов за территорию, можно привести пример российского региона

¹ Amin A. Local community on trial // Economy and society. 2005. № 34. P. 618.

² Зиммель Г. Социология пространства // Зиммель Г. Избранное: в 2 т. М., 1996. Т. 2.

³ Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе. С. 71.

⁴ Paasi A. Place and Region: regional worlds and words. P. 805.

Югры. А. Д. Трахтенберг пишет: «Ни российская имперская, ни советская административная дискурсивная практика никакой «Югры» не знали. В позднем имперском дискурсе существовали Сургутский и Березовский округа Тобольской губернии и Самаровское лесничество; в советском дискурсе – Остяко-Вогульский национальный округ в составе сначала Уральской, потом Омской области; затем Ханты-Мансийский автономный округ как административное подразделение Тюменской области. Не подозревали о том, что они являются коренными жителями Югры ханты, манси и лесные ненцы. Они жили в Среднем мире, по берегам священной реки Ас (Обь), впадающей в «поганое море» (Ледовитый океан)»¹.

В отличие от «безымянных сообществ», также формирующихся в современной культуре², регион рассматривается как институциональное образование с выраженной идентичностью. В политическом отношении регион может играть роль участника, способного четко сформулировать и преследовать общие интересы в государственной и глобальной системах³. Не являясь идентичным суверенному государству, регион, тем не менее, включает в себя некоторые атрибутивные признаки государства⁴. Здесь актуализируется смысл латинского слова *regere* – «править», а регион предстает как управляемая, но *не имеющая суверенитета* территория. Л. Лангенхоув, к примеру, отмечает, что концепт «регион» является дискурсивным средством для обозначения тех систем управления, которые не являются государством, но обладают некоторыми его свойствами⁵. В отличие от государства, регионы также не имеют четкого географического масштаба (Европа может определяться как регион, однако, она меньше, чем государства Канада и Китай), могут существовать поверх и между

¹ Трахтенберг А. Д. «Югра же людье есть язык нем»: опыт исторического анализа дискурса // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2005. № 6. С. 293 - 294.

² Петровская Е. В. Безымянные сообщества. М., 2012.

³ Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе. С. 87.

⁴ Lombaerde Ph., Soderbaum F., etc. The problems of comparison in comparative regionalism // Review of International Studies. 2010. № 36. P. 736.

⁵ Langenhove van L. Why we need to “unpack” regions to compare them more effectively. P. 25.

государственных образований, и они изобретаются людьми (manmade), хотя наиболее значимым строителем региона (region-builder) остается государство¹.

Экономическое измерение региона предполагает наличие у такого типа территориальности определенной специализации производства и обмена товаров и услуг, количества и структуры рабочих мест, особого места в социально-экономическом комплексе государства. При таком подходе, с одной стороны, экономика мыслится как основа социальных, политических, культурных и прочих аспектов развития региона. С другой стороны, регионы сами оцениваются как «акторы» экономического развития.

При рассмотрении регионов как экономических центров, долгое время делался акцент на их значении в системе промышленного производства. Исторически, как писал Д. Харви, регионы представляли собой очерченное пространство, занятое «закрытыми сообществами» (closed community), изолированными от других групп людей. Ход человеческой истории изменился с появлением технологической культуры. Капитализм потребовал мирового рынка для своих товаров, что привело к разрушению закрытых комьюнити. В свою очередь, это спровоцировало появление вопроса о том, каким образом пространство должно быть организовано, использовано, подчинено в целях циркуляции капитала².

Об инструментальной роли регионов в новых условиях пишет и Л. Вирт. «При прочих равных условиях, в распределении или перераспределении функций между различными уровнями управления предпочтительно опираться на те институты и формы, которые мы уже знаем, а не создавать их *de novo*. Компетентным исследователям таких специфических явлений, как движение населения, преступность, досуг, семейная дезорганизация и экономические бедствия, стало абсолютно понятно, что эти проблемы не поддаются анализу и контролю, если рассматривать их на основе произвольно установленных локальных административных ареалов. Поэтому они сочли необходимым найти

¹ Там же. P. 16 - 29.

² Harvey D. Space as a Keyword // David Harvey: a critical reader / Castree N., Gregory D. (Eds.) Oxford, 2006. P. 275.

ареальные единицы, которые бы соответствовали их целям. Поскольку понятие региона до тех пор не использовалось, им пришлось его изобрести»¹. Таким образом, у региона как конструкта есть, выражаясь словами Дж. Келли, свой «диапазон пригодности», т.е. то пространство реального мира, на котором данный конструкт обеспечивает зону полезного действия².

Глобальная экономическая реструктуризация и технологический сдвиг в культуре постмодерна ослабили прежнее пространственное разделение труда, основанное на таких важнейших факторах, как сырье, доступ к коммуникациям или близость к рынку. Экономическую жизнь регионов определяют новые процессы, выделяемые и описываемые в рамках постфордистской экономики (гибкого, неорганизованного режима капиталистического накопления, изменившего весь мир и его политическую экономию, а заодно – и культурную), такие, как деиндустриализация, джентрификация, коммодификация. На смену совокупности факторов промышленного производства, необходимых для развития региона, приходит динамическая концепция конкурентных преимуществ, обладание ресурсами, важными в условиях глобальной экономики. В связи с этим, в современных научных исследованиях заметна тенденция к переходу от рассмотрения регионов как центров производства к регионам как системе экономических отношений, процессу взаимодействия социальных субъектов по поводу формирования человеческого капитала³. В таком контексте регионы как экономические районы сегодня являются объектом изучения не только экономики, но также экономической географии, региональной экономики и динамично развивающихся исследований в области туризма.

По оценке М. Китинга, формирование нового регионализма связано с тем, что регионы в условиях новой экономической системы больше не занимают определенные роли в национальном разделении труда, а срабатывают между

¹ Вирт Л. Локализм, регионализм и централизация. С. 63.

² Келли Дж. Теория личности: психология личных конструктов. СПб., 2000. С. 29.

³ Зубаревич Н. В. Региональное развитие и институты: российская специфика // Региональные исследования. 2010. № 2 (28). С. 4.

собой в конкурентной борьбе¹. Такая позиция в явной форме была выражена у представителей Чикагской школы (наиболее популярной у социологов), проводившей аналогии между дарвинистской борьбой за существование и социальной жизнью вообще. Рост экономики при капитализме генерирует различия между регионами, их специализацию на разных отраслях (видах деятельности), демонстрирующих внутреннюю тенденцию к концентрации в тех или иных точках. Этот рост сопровождается скорее экспансией и нестабильностью, а не тенденцией к пространственной однородности. В рамках этой логики попытки центрального правительства сгладить региональные диспропорции часто продолжают восприниматься в категориях «игры с нулевой суммой», когда помощь одним регионам фактически наносит косвенный ущерб другим.

В настоящее время регионы существенно отличаются по своим цивилизационным характеристикам, живут в разных темпоральных измерениях, не равны в ресурсном, демографическом и других отношениях. В зависимости от экономического измерения выделяют сильные/центральные и слабые/периферийные регионы, оказывающиеся по-разному включенными в экономику страны и обладающие разной степенью «свободы» от национально-государственных ограничений. «Центральность» делает регионы местами повышенной экономической активности, рождения креативных идей и зонами плотных социальных связей. В центре мы наблюдаем миграционное притяжение населения, в том числе из очень далеких мест. Местное население составляет невысокую долю и выполняет одновременно исключительные функции как хранитель очень сложной культурной и жизненной среды. Пространство центра включает в себя множество разных времен, языков, стилей, знаковых систем. Субъекты, принадлежащих к одному сообществу, живут в несколько различных жизненных мирах. Реальность все время «расслаивается», что усиливает ощущение ее нестабильности и вызывает постмодернистскую настороженность.

¹ Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе. С. 81.

Примером чистой реализации этого статуса служат современные *global cities*, «мировые города».

Статус региона-периферии в экономическом смысле, напротив, связывается с отрезанностью от ресурсов, воспроизводимостью особого образа жизни, внутренней взаимосвязанностью своих частей, постоянной ориентацией на «центр»¹. Одновременно периферия может рассматриваться как пространство частично освоенное (окультуренное) и молодое с точки зрения колонизирующего его Центра. В последнее время особо подчеркивается, что периферийность – не раз и навсегда установленная категория, она формируется в процессе так называемых «игр признания». Периферийные территории принимают существующие правила игры, при этом сохраняя потенциал сопротивления доминирующим структурам. Такой взгляд основывается на традициях, идущих от М. Фуко и Д. Батлер, для которых субъект (как можно предположить, в том числе и региональный) – это тот, кто включен, интегрирован в структуру, но сопротивляется ее детерминизму внутри нее. Именно в этом смысле можно утверждать, что у периферийных регионов есть свой символический ресурс, который используется при определенном стечении обстоятельств.

Теперь обратимся к социокультурным параметрам формирования региона. С позиции культурной географии регион в социокультурном измерении рассматривается как совокупность связей, отношений между людьми (*people-bound* категория), как система культурных практик, направленных на «присвоение» определенной группой конкретного места, как особое «жизненное пространство». По словам А. Пааси, регион является не просто административным образованием, а представляет собой уникальную совокупность социальных, материальных, темпоральных отношений и ассоциативных значений, связанных с повседневным опытом. Жизнь в регионе – нарративна, она «выстраивается» из эпизодов человеческих жизненных историй,

¹ Стремление противопоставить провинцию столичным регионам выразилось, в частности, в появлении меткого термина «роднополюсы» как обозначения провинциальных территорий. (Кислицына Д. О. Реализация культурной политики в Кировской области: противостояние традиций и инноваций. Пермь, 2011. С. 46).

которые всегда имеют «географическое» измерение¹. Такое понимание культурного параметра региона восходит к концепции Ф. Броделя, который писал о регионах Франции как об особых мирах, характеризующихся своим менталитетом, традициями, мировоззрением и мироощущением².

Одним из первых «жизненное пространство» региона проанализировал основатель гуманитарной географии, французский исследователь Поль Видал де ла Бланш. Изучая регионы Франции, он обратил внимание на формирование в регионе отличительных культурных форм: от способов ношения одежды и питания до создания региональных институций. С точки зрения П. В. де ла Бланша, существование региональной культуры связано с появлением особенных «ансамблей» людей и их окружения, которые вырабатывают свои уникальные способы существования в природном ландшафте. Английский исследователь А. Хербертсон в начале XX века также определял регионы как «жизненные миры» человека, зависимые от природно-климатических условий, в которых формируется своя культура, эстетика, метафизика и самосознание³.

В контексте культурной географии становится логичным говорить о «географическом POSSИБИЛИЗМЕ», при котором возможности для действия и развития человеческим сообществам предоставляет определенная географическая среда⁴. По словам М. Фуко, «пространство, в котором мы живем... есть также, в себе, гетерогенное пространство. Другими словами, мы не живем в пустоте, внутрь которой можно помещать людей и предметы. Мы не живем в пустоте, которую можно подсветить разными оттенками света, мы живем внутри набора отношений, очерчивающих несводимые друг к другу и не взаимозаменяемые места»⁵. Тезис о гетерогенности пространства выражен и в трудах С. Лаймана и М. Скотта. Они предложили четырехступенчатую классификацию территориальности, которая может быть спроецирована и на

¹ Paasi A. Deconstructing regions: notes on the scales of spatial life // Environment and Planning. 1991. № 23. P. 239, 256.

² Бродель Ф. Время мира. М., 1992. С. 41.

³ Herbertson A.J. Regional environment, heredity and consciousness // Geographical Teacher. 1999. № 8. P. 147 – 153.

⁴ Малькова В. К., Тишков В. А. Культура и пространство. С. 18.

⁵ Цит. по: Трубина Е. Г. Поворот к пространству... С. 43 - 44.

региональное пространство: персональное, телесное пространство (так называемый «пузырь»), территория интеракции (непосредственного взаимодействия), домашняя территория, общественная территория (публичное пространство, которое группа воспринимает как свое)¹.

За последние двадцать лет теория региона проделала значительный путь к признанию многообразия и плюралистичности жизни внутри региона. Большинство известных исследователей пространственных форм организации жизни людей, включая М. Кастельса, Д. Харви, С. Сассен, Э. Соджа, А. Пааси, признают неадекватность одномерного представления о регионе. Они отмечают появление в регионах новых видов компетентной деятельности, сопричастие различных социальных групп, этнических общностей и культур, множественность жизненных стилей и стратегий. Признается, что регион растет в ходе экспансии, но он приобретает свой особый характер в ходе селекции и сегрегации своего населения, так что каждый индивид находит внутри него свое пространство, где он может жить, или же – где он должен жить. Можно выделить в качестве самостоятельных (до некоторой степени) такие виды пространства внутри региона, как мифологическое, религиозное, художественное, метафизическое. В настоящее время в рамках культурной географии рассматриваются также архитектурное, социальное, антропологическое, текстуальное пространство региона. В конце XX века формируется еще одно – виртуальное пространство, состоящее из мобильности вещей, людей, потоков, связей, которое представляет собой новые возможности и новые средства самопрезентации региона. В частности, это может быть создание реальности, далеко отстоящей от физической реальности пребывания человека, например, конструирование виртуальных объектов и маршрутов в регионе.

Помимо социокультурных оснований, конструирование региональных сообществ осуществляется на базе общего исторического прошлого региона.

¹ Jones E., Eyles J. An Introduction to Social Geography. Oxford, 1977.

История, как ни одна другая сфера, способна поддерживать чувство принадлежности к определенной территории, в условиях, когда границы между регионами не очерчены прямыми линиями демаркации и могут оспариваются этнически, религиозно, экономически или географически¹. Кроме того, историческое наследие определяет социальный статус региона, который изменяется под влиянием социокультурных процессов, происходящих в стране и мире в целом.

М. Фуко говорит о необходимости понимания истории места, которая его изменяет и в нем откладывается². В современном мире история региона может восприниматься как «производство наследия», а также как попытка использования реального и воображаемого прошлого в целях привлечения в регион туристов и финансов. Историческое наследие, являясь параметром конструирования региона, подвергается селекции. В процессе производства исторического знания о регионе акцент может делаться на метафору «родины», общее историческое прошлое, а также особую миссию региона. Отбор исторических фактов осуществляется на научном и идеологическом уровне, а региональное сообщество наделяется «исторической памятью». Благодаря историческому наследию, как пишет Б. Осборн, материальный мир регионального сообщества становится символически насыщенным, у него формируется представление о своем непрерывном социальном прошлом, что служит основанием для установления контроля над данной территорией³. В зависимости от конкретной истории, нарратива или *selective heritage* региона в нем формируется и исторический дискурс о его роли в условиях глобализации. К примеру, это может выражаться в усилении дискурса о географической принадлежности данного региона к развитым центрам и столицам. Так, по мнению А. Макарычева, в историческом дискурсе, разворачивающемся в российских регионах в настоящее время, Калининградская область и Санкт-

¹ *Frontiers, Regions and Identities in Europe* / Ellis S., etc. (eds.). Pisa, 2009. P. 14.

² Фуко М. Око власти/Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления, интервью. М., 2002. С. 223.

³ Osborne B.S. *Landscapes, Memory, Monuments and Commemoration: Putting Identity in Its Place* // *Canadian Ethnic Studies*. 2001. Vol. 33. P. 39 – 77.

Петербург активно эксплуатируют идею своей связи с европейской культурой и выглядят в глазах других как своеобразные «чужаки на своей собственной земле»¹.

М. Фуко говорил о гетеротопии территорий как «общем архиве» (*general archive*), когда в одном месте могут быть представлены разные эпохи и гетеротопия, таким образом, является «бесконечным накоплением времени в неподвижном месте»². Примером гетеротопии является описание у Дорин Мэсси площади Трех культур в Мехико, на которой рядом расположены руины ацтекской пирамиды, католическая церковь в стиле барокко и современные здания в интернациональном стиле³. Согласно Д. Мэсси, любое пространство, в том числе географическое, представляет собой собранную вместе «множественность историй»,⁴ а К. Линч называл подобный синтез разрушенного и нового, добавленного, в пространстве – «временным коллажем»⁵.

Эту «множественность историй»/«временной коллаж» можно отчетливо увидеть в рамках современного региона, и именно они формируют его коллективную память. В свою очередь, на основе коллективной памяти, репрезентированной в ритуальных практиках и памятных церемониях⁶, формируется локальная идентичность. М. Фэзэрстоун отмечает, что в культуре постмодерна чувство прошлого поддерживается ритуалами, а не письменными источниками⁷. Ритуалы «подогревают» эмоциональные связи между людьми и возрождают «чувство священного». Речь идет о совокупности действий, которая часто не может быть вербализована и до конца отрефлексирована. М. Фэзэрстоун определяет данный феномен как «культурный капитал»,⁸ а П. Бергер

¹ Makarychev A. Identity and representation of Russian regions... P. 187.

² Фуко М. Археология знания. СПб., 2004. С. 110.

³ Massey D. Cities in the world // D. Massey, J. Allen and S. Pile (eds), *City Worlds*. London, 1999. P. 100.

⁴ Massey D. Travelling thoughts // P. Gilroy, L. Grossberg and A. McRobbie (eds), *Without Guarantees // In Honour of Stuart Hall*, Verso, London, 2000. P. 231.

⁵ Линч К. Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева. М., 1982. С. 163.

⁶ Connerton P. *How Society Remembers*. Cambridge, 1989.

⁷ В качестве одной из разновидностей такого ритуала может быть рассмотрена историческая экскурсия, как форма организации пространственного опыта, вырабатывающая определенные способы прочтения и переживания пространства. Историческая экскурсия – довольно интересное явление, которое позволяет сочетать рефлексивные возможности науки, средства искусства и литературы, а также продукты мифотворчества.

⁸ Featherstone M. *Undoing Culture...* P. 94.

и Т. Лукман называют это «мнемотехническими вспомогательными средствами»¹.

Культурно-историческое наследие региона оказывается неразрывно связано также с региональной мифологией. Согласно Я. Ассман, в культурной памяти реальная история трансформируется в историю воображаемую, и, следовательно, в миф. В памяти история становится мифом². Р. Шилдс пишет о том, что территории наделяются особыми значениями через создание их образов, в которых происходит упрощение, стереотипизация действительности и «навешивание ярлыков». На уровне коллективного сознания эти образы систематизируются и складываются в особый «миф места»³. Чем больше образов образов имеет конкретная территория, тем богаче ее региональная мифология и история. Посредством образов действительность упорядочивается, а пространство становится *познаваемым* для субъекта, который смотрит на него со стороны, а также сравнивает его с другими пространствами. Появление новых региональных образов и мифологием обогащает наше восприятие региональной истории. История и мифология зачастую оказываются для региона более важными основаниями выстраивания своей самобытности по сравнению с экономическим и административным делением.

Таким образом, проведенный анализ позволяет выделить в структуре региона элементы, имеющие субъектный генезис и обосновать тезис о сильной конструктивистской составляющей в онтологическом статусе региона. Главной детерминантой образования региона является территориальность в ее институционально-политическом, экономическом, культурном и историческом измерениях. Данные измерения выступают определенными параметрами конструирования региона в сознании субъекта. Возникающий в результате конструирования регион обладает относительно объективированным существованием и независимостью от текущих реалий.

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. С. 49.

² Ассман Я. Культурная память: письмо и память о прошлом и политическая деятельность в высоких культурах древности. М., 2004.

³ Shields R. Places on the Margin. *Alternative Geographies of Modernity*. London, 1991. P. 47, 61.

Еще одной важной характеристикой региона как конструкта является то, что он приобретает определенность лишь в отношениях с другими объектами. Здесь возникает проблема представленности *Другому*. К. Джонсон и А. Коулман, следуя концепции внутреннего ориентализма, говорят о намеренном позиционировании регионов как отличающихся от остальных, определенных территориальных образованиях, противостоящих национальным нормам и ценностям¹.

Противостояние *Другому* естественно в условиях, когда повсюду идет соревнование между регионами за государственные и международные ресурсы. Существуют регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры («съежившиеся», «убывающие»), переживающие сложные драматические перемены, обозначаемые сегодня часто как феномен «деиндустриализации». Конкурентная борьба, феномен бустеризма (продвижение стратегии быстрого развития региона любой ценой), вынуждает регионы самоопределяться по отношению к *Другому*, вести активную политику выработки моделей репрезентации, направленную на внешнее признание их особости и исключительности. Именно понятие «репрезентация» наиболее активно используется сегодня в терминах для описания возможных форм существования региона: «политическая репрезентация», «виртуальная репрезентация», «историческая репрезентация» и т.д.

В наиболее общем виде репрезентация означает «представление одного в другом и посредством другого». С точки зрения теории отражения, репрезентация объекта – это его копия в идеальном плане, воспроизведение объекта. В рамках социального конструктивизма понятие «репрезентация» интерпретируется как ментальное образование, образ, имеющий, прежде всего, социальное происхождение. Репрезентация выявляет определенные стороны существования объекта и, в этом плане, создает, конструирует его. По словам

¹ Джонсон К., Коулман А. Внутренний «Другой»: диалектические взаимосвязи между конструированием региональных и национальных идентичностей // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 2. С. 107 - 125.

Н. И. Мартишиной, «если базовой интенцией понятия «отражение», при всех необходимых оговорках, выступает все же образ зеркала, в котором видны находящиеся перед ним объекты, то понятие конструирования указывает, что это зеркало является интерактивным: в нем можно рассмотреть какие-то фрагменты изображения крупным планом, заретушировать другие, изменить цветовую гамму, оставить лишь силуэты, высветить неуловимое обычным взглядом, увидеть, как выглядел объект какое-то время назад и как он будет выглядеть в случае внесения определенных изменений и т.д. Познание – это отражение в управляемом зеркале, и по самой своей природе оно создает новые (хотя бы в определенных отношениях) объекты»¹.

Проблема репрезентации пространства впервые была представлена в трудах французского культурного географа и философа-неомарксиста А. Лефевра. Репрезентация пространства, по мнению А. Лефевра, воплощается посредством образного языка знаков и символов. А. Лефевр приводит следующий пример: «Париж имеет свою икону – Эйфелеву башню...Меньше, чем за сто лет технический объект, который в свое время был технологическим манифестом, превратился в произведение искусства; ему приписывают эстетические качества: элегантность, гибкость, женственная привлекательность. Благодаря этой иконе видимый Париж приписывает эти качества себе»². Кодификация окружающего социум пространства разрабатывается, в первую очередь, архитекторами, скульпторами, планировщиками, художниками, учеными, т.е. профессионалами, владеющими культурным кодом. Затем эти коды начинают считываться на обыденном уровне, и повседневная жизнь обитателей прочно связывается с данным, сконструированным с помощью знаков и символов, пространством.

Репрезентация региона осуществляется также через его картографирование. Э. Релф отмечал, что когнитивные представления о пространстве, понятые, к примеру, через изучение карт, способствуют

¹ Мартишина Н. И. Реальность и ее конструирование. С. 47.

² Лефевр А. Другие Парижи // Логос. 2008. № 3 (66). С. 141 - 147.

формированию нашего перцепционного знания, которое, в свою очередь, проливает свет на ежедневные пространственные действия, когда мы передвигаемся между реально существующими местами¹. Ж. Бодрийяр также показывает, что сегодня картографические репрезентации пространства играют большую роль в восприятии реальных территорий, а само пространство превращается в область значений репрезентаций².

Определенный регион представляет собой также знаковую реальность, воплощенную в архитектуре и дизайне среды, территориальных комплексах, произведениях изобразительного искусства, литературно-поэтических текстах, сакральных местах и т.п. По замечанию О. И. Генисаретского, «каждому типу пространства соответствует определенное состояние сознания; и, напротив, каждое состояние сознания раскрывается в какой-то специфической пространственности»³.

Помимо значимости для формирования региона знаково-символических структур, отличительность региональной среды артикулируется с помощью административного ресурса. Он способствует целенаправленному созданию политического дискурса, конструированию новых значимых идентичностей, с помощью которых культурные и символические различия превращаются в политические. В современной действительности, по мнению А. Лефевра, репрезентации пространства выглядят чаще всего именно как репрезентации власти и идеологии. По словам А. Лефевра, пространство, являясь средством производства, выступает одновременно и средством контроля, а значит, представляет собой пространство господства и власти⁴. Согласно М. Китингу, размеры и форма регионов зависят от тех функций, которые они выполняют, и моделей политической мобилизации, которые придают им политическое значение⁵. К примеру, есть известные сложности в понимании термина «Центральная Европа». Что он включает: Польшу, Венгрию, Чехию и Словакию,

¹ Relph E. Place and placelessness. L., 1976.

² Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. Тула, 2003. С. 39.

³ Генисаретский О. И., Зильберман Д. Б. Возможность философии. Переписка 1975–1977 гг. М., 2001. С. 126.

⁴ Лефевр А. Производство пространства. С. 27.

⁵ Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе. С. 87.

образующих Вышеградскую группу? Или страны Центрально-европейской ассоциации свободной торговли, куда, помимо четырех названных стран входят еще Словения, Румыния и Болгария? А, может быть, еще более обширную зону действия патронируемой Италией Центрально-европейской инициативы?¹

Российский географ В. Л. Каганский отмечает, что регион – аналог текста в самом широком смысле слова, и работа с ним – путешествие в мир контекстов². И. И. Митин предлагает использовать метафору «палимпсеста»³, которая отражает видение региона как многослойной структуры, хранящей следы различных эпох⁴. Проблема репрезентации региона как раз и заключается в формировании особого текста культуры, поскольку «ландшафты, представляемые как красочный способ репрезентации среды обитания человека, могут исследоваться через множество источников и плоскостей: в картинах на холсте, в текстах на бумаге, образах в кино, так же, как и на земной поверхности»⁵. В терминологии М. Роуз, «текст» становится значимым посредством его «воплощения» (*enactment*), которое определяется как «материальные акты и жесты, которые делают тексты распознаваемыми чертами социальной жизни»⁶. Некоторые из этих «текстов» помогают «продавать» регион, а другие обращены к совершенно иным вопросам, например, к уникальности традиций в регионе. Предположение о репрезентациях региона приводит, с одной стороны, к принципиально разным вербальным концептуализациям, с другой, – к фиксируемым беспристрастным наблюдателем различиям в образе жизни. Одни люди умеют различать региональные «тексты» так, что для них становятся существенными значимыми многие детали, другие –

¹ Макарычев А. С. «Игры понятий»: новая «геометрия регионализма» в европейском контексте // Международные процессы. 2003. № 3. С. 70.

² Каганский В.Л. Методологические основания регионального анализа как культурной практики. С. 20.

³ Палимпсест - рукопись, написанная поверх смытого или соскобленного текста.

⁴ Митин И. И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск, 2004.

⁵ Daniels S., Cosgrove D. Introduction // S. Daniels, D. Cosgrove (eds.) *Iconography of Landscape: Essays on the symbolic representation, design and use of the past environments*. Cambridge, 1988. P. 8.

⁶ Rose M. The seductions of resistance: power, politics, and a performative style of systems // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2002. Vol. 20 (4). P. 391.

не придают этому значения, им присущ своеобразный дальтонизм в отношении к региону.

Любая репрезентация неизбежно создает рамки, стягивающие содержание региона к тем (заведомо ограниченным) контекстам, которые важно (интересно, выгодно) рассмотреть. В. Л. Каганский оценивает такой «рамочный» подход как непродуктивный, ибо «рамки могут быть сколь угодно изысканными, но они будут избирательными, далекими и неизбежно ориентированными на культурную моду»¹. Представляется, что «рамочный» подход неизбежен и может быть эвристичным, если контексты (формы репрезентации) региона рассматривать не как чуждые друг другу, а как находящиеся в диалектической противоположности. Развертывание их диалектической противоположности означает не просто внешнее сопутствие друг другу, но и постоянное, активное взаимодействие между собой. Это один из источников богатства форм существования региона и его устойчивости, гибкости взаимодействия с внешним культурным окружением.

Проблема форм репрезентации региона может быть рассмотрена и в ином ключе – в терминах игровой концепции культуры. Регионы в поисках новой идентичности заимствуют существующие культурные образцы, но при отсутствии времени на ассимиляцию их внутреннего, «идеологического» содержания, осваивается только внешняя, репрезентационная их составляющая, создающая подобие тотальной игры. К примеру, Санкт-Петербург использует для позиционирования своей отличительности метафоры, подчеркивающие, что этот регион является «частью мировой культуры». Метафора «Новой Венеции» содержит ассоциации с утонченной дипломатией, мировой культурой и высокоразвитыми торговыми отношениями, метафора «Новый Рим» апеллирует к имперским и геополитическим аллюзиям², образ «Русского Амстердама» подчеркивает значение Петербурга как транспортного узла, в то время, как образ «Русского Бостона» выделяет Петербург как ведущий центр российского

¹ Каганский В. Л. Методологические основания регионального анализа как культурной практики. С. 20.

² Joenniemi, P. The New Saint Petersburg: Trapped in Time. *Alternatives // Global, local, political*. 2003. № 28 (5). P. 590.

образования. Аналогичным образом Калининградская область претендует на образ «малой России», символизирующей и представляющей стратегические интересы России в Европе¹.

В настоящее время именно репрезентация регионов в публичном пространстве является основным критерием различения, само- и взаимных идентификаций. Регион может выступать как квазигосударство, как квазикорпорация, как рынок и как социум². А. Макарычев отмечает, что в современном мире регионы являются акторами, которые не просто преследуют свои интересы, а, в первую очередь, вовлечены в конструирование и репрезентацию региональных идентичностей³. К примеру, в настоящее время бывшие социалистические страны предпочитают называть себя «Центральной Европой», отказываясь от термина «Восточная Европа», которая в период «холодной войны» была не только географическим, но и политическим термином, синонимичным «отсталости» и «несамостоятельности».

Каков операциональный статус региональных контекстов? Какие из них являются сегодня наиболее предпочтительными? Кто сегодня является потребителем знания о регионе?

Пожалуй, можно выделить несколько таких «адресных» групп. Это, в первую очередь, местные жители, которые, оценивая опыт развития других регионов и стран, начинают «любопытствующим» взглядом оглядывать собственную территорию проживания и определять для себя региональное своеобразие. Поскольку, по словам А. Гупты и Д. Фергюсона, даже люди, продолжающие жить в местах, где жили их предки, обнаруживают, что их отношение к местности кардинально изменилось, а иллюзия естественной связи культуры и места нарушена⁴. Это чиновники, мечтающие продвинуть собственный регион по шкале федеральной значимости. Это исследователи,

¹ Makarychev A. Identity and representation of Russian regions. P. 189.

² Дворцов В. И. «Регионы-системы» как новое госэкономическое инфраструктурное деление – проблема становления // Безопасность Евразии. 2005. № 2. С. 443 - 445; Абрамов В. А., Волнина Н. Н. Глобализирующийся человек: грани социокультурного изменения. Чита, 2006.

³ Makarychev A. Указ. соч. P. 186.

⁴ Gupta A., Ferguson J. Beyond «Culture»: Space, Identity, and the Politics of Difference. P. 10.

работающие в рамках различных методологий (марксисты, модернисты, конструктивисты), которые продуцируют знание о регионе, дополнительно поддерживая его системой объяснений и обоснований. Это туристы и мигранты, не имеющие укорененности в данном регионе, но случайно оказавшись в нем, пытающиеся для себя определить его эстетическую и экономическую привлекательность. Главным смыслом здесь оказывается не формулирование единственного верного представления, а открытие поля конкуренции различных представлений о регионе. Знание о регионе не существует вне отношения к позиции наблюдателя, социальных соглашений и культурно-исторического контекста. В таком ракурсе регион выступает одновременно и как место пересечения подвижных культур, и семиотическое пространство, и пространство политической конкуренции, и место оседания и формирования локальных культур.

В целом представляется, что рассмотрение региона как социального и ментального феномена/конструкта делает актуальным использование тех концепций, в которых присутствует «момент пересечения субъективности, общества и пространства»¹ (среди них анализ пространственного измерения человеческой жизни у М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти, Д. Харви, А. Лефевра, М. Фуко, Э. Соджа, Э. Гидденса, Б. Верлена и т. д.). В них присутствует понимание региона как динамичной, гибридной, гетерогенной, дискурсивной структуры. Конечно, здесь речь идёт скорее о поиске некой общей тенденции в исследовании региона, нежели о формировании единой теории и общей методологии. Однако субъект-центрированный характер этих концепций – ориентация на субъективное действие, конструирование, деятельностный аспект – позволяет говорить об их взаимодополнительности, а также надеяться на возможность построения в будущем единой теории региона.

¹ Верлен Б. Общество, действие и пространство. С. 25.

Выводы к главе 1:

1) На фоне глобализации, перемасштабирования государств и роста регионализма в академической среде происходит активное обсуждение концепта «регион». Имеющиеся к настоящему времени в частных науках подходы к определению региона отличаются разнонаправленностью и слабой корреляцией между собой (регион как «природно-географическое пространство» – в географии; «часть экономической системы государства» – в экономике, «административная единица государства» – в политологии, «место социального взаимодействия субъектов» – в социологии, «локальный культурный комплекс» – в этнологии (в первую очередь, во французской этнологической традиции). Эти аспекты определения региона отражают эссенциалистский/объективистский подход, в рамках которого регионы рассматриваются как естественные реальности, выстраиваемые на основе объективно существующих, устойчивых факторов;

2) Если современному типу культуры были свойственны идеи «контейнерного» способа организации пространства, деления на государства и подчинения им регионов, то обновление методологических подходов в так называемых «критических исследованиях» в рамках постмодернизма приводит к формированию новой пространственной парадигмы, для которой характерны следующие тенденции в понимании концепта «регион»:

- утверждение взгляда на регион как на воображаемый, конструируемый посредством нарративов феномен, «геоконцепт»;
- усиление сомнения в существовании объективных факторов формирования региона и рост значимости в его структуре субъектного начала;
- переосмысление сопряженного с регионом понятия «граница», которое все больше приобретает символическое значение и становится, по выражению Г. Зиммеля, мысленным, социологическим явлением;
- переход от рассмотрения региона как «объекта-в-себе» к региону как открытой структуре и системе отношений (space in-between);

- осмысление региона в терминах «культурного ландшафта», как определенной структуры, в значительной степени предписывающей способы мышления и поведения людей;

3) Несмотря на процессы «рассеивания» и фрагментации регионов в современной культуре, регион продолжает сохранять устойчивость как специфическое территориальное сообщество, а актуальными «методологическими картами» в его исследовании в настоящее время могут стать подходы культурной/гуманитарной географии (cultural geography) и социального конструктивизма, в которых очевидным образом обнаруживается тенденция к смещению интереса от изучения региона «самого по себе» к выявлению его значимости для жизни субъекта;

4) Применительно к изучению концепта «регион» конструктивизм открывает в философии культуры новые перспективы его анализа, а именно:

- рассмотрение региона как социально-политического и социально-культурного конструкта;

- описание региона как процесса деятельности, состоящего в интерпретации различий, в формировании границ и изобретении традиций;

- представление о регионе как коллективном дискурсе, обнаруживающем себя на уровне специализированного (научного, политического) и обыденного сознания;

- характеристики региона как «воображаемого сообщества» (Б. Андерсон), в котором большие и распределенные группы людей схватываются как целостность исключительно в воображении и восприятие которых в культуре постмодерна часто зависит от технологий масс-медиа;

5) Параметрами конструирования региона, как объекта системного типа, являются институционально-политический контроль, экономическое развитие, культурная стандартизация, общность исторического прошлого. Любой из этих факторов может обеспечить (реальную или воображаемую) гомогенность территории. Территориальность в этом контексте оказывается не независимой

переменной, а опосредующим фактором, благодаря которой остальные факторы постигаются и наполняются смыслом;

6) На основе выделенных параметров регион в культуре постмодерна может конструироваться как «институционально-политическая общность»; «система экономических отношений по поводу формирования человеческого капитала»; «жизненное пространство», в котором происходит «присвоение» определенной группой конкретной территории; «пространство производства исторического наследия и коллективной памяти»;

7) В современной культуре онтологический статус региона раскрывается посредством его «политических», «исторических», «знаково-символических» и «виртуальных» репрезентаций

Глава 2.

Региональная идентичность в меняющемся мире

§ 1. Региональная идентичность как социокультурный феномен

В настоящее время вопрос о региональной идентичности является одним из самых обсуждаемых в отечественных и зарубежных гуманитарных исследованиях. По оценке А. Пааси, введение термина «региональная идентичность» в Google дает ссылку более чем на 400 тысяч страниц текста, и на многих веб-страницах данное понятие выступает как ключевое в контексте описания экономической конкуренции между регионами и выстраивания региональной культурной стратегии¹. Такое внимание к региональной идентичности, по-видимому, детерминировано как внеаучными факторами (например, изменением характера самоорганизации региональных сообществ в условиях глобализации), так и ситуацией, происходящей внутри самой науки (трансформацией научного знания о регионах и региональной идентичности в целом).

Как было показано ранее, в современных концепциях регионов явно выражен аспект относительности их разграничения, а реляционный подход к регионам² все более противопоставляется субстанциональному подходу³. Отказавшись от «контейнерного мышления» и видения регионов как пространственно определенных сущностей с ясно выраженными дифференцирующими признаками, представители реляционного подхода рассматривают регионы как открытые, неоднородные образования, включенные

¹ Paasi A. The Resurgence of the “Region” and “Regional Identity”: Theoretical Perspectives and Empirical Observations on Regional Dynamics in Europe // *Review of International Studies*. 2009. Vol. 35. P. 121.

² Подобный подход разрабатывается, в основном, британскими исследователями (См.: Allen J., Massey D. and Cochrane A. *Rethinking the region*. London, 1998; Amin A. *Regions unbound: towards a new politics of place* // *Geografiska Annaler*. 2004. В 86. P. 33 - 44.)

³ Johnston R. J., Gregory D., Pratt G. and Watts M. (eds.) *The dictionary of human geography*. Oxford, 2000.

в «калейдоскопические сети отношений»¹. Очевидно, что переосмысление региона в реляционных терминах требует нового подхода и к изучению региональной идентичности. В современном сетевом пространстве региональная идентичность уже не воспринимается как идентичность четко разграниченных территорий². К. Терлоу, в частности, пишет о нестабильности новых регионов, в которых отсутствует «традиционная региональная идентичность», и вводит понятия «плотной» (thick) и «истонченной» (thin) региональной идентичности³. В научных исследованиях все чаще отмечается, что постоянное перемещение людей, вещей и информации требует изменения социального знания о региональной идентичности и поиска специфической методологии ее изучения. Фокус анализа переносится с объективных культурных различий региональных сообществ на их чувство принадлежности к группе или территории, что делает актуальным обращение в философии культуры к исследовательской программе конструктивизма.

На фоне общего методологического поворота в пространственных исследованиях заключена опасность отождествления понятий «идентичность» и «имидж» региона, поскольку оба термина используются в современных исследованиях скорее в инструментальном ключе: в политической практике, для разработки региональных брендов, решения вопроса о возможных репрезентациях региона. В этой ситуации становится необходимым комплексный анализ содержания и характерных особенностей региональной идентичности. Для этого предлагается обратиться к рассмотрению понятийно-категориального аппарата, связанного с проблемно-теоретическим полем региональной идентичности, и одним из базовых понятий в этой связи оказывается концепт «идентичность».

¹ Allen J., Cochrane A. Beyond the territorial fix: regional assemblages, politics and power // *Regional Studies*. 2007. № 41 (9). P. 1161 – 1175.; Massey D. The conceptualization of place // Massey D. and Pat J. (eds) *Place in the World*. Oxford, 1995. P. 45 – 86.

² См., например: Amin A. *Regions unbound: Towards a new politics of place*. P. 33–44.; Boås M., Hveem H. *Regionalisms compared: The African and Southeast Asian experience* // Hettne B., Inotai A. and Sunkel, O. (eds.) *Comparing Regionalisms*. London, 2001. P. 93 - 131.

³ Terlouw K. From thick to thin regional identities? P. 707 – 721.

Понятие «идентичность» сохраняет свою значимость в междисциплинарном дискурсе социально-гуманитарного знания уже довольно продолжительное время, несмотря на постмодернистские попытки подвергнуть этот термин исследовательской критике¹. В частности, постструктуралисты, критикуя такие понятия классической западной философии, как «идентичность» и «субъект», вводят вместо них новые термины. Ж. Делез, к примеру, полемизирует с классической традицией тождества мышления и считает, что именно различие, а не идентичность является в современных философских исследованиях центральной категорией².

Как известно, термин «идентичность» в научный оборот был введен Э. Эриксоном, который идентичностью называл процесс организации жизненного опыта в индивидуальное «Я»³. Под идентичностью понимался процесс переживания индивидами или группами собственной устойчивой целостности, самоидентичности⁴. В конкретных исследованиях проводилось также разграничение терминов «идентичность» и «самосознание», или тем, что в западной науке именуется «Я-концепцией». Под самосознанием в отечественной философии и психологии традиционно понимали «процесс выделения человеком себя из объективного мира, а также – осознание и оценку своего отношения к миру, себя как личности, своих поступков, действий, мыслей, чувств, желаний»⁵. В отличие от самосознания, идентичность рассматривалась как переживание тождественности, определенности и целостности, единицей анализа которой выступает «Образ Я»⁶. Необходимым условием идентичности является то, что идентифицируемое характеризуется отчетливо выраженной сущностью, в разных обстоятельствах оно может идентифицироваться или идентифицировать

¹ См., например: Hall S. Introduction: Who needs "identity"? // Questions of Cultural Identity/ ed. by S. Hall and P. du Gay. L., 1996. P. 1 - 17.

² Делез Ж. Логика смысла. М., Екатеринбург, 1998. С. 235 - 239.

³ Erikson E. Psychosocial Identity // A Way of Looking at Things. Selected Papers / ed. by S. Schlein. N.Y., 1995.

⁴ Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности // Психология самосознания. Хрестоматия. Самара, 2000. С. 597.

⁵ См., например: Кон И. С. Открытие Я. М., 1989., Столин В. В. Самопознание личности М., 1983., Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии. М., 1977.

⁶ Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 43 – 54; Козлов В. В. Интегративная психология: Пути духовного поиска, или освящение повседневности. М., 2007.

себя как *то же самое*. В соответствии с законом идентичности ($A = A$), «всякому существу как таковому присуще тождество, единство с самим собой»¹.

Исследования Дж. Мида, Э. Гоффмана, Э. Гидденса, Ю. Хабермаса выводят проблему идентичности из сферы психологии, помещая ее в социальный контекст. Энтони Гидденс, в частности, характеризует идентичность как «часто неосознаваемую уверенность в принадлежности какому-либо коллективу, общие чувства и представления, разделяемые членами коллектива и выражаемые как в практическом, так и в дискурсивном сознании»². Монсеррат Гибернау отмечает, что «континуальность» и дифференциация с «Другими» являются критериями определения любой идентичности³. «Другой» здесь становится способом достижения самотождественности, способствует «замыканию» субъекта в отдельную целостность, выделенную из внешнего мира. Именно на этом уровне мы можем начать говорить об идентичности, которая действительно в определенном смысле конструируется и реконструируется на протяжении всей жизни субъекта.

Критерии «континуальности» (тождественности самому себе) и ощущение внутри себя «другого» требуют наличия социально-исторических оснований, включенности субъекта в систему отношений. Ощущение самотождественности и чувство бытия способно проявиться только на основе связанности с другими: онтологически чувство бытия не сводимо к «я есть», в любом случае «я есть» будет стремиться к более развернутому «я есть где и как?»⁴. Идентичность также предполагает не только выделение субъектом своей социальной ценности, смысла своего бытия, но включает и его представления о своем прошлом, настоящем и будущем, ценностные ориентации субъекта. В этом смысле идентичность реализует себя только в рамках конкретного социально-исторического и культурного контекста, от которого, она в конечном итоге

¹ Цит. по: Соколовский С. В. Метафизика идентичности и исследования процессов идентификации в социальных науках // Сибирские исторические исследования. 2015. № 1. С. 11.

² Гидденс Э. Модерн и самоидентичность // Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс: реферативный сборник / под ред. Ю. А. Кимелева. М., 1995. С. 95 - 113.

³ Guibernau M. The identity of nations. Cambridge, 2008. P. 10.

⁴ Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты: коллективная монография / К. В. Патырбаева, В. В. Козлов и др. Пермь, 2012. С. 10.

зависит. При том, что принадлежность остается постоянной переменной, элементы, вокруг которого выстраивается чувство принадлежности, изменчивы. Они зависят от изменяющихся социальных условий, и в этом отношении идентичность является процессуальным феноменом¹.

По форме существования идентичность классифицируют на «внешнюю» и идентичность «внутреннюю». «Внешняя» идентичность включает основные характеристики субъекта, его личные склонности и характерологические особенности, объясняющие способ его взаимоотношений с окружающими и тип поведения в обществе. Дж. Г. Мид назвал данную черту «обобщенным другим в индивидууме», способом концептуализации и интериоризации определенных ролей². Идентичность «внутренняя» носит не общественный, а персональный характер и основывается на личной истории. «Внутренняя» идентичность способна принимать нарративную форму, которая конструируется на основе повседневной деятельности и личных контактов субъекта. «С одной стороны, нарративная идентичность – конструкция, основанная на опыте человека, или собранная из значимых его фрагментов; с другой стороны, нарратив – это рассказанная история, предполагающая выстраивание логической последовательности событий и наличие сюжета, объясняющего логику этой последовательности»³. Нарратив по своей форме и содержанию соответствует конструируемой идентичности человека,⁴ которая является, в свою очередь, процессуальным феноменом.

Любая идентичность, помимо отражения свойств и характеристик самого субъекта, позволяет осознавать общность и создавать временные ситуативные альянсы с другими субъектами. Как отмечает С. В. Соколовский, разнообразные

¹ О процессуальном характере идентичности см., например: Beck U. *Rick Society. Towards a new Modernity.* London, 1992.

² Stryker S., Stratham E. A., *Symbolic interaction and role theory / Handbook of social psychology.* N.Y., 1985. Vol. 1. P. 311 – 378.

³ Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Социологический анализ биографических нарративов как способ изучения механизмов формирования сибирской региональной идентичности // *Гуманитарный исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.* 2014. № 2. С. 52.

⁴ McAdams D.P. *Personal narratives and the life story // John O.P. and Pervin L.A. (eds.) Handbook of personality: Theory and research.* N.Y., 2008. P. 241 – 261.

идентичности могут наследоваться (человек может их обретать от родителей, Бога или природы), могут навязываться, достигаться, приобретаться, присваиваться, отчуждаться, меняться спонтанно или по желанию, достигаться с помощью магии или за счет собственных усилий¹. Реальные или воображаемые идентичности составляют важный элемент для понимания ценностных ориентаций и поведения субъекта, его социальных координат. В этом плане идентичность выполняет организующую функцию в развитии субъекта.

В рамках постмодернистского подхода идентичность рассматривается как гибридное по своей сути явление². В культуре постмодерна принадлежность, например, к той или иной политической или религиозной группе, уже не выглядит достаточным основанием для определения места субъекта в обществе, его идентичность формируется на основе множества идентификаций. По словам Р. Брубэйкера, в современном мире идентичность отличается разнообразием, нестабильностью, постоянной изменчивостью, фрагментарностью, конвенциональностью³. М. Кастельс определяет идентичность как процесс конструирования значений на основе культурных свойств, которые имеют приоритет над другими источниками значений⁴.

Трансформация концепта «идентичность» по-новому ставит вопросы о выборе человеком своего места в мире, актуализирует проблему определения и самоопределения субъекта в современной культуре. П. Штомка отмечает, что, несмотря на все социальные изменения, в природе человека есть стремление к порядку, привычке, повторяемости, продолжительности, стандартизации, предсказуемости, то есть тому, что удовлетворяет наше стремление к экзистенциальной безопасности⁵, а Р. Парк говорит о том, что в целях

¹ Соколовский С. В. Метафизика идентичности и исследования процессов идентификации в социальных науках. С. 15.

² Yuval-Davis N. National Spaces and Collective Identities: Borders, Boundaries, Citizenship and Gender Relations. Inaugural Lecture Series: The University of Greenwich, 1997; Morley D., Robins K. Spaces of identity. London, 1995.

³ Brubaker R., Cooper F. Beyond «Identity» // Theory and Society. 2000. № 1. P. 11.

⁴ Castells M. The power of identity. P. 6 – 7.

⁵ Штомка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социс. 2001. № 2. С. 3 – 12.

осуществления коммуникации и устойчивости общества индивиды и группы должны быть *местоположены*¹.

Очевидно, что исторически первый тип отношения человека к миру разворачивался на фоне полного слияния индивида с родовым коллективом. Осознание своей принадлежности к роду обеспечивало возможность формирования идентичности, а со временем – ее расширение и углубление. Постепенно отношения с миром стали более сложными, появились различные типы и уровни принадлежности индивидов (по отношению к этносу, различным социальным группам, государству и т.п.), что в конечном итоге способствовало формированию различных «образов Я». Сегодня метафора «местоположенности» индивида и групп, предложенная Р. Парком, является эвристичной, в том числе, для описания актуализации того типа идентичности, который исторически оказался связан с прикреплением индивида к определенной территории, местности, региону. Именно такой тип идентичности принято обозначать как «региональная идентичность».

Региональная идентичность выступает форматизирующим признаком региона как социокультурного феномена, а чувство региональной тождественности, общности маркирует его границы. Ранее на основе методологии социального конструктивизма было показано, что осмысленное пространство региона существует именно благодаря сообществу, ощущающим его специфику. Региональная идентичность, по словам Г. М. Казаковой, служит инструментом воссоздания специфической коллективной социальности, задает норму антропологического воображения и является продуктом коллективной памяти². В. Л. Каганский утверждает, что пространственная идентичность вряд ли существует в случайном фрагменте пространства; в ее реализации необходима ощущаемая *специфика* определенной территории и определенной группы. Идентичность – есть «ощущение, переживание и даже рефлексия (чаще

¹ Парк Р. Сознание бродяги: рассуждения по поводу соотношения сознания и перемещения // Социологическое обозрение. 2003. Том 3. № 1. С. 36.

² Казакова Г. М. Российская региональная идентичность: культурологический дискурс // Вестник МГУКИ. 2008. № 6. С. 19.

нерациональная) специфики «своей» территории на уровне группового и личного сознания»¹.

Именно принадлежность к определенному месту продуцирует в условиях современной культуры чувство стабильности. Кроме того, значение региональной идентичности актуализируется в моменты кризиса глобальной культуры, в ситуации отсутствия национальной идеи на государственном уровне. В этих условиях, региональная идентичность, самоотождествление человека со своей «малой родиной», с местом проживания утверждается в процессе сознательного и неосознанного противостояния обезличенным глобальным символам².

Кроме того, региональная идентичность выполняет функцию первичной социализации индивида и удовлетворяет его базовую потребность в принадлежности к определенному сообществу. Осознание своей региональной принадлежности является важным компонентом формирования личной идентичности, поскольку: во-первых, принципы дифференциации и отличия одних сообществ от других выстраиваются, прежде всего, по отношению к территории проживания; во-вторых, на самоопределение человека влияет тот факт, живет ли он постоянно в одном месте или вынужден перемещаться; в-третьих, личностная самооценка во-многом зависит от испытываемого чувства гордости за ту территорию, на которой человек проживает; в-четвертых, территория проживания в значительной степени формирует деятельность, активность человека, придает ему веру в собственные силы³.

В широком смысле интерес к региональной идентичности в современной культуре инициирован распространением глобального капитализма, его влиянием на субнациональном и региональном уровне, ситуацией роста

¹ Каганский В. Л. Ареальная парадигма пространственной идентичности: основания, пределы, выход за пределы // Вестник Пермского научного центра. 2014. № 5. С. 11.

² Семененко И. С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей / Отв. ред. И. С. Семененко. М., 2011. С. 11.

³ Fialova D., Chromy P, etc. The forming of regional identity and identity of regions in Czechia – introduction to the research on the impact of second housing and tourism // Acta Universitatis Carolinae. 2010 Geographica. Nos. 1 - 2. P. 49 - 60.

конкуренции между регионами. Основным противоречием современного общества М. Кастельс¹ считает противоречие между усиливающейся глобализацией мира и самобытностью конкретных сообществ. Опираясь на концепцию А. Турена, он вводит понятие «идентичность сопротивления», которое описывает сообщества, объединившиеся против глобализации и усиления национальных идеологий. Во всем мире растет активность населения территорий с определенной культурной отличительностью и с мощной идейно-политической мобилизацией вокруг идеи регионального самоопределения. Конструирование региональных идентичностей в современных российских реалиях также во многом носит протестный характер, а подчеркивание своей особенности и уникальности становится сегодня для многих российских регионов «стратегией выживания».

Отечественные и зарубежные этнологи и социологи, в частности, указывают на очевидный парадокс: нивелирование реальных культурных различий между регионами рождает бурные дискуссии о региональной отличительности и своеобразии. Например, на основе данных социологических опросов в Западной Европе, Марко Антонсич утверждает, что привязанность к территории (месту, региону, стране) в эпоху глобализации выглядит более проявленной и сильной по сравнению с аналогичными данными середины 1990-х гг.² Это мнение разделяют также географы и экономисты: «Вот и постиндустриальный парадокс: информационно-деловые акторы мыслят и действуют глобально, вроде бы стирая дистанции и границы, но сами вместе со своим сектором устроены иерархично и весьма избирательно, локально»³. По словам С. Элдона, онтологически глобализация основывается все на той же идее исчислимого, однородного пространства⁴, и в этих условиях мы наблюдаем возрождение регионов (regional revival) и рост региональной идентичности.

¹ Castells M. The power of identity. Oxford, 1997.

² Antonsich M. Territorial attachment in the era of globalization: The case of Western Europe // European Urban and Regional Studies. 2014. Vol. 21 (2). P. 210.

³ Курасов А. И., Трейвиш А. В. Мировые города в постиндустриальной экономике: термины, теоретические конструкции и реальность // Мир России. 2009. № 1. С. 36.

⁴ Элдон С. Утраченная точка... С. 70

Таким образом, многими авторами осуществляется констатация повсеместного усиления и роста региональной идентичности, а в научных публикациях количество эмпирических исследований, связанных с изучением конкретных региональных идентичностей, продолжает увеличиваться. Однако, несмотря на это, пока сложно говорить о теоретико-методологической концептуализации этого понятия. В частности, открытым остается вопрос об определении содержательных компонентов региональной идентичности как особой формы коллективных представлений.

Опираясь на сложившиеся в научной литературе представления о ней, выделим некоторые аспекты исследования коллективной идентичности, способные обозначить теоретический статус региональной идентичности и являющиеся взаимодополнительными при ее изучении как социокультурного феномена.

Во-первых, это эссенциалистская концепция о том, что развитие коллективной идентичности обусловлено территориальным, этнокультурным, языковым, религиозным, историко-культурным факторами, она обеспечивает устойчивость и стабильность общества в возникновении некоего единства. В таком понимании коллективная идентичность связана с сохранением незыблемых ориентиров, она способствует установлению границ сообщества, обеспечивая его единство и сплоченность, необходимые для того, чтобы отличать его от других. По определению В. Н. Стрелецкого, в рамках эссенциалистского подхода коллективная идентичность рассматривается как сумма характеристик, является результатом действия каких-то определенных причин и факторов и носит тождественный характер у всех членов группы¹. Эссенциалистский подход в настоящее время остается весьма влиятельным в отечественных научных исследованиях, хотя все чаще критикуется за реификацию воображаемых сообществ, различий и частностей, превращение изменчивых и непостоянных отношений в застывшую субстанцию.

¹ См., например: Стрелецкий В. Н. Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов. С. 9 – 21.

Во-вторых, это идеи инструменталистов, акцентирующие внимание на таких основных функциях коллективной идентичности, как психологическая защита группы и мобилизация социальных групп на защиту своих интересов. В этом контексте коллективная идентичность имеет операциональное значение, поскольку она определяет способ деятельности группы, наполняет смыслом ее действия и обеспечивает возможность принятия решений. В рамках инструменталистского подхода коллективная идентичность приобретает черты стратегии, направленной на достижение определенных целей группы. Этими целями может быть ее самопрезентация во внешнем пространстве, достижение уважения к себе, признания со стороны значимых других, поиск психологического благополучия и т.п.¹ Согласно А. Пааси, коллективная идентичность является *soft power* («мягкой силой») в процессе создания социальных связей, регионального маркетинга и экономического развития².

В-третьих, это идея конструктивистов о конкретно-исторической и ситуационной относительности содержания коллективной идентичности³. Коллективная идентичность предстает здесь как непрерывный процесс самоидентификации, как результат многочисленных само- и иноприписываний, аскриптивной классификационной практики множеств людей. В конструктивистском подходе коллективная идентичность также мыслится как субъективный и изменчивый феномен, как результат договоренности между всеми действующими лицами, участвующими в процессе выстраивания системы социальных связей, в той самой «сборке социального», о которой пишет Брюно Латур⁴. На первый план при характеристике идентичности выходит интерпретация своеобразия группы, которая лежит в основе конструирования сообщества⁵. Этот подход акцентирует внимание на том, что идентичность

¹ Jackson P., Penrose P. (eds). *Construction of Race, Place and Nation*. London. 1993; Brubaker R. *Ethnicity without Groups*. Cambridge, 2004; Brubaker R. *Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town*. Princeton, 2006.

² Paasi A. *The resurgence of the region and regional identity*. P. 141.

³ Hall S. and P. du Guy. (eds). *Questions of Cultural Identity*. L., 1996.

⁴ Латур Б. *Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию*. М., 2014.

⁵ Назукина М. В. *Концепт региональной идентичности: методологический взгляд политолога // Экономические и гуманитарные исследования регионов*. 2011. № 6. С. 90.

может выбираться субъектом, она может быть сконструирована и ею можно манипулировать, это – «оспариваемые результаты властных отношений»¹. Сторонники «умеренного» конструктивизма признают, что, хотя идентичность конструируется субъектом, тем не менее, в ней отражаются конкретные реалии, маркеры формирования идентичности.

Инструментализм и конструктивизм в качестве определенных теорий рассматривают идентичности как достигаемые, приобретаемые феномены. Данная трактовка идентичности исходит из ее понимания как процесса, который постоянно воспроизводится, а не существуют как данный. Согласно Ч. Тилли, «идентичности всегда нуждаются в подтверждении, всегда зависят от обстоятельств, всегда представляют собой результат переговоров (negotiable)»². Соответственно, их содержание составляют изменчивые идентификации, которые образуют систему конструктов, специфическую у каждого конкретного субъекта. В терминах З. Баумана, идентификация в реалиях глобализирующегося мира никогда не заканчивается, она всегда не завершена, не окончена³.

Отметим, что каждый из выделенных аспектов понимания коллективной идентичности задает приоритеты исследования применительно к изучению региональной идентичности. Например, если соотносить региональную идентичность с «суммой характеристик» региона (эссенциализм), то при исследовании региональной идентичности на первый план выходит специфика образов, отражающих географическое положение, экономическое и политическое развитие региона, социальные отношения людей в рамках региона; а если рассматривать региональную идентичность как средство достижения обособления в политико-административном ракурсе (инструменталистский подход), то привлекают внимание, прежде всего, вопросы, связанные с

¹Pred A. Place as historically contingent process: Structuration and the time-geography of becoming places // *Annals of the Association of American Geographers*. 1984. Vol. 74. № 2. P. 279 - 297; Paasi A. The institutionalization of regions: a theoretical framework for understanding the emergence of regions and the constitution of regional identity // *Fennia* 1986. № 164. P. 105 - 146; Paasi A. Deconstructing regions: notes on the scales of socio-spatial life. P. 239-254; Murphy A.B. Regions as social constructs // *Progress in Human Geography*. 1991. № 15. P. 22 - 35.

² Цит. по: Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. М., 2012. С. 11.

³ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 192.

формированием регионов (region-building), созданием привлекательности имиджа своего региона, построения его брендинговой стратегии. Избранный подход, таким образом, задает определенную рамку перспектив исследования региональной идентичности.

В данной работе акцент будет сделан на процессе «материализации», формировании региональной идентичности в ходе социокультурных практик. Опираясь на идеи М. Кууса¹ и К. Зиммербауэра², можно указать, что региональная идентичность является не только свойством индивида и группы определять себя в пространстве, но и неким качеством, которое активно репрезентируется. Это положение восходит к работам Дж. Бутлера³, который выдвинул теорию перформативности как альтернативную позиции радикального конструктивизма, в котором традиционно абсолютизируется роль лингвистических конструкций в восприятии пространства. М. Куус подчеркивает, что теория перформативности смещает фокус исследования с «лингвистического конструктивизма» к «речевым актам» и актуальным практикам, посредством которых дискурсы материализуются⁴. Такой подход характерен и для акторно-сетевой теории, которая рассматривает социальное не просто в терминах конструктов и дискурсов, а как возникающее в процессе совместного действия человеческого и материального факторов⁵.

В этом контексте социальное конструирование региональной идентичности как символической консолидации сообщества воспринимается процессуально, а гибридное сосуществование различных дискурсов о регионе обеспечивает устойчивость региональной идентичности в современной культуре. Перформативный подход, таким образом, ориентирован на «производство

¹ Kuus M. Ubiquitous identities and elusive subjects: puzzles from Central Europe // Transactions of the Institute of British Geographers. 2007. № 32 (1). P. 90 – 101.

² Zimmerbauer K. From image to identity: building regions by place promotion // European Planning Studies. 2011. № 19 (2). P. 243 – 260.

³ Butler J. The psychic life of power: theories in subjection. Stanford, 1997.

⁴ Kuus M. Ubiquitous identities and elusive subjects: puzzles from Central Europe. P. 90–101.

⁵ Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford, 2005; Rose G., Degen M., and Basdas B. More on 'Big Things': Building Events and Feelings // Transactions of the Institute of British Geographers. 2010. № 35. P. 334 – 349.

региона» (region-building) в ходе актуальных практик людей и на инструментальное использование региональной идентичности, а не нацелен на то, чтобы дать лишь образную характеристику регионов.

Представляется, что конструирование региональной идентичности осуществляется, в первую очередь, применительно к определенной территории. Еще Б. Андерсон, теоретизируя по поводу наций, отметил, что формирование идентичности предполагает наличие четких границ, за их пределами находятся уже другие сообщества¹. Именно территория определяет рамки социального взаимодействия, служит основой для формирования общего мироощущения и чувства единства, предполагающего общую идентичность. Как отмечает Марко Антонсич, территории одновременно являются контекстом, формирующим у людей чувство привязанности и источником самой привязанности².

Помимо значимости территориального фактора в определении региональной идентичности, аспекты содержания этого понятия выявляются в сопоставлении с другими, близкими по смыслу терминами. И здесь, в первую очередь, особый интерес представляет собой выделение оснований для сопоставления региональной и национальной идентичности как специфических форм коллективной идентичности. В сравнении этих форм, на наш взгляд, можно обнаружить отличительные особенности собственно региональной идентичности.

Отметим, что в социальных науках длительное время приоритет отдавался изучению именно национальной идентичности. Так, Н. Петров указывает на то, что до сих пор региональная идентичность является «слабым звеном» среди других типов идентичности, а ее изучение осуществляется по остаточному принципу³. По словам Л. В. Смирнягина, «региональная идентичность нередко характеризовалась как явление, производное от этнической, возникающее только там, где этнические идентичности пересекаются на территории и порождают

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. С. 35.

² Antonsich M. Territorial attachment in the era of globalization: The case of Western Europe. P. 208.

³ Петров Н. Формирование региональной идентичности в регионах России // Центр и региональные идентичности в России. СПб., 2003. С. 125 - 177.

конфликт территориального характера»¹. Л. В. Смирнягин, в частности, обращает внимание на то, что региональная идентичность гораздо древнее национальной идентичности. С. Хантингтон также утверждал, что локальная солидарность имеет большее значение по сравнению с общегосударственной, кроме случаев мобилизации населения против общего врага². Как мезоуровень в системе идентификационной пирамиды, региональная идентичность, сочетающая в себе как общие цивилизационные характеристики, так и местные особенности, заслуживает отдельного изучения, особенно в российской научной традиции, где, по мнению некоторых исследователей, до сих пор господствуют две позиции в отношении к пространству – «универсализм» и «элементаризм/местечковость»³.

Некоторые особенности являются общими как для региональной, так и для национальной идентичности. Оба этих варианта коллективной идентичности апеллируют к социальным мифам об особых качествах местообитания группы, их выраженность зависит от наличия и поддержания коллективной памяти, сложившихся ценностей и норм, они предполагают конструирование субъектами неких самообразов, и внешне могут проявляться в культуре быта (например, в одежде, использовании языка, пищевых предпочтениях и т. п.)⁴. Можно отметить и присутствие корреляции между этими двумя видами идентичности в плане структуры. И региональная, и национальная идентичности, по замечанию Е. И. Филипповой, имеют когнитивное, аффективное, инструментальное измерения⁵.

В широком смысле и региональная, и национальная идентичность представляет собой эмоциональную и интеллектуальную связь субъекта с расширенным образом «мы», включающим как современников, так и предыдущие и последующие поколения. Рассматривая региональную

¹ Смирнягин Л. В. О региональной идентичности. С. 21 - 49.

² Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2008. С. 120.

³ Казакова Г. М. Российская региональная идентичность: культурологический дискурс. С. 17 - 18.

⁴ См.: Смирнягин Л. В. Указ соч. С. 30, 31.

⁵ Филиппова Е. И. Этническая или региональная идентичность? С. 7.

идентичность во Франции, Ф. Бродель, например, описывал ее как результат культурно-исторического наследия и общих разделяемых символов группы и одновременно, как непрерывный поиск региональным сообществом себя в настоящем.

Момент демаркации региональной и национальной идентичности выражается, прежде всего, в том, что последняя рассматривается как макрополитическая идентичность¹. По выражению Э. Коэна, национальная идентичность является политизированной культурной идентичностью². Можно согласиться с финским исследователем А. Пааси, который, характеризуя территориальные идентичности, сближает национальную идентичность с концептом «идеология», поскольку идеология также связана с процессом производства значений и ценностей в социуме и пространстве. Согласно А. Пааси, национальная идентичность и идеология являются важными инструментами общественной интеграции и контроля над территориальными социальными группами³. Национальная идентичность, в отличие от региональной, стремится к унификации культурного многообразия, отражает идею одной страны с одним историческим и культурным прошлым и с одним политическим будущим.

В зависимости от ведущих оснований социальной консолидации регионального сообщества его самосознание может выстраиваться на социальном, политическом, историческом, языковом (диалектном) или этническом самосознании. Эти основания могут дополнять друг друга, а могут противопоставляться. Так, образ региона для коренных жителей и гостей может быть связан с культурой и самосознанием, языковым диалектом и говором, с религией (православием, старообрядчеством, язычеством), особым образом жизни, психологией, политическими установками (конформизм/конфликтность),

¹ Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. 2010. № 2. С. 90 - 105.

² Cohen A.P. Culture as Identity: An Anthropologist's View // New Literary History. Vol. 24. № 1. Culture and Everyday Life. Winter 1993. P. 197.

³ Paasi A. Territorial identities as Social Constructs // Hagar – International Social Science Review. 2000. № 1. P. 91 - 113.

особым историческим путем и даже формированием отдельной цивилизации¹. Региональная идентичность может зависеть как от долгосрочных факторов: тип и уровень религиозности общества, установка на индивидуализм или корпоративизм, тип и темпы развития, так и от краткосрочных – слабость общегосударственной идентичности, размещение информационных ресурсов общества, текущие политические процессы².

Поскольку идея сопоставления с *Другим* является важнейшим механизмом идентификации, региональная идентичность, как и национальная, строится на оппозиции «свой — чужой». Идентичность в современном мире утверждается не столько через сходство, сколько через различие, без отношения к *Другому* невозможно ощущение «Мы», чувство солидарности, сопричастности, или, наоборот, отличия. Территориальные и культурные стереотипы, противопоставляющие «свое» и «чужое», можно зафиксировать повсеместно (итальянцы-южане и итальянцы-северяне, немцы восточные и немцы западные и т.п.), как и выражающие их оценочные суждения типа «понаехали тут» или представление о том, что «жители Москвы делятся на коренных москвичей, натурализованных и замкадышей»³.

Согласно К. Джонсон и А. Коулман, для региональной идентичности оказывается важен не только внешний, но и внутренний «Другой»⁴. Внутренним «Другим» могут выступать гипотетические ценности, воображаемые коллективные идентичности или историческая идентичность, от которой пытается дистанцироваться региональное сообщество. Объектами для сопоставления в региональной идентичности могут выступать другие регионы, национально-государственные государственные образования, а также реальное или воображаемое прошлое, настоящее и будущее самого региона.

¹ К примеру, создание мифов вокруг Аркаима породило образ этой территории как «древнейшей протоцивилизации» и даже «Уральской Трои».

² Баранов А. В. Региональная политическая идентичность: Методы исследования в Западной Европе // Социальная политика и социология. 2006. № 1. С. 24.

³ См. Трубина Е. Г. Центр и периферия: между ростом и развитием. С. 254.

⁴ Джонсон К., Коулман А. Внутренний «Другой»: диалектические взаимосвязи между конструированием региональных и национальных идентичностей. С. 108.

Таким образом, по форме существования национальная и региональная идентичности изоморфны во многих аспектах, но оказываются различными по своему содержательному наполнению. Региональная идентичность напрямую не сопряжена с этническими характеристиками, точнее, она интегрирует этнически разнородные элементы, являясь основанием для поликультурного единства населения региона¹. Определяющей ее чертой и ведущим основанием является территориальная общность людей, она существует как солидарность с земляками по причине совместного проживания на одной территории в данный момент или в прошлом.

Региональную идентичность можно также рассматривать как существующую на разных уровнях бытия (коллективном и индивидуальном). На индивидуальном уровне идентификация означает, что человек чувствует привязанность к региону и воспринимает его как отличающийся по своим характеристикам от других регионов. Так, И. Я. Мурзина определяет региональную идентичность как связь, которую ощущает житель определенной территории (региона) с местом его жизни, и которая настолько оказывает воздействие на существование человека, что формируется особый тип личности². На коллективном уровне региональная идентичность подразумевает самоопределение регионального сообщества по отношению к конкретной территории и является инструментом его дистанцирования от других региональных сообществ. В трактовке Г. М. Казаковой, к примеру, региональное самосознание – есть «осознание региональным сообществом своих нравственных ориентиров, идеалов и мотивов поведения, своих знаний, целостная оценка самих себя как мыслящих и чувствующих существ, выбор определенного способа своего бытия»³.

И на коллективном, и на индивидуальном уровне содержание региональной идентичности носит весьма изменчивый и противоречивый

¹ Казакова Г.М. Указ соч. С. 17.

² Мурзина И.Я. Региональная идентичность и региональное самосознание // Дискурс - Пи. 2003. Т. 3. № 1. С. 102.

³ Казакова Г.М. Указ соч. С. 18 - 19.

характер. Так, для жителя региона вопрос о том, что значит принадлежать к региональному сообществу, быть представителем данного региона, может означать и принадлежность к тем, с кем он знаком с детства или поддерживает взаимодействие в данный момент, и ориентацию на удовлетворение тех или иных потребностей и достижение определенного статуса, и просто привычку жить в данных условиях и т.д. По словам французского исследователя Франца Герен-Пас, «для менее мобильного населения важным окажется, например, понятие соседства, люди соотносят себя с определенной местностью – кварталом, регионом (административным или каким-либо иным). Для людей, отличающихся высокой мобильностью, более значимыми могут быть другие линии разделения: человек ощущает себя горожанином или сельским жителем, парижанином или провинциалом, северянином или южанином, иностранцем или нет»¹. По характеру предпочтений Г. Маркс выделяет три типа региональной (территориальной) идентичности: многосоставную (multiple), «исключительную» (exclusive) и тип «неприверженности» (unattachment). В первом случае, индивид привержен одновременно нескольким территориальным идентичностям, во втором – единственной, в третьем, – он безразличен или колеблется. Реальное многообразие позиций размещается в этом треугольнике².

На коллективном уровне содержание региональной идентичности также носит изменчивый характер и обуславливается переменной динамикой отношений регионов с центром и реформированием территориального управления в рамках государства. На содержание региональной идентичности могут оказывать влияние имеющиеся противоречия между крупными и крупнейшими городами, модернизационными центрами и периферийными зонами. Региональная идентичность может утрачивать свое значение при параллельном выраженном активном конструировании государственной идентичности. Процессы, происходящие на международном уровне в настоящее время также ведут к появлению новых видов и уровней идентичности, среди

¹ Филиппова Е. И. Интервью с Франс Герен-Пас и Изабель Виль // Этнографическое обозрение. 2005. № 5. С. 59.

² Marks G. Territorial Identities in the European Union // Regional Integration and Democracy: Expanding of the European Experience. Lanham; Boulder. N.-Y., Oxford. 1999. P. 69 - 91.

которых региональная идентичность может утратить свое значение. Мозаичность, синкретичность и неоднородность, таким образом, становятся характеристиками региональной идентичности на разных уровнях ее существования¹.

На индивидуальном уровне привязанность к региону, идентификация с ним обладает ценностной размерностью, поскольку отсылает к процессам социализации индивида в рамках культурно-географических ареалов и усвоению им региональных имиджей и репрезентаций. Наши представления о характере и структуре региона формируются с детства, они обусловлены как личным опытом перемещения в пространстве, так и его определенными интерпретациями (например, географическими картами)². Региональная идентичность в этом смысле характеризуется как образно-эмоциональная категория, предполагающая осознание и переживание «своего» пространства, включающая в себя идеи об историческом развитии региона, его освоении, культурные стереотипы, в том числе, связанные с регионом спонтанные ценностные предпочтения и неосознаваемые эмоциональные импульсы.

На основе познавательного и оценочного отношения к своему региону появляется осознание специфики существования своей региональной общности во времени и пространстве, ее принятие и готовность к совместным действиям ради ее развития. Это свидетельствует том, что, с одной стороны, региональная идентичность не может быть определена как изначально присущее свойство регионального субъекта, она формируется (конструируется) в культуре, с другой стороны, – она не является просто результатом целенаправленного моделирования определенными силами. Факторами, детерминирующими ее содержание, являются разделяемые представления (конструкты) об основаниях

¹ Ivic S. The assembly of European regions' Udine declaration: contradictory approaches to European and regional identities // *European Urban and Regional Studies*. 2010. № 17 (4). P. 443 – 446.

² Недавние социологические исследования французских ученых Ф. Чартона-Ваше и К. Ломбарта, в частности, демонстрируют, что респонденты определяют свою принадлежность к регионам не как к административным образованиям, а, прежде всего, как к «жизненному пространству» (Charton-Vachet F., Lombart C. New conceptual and operational approach to the link between individual and region: regional belonging // *Recherche et Applications en Marketing*. 2015. Vol. 30 (1). P. 55 - 57.

консолидации регионального сообщества (политическом, экономическом, историческом, языковом, этнокультурном). Региональная идентичность не может быть сведена просто к рефлексии («Я – представитель определенного региона»), в структурном отношении она богаче, выражается в нарративах и дискурсах, существует в различных формах (когнитивной, ценностной, эмоционально-чувственной, поведенческой).

Представляется, что региональную идентичность нельзя отождествлять просто с любовью к «малой родине», она необходимо предстает как сложно структурированный феномен. Более высокий, рефлексивный (специализированный) уровень региональной идентичности характеризует определенную систему взглядов людей на занимаемую территорию, становящихся их убеждениями, способность обоснования знания о себе как о региональном субъекте, критический анализ. Наряду с рефлексивным уровнем в региональной идентичности можно выделить нерефлексивный уровень, который выражает малую степень самообращенности субъекта. Если на специализированном уровне (в философии, науке, политике, художественном творчестве) целенаправленно создается система объяснений и обоснований, в которых устанавливается связь региона с особенностями его культуры и истории, то на обыденном уровне сознания представление о своей региональной принадлежности, как правило, не рефлексивно. Проявления региональной идентичности имеют несистемный, разовый характер, для них нужны особые поводы, связанные, например, с отъездом из родного места, встречей с земляками вдали от дома или столкновением с чужим у себя дома¹. Л. Манзо указывает на то, что региональная идентичность в большой степени актуализируется в процессе путешествия, которое обычно связано с «выстраиванием различных паттернов разных социальных сред»².

¹ Нарский И. Путешествие между университетскими мирами, или бремя свободы // Гражданин мира или пленник территории? К проблеме идентичности современного человека. Сб. материалов. М., 2006. С. 152.

² Manzo L. Beyond house and haven: toward a revisioning of emotional relationships with places // Journal of Environmental Psychology. 2003. № 23. P. 47 - 61.

Особо отметим изоморфность структурного отношения индивида и регионального сообщества к конкретной территории. Это единство проистекает уже из того общего основания, что отношение индивидуального и коллективного субъекта в культуре выступают как отношение единичного, особенного и всеобщего. Исходя из этого, региональная идентичность – *особая форма как индивидуальной, так и коллективной идентичности, при которой ее носитель (личность, сообщество) оказывается способным к пространственно-временной идентификации, когнитивному, ценностному, эмоционально-чувственному, регулятивному соотнесению себя с конкретной территорией.* Специфическими чертами функционирования региональной идентичности в культуре являются: устойчивость воспроизводства, территориальный принцип идентификации, в содержательном плане – изменчивость и синкретичность, противопоставление с «другими» региональными сообществами, наличие ценностей, выстраиваемых на поликультурной основе, в рамках определенной системы коммуникации.

Представляется, что более полная содержательная характеристика концепта «региональная идентичность» далее может быть выявлена за счет обращения к структурированию данного феномена и анализу его структурных компонентов.

§ 2. Структура региональной идентичности

Характеристика региональной идентичности как динамического процесса, основанного на соотнесенности индивида с определенным географическим пространством, ставит вопрос о морфологии такого отношения (как устроена региональная идентичность?). Исходя из того, что региональная идентичность включает в себя когнитивное, ценностное, чувственно-эмоциональное, регулятивное отношение к конкретной территории, охарактеризуем данные структурные компоненты более подробно.

Когнитивный компонент нередко составляет основное содержание региональной идентичности. К когнитивной сфере относится сложная система образов и знаний представителей региона о собственной региональной общности, о занимаемой геокультурной реальности, свойствах и особенностях региона.

Формирование региональной идентичности, в частности, невозможно без осознания индивидом специфики территории своего проживания, получения связанных с региональными реалиями знаний (о местной флоре и фауне, их свойствах и значении для национальной культуры, особенностях ландшафта, специфике локальных традиций и художественного творчества). Знания о собственном регионе, с одной стороны, обозначают для субъекта место развития собственного региона в рамках национальной и мировой культуры, с другой стороны, – обеспечивают единство когнитивной сферы региональной идентичности, для описания которой может быть использовано понятие К. Райта «геософия». Геософия, в понимании К. Райта – «исследования географического знания с любой точки зрения»¹.

В своих работах Д. Харви использует еще одно понятие – «географическое воображение», определяемое им как «форма пространственного сознания, позволяющая субъекту понять роль пространства в его жизни»², и в этом контексте становится актуальным изучение так называемых «географических образов» – «единиц» географических представлений. В англоязычной литературе географические образы рассматриваются как визуальные представления о территории и разделяются на квазикартографические (образ карты, представляемый в связи с некоторой территорией) и квазипейзажные (любые мысленные «картинки», отличные от представлений о карте и увязываемые с определенной территорией: элементы пейзажа,

¹ Wright J. K. *Terrae incognitae: The place of the imagination in geography* // *Annals of the Association of American Geographers*. 1947. Vol. 37. № 1. P. 12.

² Цит. по: Митин И. И. На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // *Топос*. 2011. № 1. С. 70.

достопримечательности, фигуры людей, а также гербы и другая официальная символика и др.)¹.

По определению Д. Н. Замятина, географические образы представляют собой «устойчивые пространственные представления, которые формируются в различных сферах культуры в результате какой-либо человеческой деятельности (как на бытовом, так и на профессиональном уровне)². В этом контексте важно обратить внимание на то, что на одном уровне обработки информация кодируется образно, тогда, как на другом, вероятно более глубинном, она кодируется концептуально. Ментальный образ региона можно рассматривать как ступень развертывания концепта, а концепт фиксирует общие смысловые компоненты, устанавливает соотношение между ними.

При характеристике географических образов необходимо их рассматривать не только как стихийно формирующиеся (основанные, скорее, на привычке выделять в окружающем пространстве значимое), а, прежде всего, как идеологических конструкты. С одной стороны, образы региональной идентичности – результат восприятия региональной культуры общественным сознанием, с другой стороны, они являются формой концептуальной организации и интеграции представлений о регионе. В этой связи становится необходимым отличать целенаправленно создаваемые образы региона, ценностно-размеченные (в позитивном или негативном плане), часто обозначаемые как его *имидж*, от стихийно формирующихся образов. Целенаправленно создаваемые образы региона предлагают жителям региона акцентировать внимание на определенных (выгодных) региональных объектах и нарративах.

Географические образы лишь условно совпадают с реальными образами территории. В своих исследованиях, основанных на изучении ментальных карт, С. Милграм подчеркивает, что между «реальностью» и «ментальным образом»

¹ Cosgrove D. E. Models, descriptions and imagination in geography // Remodelling geography. Oxford, 1989. P. 230 – 244; Tuan Y.- F. Topophilia: A study of environmental perception, attitudes, and values / With a new pref. by the author. N.Y., 1990.

² Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006. С. 92.

отсутствует жесткая связь, более того, они плохо стыкуются между собой¹. В качестве иллюстрации можно указать, к примеру, на бытование в обыденном российском сознании представления о том, что Золотое кольцо – это не название туристического маршрута, а то, что это города Золотого века России. К. Райт отмечает также необходимость разграничения географических образов как памяти о реальных объектах и как образов, являющихся продуктами воображения: «В отличие от ментальных образов, которые мы восстанавливаем в памяти, например, вспоминая однажды увиденные пейзажи, воображаемые концепты – это, главным образом, новое видение, новое творение»².

Географический образ предстает как многослойное явление, на его формирование могут оказывать влияние смежные, соседние образы. Например, в формировании географического образа России участвуют географические образы Евразии, Восточной Европы, Балтийского и Черноморского регионов, Кавказа,³ а также «исторические образы» территории (ср. «житница России», «энергетическое сердце России», «форпост страны»). Помимо этого, согласно А. Лефевру, географические образы включают в себя «иконические» и повседневные образы. Первые – тиражируются посредством СМИ, художественной литературы, кинофильмов, рекламы, вторые – существуют в сознании обычных жителей или гостей и, как правило, связаны с местами памяти и обыденными практиками⁴.

В целом, образ региона оказывается неким фреймом, который обуславливает его понимание, направляет внимание на значимые части региональной среды и формирует знание о регионе. По мнению А. Лефевра, пространственные образы не отражают реальность, а, скорее, – производят ее⁵. В сознании как самих жителей региона, так и его внешних наблюдателей, объективные измеримые характеристики региона репрезентируются именно

¹ Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб., 2000.

² Wright J.K. *Terrae incognitae: place of the imagination in geography*. P. 1 – 15; Цит. по: Митин И. И. На пути к воображаемой географии... С. 69.

³ Замятин Д. Н. Понятие геокультуры: образ и его интерпретации // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 6.

⁴ Лефевр А. Другие Парижи. С. 141 - 147.

⁵ Там же.

через его образы, которые оказываются не менее реальными, чем географический объект, нанесенный на карту. В отличие от изменчивого контекста региона, его образ предстает как относительно устойчивый и долговременный феномен, который определенно влияет на оценку места этого региона среди других. Складываясь из частных характеристик, отражая различные переживания, оценки и мнения региональных субъектов, образ региона, тем не менее, имеет инвариантные (стереотипные) черты. Многократная воспроизводимость определенного набора таких стереотипных образов в сознании жителей региона делает их актуальными, и в конечном счете именно через них они видят и оценивают регион. Сохраняя смысловую самостоятельность, образы региона и знания о нем выполняют, тем самым, функцию механизмов единства когнитивного компонента региональной идентичности.

Ценностный компонент региональной идентичности. В региональной идентичности на первый план выходит субъективная связь человека/регионального сообщества с *местом* его проживания, и определяющую роль в ее содержании играют не идеологические мотивы, а культурные ценности. На важность ценностного компонента в структуре региональной идентичности указывают многие зарубежные и отечественные исследователи. Так, Дж. Харт отмечает необходимость познания систем ценностей, характерных для того или иного места, ибо на них основываются базовые паттерны поведения людей, его населяющих¹. Г. С. Корепанов под региональной идентичностью понимает «переживаемые и осознаваемые смыслы и ценности той или иной локальной общности, формирующие «практическое чувство» (самосознание) территориальной принадлежности индивида и группы»². В. Н. Гайдуков и В. Г. Осипов используют понятие «региональный этос», обозначая им систему ценностей и духовных предпочтений, стереотипов мышления и правил поведения регионального сообщества, исторически сложившихся на данной

¹ Hart J.F. The highest form of the geographer's art // Annals of the Association of American Geographers. 1982. Vol. 72. № 1. P. 26.

² Корепанов Г. С. Региональная идентичность как объект социологического анализа. С. 17.

территории¹. В некоторых случаях можно говорить даже о существовании особого морально-этического кодекса, сложившегося на определенной территории².

На выстраивание и модернизацию ценностных предпочтений в регионе оказывают влияние выделенные ранее регионообразующие факторы, такие, как развитость постиндустриальной экономики (особенно высшего образования и рыночных услуг), географическое положение (центральность/пограничность регионов), культурная специфика (наличие патриархальных, этнических, религиозных традиций), тип регионального политического режима (авторитарность/демократичность политического курса). Эти факторы образуют реальность, которая интерпретируется людьми, имеет ценностно-смещенный характер, сопровождается оценкой качества собственной региональной инаковости.

Тип самоидентификации территориального сообщества может выстраиваться на основе ведущего ценностного маркера региональной идентичности. Например, промышленная структура экономики региона может детерминировать индустриальный характер ментальности и ценностных предпочтений регионального сообщества (Волгоградская, Омская, Пермская, Свердловская обл.). Особый статус промышленности в этих регионах обуславливает приписывание территории региона некой неординарной роли в экономике («Урал – опорный край державы», «Челябинск – стальное сердце Урала» и т.п.) В рамках такой ментальности можно выделить, к примеру, трудовой этос «рабочего класса» региона: сочетание гордости за свой труд и оценку тяжелого труда как проклятия, сопряженные с ощущением социальной несправедливости в отношении трудящихся³. Отличительными чертами такого

¹ Гайдуков В. Н, Осипов В. Г. Региональный этос и «москвоборчество»: феноменология политической культуры современной России // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 155 - 156.

² К примеру, морально-этический кодекс горцев Дагестана, обозначаемый как «Намус» (См.: Назукина М. В. Варианты конструирования региональной идентичности в Северном Кавказском федеральном округе // Вестник Пермского ун-та. Сер. Политология. 2011. № 3. С. 5 - 21)

³ Фадеева Л. А. Психологические и культурные основания конструирования идентичности: пермский кейс. URL: http://identityworld.ru/Statyi/Fadeeva_perm_case.pdf.

типа идентичности также является умеренность, отсутствие эпатажности, ориентация на стабильность и общественное согласие, устремленность в земную глубину (теллургический характер). Например, в Тюменской области ориентация экономики на добычу нефти и газа, появление научных институтов, обслуживающих добычу и разведку углеводородов, и административных учреждений явилось главным основанием формирования региональной идентичности вплоть до 1990-х гг.¹

Переход к сервисной экономике и рост инвестиционной привлекательности региона обуславливает появление в нем «дискурса реиндустриализации» и «дискурса столичности», при которых в ценностном плане задается ориентация на более высокие стандарты потребления (Екатеринбург, Новосибирск, Казань, Нижний Новгород). Развитость экономики позволяет сохранять в таких регионах относительную плюралистичность в политической деятельности и в выстраивании собственных логик развития. В символическом плане сервисность подобных регионов с разнородными ресурсами, готовыми обслуживать столичные центры, может замещаться идеей центрального значения таких регионов для страны (дискурс Урала как «Хребта России», Казани как «третьей столицы» и т.п.).

Длительное развитие региона как центра образования и науки приводит к появлению в региональной идентичности ценности независимости и культурной, гражданской активности (Томская область, Пермский край). Как правило, значительную долю населения таких регионов составляет молодежь, а города здесь исторически сформировались не как традиционные поселения с собором в центре, а как индустриальные и научные мегаполисы. Например, в случае с Пермским краем, перечень достижений региона, которые подчеркиваются в направлении гражданской активности, связаны с тем, что город является родиной российского экологического движения и гражданского контроля, родиной альтернативной гражданской службы и родиной антисталинизма

¹ Машнина М. В. Тюмень: нефтяной край versus пилотный регион // Культурная политика в регионах и борьба за идентичность / Гл. ред. В. В. Маланин. Вестник Пермского ун-та. Сер. Политология, 2011. С. 76.

(Пермь–36), родиной реального общественного самоуправления и приватизированных общежитий¹.

Невыгодное географическое местоположение региона может усиливать преобладание местнических установок, депрессивного мироощущения, дискурса бесперспективности (промышленные регионы Урала и Сибири, Псковская, Кировская область). Не случайно, на уровне речевых практик это закрепляется в обозначении подобных регионов как единиц «второго ранга», лишь примыкающих или присоединяющихся в названиях (отделов, кафедр, учебников, журналов и др.) к регионам «первого порядка» (ср. «регион Сибири и Дальнего Востока», «исследования Урала и Сибири», «история Поволжья и Урала» и т.п.). В то же время «периферийность» региона может символически компенсироваться значимостью культурного фактора в его развитии, например, акцентировкой внимания на ценностях народной культуры. В качестве примера может быть указана Архангельская область, где в постсоветское время активно развивается представление о Русском Севере как прообразе и символе всей России и его особой роли в духовном преображении российской действительности.

Важным компонентом региональной идентичности, связанным с ценностями, являются оценочные суждения, выраженные в притязании на признание, выполнение особой миссии, стратегической роли в системе государства. Это, например, обуславливает появление в региональной идентичности дискурса о посреднической роли данного региона между разными культурами, ведение диалога и торговли с сопредельными государствами, его миссии по распространению неких идей. Достаточно указать на наличие в обыденном сознании таких метафор, как «становой Хребет России» (Урал), «военный форпост Юга России» (Дагестан), «центр исламской цивилизации» (Чечня) и др. Географом М. П. Крыловым выделяется три ракурса региональной идентичности по отношению к культурным ценностям. Эти региональные

¹ Назукина М. В. Особенности региональной идентичности Пермского края: социокультурный аспект // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2010. № 1. С. 64 - 75.

идентичности образуют, в свою очередь, три типа дискурса: надтрадиционный – «мы лучше других, потому что мы самые успешные, передовые, «продвинутые»; транстрадиционный – «мы любим свою землю, наш край, потому что это – наша земля», традиционалистский – «мы лучше других, потому что мы отличаемся от других; мы гордимся нашей землей, потому что мы другие»¹.

Именно культурные ценности часто используются для конструирования моделей региональной идентичности, как выражения рекламируемого в коммерческих целях образа жизни региона. Культурные ценности в данном случае воспринимаются как «актив», который следует использовать для так называемого продвижения или конструирования региона и из которого можно извлечь серьезную прибыль.

Ценностные предпочтения жителей региона выражаются в приверженности к определенным разделяемым символам. Согласно А. Пааси, в региональных символах объединяется прошлое, настоящее и будущее региона. Символы играют ключевую роль в формировании экономического и политического единства региона, а их значение состоит в производстве и воспроизводстве социальной целостности и социально-пространственной отличительности². Название региона, материальные объекты (памятники, архитектурные сооружения), значимые личности, ритуальные действия (праздничные события, жизненный стиль регионального сообщества) имеют символическую природу.

Региональная идентичность тесно связана также с историческим прошлым и воображаемой идентификацией. Необходимым фактором функционирования региональной идентичности оказывается память, которая дает возможность человеку ощущать свою принадлежность к региону в разные периоды его жизни. Однако память – это не только личные, частные воспоминания³, это – также разделяемая коллективная память, в которой выстраивается иерархия ценностей

¹ Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М., 2010.

² Paasi A., Zimmerbauer K. Theory and practice of the region: a contextual analysis of the transformation of Finnish regions // Treballs de la Societat Catalana de Geografia. 2011. № 71 - 72. P. 167

³ Денисов С. Ф., Красиков В. И. Память, время и «Я» // Омский научный вестник. 2013. № 5 (122). С. 85 - 87.

прошлого и осуществляется отбор значимых исторических фактов и событий. К коллективной памяти относятся предания и легенды регионального сообщества, его топонимика, исторические повествования и символика, а также праздники и ритуалы. При этом, согласно Д. Смит и С. Берчу, они не обязательно должны быть представлены и закреплены на официальном уровне, часто они вообще являются как бы невидимыми для внешнего наблюдателя¹.

Различия в общей направленности на определенные ценностные ориентации не обязательно должны быть полностью отрефлексированы и вербализованы региональным сообществом, но хотя бы частично они осознаются и воспринимаются им и, тем самым, входят в структуру региональной идентичности. В то же время для региональной идентичности характерна ценностная гетерогенность. Носителями региональной идентичности являются разные социальные субъекты, ценности которых могут приобретать антагонистический характер. Так, Е. В. Дзякович в контексте анализа российских регионов выделяет в идентичности микрорегионального уровня различные групповые концептосферы (профессиональные, возрастные, гендерные, территориальные), а также противопоставляет «низовую» и «официальную» идентичности². Но поскольку каждое сообщество региона представляет собой независимое культурное образование со своими стандартами представления о должном, то выделенные характеристики ценностно-нормативной среды можно считать общим знаменателем ценностного компонента региональной идентичности.

Чувственно-эмоциональный компонент региональной идентичности подразумевает наличие различного уровня эмоциональной привязанности к своему региону, а также включают в себя относительно стабильные состояния-переживания регионального субъекта, чувство родства, чувство любви к месту и т.п.

¹ Smyth D., Burch S. Enacting Identities in the EU-Russia Borderland: An ethnography of place and Public Monuments // East European Politics and Societies. 2012. Vol. 26. Number 2. P. 400 – 424.

² Дзякович Е. В. Локальные идентичности в контексте социокультурной динамики российских регионов: автореферат дис. ... доктора культурологии. М., 2001. С. 32.

А. Пааси отмечает, что идентификация с локальной или региональной общностью основана не на «знании», а, скорее, на «чувстве» и то, что мы называем «идентичностью» – проявляется в наших ежедневных практиках, идентичность не может быть четко артикулирована¹. Объективные критерии региональной идентичности (территория, язык, экономическое развитие, история и т.п.) также являются, прежде всего, «экзистенциальной парадигмой» места,² или актом сопричастия, восприятия и оценки.

Чувственно-эмоциональный компонент региональной идентичности в зарубежных исследованиях часто эксплицируется не через описание быстрых и непосредственных эмоциональных реакций жителей региона, а обозначается как «чувство места». По словам Б. Осборна, «чувство места», наряду с осознанием своей принадлежности к нему, является важным компонентом персональной идентичности³. А. Лефевр говорит о пространстве, которое «скорее чувствуют, чем мыслят» и определяет его, как *lived space*, *spiritual space* или "*genius loci*"⁴. Согласно А. Лефевру, существуют привязанности к пространству, формирующиеся на бессознательном уровне, которые делают нашу жизнь более устойчивой и ценностно значимой (родина, родительский дом, своя комната, любимый сквер и т.д.)⁵. По словам Кери де Вит⁶, в современном контексте, изучение чувства места необходимо для понимания поведения людей в данном месте, как они защищают или отрицают, улучшают или разрушают, и могут ли они принести себя в жертву. По мнению М. П. Крылова, именно любовь к своему краю, идея духовной близости с ним, обуславливает степень развитости пространственного самосознания, формирует ощущение отличий «своего» от

¹ Passi A. The Resurgance of the Region. P. 29.

² Горнова Г. В., Мирошникова О. В. Объективация идеальной стороны городского бытия в экзистенциальной парадигме города // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. С. 315.

³ Osborne B. S. Landscapes, Memory, Monuments and Commemoration: Putting Identity in Its Place // Canadian Ethnic Studies. 2001. Vol. 33. P. 39 – 77.

⁴ Lefebvre H. The Production of Space. Oxford, 1991.

⁵ Бедаш Ю. А. Концепция социального пространства Анри Лефевра // Вестник ТПУ. 2012. № 11 (126). С. 220.

⁶ Cary W. De Vit. Interviewing for Sense of Place // Journal of Cultural Geography. 2013. Vol. 30. № 1. P. 120 - 144.

«чужого» и, на этой основе, способствует возникновению представлений о «своем регионе»¹.

При описании эмоциональной привязанности человека к определенному месту используется феноменологический подход и понятие «жизненного мира» Э. Гуссерля. Речь идет о существовании для регионального сообщества антропологически значимых мест, с особой атмосферой и аурой, которые невозможно превратить в товар или сделать инструментом власти. Места рассматриваются как социальный продукт, результат совместного действия по территориализации некоего пространства различных актантов: людей, правил поведения, артефактов², а эмоциональная привязанность к месту воплощается и описывается скорее средствами искусства, чем науки. Как отмечает Д. Харви: «Странная пространственно-временность мечты, тайного желания, утраченного воспоминания или даже необычного возбуждения и дрожи от страха, когда мы спускаемся вниз по улице, могут репрезентироваться посредством произведений искусства, которые, в конечном итоге, всегда присутствуют в посюстороннем мире в абсолютном пространстве и времени»³.

Л. Манзо отмечает, что в исследованиях, посвященных *place attachment*⁴, эмоциональная привязанность к месту обычно описывается через позитивные эмоции, оказывается архетипически связанной с метафорой «дома», которая включает в себе чувство радости, защищенности, безопасности, комфорта. На эти базовые переживания могут накладываться и более сложные чувства: гордость, ощущение уникальности своего региона, чувство преемственности и истории. Эмоциональные реакции на место проживания отличаются амбивалентностью и могут включать в себя, по мнению Л. Манзо, и негативные чувства, а также – болезненные, травматичные воспоминания (феномен «топофобии»). Региональная идентичность, таким образом, может принимать

¹ Крылов М. П. Современная региональная идентичность. С. 58.

² Karholm M. A conceptual discussion of territoriality, materiality and the everyday life of public space // *Space and Culture*. 2007. Nov. Vol. 10. № 4. P. 439 - 440.

³ Харви Д. Пространство как ключевое слово. С. 21.

⁴ См., например: Antonsich M. Meanings of place and aspects of the self. P. 119–132; Hidalgo C., Hernandez B. Place attachment // *Journal of Environmental Psychology*. 2001. № 21. P. 273 – 281.

как позитивные, так и негативные эмоциональные оттенки. Кроме того, в региональной идентичности может сохраняться эмоциональная связь человека с географически отделенным местом, не связанным с постоянным местом его проживания¹.

Что влияет на наше чувство места и пространства? По мнению Л. Манзо, переживание социального и культурного опыта места обусловлено как личной жизненной историей самого субъекта, так и усвоенными им стереотипами. «Опыт места» будет разным у обычных горожан и «городских сельских жителей»², у «космополитичных элит» и «локальных масс»³, представителей «креативного класса» и т.д. Под воздействием социальных отношений у субъектов формируются, в частности, «коллективные ожидания» (collective expectations), нарративы страха («алармистская идентичность»)⁴, ностальгические переживания, эмоциональные поведенческие реакции и даже различные восприятия «дневного» и «ночного» образа жизни локуса⁵.

Не в меньшей степени на чувство места влияет медиализация социально-пространственных отношений, когда медиа пространственно кодируют жизненные взаимосвязи, участвуют в формировании привязанностей к локальным пространствам. Репрезентация многочисленных сообщений, картинок, фактов и мифов через СМИ и туристические практики существенным образом влияет на жизненные проекты людей. По мнению Бенно Верлена, разнообразие средств и каналов информации разрушает прежнее единообразие моделей размещения и способов их присвоения, поскольку сегодня

¹ Manzo L. Beyond house and haven: toward a revisioning of emotional relationships with places. P. 49 - 50.

² Gans H. Urbanism and suburbanism as ways of life: a re-evaluation of definitions // Human behavior and social processes: an interactionist approach / Ed. A. M. Rose. Boston, 1962. P. 625 – 648.

³ Castells M. The informational city: information, technology, economic restructuring and the urban-regional process. Oxford, 1989.

⁴ К примеру, Л. А. Фадеева отмечает моменты формирования «алармистской идентичности» в Пермском крае, где образ Перми как окраины может соединяться с образами катастроф последних лет: крушением Боинга, «взбесившимся автобусом», пожаром в «Хромой лошади». (см. Фадеева Л. А. Психологические и культурные основания конструирования идентичности: пермский кейс. URL: http://identityworld.ru/Statyi/Fadeeva_perm_case.pdf). Северный Кавказ также часто выступает в образе «опасной зоны», ассоциируясь с «войной», «беспорядками», «терроризмом», «насилием», «нестабильностью». (См.: Назукина М. В. Варианты конструирования региональной идентичности в Северо-Кавказском федеральном округе. С. 15). Особое «лагерное прошлое» территории характеризует и Магаданскую область.

⁵ См., например: Симонова В. В. Интерпретации пространства представителями малочисленных народов Севера в различных социокультурных средах: автореферат дис. ... канд. социол. наук. М., 2008.

биографический запас знания и характерные для него пространственные порядки в меньшей степени зависят от локального опыта¹. Миграция и желание сменить место жизни, утрата эмоциональной привязанности к какому-то определенному месту связана с тем, что представления о нормативном образе жизни формируются по ту сторону локальных контекстов.

«Место в значительной степени предписывает способы поведения, мышления, организацию жизни и отношения людей и в то же время определяет картину мира, являясь естественным источником метафор для социального конструирования реальности»². *Регулятивный компонент региональной идентичности*, понимаемый как предрасположенность к определенным действиям, включает в себя способы поведения, конкретные практики деятельности и способы ориентирования в региональном пространстве. Сюда относятся, в частности, представления о соблюдении норм поведения в конкретном регионе, сопровождающиеся убеждением о существовании каких-то единых норм, успешно представленных доминирующим населением, а также подкрепленными оценочными суждениями об отсталости/продвинутости (например, какую одежду здесь следует носить, какие продукты покупать, где проводить свой досуг и т.д.). Организация конкретных практик деятельности в регионе связана не только с доминирующими представлениями, но и объективными условиями, например, природным расположением региона и его транспортной доступностью.

Регион может «не отпускать» человека (что часто проявляется на уровне речевых высказываний или культурных установок жителей региона) и предписывать пути его перемещений. Если само изменение регионального пространства вызвано изменением внешних условий (административными решениями, изменением ландшафта, границ природных зон, колебаниями

¹ Бедаш Ю. Акционистская парадигма в исследовании пространства: подход Бенно Верлена // Топос. 2011. № 1. С. 115.

² Черняева Т. Город: производство идентичностей // Гражданин мира или пленник территории? К проблеме идентичности современного человека. Сб. материалов второй ежегодной конф. М., 2006. С. 117.

климата, миграционными потоками), то пути перемещения детерминированы внутренними причинами, и одни маршруты оказываются предпочтительнее других. В рамках регионального пространства, к примеру, есть территории, обозначаемые, как «опасные», которые жители региона избегают посещать. В регулятивный компонент региональной идентичности входят представления и о «безопасных» маршрутах передвижения, ритуалах посещения родственников, сакральных местах, посещении праздничных мероприятий и других, знаковых для региона, событий. Эти представления оказываются связаны с самой практикой перемещения, или ходьбы, которую Мишель де Серто сравнил с речевым актом: «Во-первых, своими шагами пешеход присваивает топографическую систему (аналогично тому, как говорящий присваивает и осваивает язык). Во-вторых, в ходьбе «разыгрывается» пространство (как в речевом акте разыгрывается, акустически, язык). Наконец, шаги увязывают различные места в некую систему отношений (ведь и речевой акт всегда направлен на кого-то и актуализирует определенные отношения между собеседниками)»¹.

Так, Н. Ю. Замятина говорит об интересной практике перемещения и проведения отпуска, характерной для региональной идентичности на российском Севере. По данным ее информантов, стремление проводить положенный северянам длительный отпуск за пределами своего региона и знакомство с жизнью в различных местах страны и за ее пределами, позволяет собирать опыт для обустройства жизни на Севере: нередко именно из отпуска привозятся бизнес-идеи и стандарты потребления. В результате оказывается, что северяне имеют более широкий контекст восприятия окружающей ситуации, знакомятся с разного рода новинками практически наравне с жителями столиц, нередко значительно опережая в этом периферию средней полосы России².

¹ Серто де М. По городу пешком/ пер. А. Космарского // Социологическое обозрение. 2008. Том 7. № 2. С. 28.

² Замятина Н. Ю. Социальная лесотундра: географическая подвижность как элемент семейных траекторий жителей северных городов (на примере Норильска и Дудинки // Неприкосновенный запас. 2014. № 97 (5). С. 189 - 208.

А. Лефевр описывает типы пространства и отмечает, что они выполняют определенную функцию «программирования» социального поведения. Это находит выражение не только в практиках передвижения, но и в устройстве быта, коллективных предпочтениях и даже ритуалах дарения¹. Выраженная, артикулированная региональная идентичность выступает основой для участия в коллективных действиях, служит для защиты региональных интересов и принятия на себя ответственности за судьбу региона, вплоть до самопожертвования².

Таким образом, в структуре региональной идентичности присутствуют когнитивный, ценностный, чувственно-эмоциональный и регулятивный компоненты. Их значение в функционировании региональной идентичности можно оценить по двум параметрам. Во-первых, у региональных субъектов существуют объективные различия по выделенным характеристикам (уровень эмоционального реагирования, иерархия ценностных предпочтений, различные когнитивные образы, поведенческие реакции), которые являются основаниями для формирования региональной идентичности в той мере, в какой они являются объектами отражения и рефлексии. Во-вторых, данные компоненты можно рассматривать как каналы определения и конструирования региональной идентичности

§ 3. Формы дискурсивной репрезентации региональной идентичности

Полагая невозможным операциональное определение региональной идентичности через набор атрибутов социального субъекта (например, его личностных или социальных черт) либо только режимов деятельности актора,

¹ Практика дарения зависит от региональных особенностей. К примеру, приезжающим в Томск официальным делегациям из ближнего и дальнего зарубежья дарят туюсок, изготовленный из бересты, с кедровыми орехами и белыми сушеными грибами, джемами из лесных ягод, тем самым создавая образ богатой лесными дарами области. (Кулеш Е. А. Множественность идентичностей в Томской области // Культурная политика в регионах и борьба за идентичность. Пермь, 2011. С. 71).

² Raagmaa G. Regional identity and Social Capital in Regional Economic Development and Planning // European Planning Studies. 2002. Vol.10. № 1. P. 12.

можно предположить, что региональная идентичность формируется и действует в поле дискурса в момент артикуляции её субъектом идентичности¹. В ходе целенаправленной деятельности в рамках региона субъекты создают систему дискурсивных практик, и в этой связи специального внимания заслуживает вопрос о форме и содержании этих дискурсов, циркулирующих на уровне определения субъектами своей региональной отличительности.

Под дискурсом в данном случае имеется в виду вид речевой коммуникации, ориентированный на раскрытие вполне конкретной системы смыслов, вписывающийся в определенный тип теоретического горизонта. В терминах М. Фуко, дискурс – принуждающий принцип, восприятие реальности осуществляется посредством дискурсов. Дискурс историчен, упорядочен (организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур) и выполняет функцию конституирования реальности. Характер определенного сообщества (в том числе, регионального) имеет дискурсивную природу: в его рамках дискурсы создаются, сохраняются и воспроизводятся. Дискурсы региональной идентичности, однако, не следует воспринимать как существующие отдельно от культурных практик людей и от материальных условий, создающих предпосылки для разворачивания региональной идентичности².

Использование понятие «дискурс» по отношению к характеристике содержания региональной идентичности представляется уместным, поскольку речь идет о совокупности высказываний, подчиняющихся одной и той же системе формирования. В рамках региональной идентичности, на наш взгляд, можно выделить мифологический, религиозный, художественный, политический и философский дискурсы. Продуцируемое в рамках этих дискурсов знание является вненаучным и имеет собственную основу, специфическую

¹ Об этом см., например: Tuan Yi-Fu. Language and the making of place: A narrative-descriptive approach // *Annals of the Association of American Geographers*. 1991. Vol. 81. № 4. P. 684 - 696.

² Prokkola E., Zimmerbauer K., Jakola F. Performance of regional identity in the implementation of European cross-border initiatives // *European Urban and Regional Studies*. 2015. Vol. 22 (1). P. 104 – 117.

аксиологическую значимость, существенно отличающуюся от научных знаний¹. Можно сказать, что каждый из дискурсов в структуре региональной идентичности представляет собой до некоторой степени самостоятельный способ отношения к региональной культуре, имеющий свои источники формирования и пополнения, свои специфические логические приемы и способы развертывания знаний. В итоге функционирования дискурсов возникает внешний образ региона, репрезентируемый яркими нарративами мифологического, религиозного, политического, философского или художественного характера.

Специфику мифологического сознания, например, определяют космоцентризм (понимание объекта через встраивание его в космическую систему отношений), ассоциативность (признание существования «неожиданных», с точки зрения нормативного восприятия, связей между объектами), бинарность (представление о мире как поле взаимодействия противоположных начал), генетизм (указание на генеалогическую связь данного явления с другими явлениями). Гносеологическими особенностями религиозного сознания являются сакрализация объекта, постоянная апелляция к авторитету, значимость мистического откровения и интуиции, допущение чудес. Художественный тип мышления характеризуется рассмотрением общих закономерностей через единичные примеры, особым типом аргументации – использованием в качестве ключевых эмоциональных и ценностных аргументов, наглядностью (в форме образов, сравнений, аналогий). Для художественного сознания характерна также отчетливо выраженная направленность на преобразование, на создание, изобретение нового. Философский тип мышления определяется как рационально-критический, ему присущи ориентация на фиксацию существенного, обобщение в форме выявления закономерностей, обоснование знаний, рациональная аргументация выдвигаемых положений, объективизм, системность. Под политическим типом сознания имеется в виду

¹ Денисов С. Ф., Денисова Л. В. Квазинаука в ненаучном знании: структура и эволюция // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия, Социология, Политология. 2016. № 4 (36). С. 120.

система знаний и идей, специально создаваемая и развиваемая политическими элитами (узкими группами интеллектуалов, политиков, теоретиков). Эта система знаний раскрывается не в логическом, а в содержательном плане, она ориентирована на решение определенных политических задач (регионального развития, планирования и т.п.) и в современной действительности является важным каналом формирования коллективной идентичности. Указанные способы сознания предполагают и разные языковые способы выражения (мифологемы, религиозные догматы, художественные образы, научные и философские концепты, политические идеологемы).

Рассмотрим, каким образом данные формы сознания, выраженные в языке, образуют дискурсы в структуре региональной идентичности.

Мифологический дискурс региональной идентичности образован локальными мифами. «Региональные идентичности, ...с одной стороны, как бы выпрямляют локальные мифы в когнитивном отношении, ставя их на «на службу» конкретным локальным и региональным сообществам, а, с другой стороны, само существование, воспроизводство и развитие региональных идентичностей, по-видимому, невозможно без выявления, реконструкции или деконструкции старых, хорошо закрепленных в региональном сознании мифов, и основания и разработки новых локальных мифов, часть которых может постепенно закрепиться в региональном сознании, а часть – оказавшись слабо соответствующей местным географическим образам-архетипам и действительным потребностям поддержания региональной идентичности – практически исчезнуть»¹.

В структуру региональных мифологий входят мифы, рассказывающие об основании региона, его знаковых личностях (культурных героях), о славном историческом прошлом региона, его сакральных местах и т.п. Подобные мифы актуализируются и воспроизводятся в социальных коммуникациях и речевых практиках (например, в суждениях о том, что Москва – это единственное место в

¹ Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 41.

России, где можно «жить по-человечески» или Петербург — это культурная столица, сохранившая ауру интеллигентности¹).

В региональной идентичности актуальны и востребованы разные мифологические приемы. Один из них – мифологизация персон, превращение их в героев мифа (например, феномен «кадыризации Чечни», почитание Шамиля в Махачкале и т.п.). На уровне обыденного сознания, к примеру, герои-«первооткрыватели» не просто технически «открывают» регион, но и вписывают в него социокультурные и политические практики (например, персона Н. Муравьева-Амурского для Дальнего Востока). Вариантом мифологического приема оказывается также корреляция образа регионального лидера с одним из персонажей исторического мифа. Такая связь устанавливается путем родства (например, миф о родственной связи президента Калмыкии с родом Чингисидов), либо проведения параллелей в деятельности (ассоциация губернатора Саратовской области Д. Аяцкова с П. Столыпиным), приписывания особых полномочий (миф о праве региональных лидеров устанавливать праздничные и памятные даты по аналогии с экстраординарной способностью культурных героев управлять временем)².

Далее – это присвоение чужого культурного наследия, что выражается, например, в ситуации соперничества между Татарией, Башкирией и Чувашией за право наследования истории Волжской Булгарии, провозглашении идеи о существовании в прошлом древнебашкирского народа «Башкорт» и т.п. В качестве мифологического приема следует указать также на персонификацию неодушевленных объектов, которая проявляется, к примеру, в суждении о том, что особый геологический ландшафт Урала сделал его «прародиной древних народов», наделил уральцев «избранностью» и обусловил их «особую миссию».

¹ Вендина О. И. Московская идентичность или идентичность москвичей // Изв. РАН. Серия географическая. 2012. № 5. С. 28.

² Малякин И. Региональная мифология: три возраста // Pro et Contra. Зима 2000. С. 109 - 122.

Распространенный прием, являющийся средством преобразования уже освоенного пространства, – это нейминг территории, переименование улиц¹, снос памятников и отмена прежних праздников. К примеру, после присоединения Крыма к России произошла замена значительной части местной тюркской топонимики новой; после обретения Казахстаном независимости в 1990-х гг. русские названия в Северном Казахстане начали сменяться казахскими² и т.д.

К мифологическим приемам относится также проведение параллелей с эпизодами «славного прошлого» (например, восприятие Пермской области как географической границы – «врата в Европу», духовной границы – между христианским и языческим мирами и границы исторической – между Московской Русью и Российской империей,³ как Пармы и Перми Великой). Наконец, это поиск «выдающихся» земляков-героев, иногда непосредственно и не связанных с регионом, а также обретение «святых покровителей» и культивирование религиозных ценностей (например, открытие «захоронения Ивана Сусанина» и канонизация его останков в Костромской области, сакрализация могилы старца Федора Кузьмича (Александра I?) в Томской области) и т. п.

Мифологемы такого рода становятся неотъемлемой частью формирования региональной идентичности и имиджа региона, как условия повышения его статуса. Например, на севере Италии бытует миф о происхождении северян от кельтов и считается, что северяне, в отличие от жителей итальянского юга, являются носителями особой кельтской ментальности⁴. Южный Урал связывается с центром мира, где сложилась арийская общность, «распространившая цивилизацию по всему Старому Свету»⁵ и т.п. Нередко такая

¹ В постсоветскую эпоху, в частности, распространенной практикой в российских регионах и городах стала замена надомных табличек на двойные, на которых сверху крупнее пишется современное название улицы, внизу, мельче – историческое название.

² Шнирельман В. А. Идентичность и политика постсоветской памяти. С. 227.

³ Абашев В. В. Пермь как центр мира. Из очерков локальной мифологии // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. С. 275 – 287.

⁴ Шнирельман В. А. Единая Европа и соблазн кельтского мифа // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 452 - 485.

⁵ Баков А. А., Дубичев В. Р. Цивилизации Средиземья. Екатеринбург, 1995.

позиция воспроизводится и в ироничных суждениях типа «Москва – это государство в Восточной Европе, со всех сторон окруженное Россией».

Собственно, уже противопоставления «мы-они», «центр-периферия», являющиеся ключевой особенностью региональной идентичности, демонстрирует явное присутствие в нем мифологических канонов рассуждения. В российской действительности, к примеру, получила широкое распространение мифологема противостояния регионов федеральному Центру, который в пиар компаниях при выборе региональных лидеров часто изображается как «воплощение зла». В рамках данной логики, как и в древней мифологии, образ «своего» региона может сопровождаться исключительно положительно, в то время как «другие» регионы, «чужаки» оцениваются отрицательно и наделяются чертами агрессивности, честолюбия, хитрости, коварства и т.п.¹

По отношению к «другим», согласно мифологической логике, необходимо осуществлять надзор, «другие» должны подвергаться дополнительной стигматизации со стороны общества. Победа над «врагом» всегда имеет символическое звучание и проявляется в частичном или полном вытеснении противника из жизненного пространства региона с последующим его «забвением», превращением в объект, не достойный быть представленным, например, в средствах региональных СМИ. Тем самым «другие» включаются в конструирование включения и исключения, то есть регуляции доступа к возможностям и правам. Одним из результатов этого является то, что, если с «варварами» приходится делить пространство, оно воспринимается людьми как «грязное», как такое, которое нужно избегать².

При угрозе нарушения порядка и равновесия в регионе часто используются чисто мифологические механизмы преодоления хаоса. И. Малякин, в частности,

¹ К примеру, мифологическая версия истории Великого Новгорода, во-многом, выстраивается за счет апелляции к демократическому прошлому этих земель, наличию новгородского вече, распространению берестяных грамот, что призвано характеризовать новгородцев как свободных и образованных людей, выгодно отличающихся от остального населения Руси. Характерно, что в свое время при поддержке некоторых ученых и губернатора получил развитие и миф об особости уральцев, которые якобы отличаются в лучшую сторону от остальных россиян антропологически, психологически и по своим деловым качествам (Комлева Н. А. Миф об уральском этносе как часть идеи Уральской Республики // «Новая» Россия: социальные и политические мифы. Материалы Российской межвузовской научной конференции. М., 1999. С. 158).

² Трубина Е. Центр и периферия... С. 260.

говорит о широком спектре действий региональных элит, направленном против распространения нежелательной информации в регионе. Сюда относится создание информационных фильтров, благодаря которым продуцируются исключительно положительные образы своей территории, использование «заклинаний» (публикации в прессе, выступления официальных лиц), проведение ритуалов (специальные заседания одного из органов власти, разработка программы, проведение кампании).¹ Ритуал завершается проговариванием «решения» проблемы. По законам вербальной магии, проблема объявляется «решенной», если соблюдена последовательность всех необходимых действий, а всякий неуспех объясняется вмешательством «темных сил»².

Для мифологического дискурса характерно также возвышение истории и культуры своего региона. Рассуждение по мифологическому типу подразумевает, что уже простое указание на региональную принадлежность содержит в себе оценочную реакцию, поскольку через выяснение происхождения субъекта у нас складывается впечатление о каких-то типичных чертах его характера, темперамента, его принадлежности к определенной общности и т.п. К примеру, выражение «я сибиряк» имплицитно формирует наше представление о том, что есть «сибирскость» и как она должна обнаруживаться во внешних формах жизнедеятельности. Тезис о «сибиряках», как особых типах людей, создает, в частности, основу для возможности успешного имитирования «сибирскости».

Наконец, развиваясь по мифологическому типу, региональная идентичность оказывается нечувствительной к логическим противоречиям, что приводит в конечном итоге к амбивалентности восприятия региональных субъектов. Например, В. А. Шнирельман в статье «Идентичность и политика постсоветской памяти» упоминает ситуацию, когда на кладбище г. Владикавказа, друг напротив друга, на могилах были установлены бюсты двух

¹ Малякин И. Региональная мифология: три возраста. С. 109 - 122.

² Там же. С. 116.

«непримиримых» героев, враждовавших между собой, – городского головы Гаппо Баева и первого секретаря Северо-Осетинского обкома ВКП(б) Кубади Кулова¹. Аналогичный пример присутствует в Крыму, где на городской площади Симферополя фактически симметрично друг другу установлены памятник жертвам украинских националистов и памятник генералу-диссиденту Петру Григоренко с надписью на украинском и крымско-татарском (но не русском) языках «гуманисту и правозащитнику, верному другу крымско-татарского народа». На уровне обыденного сознания нечувствительность к логическим противоречиям выражается также в воспроизводстве стереотипов противоположного плана. Таковы, например, распространенные представления о том, что главной чертой уральского характера является терпение, упорство, суровость, прямодушие и, в тоже время, детская наивность, цепкость и предприимчивость.

Религиозный дискурс также может занимать существенное место в системе суждений о своем регионе, поскольку в ее построении оказывается значимой логика, развивающаяся по религиозному типу. В этом случае в региональной идентичности присутствует сакрализация объектов, связанных с регионом, и канонизация текстов, относящихся к региональной истории. В качестве примеров такой сакрализации следует отметить почитание Ксении Петербуржской в Ленинградской области, Святого Николая Великорецкого в Кировской области², Урюпинской Божьей Матери в Прихоперьё³, Абалакской Божьей Матери в Тюменской области⁴ и т.п.

Сакрализация региональных объектов также может включать в себя обожествление и идеализацию основателей региона, регионального политического лидера и т.п., почитание сакральных объектов региональной культуры (памятников, знаменательных мест, элементов ландшафта и т.п.), наделение собственного региона и его истории «мистическими», сакральными

¹ Шнирельман В. А. Идентичность и политика постсоветской памяти. С. 226.

² Кислицына Д. О. Реализация культурной политики в Кировской области: противостояние традиций и инноваций. С. 38.

³ Дзякович Е. В. Указ соч. С. 38.

⁴ Машнина М. В. Указ соч. С. 79.

чертами (что выражается, например, в характеристике региона как «вечного», «исключительного»). Свое крайнее выражение это находит в «геологическом подходе», выводящий как данный регион, так и государство в целом, за пределы человеческой истории и наделяющий их некой мистической энергией, позволяющей претендовать на исключительное место в современном мире. К таким явлениям относятся, например, попытки объявить Кольский полуостров «Гиперборейской цивилизацией», предгорья Эльбруса «древней столицей славян», Русский Север – прародиной арийцев, Старую Ладугу – «первой столицей Руси», территорию Югры – Йурой арабских путешественников и Биармией скандинавских стран¹.

Канонизация текстов выражается в объявлении региональными элитами части своих исторических сочинений «священной историей», наполненной драматическими и героическими событиями. Здесь доминирует особый язык, в котором актуализированы «жертвенность» и «подвижничество» как характерные черты региональных героев. П. Штомпка называет такой дискурс искусственным конструированием «традиций, фактически никогда не существовавших», приписывание современным идеям или взглядам давней генеалогии. Сюда, к примеру, относится попытка интеллектуалов Курской области, на основе сконструированного «курско-орловского» диалекта, представить свою землю «неотъемлемой, корневой и центральной областью русского этноса», несущей «особую ответственность за судьбу страны, государства, языка, культуры, традиций»².

Наконец, для дискурса региональной идентичности, разворачивающегося по религиозному типу, характерен консерватизм мышления (регенерация комплекса архаических представлений и норм поведения) и эсхатологичность (страх в регионе перед гипотетической катастрофой). В этом случае формируется, по определению М. П. Крылова, традиционалистская региональная

¹ Федорова Н. В. Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: история взаимодействия на торговых путях // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4 (12). С. 91 - 101.

² Шнирельман В. А. Идентичность и политика постсоветской памяти. С. 221.

идентичность¹, с ее безусловной ориентацией на прошлое, жестким следованием социально передаваемым нормам и правилам, и враждебностью к любым нововведениям. Такая идентичность оказывается менее толерантной, сопряженной с архаикой, связанной с возможно ускоренным, но несбалансированным социально-экономическим развитием.

Художественный дискурс региональной идентичности состоит в осознании представителями региональной культуры себя носителями определенной художественной традиции. Региональная художественная традиция включает в себя как словесно-художественное устное народное творчество (свойственные данному региону песни, сказания, героические предания, легенды, былички и пр.), так и профессиональное художественное творчество, в которых есть свои «творцы». Так, А. И. Эртель воспринимается как классический «черноземный» творец, а Д. Н. Мамин-Сибиряк как один из первых создателей в русской культуре образа Урала². Творчество А. Чехова и В. Пикуля «открывают» Сахалин для русской культуры, «прикрепляя» остров к ней. Поэзия С. Есенина, воспевающая «рязанское раздолье», сельскую жизнь и малую родину, служит значимым источником формирования рязанской региональной идентичности³. В произведениях В. Шукшина герои являются типичными представителями «алтайского характера», для которого свойственны «здоровый крестьянский консерватизм и скептицизм, стремление иметь собственное мнение, «свою правду», открытость и простота души»⁴.

Характерно, что произведения местных, региональных авторов со временем сами могут стать важным компонентом «мифологического текста» региона, выступить основой для формирования его образа в сознании субъекта. В этом смысле литература является средством конструирования региональных

¹ Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М., 2010.

² Кондаков Б. В. Русская литература 1880-х гг. и художественный мир Д. Н. Мамин-Сибиряка // Известия Уральского университета. 2002. № 24. Гуманитарные науки. Вып. 5. С. 9–24.

³ Авдонин В. С. Проблемы формирования региональной культурной идентичности в депрессивном социально-экономическом контексте (случай Рязанской области) // Культурная политика в регионах и борьба за идентичность. Пермь, 2011. С. 10.

⁴ Чернышов Ю. Г. Имидж региона и региональная идентичность (на примере Алтайского края) // Культурная политика в регионах и борьба за идентичность. С. 106.

образов в сознании субъекта. По словам Л. К. Нефедовой, «будучи рефлексией творчества, фиксируя скрытое, иррациональное, литература в то же время, объективна, социальна в своем воздействии на реципиента. Социальный идеал, норму, образец, установление, она в силу рефлексивного характера предлагает подчас настоятельно, особенно, когда выполняет какой-либо социальный заказ. Отсюда давно подмеченное взаимовлияние между объективной действительностью и литературной реальностью»¹.

По отношению к литературной традиции региона Е. К. Созина отмечает, что «интенции художественного сознания, направленные на «место», позволяют литературе «встать на позицию «мета» и увидеть это место целостно, как бы сверху, осуществить рефлексю на него, оставаясь в то же время в его ауре, в потоке его дыхания (ибо художественный образ-символ места отличен от научного своей чувственной плотью, которая дается лишь погружением в предмет и его симпатическим внутри-разглядыванием). Именно литература, движимая энергией языка, обращает пространство некоего места в текст»².

Удачным примером оформления региональной идентичности, в частности, служит авторский эпос П. П. Бажова, «во-первых, потому, что представляет собой развитую и многообразную художественно богатую мифологическую систему, вполне сопоставимую с продуктами «народного творчества» формировавшимися на протяжении длительных периодов времени. Во-вторых, потому, что этот эпос действительно оказался созвучным менталитету населения обширной территории, стал восприниматься как народная мифология, служащая интегратором определенной сложившейся, а не конструируемой общности. В-третьих, потому что данная общность имела территориальное, а не этническое начало»³.

¹ Нефедова Л. К. Репрезентация конфликтологических идей в истории художественной литературы // Омский научный вестник. 2012. № 2 (106). С. 96.

² Созина Е. К. Уральский текст в литературе региона 1800-1820 гг. // Литература Урала: история и современность: Сб. ст. Вып. 4. / Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2008. С. 54.

³ Назукина М. В., Подвинцев О. Б. Особенности позиционирования регионов Урала на современном этапе. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-179008.html>.

По художественной литературе известны многочисленные, многовековые рефлексии отличий жителей разных регионов как особых этнокультурных типов, а также описание преобразования природного ландшафта в ландшафт «культурный»¹. Так, пермский писатель А. Иванов в книге «Message: Чусовая» («Чусовая как послание») специально отмечает, что причины различий в региональных менталитетах заключаются в особенностях ландшафта. Выделяя феномен уральской «горнозаводской цивилизации», повлиявший на складывание уральского характера, автор обозначает в нем «пермскую» и «екатеринбургскую» составляющие. Западный Урал, на котором расположен Пермский край, описывается как очень долгий и «покатый», соответственно, и народ здесь «привык делать все не спеша, с ленцой, ... поскольку все равно плодов своего труда не увидишь». Ландшафт же восточного склона Уральского хребта, с его обрывистостью в Западно-Сибирскую низменность, из которой «словно высыпаются все земные богатства, как в бажовском сказе», напротив, приводит к формированию иного характера населения, готового к крутым поворотам судьбы, умеющего совладать с резкими переменами жизни»².

Обратим внимание еще на один аспект художественного дискурса – использование за пределами собственно литературы и живописи художественных средств для построения образа региона. В этом случае общая, развернутая характеристика региональной культуры дается через отдельные, весьма яркие, выразительные и сильно эмоционально окрашенные, примеры (например, через эпизоды его исторического развития и т.п.). Так, согласно В. Абашеву, автору книги «Пермь как текст», характерными чертами «пермскости» являются географические объекты (река Кама, пещеры), исторические и культурные персонажи (Стефан Пермский, Ермак), а также другие сюжеты, связанные с пермским геологическим периодом, пермским

¹ Meinig D. W. Symbolic landscapes: some idealization of American communities // Meinig D. W. (ed). The interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays. Oxford, 1979.

²Цит. по: Назукина М. В. Особенности региональной идентичности Пермского края: социокультурный аспект. С. 66.

звериным стилем, Биармией, пермской деревянной скульптурой, камским мостом, преданием о Чуди, пермским Гулагом и др.

Подобные образы складываются в относительно целостный образ региональной культуры, который не всегда является объективным, но отличается наглядностью. Образные характеристики воспроизводятся, к примеру, в обозначении североамериканских штатов: Арканзас – «Земля возможностей», Оклахома – «штат первопроходцев», Теннесси – «штат добровольцев», Вайоминг – «штат равноправия», Нью-Мексико – «Земля волшебства», Калифорния – «Золотой штат». В Америке присутствует также традиция присвоения штатам эмблем в виде растений и животных. Это может быть и интерпретация какой-либо легенды или реального исторического события с помощью растительной или животной символики.

Региональные субъекты находятся в рамках художественного дискурса также тогда, когда относятся к событиям своей истории и ее действующим лицам не только этически (как к славным или позорным, справедливым или несправедливым и т.п.), но и эстетически, давая им эстетические оценки (например, воспринимая их как трагические, драматические, комические); когда воспринимают события своей истории не в терминах академической науки, а посредством художественных метафор, наглядных (часто литературных) образов (здесь, к примеру, особый интерес представляет нарратив об Урале как «каменном поясе», подчеркивающий, что Урал «перепоясывает» Россию, соединяя Европейскую часть с Сибирью и дополненный эпитетами, характеризующими богатства самого Урала – «драгоценный пояс», «пояс из самоцветов», представление об Уральских горах как «мифическом Рифее»); когда мыслят свое историческое прошлое не в форме рационально-оценочного знания, а в эмоционально-чувственном контексте (через «вживание», «вчувствование» в события прошлых лет и их субъективную, личностную оценку).

В структуре региональной идентичности философский дискурс представляет собой теоретическо-концептуальный уровень осмысления

региональной культуры. Сложности взаимодействия философского дискурса и региона обусловлены тем, что регион – это и главное пространство, в котором происходят социальные изменения, и ключевое место, в котором создаются философские теории. Философия необходима, чтобы выразить, сделать явными глубинные интенции субъекта региона, раскрыть «дух Места». Эта особенность вытекает из гегелевского понимания философии как «самосознания культуры». Философский дискурс направлен на обнаружение взаимосвязей современного города и региона, капитализма и глобализации, он показывает соединения между масштабными социальными процессами и городскими/региональными трансформациями¹. В своей философской форме существования региональная идентичность может быть определена, как *рефлексивная*, обретаемая путем исследования литературных и визуальных источников самого широкого спектра – путеводителей, записок путешественников; сугубо научных работ по фольклору, диалектам, этнографии, истории; художественной литературы; разумеется, и вообще произведений искусства. Отметим, что философский дискурс может быть до конца не сформирован в конкретной региональной среде, если, к примеру, отсутствует интеллектуальная элита, способная определять региональное своеобразие².

В рамках философии региональная идентичность рассматривается как частный случай коллективной идентичности, в котором совпадает единично-уникальное и универсальное. Общее, понимаемое как целостная структура человеческого бытия (природа-человек-культура-дух), особым образом преломляется в регионе, образует множество региональных пространств. Категория «духовное пространство» региона в этом плане оказывается ключевой, поскольку выражает то, как люди, проживающие в данном регионе, могут соединять между собой природное местоположение региона, исторически сложившуюся совокупность социально-культурных объектов и специфическую духовную организованность. «Духовное пространство» находит воплощение в

¹ Трубина Е. Г. Город в теории. М., 2011. С. 15.

² Глазьев В. Л. Политическая экономия города. М., 2009. С. 111.

символике пространства региона (особенностях городской архитектуры, художественного творчества и т.п.), в менталитете (установках, ориентациях, эталонах) регионального сообщества, а также – в стиле и характере сложившихся культурных взаимоотношений. Ярким примером рефлексивного восприятия региона является, в частности, концепция «уральской матрицы», предложенная писателем Алексеем Ивановым¹. В ней большое внимание отводится сочетанию уникальных природных ландшафтов, памятников с историко-культурными традициями и общих ментальных категорий («труд», «неволя», «свобода» и др.), характеризующих уральскую региональную идентичность.

Агентами политического дискурса являются интеллектуальные и политические лидеры. Его основу составляет продвижение идей общности территории, культуры, истории, распространение у населения чувств сопричастности с регионом и получение выгод от членства в региональном сообществе. В политическом дискурсе идентичность может выступать как инструмент защиты своих интересов и как средство борьбы с инаковостью. В политическом дискурсе региональная идентичность оказывается связанной и с региональным интересом, который может носить как духовный (защита местных культурных особенностей), так и материальный (экономические требования) характер. Так, О. А. Колобов и А. С. Макарычев выделяют несколько вариантов российской региональной идеологии. Первый ориентирует на противопоставление интересов того или иного региона и федерального центра, «противостояние с Москвой» (пример: Нижний Новгород). Второй связан этнонациональными идеологическими мотивами и включает установку на исторический реванш (пример: Татария). В третьем актуализируется дискурс территориальной незащищенности (пример: Дальний Восток, Краснодарский край)².

¹ Уральская матрица // Сайт творчества Алексея Иванова. URL: <http://www.arkada-ivanov.ru/ru/Uralskajamatrixa>

² Колобов О. А., Макарычев А. С. Российский регионализм в свете зарубежного опыта // Социологические исследования. 1999. № 12. С. 40.

В рамках политического дискурса образы региональной культуры создаются целенаправленно и могут быть определены как *имидж* региона. Имидж представляет собой не просто образ региона в сознании субъекта, но образ, сформированный в результате целенаправленной деятельности и работающий как инструмент преобразования и конструирования социальной реальности. Деятельность по созданию имиджа региона уподобляется, в терминах Г. Дебора, разыгрыванию «спектакля», как очевидному пути демонстрации политической игры. Спектакль, по словам Г. Дебора, в современном обществе представляет собой «хвалебный монолог»¹.

Региональные политические элиты, борющиеся за право быть услышанными и признанными, заинтересованы в создании различных репрезентаций региона как публичном представлении себя миру. В качестве репрезентаций региона в политическом дискурсе могут использоваться региональные мифы, поэтические произведения или даже отдельные цитаты («край камнерезов», «опорный край державы»), философские идеи («душа России») и художественные практики. Именно политическая элита зачастую осуществляет отбор региональной символики и героев, устанавливает одни памятники и разрушает другие, вводит в региональную символику исторические сюжеты и реликвии, финансирует проведение тех или иных памятных дат в регионе. Такие вновь создаваемые или специально подчеркиваемые различия выступают ресурсом для легитимации притязаний на статус региона, имеющего свою специфику, со стороны различных локальных сообществ, не обязательно обладающих широким спектром отличий от соседних групп.

Таким образом, учитывая многообразие способов развития и репрезентации региональной идентичности в современной культуре, этот феномен логично рассматривать как гибридное образование, формируемое различными дискурсами. Региональные дискурсы, в свою очередь, детерминируются часто неустойчивым экономическим, политическим, историко-культурным контекстом. В силу этого, региональная идентичность –

¹ Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000. С. 28

постоянно генерируемое и изменчивое явление: она может рассеиваться, дробиться в зависимости от актуализации тех или иных социальных взаимодействий и связей.

Отдельные дискурсы в рамках региональной идентичности могут усиливаться, приобретать статус «артикулированной региональной идентичности», и ослабляться («исчезающая региональная идентичность»). К примеру, пермские исследователи М. В. Назукина и А. А. Гриценко выделяют типы российских и украинских регионов со слабой и сильно выраженной региональной идентичностью¹. М. П. Крылов установил значительный культурный контраст между «Севером» (Вологодская область) и «Югом» (Воронежская область): для Севера характерна пониженная сила идентичности, Юг характеризуется большей силой региональной идентичности (местного патриотизма)².

Ж.-Ф. Лиотар отмечал, что многообразии дискурсов в современном информационном пространстве ведет к разногласиям, пересечению зачастую диссонирующих друг с другом смыслов³. Присутствие различных типов мышления в пространстве региона, к примеру, обуславливает появление разных языковых средств его манифестации, среди которых выделяются региональные мифологемы, художественные образы, догматические суждения, философемы, идеологемы и др. Можно говорить также о существовании в структуре региональной идентичности «официального» и «низового» уровней, со своими отличительными способами рассуждения о специфике региональной культуры.

В качестве иллюстрации здесь можно привести исследование тюменской идентичности Г. С. Корепанова, в котором отмечается, что Тюменский регион в обыденном сознании воспринимается одновременно, как нефтяная и газовая

¹ Гриценко А. А. Влияние политических и ландшафтных границ на региональную идентичность в российско-украинском порубежье: автореферат дис. ... канд. геогр. наук. М., 2010; Назукина М. В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: автореферат дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2009.

² Крылов М. П. Современная региональная идентичность в Европейской России... С. 55.

³ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 17.

столица России, и как колония, эксплуатируемая Центром¹. В. В. Абашев отмечает противоречивость смысловой матрицы в литературных текстах, в публицистике и в общественном мнении применительно к Пермскому краю, где он воспринимается как «окраина мира», и вместе с тем, как «начало мира» и как его центр². В Свердловской области воспроизводится идея о том, что этот регион удален от столицы и от других государств, и одновременно подчеркивается его роль как центра пересечения трансконтинентальных потоков сырья, товаров, финансовых, трудовых и информационных ресурсов.

На официальном уровне, как правило, создаются образы, выгодные, для позиционирования региона во внешнем поле,³ в то время как «низовой» уровень может оспаривать официальные конструкты, апеллируя к народной коллективной памяти, сложившимся мифам и понятным символам. Не случайно, в рамках «низового» уровня региональной идентичности часто бытуют «естественные» бренды, связанные с гидронимами, топонимами или другими аналогичными объектами. Так, исследования К. Стонер-Вайсс, изучившей ряд российских городов (Саратов, Ярославль, Тюмень и Нижний Новгород), не показывают однозначной зависимости между официальным дискурсом региональной политической элиты и ее склонностью к реформаторству и «гражданской культурой» самого населения регионов⁴.

Отметим, что и в концепции А. Пааси также присутствует это разграничение. С одной стороны, он выделяет идеациональные нарративные коллективные идентичности, которые лежат в основе идеологических практик и мотивов. Эти дискурсы используются медиа для формирования пространственного самосознания и социальных практик «сверху» и выражают экономические, культурные и политические интересы. С другой стороны, по мнению А. Пааси, дискурсы идентичности формируются «снизу» и являются

¹ Корепанов Г. С. Региональная идентичность как предмет социологического анализа. С. 19.

² Абашев В. В. Указ соч. С. 118.

³ К примеру, в официальном дискурсе «Югра» выступает, как мир древней культуры, находящийся в неразрывном единстве с нетронутой природой, тогда как на «низовом» уровне ХМАО воспринимается как нефтяные вышки и высокие зарплаты.

⁴ См.: Sloner-Weiss K. Local Heroes. The Political Economy of Russian Regional Governance. Princeton, New Jersey, 1997. P. 151-168.

«идентичностями сопротивления» (что характерно, например, для субкультур и мигрантов)¹.

Так, по-видимому, можно говорить о различиях в восприятии регионального дискурса на уровне городских и сельских сообществ. Идентичность в малых территориальных объединениях (сельских поселениях) выстраивается, как правило, на основе тесных социальных взаимодействий и сосуществования. Она сближается с концептом «места», имеющего выраженные индивидуальные значения, в отличие от крупных городов, разграниченных картографически, включающих в себя многообразие местных/локальных идентичностей. Главным фактором восприятия малых пространств становится переживание места и социальных отношений; здесь в концентрированном виде оказывается задействована коллективная память семьи, религиозная коллективная память. По данным исследования Г. С. Денисовой (на примере Ростовской области), если у городского населения преобладает чувство гражданско-государственной идентичности, то в структуре идентичности сельских жителей превалируют гражданственные, семейные и гендерные комплексы идентификации, большую значимость имеет локальность и этничность².

По-видимому, на больших территориях роль региональных символов и репрезентаций оказывается более значимой. Далекое не все жители города, к примеру, знакомы друг с другом, поэтому они ощущают привязанность к определенным, коллективно разделяемым региональным символам или определяют себя через устойчивые региональные практики. Таким образом, мы можем говорить о локальном сообществе и местной идентичности и более абстрактной, символической городской/региональной идентичности. Если идентичность первого типа имеет нормативный аспект, то идентичность

¹ Paasi A. The Resurgence of the Region... P. 34.

² Денисова Г. С. Структура региональной идентичности городского и сельского населения Ростовской области // Наука и образование. Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области. Ростов н / Дону, 2010. С. 82 – 90.

больших территорий носит более практический и утилитарный характер¹. Идентичность локальных сообществ – устойчива за счет укорененности в культуре и истории, идентичность больших территорий отличается изменчивостью и основана на диалоге².

Очевидна также разница в системах высказываний о региональной культуре на бытовом и профессиональном уровне, в представлениях обывателей и декларациях политической элиты. Как может, например, быть определена идентичность Бретани? – задается вопросом Р. ле Коадик: «В том немногом, что осталось от докапиталистического аграрного общества в Нижней Бретани, носительнице традиционной культуры? В крупных городах Верхней Бретани – Ренне или Нанте? В представлениях парижских журналистов или ностальгических мечтаниях бретонцев, живущих в Иль-де-Франс? В исследованиях о Бретани, публикуемых в английских университетах? В бретонских землячествах Нью-Йорка, Сан-Франциско или Канады? В кельтских ночных праздниках на Стадионе Франции? На интернет-форумах бретонской диаспоры? В передачах бретонского телевидения, транслируемых на всю Европу?», – и заключает, что Бретань – это не столько социальная реальность, сколько «воображаемое сообщество»³, представляющее собой совокупность дискурсов. Различные дискурсы в рамках идентичности региона носят не столько спонтанный, естественный характер, сколько создаются целенаправленно, конструируются усилиями политической и культурной элиты.

В процессе формирования целостного представления о региональной идентичности столкновение различных дискурсов часто приводит к конфликту, разногласиям в ее понимании. Территориальное развитие в рамках региональной идентичности часто планируется акторами, не принадлежащими локальному сообществу, не владеющему символикой и семантикой его ландшафта, знаниями о среде. Если идентичность региона создается для маркетинговых целей, то она

¹ Shelby T. *We Who Are Dark: The Philosophical Foundations of Black Solidarity*. Harvard, 2005.

² Delanty G., Rumford C. *Rethinking Europe: social theory and the implications of Europeanization*. London, 2005. P. 68 - 86.

³ Цит. по: Идентичность во французском обществознании. С. 54.

не имеет «реального» существования. Это сближает концепты «идентичность региона» и «имидж региона» с искусственным образованием. В то время, пока политики, ученые, культурные активисты, девелоперы определяют идентичность региона, применяя различные критерии для выделения изучаемой территории, региональная идентичность продуцируются людьми, проживающими в регионах или за их пределами.

Можно вспомнить в связи с этим ситуацию в Пермском крае, где развернулась борьба между «местными» элитами, которые во главу угла пермской региональной идентичности ставили традиции Прикамья и горнозаводской цивилизации и «пришлой» элитой, стремившейся превратить Пермь в культурную столицу Европы на основе современного искусства. Эта борьба дискурсов за идентичность метко была выражена пермским писателем А. Ивановым, заявившим, что «триста лет промышленной истории края не выбить вон пинком актуального искусства»¹. Показательна в этом плане также ситуация в Рязанской области, где формирование региональной идентичности разворачивалось как конкуренция возрождения историко-княжеской идентичности (губернаторский проект), аграрно-почвеннического и религиозного дискурса².

Дискурсы идентичности, как писала Дорин Мэсси, всегда отражают «геометрию силы», т.е. люди, находясь в процессе создания и репродукции спатальных репрезентаций, социальных разделений между «мы» и «они», всегда оказываются на разных позициях. В свою очередь, это обозначает актуальность следующих вопросов при исследовании региональной идентичности в настоящее время: из каких дискурсов складывается та или иная региональная идентичность? Чья идентичность описывается тем или иным дискурсом? Как они создаются и поддерживаются? Как обеспечить их мирное «сосуществование»? Почему политическая/культурная элита в данный период

¹ URL: <http://www.arkada-ivanov.ru/ru/about>

² Авдонин В. С. Проблемы формирования региональной культурной идентичности в депрессивном социально-экономическом контексте (случай Рязанской области). С. 7-15.

времени выбирает те или иные дискурсы? Какие дискурсы привлекают, а какие отталкивают или оставляют равнодушными?

Выводы к главе 2:

1) Подобно тому, как идентичность выполняет организующую функцию в развитии индивида, региональная идентичность выступает формирующим признаком региона, а чувство региональной общности маркирует его границы. Региональная идентичность представляет собой особую форму как индивидуальной, так и коллективной идентичности, при которой ее носитель (личность, сообщество) оказывается способным к пространственно-временной идентификации, соотнесению себя с конкретной территорией.

2) Сложившиеся к настоящему времени в гуманитарных исследованиях концепции региональной идентичности (эссенциализм, конструктивизм, инструментализм) позволяют рассматривать данный феномен не только как свойство индивида или группы определять себя в социокультурном пространстве, но и как качество, которое активно конструируется и репрезентируется;

3) Социальное конструирование региональной идентичности осуществляется, в первую очередь, по отношению к территории (инвариантный параметр) и, в зависимости от ведущих оснований социальной консолидации, может выстраиваться также на основе социального, политического, исторического, языкового, этнокультурного своеобразия региона;

4) Национальная и региональная идентичности имеют схожие черты по форме существования (в первую очередь, общность структуры и характер дистанцирования от *Другого*), но различаются между собой в содержательном плане. В отличие от национальной идентичности, отражающей идею одной страны с одним историческим и культурным прошлым и одним политическим будущим, региональная идентичность основана на выделении своеобразия конкретного региона. Ее содержание составляют изменчивые идентификации, которые образуют систему конструктов. В своем конкретном выражении

региональная идентичность, к примеру, может являться результатом объединения с одними группами и дистанцирования от других, быть инструментом освоения новых культурных практик, испытывать воздействие идеологических средств по формированию имиджа региона, зависеть от долгосрочных и краткосрочных факторов;

5) Структура региональной идентичности предстает как четырехаспектная и включает в себя: *когнитивный* компонент – географические образы, т.е. устойчивые пространственные представления о регионе, формирующиеся на обыденном и профессиональном уровне; *ценностный* компонент – переживаемые и осознаваемые смыслы и ценности той или иной региональной общности, сопровождающиеся оценкой качества собственной региональной инаковости на индивидуальном и коллективном уровне; *чувственно-эмоциональный* компонент – проявления эмоциональности (часто приписываемые), устойчивые состояния-переживания регионального субъекта, эксплицируемые в зарубежных исследованиях с помощью термина «чувство места»; *регулятивный* компонент – система регулятивов, обеспечивающих предрасположенность к определенным действиям, способам поведения и ориентирования в региональном пространстве. Данная результирующая структура позволяет анализировать региональную идентичность в философско-культурологическом смысле – как образное, ценностное, эмоциональное, поведенческое «освоение» индивидуальным и коллективным субъектом регионального пространства;

6) По форме существования в структуре региональной идентичности можно выделить мифологический, религиозный, художественный, политический, философский дискурсы, являющиеся одновременно формами ее репрезентации;

А. В рамках *мифологического* дискурса региональной идентичности осуществляется корреляция образа региональных лидеров с персонажами исторических мифов, происходит персонификация неодушевленных объектов (например, в высказывании «природный ландшафт рождает определенный региональный тип»), средством преобразования территории является ее нейминг

(наименование), артикулируется оппозиция «мы-они» (например, в отношении регионов к Центру), происходит включение и исключение «других» (например, мигрантов), осуществляется «возвышение» истории и культуры своего региона, региональные СМИ рассматриваются как инструмент борьбы с «хаосом» и т.п.;

Б. В *религиозном* дискурсе получает развитие сакрализация региональных объектов и канонизация текстов региональной истории, обретение и почитание «святых покровителей», поиск мистических мест, характеристика деятельности региональных субъектов в терминах «жертвенности» и «подвижничества», эсхатологичность и ориентация на прошлое;

В. *Художественный* дискурс региональной идентичности в содержательном плане заключается в осознании представителями региональной культуры себя носителями определенной художественной традиции (устного народного творчества и профессионального художественного творчества), в логическом – в формировании образа региона через эмоционально-окрашенные примеры и афористические обобщения, в этическом и эстетическом отношении к занимаемой территории;

Г. *Философский* дискурс при наличии интеллектуальной элиты, способной определить собственное региональное своеобразие, направлен на целостное и рефлексивное рассмотрение региона, а также глубокое исследование его «духовного пространства»;

Д. В основе *политического* дискурса лежит продвижение региона, создание его имиджа, контроль над территорией, артикуляция и защита региональных интересов.

9) Многообразие дискурсов региональной идентичности в современной культуре часто порождает ситуацию их столкновения и конфликта. На уровне конкретных регионов продолжают сохраняться противоречия, в частности, между «официальным» и «низовым» дискурсом, дискурсом городских и сельских сообществ в вопросе определения своей региональной специфики.

Глава 3.

Сибирская идентичность в конструктивистском измерении: формирование и содержательный анализ

§ 1. Конструирование сибирской идентичности: к постановке проблемы

Задачей данного раздела является формулирование ключевых положений к постановке проблемы рассмотрения Сибири и сибирской идентичности в качестве конструкта. Как было показано в предыдущей главе, конструктивизм в современных эпистемологических и культурологических исследованиях является актуальной программой, способной, с одной стороны, предложить достаточно разработанный спектр способов изучения объекта, с другой – позволяющей осуществить экстраполяцию изначально определенных методологических принципов на новые проблемы. Поскольку сибирский регион и сибирская идентичность еще не становились предметом исследования с конструктивистских позиций, то рассмотрение этих вопросов в данном ключе, представляет, с нашей точки зрения, особый интерес.

Сибирь – одно из самых заметных социокультурных пространств на современной карте России. На всех уровнях общественного сознания Сибирь представляется устойчивым регионом, имеющим отличительные черты и ограниченном в российском социокультурном пространстве, в то же время сохраняющим тесную экономическую и культурную связь с европейской частью России. В научном дискурсе и массовом сознании своеобразие Сибири определяется, в первую очередь, природными факторами ее формирования и сложившимися пространственными характеристиками.

Зарубежные авторы часто Сибирью именуют всю территорию России, лежащую к востоку от Урала и к северу от Центральной Азии¹. Этот взгляд

¹ Hudgins Sh. The other side of Russia: a slice of life in Siberia and the Russian Far East: Texas A&M University Press, 2003. P. 25; King A. The Siberian Studies Manifesto // Sibirica. 2006. Vol. 5. № 1. Spring. P. 8.

восходит еще к летописной традиции¹ и наиболее полно был выражен В. Н. Татищевым и Ф. Н. Таббертом-Страленбергом в XVIII веке. По словам В. Г. Дацышен, Сибирь как часть картины европейского мира, появилась аналогично Индии и Китаю: все, что за рекой (Инд) – Индия, то, что за стеной (Китай) – Китай, то, что за Камнем-Югрой (Шибирь) – Сибирь². В настоящее время начало сибирских территорий за Уралом обозначается, по крайней мере, двумя конструкциями, которые в символической политике оказываются основательнее ландшафтных: в Свердловской области, на дороге, ведущей из Ирбита в соседнюю Тюмень, по реке Межница, где установлен пограничный столб, и в Челябинске, где установлена монументальная композиция, обозначающая зону разлома между геологическими структурами Уральских гор и Западно-Сибирской низменности, которая проходит в этом месте³.

В «имперский» период к Сибири, расположенной за «Камнем», причислялись территории современной Западной Сибири (в составе Тобольской и Томской губерний), Восточной Сибири (Енисейская и Иркутская губернии, Забайкальская и Якутская области) и Дальнего Востока (Амурская и Приморская области, остров Сахалин). Для известного исследователя Сибири Н. М. Ядринцева, например, не было никаких сомнений в том, что Сибирь простиралась до Тихого океана⁴. Как единый регион, представляющий собой выход России к Тихому океану и Юго-Восточной Азии, Сибирь и Дальний Восток рассматриваются и в некоторых современных исследованиях⁵. Единство этой огромной территории в физико-географическом аспекте обеспечивается ее особым положением в средних и высоких широтах Северного полушария

¹ Есиповская летопись (1581–1587) заканчивается словами: «И тако разпространися Сибирская земля и до великого моря акияна». – В кн.: Сибирские летописи. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская). Рязань, 2008. С. 311.

² Дацышен В. Г. Другая история Сибири: преодоление мифа // Судьба континента Сибирь: проблемы развития. Экспертный дискурс: сб. статей / под ред. В. С. Ефимова. Красноярск, 2012. С. 99.

³ Подвинцев О. Б. Ментальная граница между Уралом и Сибирью в современной России // Символическая политика: Сб. науч. тр. М., 2016. Вып. 4: Социальное конструирование пространства. С. 209 - 210.

⁴ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония: географический, этнографический, исторический аспекты. 2-е изд. СПб., 1892. С. 7.

⁵ Винокурова У. А. Постсоветский сибиряк: трансформация ценностей // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 16. Психология. Педагогика. 2011. № 2. С. 25; Inozemtsev V., Ponomarev I., Ryzhkov V. Continent Siberia: From a Colony to a Global Player // Russia in global affairs. Vol. 10. №. 4. October – December 2012. P. 140.

(удаленность от Атлантического и Тихого океанов, формирование холодного варианта резко континентального климата), а в соответствии с экономическим подходом целостность территории Сибири поддерживается также общими чертами ее специализации и форм хозяйства.

Особенностью пространственного восприятия Сибири на современном этапе становится признание того, что обозначение границы этого региона – не столько физические, экономические, сколько историко- или культурно-географические, поскольку сибирскому региону свойственно несовпадение географических рубежей, экономических зон и административных центров¹, появившихся в советскую эпоху и в результате проводимой федеральным центром в 1990-е гг. политики ассиметричного развития регионов. По замечанию А.В. Ремнева, «административные практики» всегда играли значительную роль в «воображаемой географии» Сибири². В географическом плане современная территория Сибири все чаще рассматривается без Дальнего Востока, в ее состав в силу особых природно-климатических характеристик может не включаться Заполярье, Забайкалье и Алтайский край.

Современное федеральное разделение округов также привело к тому, что Сибирь оказалась срединной территорией между Уральскими горами и Якутией. Учитывая характер этой территории, сформировавшийся в особом ландшафте (Сибирь – «равнинное и горное мегаположение краевой сферы материка», Дальний Восток – «окраинное приокеаническое мегаположение»³) и под влиянием определенных видов экономической и хозяйственной деятельности, многие современные исследователи сходятся на том, что логично все-таки рассматривать Сибирь как отдельный внутриматериковый регион, «среднюю

¹ Безруков Л. А., Корытный Л. М. Роль территории Сибири в экономическом развитии России // География и природные ресурсы. 2009. № 3. С. 25.

² Burbank J., Marc von H. Coming into Territory: Uncertainty and Empire // J. Burbank, M. v. Hagen & A. Remnev (eds.) Russian Empire. Space, People, Power, 1700–1930. Bloomington and Indianapolis, 2007. P. 1 – 32.

³ Сочава В. Б., Тимофеев Д. А. Физико-географические области Северной Азии // Докл. Ин-та географии Сибири и Дальнего Востока. 1968. Вып. 19. С. 3 –19.

землю» (middle ground)¹, «геополитическую конструкцию внутреннего пространства Российской империи»².

К настоящему времени Сибирь включает в себя десятки регионов, республик и округов на административной карте современной России, с населением 24 млн. чел., представленным более чем 100 национальностями, что дает основание некоторым исследователям рассматривать ее как мегарегион³. По мнению М. Я. Рожанского, только южные и северные рубежи Сибири исторически очерчены довольно четко: этот макрорегион соседствует с юга с Казахстаном, с северной же стороны он выходит на территории Северной Сибири. Западные и восточные границы Сибири выглядят менее определенными⁴. Сложный состав сибирских территорий объясняется также тем, что в ее рамках выделяются различные природно-климатические зоны, экономические районы с неодинаковым уровнем развития промышленности и сельского хозяйства, с неравномерной плотностью населения.

Границы Сибири как территориального сообщества людей с неким особым самосознанием связываются с конкретными носителями сибирской идентичности, разделяющих концепт «сибирскости», образующего специфику сибирского дискурса. Однако, выделяя наличие особого «сибирского дискурса», следует, по всей видимости, говорить о различной степени включенности отдельных территорий Сибири в сибирский дискурс, поскольку они по-разному определяют себя через маркер Сибири. Так, для Южной Сибири (Алтай) и Восточной Сибири (Бурятия) оказывается важнее национальный маркер как таковой, чем географическая принадлежность к Сибири, а для регионов Северо-Западной Сибири (Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий АО) в дополнение к нему северный и арктический маркер особости. В. В. Шевцов также указывает

¹ Znamenski A. A. The "ethic of empire" on the Siberian borderland: The peculiar case of the "rock people," 1791–1878 // *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. London, New York, 2007. P. 108.

² Ремнев А. В., Суворова Н. В. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Азиатской империи // *Полития*. 2010. № 3-4 (58-59). С. 152.

³ См.: Супрун В. И. Сибирь как мегарегион: концепция и реальность // *Идеи и идеалы*. 2016. № 1 (27). Т. 1. С. 124 - 134.

⁴ Рожанский М. Я. Сибирские узлы империи. URL: <http://gefeter.ru/archive/15048>

на существование ряда субсибирских идентичностей, носящих административно-территориальный (жители Новосибирской обл., Красноярского края, Приморья) и этногосударственный характер (население Тувы, республики Хакасии, Алтай, Бурятии и т.п.)¹.

Пространственная характеристика Сибири усложняется также в связи с тем, что как территория, географическая среда Сибирь постоянно меняется, переформатируется под прямым влиянием миграционного движения, формирования центров притяжения и депопуляции. Территория Сибири исторически характеризовалась растянутостью колониционных процессов, региональными, этнокультурными контрастами и диспропорциями, экстенсивным характером аграрной экономики. По мнению многих исследователей, границы Сибири всегда носили специфические фронтальные черты подвижной зоны освоения и закрепления². В терминологии А. В. Головнёва, пространство Сибири – это скорее не зона фронта, а пространство «российской укаины», «живой границы», сочетающей в себе проекцию столицы и самобытность, умножаемую полиэтничностью»³.

В настоящее время Сибирь продолжает оставаться одновременно «освоенным» и «осваиваемым» пространством, несмотря на развернувшееся в регионе грандиозное строительство в советскую эпоху, рост урбанизации (с 1950-х Сибирь стала самым урбанизированным регионом России), развитие культурных, образовательных, научных центров. Границы сибирского региона оказываются не четкой линией, а динамическим пространством, поэтому его очертания при анализе нередко ускользают от четкого определения, а для жителей столицы и основных районов европейской части России различия между «сибиряком» и, к примеру, «уральцем» зачастую представляются

¹ Shevtsov V. V. The Regional identity of the Siberian community: major formation factors and reconstruction problems // *Europolis*. 2013. № 7. P. 80.

² См., например: Донских О. А. Становление мегарегиона Сибирь: социокультурный и геополитический контекст // *Идеи и идеалы*. 2016. № 1 (27). С. 140.; Панарина Д. С. Феномен фронта в культуре Америки и России (США и Сибирь): автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2012; Побережников И. В. Азиатская Россия: фронт, модернизация // *Известия Уральского федерального университета: Сер. 2. Гуманитарные науки*. 2011. Т. 96. С. 192.

³ Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 533.

несущественными. Представления о границах «своей территории» скорее зависят от конфигурации жизненного пространства индивидов и групп. Не случайно, по данным социологических опросов, сами сибиряки зачастую затрудняются четко определить границы Сибири¹. Данная ситуация направляет описание Сибири в сторону конструктивистской методологии, при которой сибирская территория начинает рассматриваться как динамичный конструкт.

В современном сибиреведении до сих пор остается дискуссионным и вопрос о том, каков статус Сибири: является ли она колонией, колонизируемой территорией, или неотделимой частью российского социокультурного пространства?² Так, в оценках, даваемых еще Н. Бестужевым, Г. Батенковым, сибирскими областниками Г. Потаниным и Н. Ядринцевым, Сибирь, безусловно, выступала как колония России. Сибирь также воспринималась как яркий пример ханства, управляемого в качестве периферии. Современные исследователи, все чаще отказываясь от колониального дискурса, в том числе, от ленинской категории «колония в экономическом смысле», оперируют терминами «фронтир», пограничье, «сибирский плавильный котел» и даже «Дикий Восток», исследуя типологические свойства и различия российского и американского колониального опыта³. В. Иноземцев, И. Пономарев, В. Рыжков показывают, в частности, насколько схожими были процессы начала колонизации в освоении Сибири и США и насколько, в итоге, получились разными результаты освоения новых территорий в России и Америке⁴. Отмечается, в частности, что менталитет в Америке сформировался в условиях рыночной экономики и

¹ Так, социологи А. А. Анисимова и О. Г. Ечевская рассказали, что они просили респондентов составить карту Сибири. И если в Иркутске люди рисовали «от моря до моря», то в Омске получались «маленькие Сибири», причём многие омиичи затруднялись сказать, какой город к ним ближе — Новосибирск, Красноярск или Иркутск. Байкал они посчитали не относящимся к Сибири в принципе: «Это уже Дальний Восток, там Китай близко». (URL: <http://tayga.info/details/2012/06/08/~108345>)

² Ламин В. А., Резун Д. Я. *Метаморфозы фронта в истории Сибири, Северной Америки и Австралии (к постановке проблемы)* // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 22.

³ Ремнев А. В., Суворова Н. В. *Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Азиатской империи*. С. 150 - 151.

⁴ Inozemtsev V., Ponomarev I., Ryzhkov V. *Continent Siberia: From a Colony to a Global Player* P. 140. Подобная точка зрения отражена и в работе Ф. Хилл и К. Гэдди «Сибирское проклятье...», в которой подчеркивается аграрный характер колонизации США и Сибири, слабая региональная специализация этих территорий в первой половине XIX века.

политических свобод, а в Сибири – в условиях тотального вмешательства государства в повседневную, прежде всего экономическую жизнь¹. Многие исследователи предпочитают говорить о возникновении на восточных российских рубежах особой цивилизационной модели, которую привнесла Россия, «изобретая Сибирь» и осваивая северо-азиатские земли, повторяя тем самым тезис известного сибирского просветителя П. А. Словцова, рассматривавшего Сибирь как часть России, передвинувшейся за Урал².

Неразрывно связана с определением статуса Сибири и ее оценка, поскольку сохраняется ситуация, когда «огромный, составляющий едва ли не полстраны (в пространственном отношении) локал оказывается лишенным общей со всей страной символической системы»³. В этом отношении интересна роль Сибири не как административной единицы и не как географического пространства со своими физическими характеристиками. Сибирь становится привлекательной для анализа, прежде всего, как специфический социокультурный феномен, тип общества, исторически формирующийся за Уралом.

Существование на протяжении длительного времени региона с названием «Сибирь», равно, как и больших групп людей, именующих себя «сибиряками», создает ощущение преемственности и непрерывности, хотя содержание, скрывающееся за этими названиями (культура, система ценностей, геополитическая роль, даже географические координаты), претерпели за это время существенные изменения. Данные механизмы действуют как в отношении автостереотипов – представлений сибиряков о самих себе, так и в отношении гетеростереотипов – внешнего восприятия Сибири и сибиряков. Конструктивизм как раз и предполагает необходимость обращения к категории идентичности, позволяющей воспринимать регионы не столько как территории или

¹ Головнёв А. В. Феномен колонизации. С. 531.

² Донских О. А. Становление мегарегиона Сибирь. С. 147.

³ Бляхер Л. Е. Мигранты и миграционная политика в постсоветской Сибири и на Дальнем Востоке // Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск, 2011. С. 163.

административно-управленческие единицы, сколько как «живые», социально и интеллектуально конструируемые пространства. Их границы определяются не географическими маркерами и административными рубежами, а скорее общей идентичностью, чувством принадлежности к определенной территории, набором добровольно разделяемых норм и ценностей, приверженностью к определенным действиям.

Как отмечалось нами ранее, современная ситуация отмечена ростом значимости вопросов региональной идентичности. Случившийся при развале СССР кризис общенациональной идентичности сопровождается политическим возвращением России к поискам «русскости» и актуализацией региональных версий идентичности¹. Региональные идентичности оказываются открытыми для конструирования, происходит этнизация локальных культур, мифологизация исторических корней, присвоение культурного наследия, стимулирование самобытной политической специфики. Росту значения региональной идентичности способствует обострение отношений по линии «центр-провинция», на уровне которых сохраняются различия как в качестве жизни, так и на уровне ценностных систем; «центр – национальные республики», где региональная идентичность коррелируется с этнонациональной².

В этом процессе с недавнего времени особое место занимает вопрос о сибирской региональной идентичности, которая является если и не самой выраженной в России, то относится к числу самых обсуждаемых в научном дискурсе. Дискуссия о ней была, в частности, инициирована тем, что накануне Всероссийской переписи населения – 2010 в интернете стартовала акция «Мы-сибиряки», призывавшая жителей Сибири указывать «сибиряк» в поле национальность³. Часть сибирской властной элиты предпринимала серьезные попытки создать политические объединения в Новосибирске, Томске, на Алтае; в научных исследованиях был поставлен вопрос о росте «сибирского

¹ Головнёв А. В. Дрейф этничности // Уральский исторический вестник. 2009. № 4 (25). С. 52.

² Волкогонова О. Д., Белоусов С. О. Феномен региональной идентичности как фактор политического процесса в России // Россия и современный мир. 2009. № 1 (62). С. 50.

³ Эксперт-Сибирь. Региональный деловой журнал. 2011. № 50.

сепаратизма»¹. Активизировались идеологи «сибирской нации», согласно которым сибиряки существовали всегда, не являясь субэтносом русского народа и «отличались от русских и говором, и хозяйством, и бытовыми привычками, и мировоззрением, и даже внешним видом»². Высказывалась даже идея о существовании особого сибирского языка, пока существующего в форме письменного литературного языка, составленного Ярославом Золотаревым на основе традиционных сибирских говоров, но постепенно оформляющегося в «живой язык»³. Так, журнал «Эсквайр» (№71 за 2011 год) опубликовал «Пятиминутный путеводитель по сибирскому сепаратизму» с кратким словариком сибирского языка, флагом и картой, на которой изображено, чего лишится страна, если потеряет территории за Уралом.

Несмотря на присутствие в научном дискурсе идеи «общесибирского национализма» и «региональных сибирских национализмов»⁴, фиксации роста удельного веса сибиряков, солидаризирующихся с сепаратистской идеологией автономистко-республиканского типа⁵, проект «национальность – сибиряк» является скорее откликом на ощущение несправедливости и дисбаланса. Это форма политического высказывания, а не собственно «национальный проект» (не имеет целью признания сибиряков как отдельной национальности). По мнению А.В. Ремнева, «сибирская идентичность ближе к политическому российскому национальному проекту, нежели к более жесткому конструкту этнонации», а сибиряк мог стать всего лишь областным (региональным)

¹ См.: Щербинин Д. И. Конфликтный потенциал современного сибирского сепаратизма: автореферат дис. ...канд. социол. наук. Барнаул, 2010.

² Так, авторы коллективной монографии «Сибирский характер как ценность» характеризуют сибиряка как «человека иной социально-психологической ментальности и характера по сравнению с жителем Европейской России». (Сибирский характер как ценность: кол. монография. Т. 4 / под общ. ред. И. Шиловой. Красноярск, 2011. С. 16). Исследователь истории Сибири Т. С. Мамсик признает, что в результате интеграции азиатских и европейских этносов сформировалась особая ветвь русской народности - сибирская. (Мамсик Т. С. У истоков сибирского евразийства // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII-XX вв. Новосибирск, 2003. С. 26 - 35).

³ Там же.

⁴ См.: Михайлов Д. А. Евразийство в национальном дискурсе Сибири // Вестник Российской нации. 2014. № 1. С. 144 - 159.

⁵ Щербинин Д. И. Указ соч. С. 6.

вариантом российской гражданской нации¹. Мысль о невозможности формирования отдельного сибирского этноса высказывается и другими исследователями².

Присутствие подобных идей в общественном сознании само по себе говорит о включении сибирской идентичности в сферу политического и научного дискурсов, о характеристике сибирской идентичности как активно растущей и выраженной в идеологическом и культурном пространстве современной России. Отмечается, что «сибирская региональная идентичность в целом, независимо от тональности ее проявлений в качестве главного сущностного признака Сибири, отличающего ее от всех стран и регионов, позиционируется как колоссальный, но пока не востребованный потенциал развития»³. Признается также, что Сибирь становится уникальной площадкой для исследования того, как процессы региональной идентификации влияют на развитие национальной идентичности⁴. Данный тезис является важным, поскольку любая региональная идентичность, возникающая на основе принадлежности к определенной, «своей» территории, требует представлений не только о ее границах и центре («столице»), но и об общей структуре данного пространства.

Существенным условием актуализации вопроса о сибирской региональной идентичности, помимо определенной политизации феномена «сибирскости», является также наличие «угроз»/вызовов, с которыми в настоящее время сталкивается регион. Эти вызовы сопровождаются депопуляцией сибирского

¹ Жигунова М. А., Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Региональный вариант сибирской идентичности // Омский науч. вестн. 2014. № 2 (12). С. 56.

² См.: Дробижина Л. М. Российская идентичность в массовом сознании // Вестник российской нации. 2009. № 1. С. 135-136; Бережнова М. Л. Сибиряки как проект и реальность // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации. Материалы межд. конф. Барнаул, 2012. С. 11 - 12, Сибирь и Русский Север. Проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XVII - начало XXI вв.). Новосибирск, 2014. С. 249.

³ Бочаров А. В. Методологические и эмпирические аспекты изучения региональной сибирской идентичности в информационном поле региональных СМИ // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2012. № 2 (18). С. 90.

⁴ Дутчак Е. Е., Львова Э. Л., Нам И. В. Сибирская региональная идентичность – фактор конфликта или ресурс формирования общероссийской идентичности? // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «История». 2012. № 2 (3). Ч. 1. С. 42.

региона, кризисом межпоколенной трансмиссии, кризисом стабильности и нормативной сферы, кризисом рациональности и морали.

Об особом экономическом и политическом статусе сибирских территорий в российском социокультурном пространстве пишут многие исследователи¹. В недавних интервью сибиряков, проведенными социологами А. А. Анисимовой и О. Г. Ечевской, также выделяется набор проблем, характерный для сибирского региона. Это – кризис промышленности и связанные с этим проблемы трудоустройства квалифицированных кадров, низкий уровень заработной платы и жизни населения в целом и, как следствие, «вымывание» квалифицированных кадров из региона, снижение качества человеческого капитала в регионе; неразвитость инфраструктуры, в особенности, транспортной сети и объектов социально-культурного значения, экологические проблемы (загрязнение окружающей среды, бесконтрольная вырубка лесов и т.п.)². Болезненно воспринимается приватизация сибирской части «советского трофея», состоящего в основном из предприятий ВПК, массовый переход сибирских предприятий в руки столичных собственников, перенос налогового резидентства предприятий и сокращение налоговых поступлений в местные бюджеты. Дискурсы провала государственных начинаний в Сибири и их неэффективности также обладают поразительной устойчивостью на фоне постоянно меняющихся административных проектов.

Среди «угроз» существования региона доминируют и вопросы миграционного плана, причем речь идет как о внешней, так и о внутренней миграции. Широко обсуждаемая «китайская угроза» в обыденном сознании дополняется мифологемами более низкого уровня: «превращение в сырьевой придаток», «тихая экспансия китайцев в Сибирь», «демографическое давление на границы». В этом контексте по-новому, остро ставятся вопросы о том, что собственно представляет собой сегодня сама «сибирскость».

¹ См., например: Ferguson J. Siberia, the Russian Far-East, and the «future land». URL: <http://www.international-relations.com/wbeurasia/wblec7.htm>

² Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск, 2012. С. 74.

Отметим, что сложившиеся к настоящему времени представления о «сибирском» имеют множественный характер. Так, на уровне обыденного сознания широко воспроизводятся авто- и гетеростереотипы (как, например, в суждениях о том, что «*В Сибири всегда холодно*», «*Там медведи по улицам ходят*»). В политической сфере употребляются фразы: «Могущество России прирастать будет Сибирью и Северным Ледовитым океаном» (М. В. Ломоносов), «Сибирь – это маховое колесо для движения нашего Отечества и необходимая черта его величества» (Г. С. Батеньков), часто выступающие средством легитимации идеологических целей. В научной литературе сибирская идентичность рассматривается как индивидуальная идентичность, новый вид социальной солидарности и способ политического высказывания¹. В художественной литературе и научных исследованиях выявляются характерологические особенности (черты менталитета, поведенческие реакции, общие жизненные стратегии и ориентации, языковые практики), типичные для жителей сибирского региона. Подобная ситуация обозначает необходимость проведения содержательного анализа сибирской идентичности, установление корреляции между различными дискурсами о ней.

Попытка осмыслить феномен «сибирской идентичности» предпринимается в настоящее время, прежде всего, на уровне прикладных наук. Как показывают этносоциологические исследования, статус сибирской территориальной идентичности довольно высок в идентификационной матрице сибиряков. По сравнению с национальной, конфессиональной или социальной идентичностью, именно сибирская региональная идентичность осознается респондентами как наиболее значимая². Отмечается положительная динамика сибирского

¹ Анисимова А. А., Ечевская О. Г. «Сибиряк»: общность, национальность или «состояние души»? // *Labogotium. Журнал социальных исследований*. 2012. № 3. С. 39; Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Исследование механизмов формирования и трансформации сибирской региональной идентичности на основе анализа биографических нарративов // *Сибирь: контексты настоящего: сборник материалов международных конференций молодых исследователей Сибири*. Иркутск, 2016. С. 9.

² К примеру, данные опроса Н. В. Сверкуновой, проведенного в Иркутской области, показали, что 61,8 % респондентов отдали предпочтение стереотипу «сибиряка», 18,1 % – стереотипу «современного человека», представляемого средствами массовой информации, а 19,8 % – затруднились с ответом (Сверкунова, Н. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб., 2002. С. 29.). По сообщению омского этнографа М. А. Жигуновой, если в 1986 – 1988 гг. в Сибири сибиряками назвали себя 15 % респондентов, в 2000 г. – 32 %, то в настоящее время около 80% (Жигунова М. А. Сибиряк как новая

регионального самосознания. Несмотря на размытость самого понятия «сибиряки», фиксируются устойчивые стереотипные отличия русских Сибири от русских Европейской России.

В результате этносоциологических исследований сибирской идентичности к настоящему времени были намечены и основные ее индикаторы: территориальный признак (место рождения или проживания), социокультурный фон (повседневная среда), биографический след (создание семьи и становление карьеры) и политический аспект (средство мобилизации активной части населения)¹. Томские социологи, на основе данных опросов в девяти сибирских регионах, показали, что базовыми основаниями самоидентификации современных сибиряков является семья и включенность человека в дружеские и товарищеские отношения, в то время, как профессиональный статус, этническая и религиозная принадлежности жителей Сибири выражены гораздо в меньшей степени². Эти выводы в целом согласуются с результатами исследований М. А. Жигуновой, согласно которой «сибирское самоопределение» для многих является решением проблемы самоидентификации в условиях смешанного происхождения³. В частных науках делается вывод о том, что в Сибири происходит процесс постепенного перехода от национальной самоидентификации к территориальной, этнические различия стираются, и население Сибири все больше осознает себя «сибиряками».

Тем не менее, изучая региональную идентичность сибиряков и справедливо рассматривая территориальную самоидентификацию жителей Сибири как ее центральный фактор⁴, сибирскую идентичность, как на обыденном, так и на специализированном (научном) уровне, часто сводят лишь к

национальность: миф или реальность? // Родина. 2011. № 11. С. 11 - 15; Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в.: Материалы Региональной научно-практической конференции. Новосибирск, 2006).

¹ Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. С. 15.

² Дутчак Е. Е., Кашпур В. В. «Русский сибиряк» или Парадоксы региональной идентификации // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 116 - 129.

³ Жигунова М. А. Идентичность и этнокультурные предпочтения современных русских Сибири (на материале эмпирических исследований) // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 74.

⁴ Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Указ соч.; Дутчак Е. Е., Львова Э. Л., Нам И. В. Сибирская региональная идентичность – фактор конфликта или ресурс формирования общероссийской идентичности? С. 42.

абстрактному ощущению «я-сибиряк». Выделенные этнографами и социологами аспекты сибирской идентичности являются эмпирическим обобщением, однако любой эмпирический опыт ограничен и конкретные суждения о том, что есть «сибирскость» можно оспорить на уровне контрпримеров. До сих пор вопрос о содержательном наполнении «сибирскости», выделении и описании ее структурных компонентов, не получил должного освещения в научной литературе; разнится и оценка смысловой нагруженности этого понятия. Концепты «Сибирь» и «сибирскость», по словам Д. Н. Замятина, остаются «коллективным бессознательным» России. Научные представления о сибирской идентичности – дисгармоничны, неустойчивы, непрочны, не автономны, в научных исследованиях «метагеография Сибири еще не явлена как целостное развернутое дискурсивное поле»¹.

Положение осложняется также тем, что сибирская идентичность сегодня может проявляться на почве различных социокультурных процессов. Так, некоторые субрегионы Сибири захватил процесс формирования транснациональных идентичностей на этнической или религиозной основе, находящий свое выражение, к примеру, в появлении концепта «Большой Алтай», распространении идеи возрождения «родовой идентичности» у тюркоязычных народов Сибири². Нередко эти разные формы проявления сибирской идентичности вступают в конфликт, ослабляя в целом общесибирскую рефлексию идентичности. Сказывается и неоднородность сибирского сообщества, которое американская исследователь Ш. Хадгинс в своей книге «Другая сторона России» сравнивает с водной емкостью, в которой есть застоявшаяся, неподвижная вода и есть разнонаправленные течения. Самый значительный процент современного населения сибиряков, по ее мнению, это люди среднего возраста, выходцы из «бывшего советского среднего класса», возлагающие надежды на развитие Новой России, но имеющие слабое

¹ Замятин Д. Н. Стрела и шар: введение в метагеографию Зауралья // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография /отв. ред. К. В. Анисимов. Красноярск, 2010. С. 7 - 27.

² См.: Шерстова Л. И. В поисках себя: «новые» идентичности современных тюркоязычных народов Сибири // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 1 (11). С. 62 - 73.

представление о том, какие именно шаги нужно предпринимать¹. М. Я. Рожанский также полагает, что наибольшую трудность в продуцировании знания о Сибири сегодня составляет отсутствие активной рефлексивной деятельности в отношении Сибири и сибиряков².

Данное обстоятельство требует нахождения эффективного методологического инструмента для изучения сибирской региональной идентичности, позволяющего продвинуться существенно дальше эмпирических констатаций ее наличия и роста. В этом плане, на наш взгляд, перспективными оказываются идеи социального конструктивизма, в рамках которого сибирская региональная идентичность выступает не как неизменная реальность, а как культурный *конструкт*. Опыт реализации такого подхода может оказаться полезным для разработки теоретического инструментария философского исследования как региональной идентичности в целом, так и ее конкретного воплощения, тем более, что в философских исследованиях региональные идентичности пока еще не осмыслены должным образом с конструктивистских позиций.

Приведем аргументы, обосновывающие необходимость применения конструктивистской научно-исследовательской программы к изучению сибирской идентичности.

Прежде всего конструктивистское понимание сибирской региональной идентичности представляется оправданным, поскольку в современной культуре региональная идентичность в целом, сибирская – в частности, является результатом множества направленных и ненаправленных процессов социокультурной обработки³. При таком подходе ряд идей и образов в составе сибирской идентичности создается не отражением объекта, а внешними, воздействующими на его восприятие, факторами. Эмпирические исследования,

¹ Hudgins S. The other side of Russia: a slice of life in Siberia and the Russian Far East. P. 86.

² Рожанский М. Я. Сибирские узлы империи. URL: <http://gefeter.ru/archive/15048>

³ Характерно, в этом смысле, появление проекта «Сибирь-2030» (URL: www.siberia2030.ru). По представлению создателей проекта, суть его заключается в том, чтобы собрать группу единомышленников, готовых самостоятельно и объединившись конструировать в мире новую сибирскую идентичность.

например, показывают, что, говоря о сибирской идентичности, респонденты почти неизбежно начинают использовать вторичный, или метадискурс, то есть пытаются занять дискурсивную позицию, в которой предметом речи является специфический, уже заранее сформированный дискурс о сибирскости¹. Речь, таким образом, идет о существовании оформленных конвенциональных способов говорения о *сибирском*, апеллируя к которым, субъект может артикулировать собственную сибирскую идентичность. Возникая первоначально естественным образом, как территориальное понятие², в дальнейшем региональная идентичность конструируется местными элитами, которые апеллируют к мифологической и исторической традиции региона. В этой связи, в центре внимания оказываются акторы конструирования сибирской идентичности и те процедуры, с помощью которых трансформируется исходный образ Сибири и сибиряков.

При осмыслении процесса конструирования сибирской идентичности в известной мере могут быть полезны взгляды Я. Кусбера и К. Вайс об агентах пространственного конструирования Сибири. Я. Кусбер, в частности, отмечает, что агентами конструирования «сибирскости», в первую очередь, являлись представители элит имперского центра, и уже после – собственно сибирское население и иностранные путешественники³. Согласно К. Вайс, носителями формирующегося образа Сибири, с одной стороны, была элита российского общества, с другой, – путешественники и ученые, которые возвращались в Центральную Россию после экспедиций⁴. Как будет показано нами далее, ключевую роль в формировании сибирской идентичности сыграли именно интеллектуалы, которые вычленили культурную группу сибиряков из

¹ См., например: Маляр А. А. Топология и сюжеты сибирской идентичности: Кузбасс // Сибирь: контексты настоящего... Иркутск, 2016. С. 73 - 90.

² По данным этнографии, сибиряк (или «челдон») было понятием не столько культурно-этническим, сколько указующим на свое «символическое» первенство на этой территории по сравнению с переселенцами (См.: Бережнова М. Л. Загадка чалдонов: история формирования и особенности культуры старожильского населения Сибири. Омск, 2007. С. 125 - 127; Бороноев А. О. Проблемы динамики сибирской идентичности // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 3. С. 81.)

³ Kusber J. Mastering the Imperial Space: The Case of Siberia Theoretical Approaches and Recent Directions of Research // *Ab imperio*. 2008. № 4. P. 52 - 74.

⁴ Вайс К. Русское географическое общество и создание образа Сибири в XIX веке. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/2_1.html

социального пространства, описали ее научным языком, наделили сильными эмоциональными характеристиками, сконструировали ее историческое прошлое. При таком подходе упор делается не на сам «сибирский народ», а на его «создателей», которые «воображают», изобретают идентичность, придают ей культурное и политическое значение.

В конструктивистской литературе есть термин «игры признания» (*recognition games*), означающий, что выбираемая субъектом «ролевая идентичность» (*role identity*) легитимируется и утверждается внешней средой. В современном конструировании региональной идентичности также оказывается значимым вопрос о том, каким хотят видеть Сибирь различные мировоззренческие и властные «мы-группы». От определения уникальности региона зависит, насколько политические элиты могут овладеть символическим капиталом, помогающим объединять или разделять общности на «продвинутых» и «аутсайдеров». Как отмечает Й. Баберовски, «территория «национализируется» с помощью истории, которую «открывают» интеллектуалы. Сама по себе «территория» – ничто, лишь человеческая вера и страсть придают ей смысл. Никто не станет откликаться на призывы к солидарности, пока они не будут внятно истолкованы»¹.

В рамках конструктивизма у субъектов региональных отношений всегда есть право выбора: география не является «стальной клеткой» и может быть реинтерпретирована. Как отмечает Д. Смит, оперируя категорией «человеческая территориальность», территория – это социальный конструкт, чей смысл должен восприниматься контекстуально². Так, специфика сибирской идентичности и образ Сибири в массовом сознании определяется историей освоения региона, географическими и природно-климатическими факторами, удаленностью от федерального центра, этническим и конфессиональным составом населения, уровнем социально-экономического развития, влиянием внешнеполитического

¹ Баберовски Й. Цивилизаторская миссия и национализм в Закавказье: 1828—1914 гг. // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 324.

² Smith D. M. Introduction: the sharing and dividing of geographical space // Shared space: Divided space. Essays on conflict and territorial organization. L., 1990. P. 3.

окружения. В этой связи сибирский регион может конструироваться, исходя из разных параметров: целостность Сибири можно выделять по географическому принципу (именно этот принцип стал ведущим в концепции сибирских областников), тогда единство будет состоять в сходных природно-географических условиях; либо на историко-культурных основаниях, тогда единство Сибири возникает вследствие общих элементов культуры и исторической судьбы. Народонаселение Сибири (сибиряки) и их общая идентичность также могут выступать фактором конструирования сибирской территории. Кроме того, на обыденном уровне и со стороны экспертов присутствует обращение к значимости экономического параметра при выделении особенности Сибири, к примеру, характеристики ее как нефтегазодобывающего региона.

Конструктивистский подход предполагает, что сибирская региональная идентичность, являясь конструктом, имеет реальный референт (в данном случае – *обладающий действительной спецификой регион Сибири*) и, хотя бы частично, отражает и воспроизводит его свойства, не являясь, таким образом, фантомом. В этом смысле утверждение о том, что сибирская идентичность представляет собой лишь «*миф как некое нарративное знание, в рамках которого идеологические и географические характеристики места становятся самостоятельным инструментом самоидентификации*»¹ не является корректным. Другое дело, что мифология оказывается значимым фактором формирования сибирской идентичности, и в ее мифы оказываются «органично включены образы Ермака и его экспедиций к сибирским рекам, ссыльных декабристов и их жен, строительство Транссибирской магистрали»². Выявление, наряду с мифологией, иных источников конструирования сибирской идентичности (например, религиозного, художественного, научного дискурсов), как представляется, само по себе является средством от упрощения, стереотипизации представлений о сибирской идентичности, вместе с тем,

¹ Дутчак Е. Е., Кашпур В. В. «Русский сибиряк» или Парадоксы региональной идентификации. С. 119.

² Kusber J. Mastering the imperial space...P. 67.

способствуя выявлению ее многомерности и разноплановости. В таком плане конструктивизм оказывается важен в качестве теории, помогающей понять, какие факторы структурного порядка поддерживают разнообразие конкретного регионального дискурса вопреки централизаторским трендам.

Сибирская идентичность, таким образом, может рассматриваться как *конструируемая пространственная идентичность, существующая на уровне индивидуального и коллективного субъекта*. На индивидуальном уровне сибирская идентичность – есть самоопределение личности по отношению к территории Сибири. На коллективном уровне сибирская идентичность существует как ландшафтные и локально-мифологические представления, совокупность дискурсов, которые являют Сибирь как особое историко-культурное пространство. При этом сама территория Сибири оказывается «достаточно автономным и бытийно устойчивым образом-опытом пространственности»¹.

Рассмотрение сибирской идентичности как конструкта предполагает также, что она не является неизменной, а постоянно трансформируется и конструируется в процессе человеческой деятельности и в результате изменения самого субъекта. Так, специфика Сибири как региона определяется тем, что здесь исторически сформировался *переселенческий* характер общества, довольно мобильный, вынужденный адаптироваться к окружающей природной среде. В своем современном виде категория «сибиряки» имеет также четко выраженные локальные социокультурные особенности регионализации ментальной воображаемой общности в виде разнообразного мира «сибирскости»: «забайкальцы», «ангарцы», «кежмари», «дальневосточники», «северяне» и др. В этой связи, можно согласиться с мнением А. А. Анисимовой и О. Г. Ечевской о том, что «схемы «автоматического» формирования или усвоения ключевых элементов идентичности не работают для подвижных, переселенческих обществ,

¹ Замятин Д. Н. Стрела и шар: введение в метагеографию Зауралья. С. 7 - 27.

поэтому наиболее продуктивным для исследования сибирской региональной идентичности представляется конструктивистский подход»¹.

Согласно конструктивизму, сибирская идентичность высвечивает определенные срезы в отражении сибирской региональной культуры, испытывает постоянное идеологическое воздействие акторов конструирования (государства, СМИ, Русского географического общества, политической элиты, религиозных деятелей, сотрудников периодических изданий и т.п.). В таком контексте в сибирской региональной идентичности присутствует столкновение различных интересов, связанных с символическим маркированием территории при помощи топонимов, фигур и мест памяти, юбилейных празднеств, конструированием образов населения края и др.

Следует указать еще на ряд аспектов рассмотрения сибирской идентичности в рамках конструктивизма, которые дают новый прирост знания о ее статусе и, вместе с тем, как представляется, способствуют современному пониманию основ ее функционирования.

Конструктивизм как исследовательская программа предполагает, во-первых, размещение объекта изучения в поле субъектной контекстуальности². Это означает признание в сибирской идентичности значимости субъектной составляющей: региональных образов, идей, представлений об истории формирования Сибири, возможных вариантах ее будущего развития, миссии и т.п. Данные образы сибирского региона не даны изначально, они являются исторически обусловленными, конструируются в процессе жизнедеятельности сибиряков в результате выбора ими референтных групп, дистанцирования от других региональных сообществ, освоения определенных культурных практик (коммуникативных, профессиональных, досуговых и т.п.), степени подверженности масс-медиа. Образы Сибири включены в структуру сибирской идентичности, они могут быть полными и неполными, рефлексивными и нерефлексивными, позитивными и негативными, но взятые вместе, они

¹ Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность... С. 25.

² Мартишина Н. И. Конструктивистская исследовательская программа в социально-гуманитарном знании. С. 22.

относительно полно характеризуют сибирскую региональную идентичность. По выражению Д. Н. Замятина, геокультурные образы обладают свойством консолидировать социум и упорядочивать его картину мира¹.

Конструктивизмом также задается необходимость устанавливать круг факторов, определяющих характер достройки и трансформации изначальной данности, а также их систематизацию и иерархизацию². Для региональной идентичности такими факторами, как это было показано нами ранее, являются институционально-политическое измерение, экономическое значение региона, существующая в его рамках культурная стандартизация, историческое развитие региона. Как отмечал востоковед Н. Ю. Кюннер, «имя Сибирь прилагается к стране, обладающей громадным и не установленным в точности и различно понимаемом пространстве; о Сибири можно мыслить различно»³. Аналогичная ситуация складывается и в отношении термина *сибиряки*, под которыми может пониматься как старожильческая этнокультурная общность русских Сибири, так и представители коренных народов, проживающих на данной территории; как «природные сибиряки» (уроженцы Сибири), так и «идеологические сибиряки» (приехавшие в Сибирь и оставшиеся здесь жить по идеологическим соображениям). Взятые вместе, или по отдельности, факторы конструирования задают возможные параметры изучения сибирской идентичности, то есть ее политическую, экономическую, культурную и историческую размерность. Эти факторы, подобно пазлам, могут меняться, но общая картина при этом сохраняется, благодаря уникальной оптике.

Кроме того, конструктивизм, в силу своего технического генезиса, направлен на познание структуры изучаемого объекта, выявление логической определенности результата действия как основы его функционирования⁴. Понятие конструирование непротиворечиво соотносится со словосочетанием

¹ Замятин Д. Н. Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // *Общественные науки и современность*. 2010. № 4. С. 133 - 134.

² Мартишина Н. И. Указ соч. С. 22.

³ Цит. по: Ремнев А. В. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX -начало XX в.) // *Административное и государственно-правовое развитие Сибири XVII-XXI вв.* Иркутск, 2003. С. 22.

⁴ Мартишина Н. И. Указ. соч. С. 22.

«придание формы», организацией внутреннего порядка объекта. В этом контексте вопросы «Из каких компонентов складывается сибирская региональная идентичность? Как происходило ее конструирование? Кто являлся агентом конструирования сибирской идентичности и какие смыслы были задействованы в этом процессе? Какова динамика формирования внутренних и внешних образов Сибири?» могут получить содержательные ответы.

Представляется, что наиболее точно содержание сибирской идентичности может быть дано, прежде всего, через рассмотрение ее структуры, в которой можно выделить когнитивный, эмоциональный, ценностный и регулятивный компоненты. Их можно рассматривать, с одной стороны, как основания формирования сибирской идентичности, с другой, – как каналы ее функционирования и конструирования. Далее будет показано, каким образом данные компоненты представлены в сибирской идентичности, образуя ее содержание и смыслы.

§ 2. Динамика образов Сибири:

когнитивный компонент сибирской идентичности

Когнитивная составляющая сибирской идентичности включает знания сибирского социума и его членов о своем регионе, его истории, пространственных характеристиках, условиях окружающей среды, связях с внешним миром (и образ этого мира в снятом виде), своих возможностях и т.п. Эти знания позволяют региональному субъекту (как индивиду, так и сообществу в целом) отличать свой регион от прочих регионов, являются базовыми феноменами, которые ложатся в основу региональной идентичности. Исходными основаниями формирования этого комплекса знаний, по-видимому, исторически выступало освоение самой сибирской территории, создание первопроходцами системы сухопутных и речных маршрутов («Сибирский путь»)

с конца XVI века, своеобразного их обживания, привнесение в регион определенных образцов хозяйственной и духовной жизни, его картографирование и массовое заселение.

Когнитивный образ Сибири, таким образом, формировался на основе географических, исторических, геополитических и др. сведений о сибирских территориях и, согласно С. А. Красильникову, включал в себя несколько аспектов: пространственно-географический (*Сибирь как гигантская по охвату территория*), территориально-административный (*Сибирь как совокупность зауральских восточных губерний*), геополитический (*Азиатская Россия, Северная Азия*), экономический (*Сибирь как кладовая, Сибирь как внутренняя колония*), Сибирь как территория несвободы (*острожная, каторжная, ссыльная*), Сибирь как основа для существования социокультурной и поселенческой общности (*сибиряки*)¹.

Когнитивный образ соединялся с нравственно-этическими, социокультурными ценностями, оценочными суждениями и в таком понимании приобретал признаки конструкта. Когнитивные образы Сибири являлись не только результатом непосредственного опыта, но и несли на себе отпечаток политического, экономического, историко-культурного параметров развития сибирского региона (являлись сконструированными репрезентациями) и в значительной степени определяли дальнейшую направленность восприятия этого региона. При этом следует иметь в виду, что «внешнее» конструирование образа региона (допустим, столичными учеными или литераторами) так же важно, как и «внутреннее» осмысление места в страновом контексте и целостности родного края его обитателями².

Конструирование региона неразрывно было связано и с конструированием региональной социальной общности, а, следовательно, и изучать их необходимо вместе. Конструируемые образы Сибири и сибиряков, как правило, поддерживаются и разделяются на обыденном и теоретическом уровне,

¹ Красильников С. А. Образ Сибири в исторической перспективе // Сибирь: имидж мегарегиона / Под ред. В. И. Супруна. Новосибирск, 2012. С. 95 - 96.

² Побережников И. В. Уральская региональная идентичность... С. 142.

обладают относительной устойчивостью, но даже поверхностный анализ демонстрирует их амбивалентность. Н. М. Ядринцев в свое время отмечал, что едва ли есть на свете страна, подобная Сибири, о которой бы существовали столь смутные и столь разнообразные мнения¹, а современный исследователь Д. Н. Замятин с позиции метагеографии определяет эту ситуацию как «Двойную Сибирь»².

С одной стороны, в исследованиях, посвященных Сибири, выделяется позитивный образ этого региона в контексте российской цивилизации. Отмечается, что Сибирь занимает особое место в пространстве России, связывает европейскую и азиатскую ее части, является своеобразной натуральной моделью, в которой представлены все основные социокультурные составляющие российского общества — цивилизационные, этнические, конфессиональные³. В таком понимании Сибирь является «зеркальным отражением фундаментальных характеристик России, позволяя лучше понять ее культуру»⁴. Покоритель Сибири Ермак воспринимается как национальный герой, олицетворяющий собой процесс русской имперской колонизации, а Сибирь характеризуется как «истинно русская душа»⁵.

С другой стороны, существует восприятие Сибири как типичного российского региона, институциональные условия развития которого, не эволюционируют в направлении технологических и социальных преобразований структуры экономики и общества⁶, а развитие ее территории часто характеризуется как неустойчивое⁷. Н. Ссорин-Чайков называет порядок

¹ Ядринцев Н. М. Сибирь перед судом русской литературы // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 21

² Замятин Д. Н. Стрела и шар: введение в метагеографию Зауралья... С. 7 - 27.

³ Ерохина Е. А. Сибирский вектор внутренней геополитики России. Новосибирск, 2012. С. 288.

⁴ Weiss C. "Nash", Appropriating Siberia for the Russian Empire // *Sibirica. Interdisciplinary Journal of Siberian Studies*. 2006. Vol. 5. №. 1. P. 141 – 155.

⁵ Kusber J. Mastering the imperial space... P. 73.

⁶ За исключением Забайкалья и Иркутской области, Сибирь не вошла в число геополитически важных для России территорий, для развития которых были приняты федеральные целевые программы, таких как, например, как те, что нацелены на развитие Южных Курил, Дальнего Востока, Северного Кавказа, Калининградской области.

⁷ Hill F., Gaddy C.G, *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. USA, 2003. Такая ситуация, на наш взгляд, отчасти является отражением господствующего стереотипа в отношении Сибири, которая долго воспринималась как запасное пространство для будущих поколений русских землевладельцев, и вопрос о быстром и эффективном его освоении не ставился.

государственности в Сибири «порядком бесконечно откладываемого порядка»,¹ а сотрудники Брукингского института Ф. Хилл и К. Гэдди именуют Сибирь «проклятием» России, тормозом развития ее рыночной экономики, бременем климатического и географического плана². В таком представлении Сибирь – замкнута на себя, в ее существовании отчетливо выражается момент стагнации, определенной «недоосвоенности» и «окраинности». Не случайно, Д. Н. Замятин описывает Сибирь в образе шара или сферы, в котором большинство знаков, символов, архетипов и стереотипов удобнее представлять «как постоянно закругляющуюся бесконечную поверхность, ориентированную в любой её точке на самоё себя»³.

На обыденном уровне жители Европейской России часто воспринимают Сибирь как край отдаленный, дикий, место ссылки и каторги, «область, удаленную от культуры и модернизации»⁴. Отдельно можно указать и на функционирование образа жителей территории – сибиряков, как людей грубых, необразованных/некультурных⁵. В то же время, у иностранцев существует довольно устойчивый позитивный образ Сибири и сибиряков, по сравнению с Европейской Россией. Об этом, в частности, писал еще Н. Я. Данилевский: «Прочтите отзывы путешественников, пользующихся очень большой популярностью за границей и вы увидите в них симпатию к самоедам, корякам, якутам, татарам, к кому угодно, только не к русскому народу»⁶. Сибирь устойчиво воображается в качестве глубинного района Евразии, символизирует собой слабо тронутую человеком, суровую и в то же время таящую в себе неизведанные богатства природы⁷. В глазах многих иностранцев Сибирь вносит свой вклад в мировой обмен культурными ценностями: этническое разнообразие,

¹ Ссорин-Чайков Н. Гоббс в Сибири: социальная жизнь государства // Социология власти. 2012. № 4-5 (1). С. 165.

² Hill F, Gaddy C. The Siberian Curse. USA, 2003.

³ Замятин Д. Н. Стрела и шар: введение в метагеографию Зауралья. С. 7 - 27.

⁴ Between Heaven and Hell. The Myth of Siberia in Russian Culture. New York, 1993. P. 2.

⁵ Панарина Д. С. Мифы и образы сибирского фронта // Культурная и гуманитарная география. 2013. № 1. Т. 2. С. 39–52.

⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991. С. 52.

⁷ Терских М. В. Имидж Сибири в аспекте брендинга туристической дестинации // Политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 263 - 273.

близость к природе и духовность воспринимаются во всем мире как положительные черты сибирской реальности.

При оценке Сибири в отечественных и зарубежных исследованиях отмечается, в частности, ее мессианская роль. К примеру, Я. Кусбер, наряду с характеристикой Сибири как «азиатского аппендикса России», места укрытия беглых из хартленда, называет сибирский регион «европейскими воротами в Азию», репрезентирующими футуристическую землю¹. В новейших исследованиях, посвященных Сибири, ее описание часто включает значимый семантический понятийный ряд: «вектор», «ресурс», «возможность России», «территория согласия». В представлениях многих внешних наблюдателей территория Западной Сибири выступает как место спасения современной цивилизации от предсказанных климатических и иных катастроф. В частности, в современном русском языковом сознании продолжает сохраняться образ Сибири как «некого мифического мира, где сохранились реликтовые артефакты человеческой цивилизации»².

Очевидно, что указанные образы Сибири неизбежно отличаются от отражаемого региона, поскольку акцентируют внимание лишь на некоторых его сторонах, являются сконструированными. Неоднозначность и противоречивость восприятия Сибири ставят вопрос об основаниях и механизмах конструирования данных образов в массовом сознании, и его, с нашей точки зрения, необходимо рассматривать с учетом корреляции между результатами исторических и философско-культурологических исследований, в частности, в контексте двух пересекающихся процессов – повседневного, символического освоения Сибири переселенцами в процессе ее колонизации и его концептуального освоения, нашедшего выражение, прежде всего, в движении областников.

С одной стороны, рассмотрение конструирования образов Сибири в таком ракурсе дает представление об историческом опыте, прецеденте,

¹ Kusber J. Mastering the imperial space: the case of Siberia. P. 64.

² Карабулатова И. С., Замалетдинов Р. Р., Федорова Е. А., Сайфулина Е. С. Лингвомифологическое пространство топонима «Сибирь» в современном языковом сознании // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6 (43). С. 400.

активизирующем заложенные в сознании стереотипы, с другой стороны, – ставит вопрос о выделении уровней конструирования географических образов Сибири: обыденного и теоретического. Как будет показано далее, в обоих случаях важными параметрами конструирования образа Сибири являлись географическая отдаленность региона, его специфические природно-климатические условия (описываемые то как идеальные, то как невыносимые¹), дистанцирование сибиряков себя от других сообществ, в первую очередь, от жителей Европейской России.

По данным исторических научных исследований, формирование ментального образа Сибири и сибиряков, конструируемого на этих основаниях и закрепленного в языке, в основных своих чертах относится к XIX веку. Несмотря на наличие летописных свидетельств² в пользу устойчивого словоупотребления слова *сибиряк* (сибирцы, сибиряне) уже в допетровскую эпоху, в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» оно не фигурирует. Именно в первой половине XIX в. в русском языке стали использоваться термины *старожилы* и *сибиряки*, хотя это не были самоназвания (термины использовались как делопроизводственные)³. В середине XIX века В. И. Далем впервые было выделено «сибирское наречие» наряду с московским, новгородским и др., а также зафиксирована лексема «сибиряк» в значении «житель, уроженец Сибири» в «Толковом словаре»⁴.

Во многих исследованиях⁵ появление концепта «сибирскости» оказывается тесно связанным с вопросами колонизации, а сама Сибирь рассматривается в

¹ Анисимов К. В. Климат как «закошенный сепаратист». Символические и политические метаморфозы сибирского мороза // Новое литературное обозрение. 2009. № 5 (99). С. 98 - 114.

² Строгановская летопись по списку Спасского. – В кн.: Сибирские летописи. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская). Рязань, 2008. С. 7; Ремезовская летопись по Мировичеву списку. – В кн.: Сибирские летописи... С. 352, 354 – 356.

³ Бережнова М. Л. Челдоны как группа русских сибиряков: поиск социальных истоков её формирования / Электронная библиотека МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-227-2/978-5-88431-227-2_02.pdf.

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998. I 4.

⁵ См.: Bassin M. Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840-1865. Cambridge, 1999; Sunderland W. Peasant pioneering: Russian peasant settlers describe colonization and the eastern frontier, 1880s-1910s // Journal of Social History. Volume: 34 Source Issue: 4, 2001; Ремнев А. В. Россия на Дальнем Востоке. Имперская география власти XIX - начала XX веков. Омск, 2004; Stolberg E.-M. The Siberian Frontier between "White Mission" and "Yellow Peril," 1890s-1920s // Nationalities Papers. 2004. Vol. 32. № 1. P. 165 - 182.

терминах «фронтирной зоны»¹. Вместе с тем общей проблемой этих исследований является отсутствие целостной рефлексии относительно связи между спецификой региона, в особенности характером его освоения и заселения, и механизмами конструирования региональной идентичности, на что далее предлагается обратить особое внимание.

Колонизация, как «сложное сплетение мотивов-действий элит и зависимых людей»², не ограничивается рамками хозяйственного освоения Сибири и имеет огромное значение для понимания процессов, связанных с формированием особой социальной идентичности и новых культурных ландшафтов. В процессе колонизации складывались представления об отдаленных регионах России, в том числе Сибири, как территории занятой переселенцами. Колонизация также определяла расширение интерпретации региона, когда «из географического места Сибирь превращается в понятие нравственное, сулящее какое-то неясное, но желанное обновление»³.

В этом «рывке на восток», как отмечает А. В. Головнёв, прирастание России шло разными темпами: если Западную Сибирь открывали «гулящие люди» и казаки, а московское правительство лишь догоняло ушедшую вперед вольницу, вручая воеводам на местах подробные инструкции, то в Восточной Сибири, ввиду гигантских размеров территории, освоение новых земель становилось все более стихийным и хаотичным⁴. Именно в движении русского населения на восток, по словам томского исследователя В. В. Шевцова, лежат исторические корни сибирской идентичности, а «сибирский пространственный символизм» формируется в сфере коллективной мифологии⁵.

Отметим, что конструирование географических образов в сознании переселенцев, осуществлялось, по крайней мере, со времен Великих географических открытий и на других территориях, ставших объектом

¹ Концепт *frontier* (граница), предложенный Ф. Дж. Тёрнером, можно определить, как «движущийся рубеж и в то же время стык цивилизации и дикости» (См. Головнёв А. В. Феномен колонизации. С. 529).

² Головнев А. В. Колонизация в антропологии движения // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 5.

³ Распутин В. Собр. соч.: В 3-х т. Т.3. М., 1994. С. 9.

⁴ Головнев А. В. Феномен колонизации. С. 499 - 500.

⁵ Shevtsov V. V. The regional identity of the Siberian community. P. 79.

европейской колониальной экспансии. Колонисты, как в Сибири, так и в других землях искали лучшей жизни, стремились обрести свободу и самостоятельность, желали разбогатеть за счет добычи пушнины и золота, уйти от наказаний, приобрести значительные земельные владения. Образ территории ставился ими в соответствие с некоторым участком земной поверхности – известным или неизвестным, подразумеваемым. Понятия о существовании территории сопровождалось созданием (или осознанием) топонима, их источником могли также выступать визуальные впечатления о той или иной неназванной местности.

Процесс переселения, осуществлявшийся из различных районов России (северо-восточных, центрально-черноземных, южнорусских и украинских губерний) сопровождался первичной интерпретацией Сибири. Она выражалась в устойчивых пространственных нарративах, в оценках внешних наблюдателей, которые словно «раздваивались» между задачей дальнейшего отчуждения Сибири и противоположной установкой, направленной на символическое освоение/присвоение Сибири, включение ее в контур национальной жизни¹. Как отмечает Н. Н. Родигина, из страны «незнаемой» и «виноватой», места ссылки и каторги, Сибирь все больше превращалась в богатый и привлекательный край².

Немаловажную роль здесь сыграл «низовой», обыденный дискурс, в частности, распространенный в крестьянской среде фольклор (мифы, песни, легенды), в котором восточные окраины России, по аналогии с мифической землей Беловодья, изображались как место крестьянской воли и свободы от административного произвола. «Беловодский» образ Сибири, в частности, становится неотъемлемым компонентом сочинений путешественников, суждений самих сибирских жителей, произведений ссыльных. Так, Н. Н. Родигина, на основании анализа песен ссыльных каторжан заключает, что Сибирь воплощала идею безграничной воли. В отличие от несвободной *Рассеи*,

¹ Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография /отв. ред. К. В. Анисимов. Красноярск, 2010. С. 6.

² Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XVIII-начала XX в. Новосибирск, 2006. С. 327.

сибирская территория рассматривалась как место встречи *протестующих* против существовавшего социального порядка¹. На уровне фольклора это закрепилось также в широком распространении пословиц и поговорок².

Зафиксированный в прикладных исследованиях процесс формирования позитивного образа Сибири в массовом сознании требует конкретизации механизмов и источников такого конструирования. Среди них, вслед за историком В. Сандерлендом, изучавшим ментальное освоение Сибири в процессе ее колонизации, выделим специально написанные памфлеты, путеводители, брошюры, которые сопровождались иллюстрациями и фотографиями с изображением выбеленных изб, церквей, прочных хозяйств и крепких крестьянских семей, создававших представление о том, что жизнь в Сибири не сильно отличалась от образа жизни на европейской территории России³. Эти путеводители обладали огромным образопорождающим потенциалом.

Еще одним средством конструирования образа «новой земли» являются письма переселенцев на историческую родину, документы, повествующие о трудностях во время долгого путешествия, тяжелых климатических условиях, неразвитости инфраструктуры⁴. Наряду с восприятием Сибири как «пространства, менявшего переселявшихся сюда людей»⁵, подобные источники включают в себя и рассказы о новых увиденных землях и людях, поскольку своеобразная этнография и религия коренного населения Сибири ставила перед русскими колонистами вопросы адаптации к местным культовым практикам⁶. Значительную роль в крестьянском переселенческом дискурсе занимало описание, касающиеся плодородия почв Сибири, ее природных богатств,

¹ Родигина Н.Н. Репрезентации Сибири в песнях каторжан второй половины XIX – начала XX века // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 1. С. 86.

² Например: «В Сибири и на березах калачи растут», «Там хоть и холодно, да не голодно!», «В Сибири бабы коромыслами соболей бьют», «Страшна Сибирь слухом, а люди в ней лучше нашего живут» и т.п.

³ Sunderland W. Peasant pioneering...

⁴ Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск, 2010. С. 77.

⁵ См.: Кеннан Д. Сибирь и ссылка. СПб., 1999. С. 110; Корандей Ф. С. Преддверие Сибири: образы границы в описаниях путешествий по Сибири (вторая половина XIX в.) // Русский травелог XVII-XX вв. Новосибирск, 2015. С. 181.

⁶ Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008.

которые отличали данную территорию от густонаселенной части Европейской России.

На уровне официального сознания позитивный образ Сибири формировался под влиянием правительственной публицистики XIX века, усиленно развивавшей «поэтическую формулу Сибири»¹, в которой негативная этнографическая экзотика постепенно приглушалась, а дискурс о Сибири заметно «теплел». Сибирь включалась в единое пространство с остальной Россией. Например, автор повести «Посельщик» Н. Щукин писал: «Зачем слово «Сибирь» произносят со страхом, зачем им стращают порочного шалуна, пугают опасного вольнодумца. Мы привыкли представлять себе Сибирь страной хладною, состоящею из одних степей, покрытых ледяною корою, по коим влачат кое-где несчастную жизнь ссыльные и дикари. Мы привыкли почитать Сибирь убежищем порока и преступлений, скопищем нарушителей закона и совести. Добрые мои соотечественники! Не обижайте прекрасной страны несправедливым мнением, не чуждайтесь ею, – она ваша родная, и в ней есть добрые, даже мыслящие люди. В ней говорят тем же языком, какой вы слышите на берегах Невы и Волги»².

С конца 1880-х гг. резко увеличивается число публикаций о Сибири³; в этот же период шло нарастание мемуарного творчества о Сибири,⁴ основными темами которого была деятельность духовных миссий Русской православной церкви и описание отдаленных и пограничных территорий. На уровне научного дискурса также создавались труды отделов Русского географического общества, сотрудники которых пытались выяснить этнографические особенности русских переселенцев в Сибири с помощью компаративного метода, сравнивая состав переселенческого населения региона в разные исторические периоды,

¹ Анисимов К. В. У истоков сибирской темы в русской литературе XIX века: журнал Г.И. Спасского «Сибирский вестник» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. № 3 (40). С. 65 - 66.

² Цит. по: Азадовский М. К. Литература сибирская (дореволюционный период) // Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. М., 1932. С. 88.

³ Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири ... С. 112.

⁴ Матханова Н. П. Указ соч. С. 44.

сопоставляя быт и антропологический облик сибиряков и жителей Европейской России.

Анализируя творческое наследие сибирских областников, филолог К. В. Анисимов специально указывает на то, что в целях создания у читателей привлекательного восприятия сибирского климата, в текстах Г. Н. Потанина доминируют такие признаки, как сухость, прозрачность, изобилие света, «буйство красок», в то время как звучание темы холода заметно приглушается. В качестве инструмента эмоционального воздействия на читателя используется также прием сравнения сибирского климата по теплопрозрачности с альпийским¹. В рассуждениях Ф. М. Достоевского Сибирь, в одном случае, сравнивается с Африкой – экзотическим и малоизученным материком («Да знаете ли, что там есть земли, которые нам менее известны, чем внутренность Африки?»)², в другом, – выступает в роли своего рода двойника Америки. Сибирь, по Ф. М. Достоевскому, – это «наша Америка».

Механизмом конструирования позитивного образа Сибири, как «русской», знакомой, освоенной территории служил, по всей видимости, также конфессиональный фактор. Религия по своей сущности является хранительницей морально-этических ценностей привнесенной культуры, интегральной частью формирующегося регионального самосознания и выполняет функцию психологической поддержки. В связи с этим, Сибирь позиционировалась как православная «русская территория», чему способствовало торжественное освящение икон, установление памятников православным миссионерам, проведение церковных и государственных праздников, чествование подвижников «русского дела». Важность конфессиональной принадлежности закреплялась и на уровне речевых практик: русские переселенцы во взаимоотношениях с сибирскими инородцами определяли себя, в первую очередь, как «крещеные», «православные люди».

¹ Анисимов К. Климат как «закопченный сепаратист»... С. 16.

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград, 1972 – 1990. Т. 27. С. 37.

Отметим, что формирование собственной религиозной общины, как необходимой основы поддержания единства, в новых географических условиях было характерно не только для русских переселенцев. Организация немецкой общины в Сибири происходила на основе лютеранства, еврейской общины – иудаизма, польской – католичества. Конфессиональность, таким образом, являлась важным механизмом формирования региональной самоорганизации в Сибири, демонстрацией ее специфики.

В ментальном освоении Сибири значительную роль играло и формирование нейминга карты Азиатской России, как важного инструмента конструирования образа территории¹. С конструктивистских позиций, нейминг территории является одним из средств утверждения формирующейся региональной идентичности, значимой частью ее конструирования. Ойконимы формируют образ местности, в котором, в зависимости от стадии расселения и эпохи, отражаются знакомые человеку предметы. Преобладание в топонимике антропонимов свидетельствует о складывании освоенного пространства с тесными соседскими связями и отношениями. В этом отношении, не случайным является тот факт, что параллельно с имперским административным строительством в Сибири получил развитие «топонимический национализм»², а освоение новых территорий закреплялось с помощью привычных названий, перенесенных на новые места. На официальном уровне зауральские территории, вместо названий «Сибирь» и «Степь», стали чаще именоваться «Русским Востоком», «Русской Азией»/Азиатской Россией и «Русской Евразией».

При характеристике образов Сибири оказывается интересным не только анализ представлений, связанных с движением в сибирский регион, но и анализ идей, связанный с обратным движением – из Сибири в Европейскую Россию. Такой взгляд позволяет понять, какие события, явления, персонажи русской жизни соотносились в общественном сознании с восточной окраиной, какие

¹ Сюни Р. Г. Конструируя примордиализм: старые истории для новых наций // Антропология социальных перемен: сборник ст. М., 2011. С. 57.

² Подробнее см.: Ремнев А. В. Империя расширяется на восток: «топонимический национализм» в символическом пространстве Азиатской России XIX – начала XX века // *Ofiary imperium. Imperia jako ofiary*. 44 spojrzzenia / Red. Andrzej Nowak. Warszawa, 2010. С. 153 - 168.

мифы, стереотипы и метафоры были сопряжены с ней. Новосибирский автор Родигина Н. Н., на основе анализа популярных еженедельников второй половины XIX – начала XX вв. («Нива», «Родина», «Огонек» и др.), содержащих публикации о путешествиях из Сибири в Санкт-Петербург, называет следующие маркеры массового восприятия, связанные с Сибирью и ее жителями. В отношении сибиряков – это доминирование таких слов-маркеров, как «смелые», «отважные», «храбрые», «выносливые», «туристы», «спортсмены», «предприниматели»; в отношении путешествия из Сибири – принятие решений, преодоление трудностей пути (чрезмерно холодная сибирская зима или слишком жаркое сибирской лето, бездорожье, усталость как следствие большой протяженности пути и др.)¹.

Таким образом, в обыденном сознании осуществлялось естественное, стихийное когнитивное конструирование внутренних и внешних образов Сибири и сибиряков, имевших как положительные, так и отрицательные коннотации². Вслед за первичными интерпретациями и оценками пространства происходила его *осознанная субъективизация*³. Обыденное сознание порождало, реинтерпретировало и трансформировало пространство Сибири. В народном дискурсе пространство Сибири делилось на части, осознавались сущностные различия в качестве пространства (по сравнению с Европейской Россией), формировались важные границы, привязывались к пространству субъективные воспоминания или желания, порождая фантомы исторической пространственной памяти.

Отметим, что формирование представлений о занимаемой территории лишь отчасти строилось на реальном эмпирическом опыте, связанном с освоением и колонизацией Сибири; на их содержание существенно влияли

¹ Родигина Н. Н. «Героический сотник», «женщина-Герострат» и другие: образы путешественников из Сибири в столицу в еженедельных журналах второй половины XIX – начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. № 1. С. 10 - 14.

² Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008; Зайонц Л. О. История слова и понятия «провинция» в русской культуре // Russian Literature: North Holland. 2003. С.323.; Замятин Д. Н. Стрела и шар: введение в метагеографию Зауралья... С. 7 - 27.

³ Термин, предложенный в статье И. Ю. Окунева и Г. И. Остапенко. (См.: Окунев И. Ю., Остапенко Г. И. Символический капитал столичности: опыт концептуального картирования столиц без актуальной государственности // Символическая политика: Сб. науч. тр. М., 2016. Вып. 4. С. 158.

предрассудки, стереотипы, идеология и пропаганда, политические проекты. Дополнительно обыденное сознание являлось той средой, в которую проникали и где утверждались образы Сибири, создаваемые целенаправленно, извне. Они обеспечивали, по выражению В. Сандерленда, «дискурс территориальности»,¹ «осознанную объективизацию»², поскольку с началом массового переселенческого движения в XIX веке Сибирь становится одним из основных колониционных районов и одновременно объектом пристального внимания имперских теоретиков и практиков³.

Современные исследователи отмечают внедрение в «народную среду» сверху (чиновниками и публицистами) понятия «сибиряк», которое не сразу стало самоназванием жителей Сибири и прижилось в регионе⁴. Такие концепты, как «сибирский фольклор», «сибирская литература», «сибирский язык» являлись предметами специальной разработки, конструирования и фиксировались сибирской интеллигенцией как необходимые элементы восприятия Сибири в целом. Как отмечал А. В. Ремнев, картографирование и конструирование образов Сибири являлось в первую очередь результатом имперской *географии власти*⁵.

Очевидно, что особую роль в конструировании образа Сибири, как отличительной от европейской части России территории, «производстве» ее ментальных карт сыграло *сибирское областничество*. По словам А. О. Бороноева, для развития Сибири с самого начала ее колонизации была определяющей земско-областная идеология⁶, а О. А. Донских отмечает, что до областников Сибирь не являлась целью территории в экономическом,

¹ Sunderland W. Imperial Space: Territorial Space and Practice in the Eighteenth Century // Burbank J., Hagen von M., Remnev A. (Eds.). Russian Empire: Space, People, Power, 1700-1930. Bloomington, 2007. P. 33.

² Окунев И. Ю., Остапенко Г. И. Указ соч. С. 155.

³ Ремнев А. В., Суворова Н. Г. «Обрусение» азиатских окраин Российской империи оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. 2008. № 11 (129). С. 134.

⁴ Бережнова М. Л. Загадка чалдонов: История формирования и особенности культуры старожильского населения Сибири. Омск, 2007. С. 147; Ремнев А. В. Михаил Никифорович Катков в поисках «сибирского сепаратизма» // Личность в истории Сибири XVIII - XX вв. Сборник биографических очерков. Новосибирск, 2007. С. 64 - 80.

⁵ Ремнев А. В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // Ab Imperio. 2000. № 3-4. С. 343 - 358.

⁶ Бороноев А. О. Территориальная ментальность и проблемы социокультурного развития региона // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона. Сборник статей. СПб., 2006. С. 9.

управленческом и культурном отношении¹. Сибирские областники первыми осознанно конструировали сибирскую региональную идентичность, используя для этого художественную литературу, сибирские газеты и журналы. С одной стороны, с появлением областничества конструирование сибирской идентичности стало осуществляться по двум направлениям: со стороны образованного меньшинства (сибирской интеллигенции) и собственно сибирского населения. С другой стороны, деятельность сибирских областников парадоксальным образом соответствовала оформлению региональных воображаемых сообществ в США XIX века. Американские исторические общества также изучали историю конкретных штатов, пытались сформулировать региональные интересы, пропагандировать территориальные достижения². В этом контексте сибирская идентичность осознанно формировалась как разработанный интеллектуальный конструкт.

Возникнув во второй половине XIX века в Петербургском университете на основе земляческих сборов, общественное протестное движение «Сибирские областники» (Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, С. С. Шашков, И. В. Федоров-Омулевский, Н. С. Щукин и др.) обосновывало тезис об особой миссии Сибири в истории России. Областниками было уточнено и теоретически развернуто значение исторического наследия, политических и экономических оснований в конструировании образа Сибири. Объектом конструирования областников (посредством сибирского университета, местных музеев, региональной литературы, мемориализации памяти знаменитых сибирских уроженцев) стало также само понятие «сибирская идентичность». Как отмечает В. В. Шевцов, на страницах официальных и частных изданий XIX века конструировались представления об «особенном типе, типе сибиряка», «сибирской цивилизации», «коллективном уме Сибири», «нашем молодом крае» и т.п.³ В трудах областников были обозначены также ключевые элементы сибирской

¹ Донских О. А. Становление мегарегиона Сибирь // Идеи и идеалы. 2016. №1 (27). Т. 1. С. 143.

² Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 186.

³ Шевцов В. В. Образ Сибири на страницах официальной и частной дореволюционной печати // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 3 (92). С. 93.

коллективной идентичности: с одной стороны, выделены этнологические, территориальные, языковые признаки сибиряков; с другой стороны, – анализировались сибирские традиции, культура, формы поведения в Сибири. На философском уровне поднимался вопрос об особом характере сибирской ментальности, заданной особым положением Сибири между Западом и Востоком¹.

Как отмечал А. В. Ремнев, чтобы такое конструирование было успешным, необходимо было найти соответствующий материал, взятый из действительности. Являлось недостаточным простое воображение «сибирского народа», «нужно было отыскать в сибирских реалиях те элементы, которые появлялись стихийно, но еще не осознаны жителями Сибири как региональная специфика, способная отделить их от «других» и объединить со «своим»². При этом «традиционные описания Сибири, в которых романтический ориентализм и воспевание ее богатств сочетались с демоническим представлением Тартара, суровой сибирской природы и царства холода, не устраивали областников. Они искали привлекательный, но без излишней идеализации образ Сибири»³. Научное освоение Сибири, многочисленные этнографические, статистические экспедиции, публикации должны были подтолкнуть жителей к рефлексии на тему собственной региональной принадлежности, а также предлагали готовые клише – номинации.

В первую очередь областники обратили внимание на географический сюжет Сибири, который раскрывается ими в научных и художественных описаниях природы Сибири. В работах Н. М. Ядринцева содержатся подробные географические, биологические и природно-климатические характеристики Сибири. При этом описания в них тесно связаны с описанием населения – этнографические характеристики следуют за характеристиками

¹ Зайнутдинов А. Э. Сибирское областничество: историко-социологический анализ: автореферат дис. ... канд. соц. наук. СПб, 2012. С. 10.

² Ремнев А. В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX века // Полития. 2011. № 3 (62). С. 112.

³ Там же. С. 122.

естественнонаучными. Областники с большим вниманием фиксировали смешанные браки на сибирской территории, бытовые заимствования в пище, одежде, жилище и обрядах, появление специфических сибирских групп русских, таких как «гураны» и «карымы»¹. Последствием этнографических описаний областников было формирование представлений о населении Сибири как о единой культурной группе «сибиряков».

Представления о сибирском населении подкрепляются у областников и художественными описаниями природы Сибири, не лишенными идеализации и романтизации. К. В. Анисимов, в частности, говорит о формировании в русской культуре особого «сибирского текста»² и связывает его с появившимся в 1818 г. журналом И. Г. Спасского «Сибирский вестник». Именно тема природы позволила областникам вычленить Сибирь в общественном сознании, благодаря чему в национальном дискурсе этот регион приобретает черты природной и культурной исключительности. Для различных тенденций в рамках областничества было характерно и наличие общего ментального, психологического знаменателя – «ощущения обособленности от России»³. Г. Н. Потанин писал: «Сибирь представляет территориальную приставку к европейской России с востока, и сибирское население не могло не чувствовать, что оно живет вдали от остального русского мира»⁴.

Рефлексируя в отношении сложившегося образа Сибири, областники отмечали колониальный характер региона, восприятия его в качестве «штрафной» территории, страдающей от московского «мануфактурного ига». Комплексный анализ колониального статуса Сибири дал Н. М. Ядринцев в работе «Сибирь как колония». Характеристиками образа Сибири как колонии, по мнению областников, являлись эксплуатация природных богатств края, тяжелая налоговая система, ссылка в Сибирь уголовников, притеснение коренного

¹ Жигунова М.А., Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Сибирский ракурс региональной идентичности.... С. 50.

² Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография. Красноярск, 2010.

³ Анисимов К. В. Соотношение «политического» и «психологического» начал в сибирском областничестве XIX века // Ежегодник Красноярского государственного педагогического института. 2002. Т. 1. С. 72.

⁴ Цит. по: Ремнев А. В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX века. С. 113.

населения края, произвол чиновничества, стремление затормозить развитие просвещения и культуры¹. Областники также выделили ряд характеристик Сибири, тесно связанных с идеями прогресса и свободы: предприимчивость сибиряков, отсутствие помещичьей власти, опыт общинной демократической жизни, независимый дух первопроходцев, малочисленность бюрократии.

По словам А. В. Ремнева, для областников было значимо, прежде всего, «создать устойчивые горизонтальные связи, скрепив их региональными конструктами поверх этнических границ»². Существенно и примечательно, что образ Сибири создавался областниками не с позиций внешнего наблюдателя, а конструировался изнутри. Характерными чертами образа региона стали: отсталость Сибири по отношению к Европейской России и Западу; негативные черты прошлого и настоящего Сибири, перспективы ее развития; особые черты в характере сибиряков и ранней сибирской истории; объединение различных категорий населения Сибири, ее различных регионов в категорию «мы» с помощью топонимических идентификаторов³.

Таким образом, географические образы Сибири получили свое оформление уже в XIX веке и продолжали успешно развиваться в XX веке. Очевидно, что сложившиеся исторически данные образы Сибири в советское и постсоветское время были дополнены и подверглись существенной трансформации под влиянием новых факторов. Вместе с тем, как показывают исследования современных авторов, когнитивные образы Сибири в настоящее время, во-многом, строятся на тех же основаниях, к которым обращалось в свое время сибирское областничество: дистанцирование сибиряков от жителей Европейской России, особенность природно-климатических условий региона, географическая удаленность, экономическое неравенство с центром⁴.

¹ Шиловский М. В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX-первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С. 31 – 51.

² Ремнев А. В. Указ соч. С. 119.

³ Шевцов В. В. Сибирь и сибиряки на страницах губернских ведомостей // Человек в меняющемся мире: Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности. Сб. науч. ст. Томск, 2015. С. 128 - 139.

⁴ Зайнутдинов А. Э. Цивилизационная идентичность Сибири: от областничества рубежа XIX – XX веков к современному сибирству // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 2 (61). С. 81 - 96.

Опрошенные в ходе экспертного интервью респонденты (2010 год) в качестве особенности сибирского региона называли те же параметры, отмечая, что «по сути дела, за исключением уголовной и политической ссылки, все остальные проблемы, которые выделяли областники, остались»; со времен XIX века никаких новых проблем не возникло¹. Этнограф Н. Б. Вахтин, на основе анализа понятий «Сибирь», «сибиряк», «сибирское» в Национальном корпусе русского языка, приходит к выводу, что если в конце XVIII века мы находим некий определенный набор ассоциаций, связанный с этими словами, то в конце XX века их окружают не только те новые ассоциации, которые «наросли» на протяжении двухсот лет, но и прежние значения и ассоциации². Недавнее исследование Н. Е. Ершовой, проанализировавшей локальный медийный дискурс, показало, в частности, что образ Сибири по-прежнему связан с акцентированием таких его аспектов, как отдаленное географическое пространство, социальная и экономическая неразвитость региона, его природные богатства. Образ сибиряка связывается с физическими качествами (крепкое здоровье, выносливость, закаленность), психологическими особенностями и социальным поведением (терпимость, отзывчивость, гостеприимство, умение жить в гармонии с природой)³.

Это означает, что заложенная еще в XIX веке логика восприятия Сибири обеспечила инерцию способа функционирования ее образов, а сами они оказываются до некоторой степени самоподдерживающимися. Несмотря на то, что идеи областничества не были знакомы широким массам населения ни в XIX веке, ни в современную эпоху, сам порядок воспроизводства и поддержания этих образов оказался довольно устойчивым, инерционным на обыденном и теоретическом уровне, что подтверждают данные прикладных исследований. Являясь не объективными отражениями пространства, а лишь его

¹ Там же. С. 93.

² Вахтин Н. Б. От «дикости» к «Другому»: к эволюции образа Сибири и Севера в русском языке // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia* XII. Мифология культурного пространства. Тарту, 2011. С. 203 - 216.

³ Ершова В. Е. Образ жителя Сибири в медиапространстве Томска и Северска (на материале телевизионных выпусков и радиосообщений) // *Вестник Томского гос. ун-та. Филология*. 2016. № 4 (42). С. 168 - 180.

интерпретациями, данные субъективные знания воспринимаются нами как объективные. Именно последнее обстоятельство обеспечивает их устойчивость и массовое коллективное восприятие. Данная идея представляется оправданной, поскольку в сформировавшихся образах Сибири происходит фиксация опыта, они выступают основанием деятельности, через них осуществляется конституирование сибирского регионального сообщества и оформление сибирской региональной идентичности.

В целом, роль образа Сибири и сибиряков в современной культуре представляется двойкой. С одной стороны, эти образы с завидной регулярностью возникают в различного рода дискурсах – политическом, экономическом, художественном и т.д.; с другой стороны, – они часто воспроизводятся как постоянно подавляемые, преуменьшаемые, второстепенные и, в этом плане, ускользающие от рефлексии. «Изобретение Сибири» (inventing Siberia) остается незаконченным предприятием¹. Как отмечает Д. Н. Замятин, поиск привлекательных, эффективных идеологических образов Зауралья, способных развернуть страну к востоку, в сторону Сибири и Дальнего Востока, по-прежнему остается главной метагеографической задачей России².

§ 3. Кто такие сибиряки?

ценностный компонент сибирской идентичности

Конструктивизм, как исследовательская программа в изучении региональной идентичности, обращает внимание не только на когнитивные образы, эмоционально-оценочные суждения, но и на ценности в структуре идентичности, формируемые социокультурными практиками и выражаемые в фактах языка. Ценности, образ жизни и устремления жителей региона должны

¹ Рожанский М. Я. Сибирские узлы империи...Р. 3.

² Замятин Д. Н. Стрела и шар: введение в метагеографию Зауралья... С. 7 - 27.

носить более или менее идентичный характер, иначе региональная идентичность обречена на дезинтеграцию, а сам регион превратится в набор административных и хозяйственных единиц. Именно ценности региональной идентичности являются основаниями для того, чтобы не только жить в данном регионе, но и не покидать его. Система ценностей лежит в основе формирования идентичности сообщества, определяющего себя как особый региональный социокультурный тип.

Понятие «ценность» в философских исследованиях обычно трактуется как категория, объединяющая бытие (объективная сторона) и отношение к бытию (субъективная сторона). Дополнительными аспектами понимания «ценностей» в рамках сообществ является признание того, что существует ряд специфических черт, присущих тому или иному культурно-историческому типу общества; социально-культурные ценности содержат «смыслы-знания», выступающие регулятором общества; ценности представляют собой формы духовной связи поколений; ценностное отношение является актом сознания и познания.

Применительно к анализу региональной идентичности необходимо отметить, что ценностные ориентации в ее структуре не только служат основанием деятельности региональных субъектов, но и создают набор социальных классификаций, потенциальных возможностей для их самоидентификации и формируют осознание принадлежности людей к своему региону. В рамках конструктивистского подхода особое внимание должно быть обращено к вариативным контекстам выстраивания этого осознания, что позволяет представить осознание региональной принадлежности как динамичный и структурированный процесс, где возникает множество образов региональной идентичности.

Для понимания ценностей региональной идентичности как социально конструируемого феномена оказывается важным обращение к концепциям, учитывающим процесс самоидентификации с точки зрения присутствия «Другого» (идеи Ж.-П. Сартра, М. Бубера, Э. Левинаса), восприятия его роли и взаимной рефлексивности ожиданий определенного поведения (идеи Дж. Мида,

Ч. Кули). Без «Другого» невозможно никакое чувство солидарности, сопричастности или, напротив, отличия. Согласно этому подходу, развитие регионального самосознания личности оказывается тесно связано с мыслями о других регионах, их климате, ландшафте, людях. Формирование ценностей региональной идентичности происходит в разных ситуациях и контекстах и может меняться во времени. Соответственно, анализируя контексты актуализации сибирской идентичности, представляется возможным обозначить некоторую траекторию формирования различных вариаций сибирской идентичности в зависимости от способов взаимодействия со значимым *Другим*.

Ключевым способом конструирования ценностного аспекта региональной идентичности является создание нарративов. «Нарративная идентичность» (П. Рикер)¹ выступает формой идентичности, к которой человек способен прийти посредством повествовательной деятельности². При этом нарратив не обязательно состоит только из реальных фактов, он может содержать вымышленные события. Однако и в таком качестве он выполняет свою конституирующую роль, являясь основой региональной самоидентификации³. Как отмечают А. А. Анисимова и О. Г. Ечевская: «Из «кирпичиков» уже существующих смыслов и цитат мы производим нарратив своей идентичности, уникальный смысл которого, в то же время, сильно завязан на актуальном контексте»⁴. Присутствие в нарративе различных смысловых образов региона, относящихся к одной и той же региональной идентичности, может затруднять общую рефлексию над ней, но, с точки зрения конструктивистского подхода, не приводит к размыванию/исчезновению региональной идентичности, а способствует выявлению ее многоплановости и разносторонности.

Согласно идеям К. Гергена, нарративы создаются в рамках особой языковой среды и имеют социокультурную природу⁵. В качестве семиотической

¹ Рикер П. Я-сам как другой. М., 2008.

² См., например: McAdams D. P. Personal Narratives and the Life Story // John O. P. and Pervin L. A. (eds.) Handbook of Personality: Theory and research. N.Y., 2008.

³ Friedman S. Mappings: Feminism and the Cultural Geographies of Encounter. Princeton, 1998. P. 8 - 9.

⁴ Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность... С. 12.

⁵ Gergen K. J. Realities and Relationships: Soundings in Social Constructionism. Cambridge, 1994. P. 187.

системы язык играет важную роль в конструировании *Другого* и образа своего *Я*. Различные региональные субъекты по-разному используют язык для обоснования своей принадлежности к региону, и само становление и развитие региональной идентичности осуществляется посредством языка. Н. Бадвиг обращает внимание на то, что использование различных языковых структур может привести к конструированию различных образов собственной идентичности в зависимости от ситуации и в рамках определенной культурной модели¹.

Поскольку «парадоксальным образом сибиряк может говорить о себе как о сибиряке только через речь *Другого*»², важно разобраться, какие контексты сегодня способствуют формированию ценностей региональной группы сибиряков в российском социокультурном пространстве, как и с помощью каких языковых средств, конструируется сибирская региональная идентичность, кто проводит региональные разделения и классификации. Чья идентичность описывается тем или иным дискурсом идентичности: идентичность обывателя или «written identity», которая формируется учеными, политиками, администраторами, культурными активистами? Обращение к ценностным основаниям сибирской идентичности, как представляется, позволит по-новому осмыслить и проблему дефицита ценностей, фиксируемую исследователями в отношении современной этнокультурной самоидентификации в целом³.

Эти теоретические посылки определяют замысел исследования ценностной составляющей сибирской идентичности. В качестве основы для анализа будут использованы дискурсы вокруг сибирской идентичности, сформированные на обыденном уровне, нашедшие отражение в интернет-форумах и социологических опросах, а также в работах экспертов, рефлекслирующих над сибирской идентичностью в академическом, публицистическом, медийном полях.

¹ Budwig N. The linguistic marking of agentivity and control in child language // Journal of Child Language. 1989. № 16. P. 274.

² Маляр А.А. Топология и сюжеты сибирской идентичности: Кузбасс... С. 77.

³ Ермоленкина Л. И., Костяшина Е. А. Аксиологические параметры этнокультурной идентификации: опыт экспериментального исследования // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 379. С. 10 – 16.

В первую очередь разными исследователями в качестве главной ценностной категории сибирской идентичности отмечается принадлежность к сибирской территории как к родной земле¹. Территория (место) и идентичность диалектически взаимосвязаны друг с другом. Территория в значении родной земли понимается как место непосредственного физического окружения человека, где протекает его основная деятельность. Место вообще ассоциируется с корнями человека и является личным, гуманистическим понятием. Социологические исследования томских ученых Е. Е. Дутчак и В. В. Кашпур показывают, что в качестве семантических понятий и «Россия», и «Сибирь» выступают как «нечто родное, близкое, хорошее», однако у значительной части респондентов эмоциональное содержание понятия «Россия» выражено через «слабость», «хрупкость» и «медленность», в то время как понятие «Сибирь» имеет «более выраженную силовую и активную компоненту эмотивного отношения»². Тема особенной значимости сибирской территории/земли звучит во многих интервью, проведенных новосибирскими социологами А. А. Анисимовой и О. Г. Ечевской. Земля воспринимается сибиряками не как экономический ресурс, не как кладовая полезных ископаемых, а как самостоятельная ценность. По мнению многих информантов, именно любовь к сибирской земле формирует идентичность сибиряка.

Территориальное сообщество, землячество – форма повседневных рамок и социальных отношений, символический ландшафт индивида. Ф. Теннис рассматривал соседство как форму общности, которая может «ментально» сохраняться с разобщением соседства: «Будучи существенным образом обусловлена совместным проживанием, эта разновидность общности может сохраняться и во время разлуки»³. Физически покинув территорию проживания, человек продолжает себя с ней идентифицировать. Диалектическая связь между занимаемой территорией и идентичностью может быть выражена следующим

¹ Сверкунова Н. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб., 2002.; Демешкина Т. А. Славянский компонент в самоидентификации жителей Сибири // Русин. 2015. № 3 (41); Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность... С. 25.

² Дутчак Е. Е., Кашпур В. В. «Русский сибиряк» или Парадоксы региональной идентификации... С. 125.

³ Теннис Ф. Общность и общество. СПб., 2002.

образом: «Когда я думаю о доме, то не думаю о дорогих вещах, которые приобрел, но об объектах, которые я ассоциирую с моими родителями, братьями и сестрами, ценным опытом и активностью»¹.

Это обстоятельство показывает, что сибирскую идентичность нельзя назвать «случайным продуктом многочисленных и соревнующихся дискурсов»². Интервью и опросы экспертов свидетельствуют о том, что в ценностно-рациональном плане принадлежность к сибирской региональной общности совпадает с «малым коммуникативным кругом», где важными оказываются семейные и товарищеские отношения, сложившиеся в локальном пространстве, привыкание к месту жительства, чувство «малой родины». По словам Г. Л. Тульчинского, подобная «мифология является более долговременной, устойчивой, инерционной, чем транслируемая медийными средствами символической политики»³. Рациональные мотивы (хорошая работа, развитая инфраструктура и т.п.) упоминаются гораздо реже в качестве основания привязанности к региону.

Тот факт, что опрошенные исследователями 5–6 % респондентов не чувствуют своей принадлежности к сибирякам и не выделяют сибиряков в особую локально-географическую группу, позволяет вести речь о специфике ценностных ориентаций и, соответственно, направленности развития различных субъектов региональной идентичности. Для молодого поколения людей, живущих в Сибири, их региональная идентичность в условиях мобильности, транзитивности, значимости внетерриториальных связей, может быть не артикулирована и подменяться другими типами идентичности. Кроме того, сибирская идентичность, осознание себя сибиряками, по-разному будут представлены на уровне городской и сельской коммуникации⁴.

¹ Sarup M. Home and Identity/ Traveller's Tales. Edited by G. Robertson. L., 1994.

² Брубейкер Дж., Купер Ф. За пределами идентичности // *Ab imperio*. 2002. № 3. С. 76.

³ Тульчинский Г. Л. Наррация в символической политике: уровни и диахрония // *Символическая политика: Сб. науч. тр. М., 2016. Вып. 4. С. 76.*

⁴ Об этом см.: Рачева А. А. «...и целой Сибири мало: трансформация представлений о Сибири и Иркутске (на материале глубинных интервью с жителями Иркутска) // *Сибирь: контексты настоящего...* С. 91 – 102.

Тем не менее, выражение «я–сибиряк», свойственное для тех жителей Сибири, кто явственно ощущает свою принадлежность к сибирской территории, оказывается лишь минимальным теоретическим конструктом, требующим дальнейшего развертывания, обнаружения его ценностно-смысловой структуры. «Сибирскость» как ценность обнаруживает, проявляет себя, будучи сконструирована на основе разных контекстов. Интервью респондентов показывают, что подача информации в высказываниях осуществляется от крупного плана, включающего общее суждение, к детализации этого суждения, раскрывающий суть определения «настоящий сибиряк». Так, по мнению А. А. Анисимовой и О. Г. Ечевской, «нельзя сказать, что сибирская идентичность является исключительно территориальной: ее содержательное наполнение особенности определяются различными факторами, как связанными с территорией, так и условно «автономными» от территориального измерения идентичности»¹. К предпосылкам макроуровня, лежащим в основе региональной идентичности, авторы относят природу и климат, географическое положение и удаленность от центра России, экономическое положение, инфраструктуру, место и роль Сибири в экономике России. К предпосылкам микроуровня, с их точки зрения, относится история семьи, этническое происхождение, символический статус места рождения и проживания, личная мобильность индивида².

М. А. Жигунова, учитывая данные исторических, этнографических и лингвистических источников, выделяет пять основных подходов к определению дефиниции «сибиряк»:

1) *топонимический*: «Сибиряки – это все люди, живущие на территории Сибири» (без этнической окраски);

2) *историко-хронологический*: «Сибиряки – это коренные, местные жители Сибири (аборигены), живущие здесь издавна», «Сибиряки – это люди,

¹ Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность... С. 26.

² Там же.

родившиеся и долго живущие в Сибири, но не те, которых насильственно заставляли в Сибирь ехать»;

3) *психологический*: «Сибиряки – это особый тип людей, обладающих сибирским характером: крепкие, сильные, здоровые, крупного телосложения, трудолюбивые, гостеприимные, свободолюбивые, демократичные, добрые, с хорошими адаптационными способностями и др.»;

4) *антропологический*: «Сибиряки – это «винегрет народов», особая смешанная общность, сложившаяся на основе русских, с вкраплениями казахских, татарских, украинских и многих других этнических черт»;

5) *этнокультурный*: «Сибиряки – это субэтническая группа русского народа». Кроме того, термин «сибирский» часто используется для обозначения других групп. Так, например, среди российского казачества выделяются сибирские казаки, среди русских старообрядцев – сибирские кержаки, среди татар – сибирские татары и т.д.

Выявленные пять подходов четко прослеживаются как в ответах жителей сибирского региона, так и при опросах представителей других регионов страны. Среди ассоциаций, возникающих у современных респондентов при слове «Сибирь», по частоте упоминаний лидируют следующие: холод (51 % ответивших), снег (32 %), зима (31 %), медведи (30 %), обширная территория (27 %), Ермак (25 %), природные богатства (22 %), тайга (20 %), лес (18 %), ссылка (16 %), Родина (15 %). На основе объединения всех полученных ассоциаций по условно-тематическому признаку, было получено пять основных блоков.

1) *Природно-климатические* (52 % от всех ответов): суровый климат, холод, зима, мороз, снег, сугробы, снеговик, метель, красивая природа, тайга, лес, сосна, кедр, ель, поле, степь, болото, тундра, крутая местность, реки, нефть, газ, соболь, медведь, ежик, снегири, комары, морошка, клюква, брусника и др.

2) *Личностно-психологические* (16 %): моя Родина, родной край, дом, моя жизнь, спокойствие, романтика, таинственность, вечность, свобода, выносливость, здоровье, веселая жизнь, доброта, тишина, сила, выносливость, крепость духа, твердый и стойкий характер, энергия, бодрость, друзья, любовь,

хорошие добрые люди, высокие, здоровые бородатые мужчины, красивые женщины, румяные щеки, «что-то страшное, холодное, необъятное» и др.

3) *Географические* (12 %): обширная территория, часть Азии, часть России, регион Российской Федерации, «Сибирь – кусок страны, кусок мира», глубинка, окраина, отдалена от центра России, Западно–Сибирская низменность/равнина, Обь, Енисей, Иртыш, Омск, Томск, Новосибирск и др.

4) *Исторические* (10 %): покорение/освоение Сибири, Ермак, казаки, военные заводы, декабристы, ссылка, тюрьма, острог, лагеря, каторга, Московско-Сибирский тракт, Транссиб, А. В. Колчак, Ф. М. Достоевский и др.

5) *Этнокультурные* (10 %). Здесь представлены различные народы, населяющие территорию Сибири, и особенности их культуры (аборигены, русские, татары, казахи, чукчи, ханты, манси, селькупы, ненцы, крепкие традиции, язычество, шаман, чум, баня, меховая одежда, валенки, унты, варежки, ушанка, малахай, пельмени, водка, строганина, кедровые орехи, песни и др.)¹.

Эти данные суммируют результаты преимущественно этносоциологических исследований идентификации сибиряков. Они позволяют предположить, что смысл понятия «сибирскость» обретается в процессе наррации. Нарративы о том, что собой представляет «сибирскость» показывают, каким образом «сибирское» проявляет себя в речи и каким ценностным содержанием оно наполняется, какие смыслы задействуются в конструировании понятия «сибирскость». Учитывая анализ данных материалов, в дальнейшем мы будем выделять инвариантное (повторяющееся в вариантах) число таких смысловых контекстов, ценностных блоков, опираясь на художественный, научный, мифологический дискурс о Сибири. С одной стороны, эти дискурсы о Сибири и сибиряках выявляют амбивалентный характер сибирской идентичности, с другой, они дают возможность эксплицировать те нюансы значения понятия *сибиряки*, которые имеют отношение к одноименному образу,

¹ Жигунова М. А. Этносоциология русских Сибири: проблемы современной идентичности // Этносоциальные процессы в Сибири. Темат. сб., 1998. С. 192.

но могут не относиться к социологическим и этнологическим моделям сибирской идентичности.

Во-первых, это нарратив, связанный с *ценностью природы*, осознанием уникальности природно-климатических характеристик региона, восприятием сибирской природы как «кладовой», таящей в себе неизведанные богатства. В современной культуре значимость природы для самоощущения сибирскости может выражаться, к примеру, в способах организации жизни, предпочитаемых вариантах проведения свободного времени на природе, в своем регионе, «родных красотах»¹. В нарративах природа определяет себя через упоминание природных объектов, мотивов «красоты» и «особенного духа», а климат — через выраженный мотив «становления через преодоление»². По лингвистическим данным, в ядро ассоциаций о Сибири входят конкретные по значению единицы, легко вызывающие мысленный образ: *Сибирь — холодная, морозная, великая*³.

По словам К. В. Анисимова, «ассоциативная связь «Сибири» и холода, как на уровне языковой идиоматики, так и в текстах культуры является самоочевидной⁴. Общественное сознание сибиряков конструировалось на основе несущей метафоры – холода. Холод стал не только маркером пространства, но индикатором ментальных характеристик⁵. Визуальный образ Сибири, как «страны холодов», оказывается довольно устойчивым: сугробы, не до конца расчищенные улицы, метель и пронизывающий ветер, прохожие с поднятыми воротниками, «белые склоны с траурной каймой», тянущиеся без конца холодные туманы, «снежной глади целина». Не случайно, концепт современного бренда Сибири, I am Siberian, составляет графическая снежинка в бело-синей цветовой гамме.

¹ Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Указ. соч. С. 28.

² Bragg E. A. Towards ecological self: Deep ecology meets constructionist self-theory // Journal of Environmental Psychology. 1996. № 16. P. 93–108; Frederickson L. M., Anderson D. H. A qualitative exploration of the wilderness experience as a source of spiritual inspiration // Journal of Environmental Psychology. 1999. № 19. P. 21 – 39.

³ Карабулатова И. С., Замалетдинов Р. Р., Федорова Е. А., Сайфулина Е. С. Лингвомифологическое пространство топонима «Сибирь» в современном языковом сознании // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6 (43). С.399; Литовкина А. М. Концепт «Сибирь» и его эволюция в русской языковой картине мира: от «Сибирских летописей» до публицистики В. Г. Распутина: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2008.

⁴ Анисимов К. В. Климат как «закоснелый сепаратист»... С. 1.

⁵ Дегальцева Е. А. Холод как метафора Сибири (на примере репрезентаций XIX века) // Российский гуманитарный журнал. 2012. Т. 1. № 1. С. 85, 87.

Вместе с тем, можно говорить о том, что в состав ассоциаций сибирской природы входит и ее восприятие как слабо тронутой человеком и пугающе суровой. В этом контексте слово Сибирь, в частности, давно ассоциируется со словом *тайга*. Так, В. И. Даль в 1863–1866 гг. сопровождает *тайгу* пометой «сиб., фин. [?]» и описывает её так: «Обширные, сплошные леса, непроходимая, исконная глушь, где неть никакого жилья, на огромномъ просторе, кой-где зимовка лесовальщиковъ, или кушника, поселяемаго нарочно для приюта приезжимъ»¹; а *чернь* – «густой, непроходимый лесъ» – снабжает пометой «зап.-сиб.»². Тайга, как воплощение *иного* пространства, локализованного где-то за Уралом, надолго стала маркером сибирских территорий как в литературном и кинематографическом нарративе, так и в обыденном сознании («синий уральский ском каменным лег мешком, за скомом шумит тайга» (Сергей Есенин)).

Природно-климатические условия Сибири осознаются как неравномерные, что способствует созданию особого *топонимического* нарратива о продолжительной сибирской зиме, коротком лете, длительных морозах, продолжительной полярной ночи³. С топонимическими представлениями связаны идеи о масштабе своей территории, возможности преодолеть пространство. Известно, что обширность Сибири при ее сложном рельефе, гидрографии, значительных лесных массивах создавала большие трудности в формировании путей сообщения и коммуникаций между людьми. Почти две трети территории Сибири (таежная и притундровая зоны) были малопригодными для заселения, оставаясь сферой обитания малочисленного коренного населения и создавая ощущение «безлюдного пространства» и «гиблого места».

Дискурс о масштабности территории, как правило, сочетается с дискурсом о духе относительной свободы (безграничные просторы воспринимаются в качестве символа реальной воли, независимости,

¹ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е изд. / под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 4. СПб., 1909. Стб. 710–711.

² Там же. Стб. 1320.

³ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892. С. 88 - 89.

возможности самим определять правила свободной жизни), номадизмом (готовностью людей решать свои экзистенциальные и материальные проблемы, перекочевав в новое, незнакомое место) и, в то же время – мотивом оторванности от центра, нарративом закрытости сибирских городов и ощущением социально-экономического неравенства. По выражению М. Я. Рожанского, «ощущение временности жизни «здесь», куда тебя забросила судьба, вечно временный характер сибирской жизни, когда пространство воспринимается как не совсем родина, или родина не навсегда, поскольку настоящая жизнь «в России», на «большой земле», «в райцентре», «в Области», «в городе»¹. Последнее наиболее очевидно проявляется в идее «москвоборчества», противостояния Сибири Москве — не как вместилищу центральных властей, а как привилегированному субъекту Российской Федерации². Здесь действуют два типа восприятия: позитивный, выражающийся в том, что Москва – «окно в большой мир», с которым связывается возможность мобильности, выхода на уровень мировых стандартов, что бы под этим не подразумевалось, и негативный: «Москва – это не Россия»³.

Представляется, что при определении «сибирскости» важен также *переселенческий* нарратив, сопряженные с ним ценности семейно-родственных отношений и профессионально значимой деятельности в высказываниях жителей региона. В исторических исследованиях было показано, что сибирская идентичность формировалась преимущественно как идентичность переселенцев (крестьянская колонизация в конце XIX — начале XX в.; ссылка в Сибирь, депортация семей в 20–30-е гг. XX в., эвакуация или депортация по национальному признаку во время Великой Отечественной войны, распределение молодых специалистов в послевоенные годы); в ней ключевую роль играл переселенческий характер общества, предполагающий освоение и

¹ Рожанский М. Я. Сибирь как пространство памяти. Иркутск, 2013. С. 12.

² У современной Москвы в современной России три ипостаси: федеральный центр (столица), успешный (привилегированный) регион и мировой город. В конкретном случае важно о какой именно ее ипостаси идет речь. (Назукина М. В., Подвинцев О. Б. Идеологические и политико-психологические основы москвоборчества в российских регионах // Политический альманах Прикамья. Пермь, 2006. Вып. 6. С. 185).

³ Подвинцев О. Б. Москва как одна из координат в процессе формирования региональной идентичности России // Вестник Пермского научного центра. 2014. № 5. С. 39.

преобразование среды, навыки жизни в социально и этнически разнородном обществе, интенсивную мобильность населения. По словам М. Я. Рожанского, «само формирование современного населения Сибири — это уход от прошлого, бывший для конкретного человека или семьи побегом в будущее»¹.

Если на сопредельной Сибири территории, Урале, формирование местной региональной идентичности было обусловлено развитием промышленности, существованием горных заводов, ценностью труда, постоянной необходимостью производить, то аграрный характер колонизации Сибири еще в имперский период привел к формированию здесь отличительных жизненных практик и ценностей, связанных именно с культурой переселенцев. По сообщению А. А. Анисимовой, О. Г. Ечевской, для большинства опрошенных ими информантов значительная давность переселения их предков в Сибирь, наличие нескольких поколений семьи, живших в Сибири, являются значимыми предпосылками их собственного осознания себя сибиряками и фактором конструирования сибирской идентичности². При этом в переселенческом нарративе отчетливо выявляется амбивалентность: сибиряки гордятся, что их предки – переселенцы и первопроходцы, но в то же время воспринимают их судьбу как трагичную.

Осознание ценности культурного *многообразия* Сибири ведет к появлению *этнокультурного нарратива*, связанного как с обращением к национальности своих родителей, так и с осмыслением различий в обрядах, одежде, ведении хозяйства, свойственные народам Сибири. Данные этносоциологических исследований свидетельствуют о том, что в семьях 70% русских, проживающих в Сибири, имеются родственники других национальностей, чаще всего – украинской, немецкой, татарской, казахской, белорусской, чувашской, польской, армянской, азербайджанской, башкирской³. Постоянное сибирское население формировалось на основе смешанных браков, включения различных этнических групп и культур коренного сибирского и

¹ Рожанский М.Я. Сибирь как пространство памяти... С. 6.

² Там же. С. 38.

³ Жигунова М. А., Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Сибирский ракурс региональной идентичности...С.58.

некоренного населения. С одной стороны, такое смешение различных культур придавало сибирскому обществу особый колорит демократизма и толерантности, с другой – приводило к сочетанию (часто противоречивому) азиатских и европейских компонентов в их образе жизни.

Так, в зависимости от этнокультурных взаимодействий в сибирской идентичности выделяются и отличия внутри самого региона. На эту черту указывал в свое время представитель сибирского областничества А. П. Щапов. По его словам, в Сибири в результате смешения русского народа с индигенными формируется новый народный тип: чем дальше на Восток продвигались русские, тем сильнее они изменялись по сравнению с первоначальным русским типом, и тем ярче и четче проявлялся новый народный тип сибиряка¹. К примеру, у русского населения Восточной Сибири (Забайкалья), под сильным воздействием китайской культуры, появились особые культурные практики, не характерные для остальных жителей региона (церемонии чаепития, использование китайской мебели, выращивание китайских цветов и овощей, употребление китайского языка, восточный колорит в деревянном декоре городов Байкальской Сибири и т.п.)². В настоящее время восточные мотивы продолжают сохраняться, в том числе, и в архитектурном облике многих сибирских городов (в виде причудливых башенок, мечетей, львов на постаментах и т.п.).

В сибирской идентичности необходимо выделить также значимость *исторических* ценностей и нарративов, связанных с историческими деятелями, периодами, событиями, памятными местами региона. По выражению Я. Ассман, культурная память является «органом ритуально оформленного неповседневного воспоминания»³. В числе несущих конструктов, формирующих исторический образ Сибири, иркутский исследователь М. Я. Рожанский указывает следующее: пафос свершений — вместе с Русью за Урал пришло могущество; в Сибирь шли

¹ Зайнутдинов А. Э. Сибирское областничество: историко-социологический анализ: автореферат... канд. соц. наук. СПб., 2012. С. 16.

² Шахеров В. П. Роль азиатского компонента в формировании сибирской самобытности // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «История». 2012. № 2 (3). Ч. 1. С. 180 - 184.

³ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности». М., 2004.

и попадали лучшие — самые отважные и стойкие; жизнь в Сибири формировала лучшие человеческие качества; сибирский человек приходил на выручку стране, когда нужны были стойкость, выдержка, решительность¹. В воображаемую историю Сибири и миф о «сибирском пространстве» органично включены также образы Ермака («русского Колумба Сибири») и его экспедиций к сибирским рекам, ссыльных декабристов и их жен, строительство Транссибирской магистрали. Активно эксплуатируется и миф о Чингисхане как центральной фигуре «евразийской мифологии», который помогает обосновать культурно-историческое единство народов Сибири и подчеркнуть роль Востока во взаимоотношениях с Западом. Эти ценностно-нагруженные конструкты, также зачастую амбивалентные по своей природе, оказываются своеобразной «памятью-архивом» (термин П. Нора) и продолжают воспроизводиться в современном общественном сознании.

Выражением исторической памяти сибиряков служат символические места — музеи, памятники, военные мемориалы, святыни и т. д., то, что французский историк Пьер Нора называет «местами памяти»², как «внешние подпорки» нашему внутреннему опыту³. «Места памяти» выступают «аккумулятором» как материальных (вещей-ценностей), так и нематериальных символических (образов, ценностей, мифов, символов). Так, в Иркутске основания художественной жизни и образования связываются с двумя семьями декабристов; в Кяхте подчеркивается, что она была единственным городом с самоуправлением и что уникальные богатства местного музея были якобы вывезены в Эрмитаж; в Олекминске родословная городской культуры ведется от скопцов, живших там на поселении⁴. В Омске — повышенное внимание к историческим памятникам периода правления Колчака (Дворец генерал-губернатора, дом Батюшкина — резиденция верховного правителя) и т. п. Сохранение примет исторического своеобразия остается шансом

¹ Рожанский М.Я. Сибирь как пространство памяти... С. 51.

² Nora P. Between memory and history: Les Lieux de Memoire // Representations. 1989. Vol. 26. P. 7.

³ Там же. P. 14.

⁴ Рожанский М. Я. Указ. соч. С. 11.

компенсировать дефицит культурного капитала сибирского региона. Ведущим смыслом сибирских «мест памяти», как правило, оказывается мотив преодоления и свершения, преобразование нетронутых прогрессом просторов, но — в рамках национальной культуры и истории.

Историческая память в такой же степени коллективна, как и индивидуальна. Солидарное взаимодействие людей сопрягается с личными ожиданиями и переживаниями¹. Как указывает Морис Хальбвакс, «индивидуальная память для подтверждения, уточнения воспоминаний или даже заполнения пробелов в них полагается на коллективную память, перемещается внутрь нее, сливается на мгновение с коллективной памятью»². В этом отношении можно говорить о переплетении биографий и судеб сибиряков с жизнью региона, их ценностном отношении к региональной культуре.

По данным социологических опросов, проведенных в сибирских городах, у подавляющего большинства современных сибирских горожан история их семьи связана с городом, где они живут, исключительно в советский период³. По-видимому, причиной этого является то, что именно в советский период происходило активное освоение Сибири. В советском сибирском дискурсе постоянно звучит тема огромных ресурсов Сибири и ее мощного промышленного потенциала, определившего ее стратегическую роль в функциональной системе государства. При этом историческая память о советском периоде амбивалентна: она может быть триумфальной (что связано, в основном, с освоенческими проектами) и травматической. Для старшего поколения сибиряков традиционное прошлое представляет собой нечто большее, чем просто события или историческую память: сейчас это способ переосмысления жизненного стиля, и, в некоторых случаях, традиционное прошлое рассматривается как «панацея» от всех социальных недугов.

¹ Sherman D. The Construction of Memory in Interwar France. Chicago, 1999. P. 7.

² Halbwachs M. The Collective Memory. N.-Y., 1980. P. 50,51.

³ Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Исследование механизмов формирования и трансформации сибирской региональной идентичности на основе анализа биографических нарративов // Сибирь: контексты настоящего... Иркутск, 2016. С. 9 - 26.

Отметим, что доминирование советского наследия в представлениях людей о прошлом региона – это не только результат взросления и воспитания в СССР (сейчас «ядро» населения старых сибирских городов составляют «коренные» горожане во втором-третьем поколении). В постсоветской культуре оно может быть симптомом отсутствия прочной связи человека с историей того места, в котором он живет, потерей чувства экзистенциальной безопасности. Ощущение неустроенности в данном месте может компенсироваться отдельными случаями причастности к «великой» истории и идеологии.

Относительно жизни в Сибири многие говорят об «утраченном образе жизни» и потерянных ценностях. Эрик Хобсбаум, например, выделяет функции социального прошлого как формализованного социального прошлого, действительно более сурового с того момента, когда оно устанавливается в качестве моделей настоящего¹. В современных сибирских городах это реализуется в самопрезентации идентичности через имперские знаки советской эпохи и символы освоения (нефтяные и газовые вышки, трубопроводы, железная дорога и т.п.). Особенно наглядно это видно не только в «ностальгических рассказах» о славном советском прошлом Сибири, но и в сохраняющейся монументальной скульптуре, советской архитектуре, городской и сельской топонимии, где преобладают названия советского периода. Такое сходство историко-культурных процессов и общность исторического наследия, отражающиеся в менталитете современных жителей за Уралом, по всей видимости, и позволяют объединить их в общую надэтническую общность «сибиряки», сконструировать само это понятие.

Особое место в сибирской идентичности занимает и *ментально-психологический* нарратив – выделение черт сибирского характера как части национального характера на основе ценностей коллективизма, терпения, эмоциональной сдержанности, устойчивости, характеристика сибиряка как особого типа человека, обладающего физической выносливостью, здоровьем,

¹ Hobsbawm E.J. The Social Function of The Past // Past and Present. 1972. № 55. P. 4.

особыми чертами характера. На уровне обыденного сознания, нашедшего отражение в пословицах, сибиряки выступают как особенные люди, а Сибирь как особое пространство (напр., «*сибиряк не тот, кто в Сибири родился, а тот, кто тепло одевается*»; «*Сибирь-матушка, а Урал-батюшка*» и т.п.). Свои версии ментально-психологических качеств сибиряков выдвигаются и на уровне литературной рефлексии, рождающей миф о «сибирском характере» и «широкой сибирской душе».

К примеру, писатель Е. Гришковец в повести «Реки» так описывает феномен «сибирскости»: «Каждый сибиряк знает, что он сибиряк, а значит он обладает особенными качествами, и он знает эти качества... Сибиряк знает, что уже по факту места рождения он верный друг и честный товарищ, он открытый и мужественный человек, обязательно щедрый, готовый снять и отдать с себя последнее. Сибиряк – человек с острым чувством справедливости. Он обладает некой широкой душой и еще всем известным сибирским здоровьем. Если он ест, значит ест, если пьет, значит пьет. Он знает, что мелочность – это плохо и ее в нем нет. Сибиряк на многое закрывает глаза, не суетится, и готов открыть душу при любом удобном случае всякому хорошему человеку. Но он не прощает вероломства, жестоко на всю жизнь обижается на ложь, подлость и двуличие. Не терпит жадности и просто продуманной прагматичности. В любом аккуратном, тихом и не пьющем человеке сибиряк готов увидеть хитрость, жадность и высокомерное презрение к себе»¹.

При определении «сибирскости» обращает на себя внимание идея «героического» – преодоление мороза, расстояния, сложностей с поездками по миру. На эту особенность сибирского характера указывал еще Г. Н. Потанин, согласно которому, преодолевая препятствия, сибиряк отвыкал от всяческих общественных и семейных обязанностей, приучался надеяться только на собственные силы². В. М. Флоринский указывал на невзгоды сибиряков, вынужденных отправляться в те места, «куда зимой можно попасть только на

¹ Гришковец Е. В. Реки. Повесть. М., 2005. С. 145.

² Потанин Г. Н. Роман и рассказ в Сибири // Литературное наследство Сибири. Т.7. Новосибирск, 1986. С. 233.

оленях или собаках, а летом на почтовых лодках по безлюдной реке»¹. Современный эстонский исследователь А. Вентсель также считает, что преодоление сибиряками трудностей является ключевой чертой «фронтирного сибирского этоса». По его мнению, и в прошлом, и в настоящем «сибирскость» означает консолидацию региональной идентичности вокруг таких аспектов жизни, которые при других условиях могли бы выглядеть как «неудобные», но превратились в предмет гордости².

Сибирь определяется также как «страна *пассионариев*» с выраженными чертами активности, предприимчивости, настойчивости, смелости и целеустремленности. В некоторых оценках сибирского стиля жизни Сибирь характеризуется именно как «маскулинное пространство»,³ что находит выражение в связанных с «сибирскостью» образах (каторга, прииск, заимка, золотодобыча, золотопромышленник, старатель, скупщик (золота, мехов), шаман, охотник, старовер, партизан, геолог). Социальный статус у мужчин-сибиряков достигался постоянной демонстрацией в поведении твердости и силы. К примеру, широкое распространение в обыденном сознании получила идея о героизме «сибирских дивизий» во время Великой Отечественной войны, а в советском кинематографе подчеркивалась твердость и храбрость сибиряков, чей образ оказался тесно связанным с образом полярников (в том числе, летчиков-полярников), пограничников, партизан, дальневосточников, таежников и других «коллективных персонажей» того времени.

Этот образ до известной степени распространялся и на женщин, напоминавших колонисток Нового Света. Сибирячки в советском кино часто выступают проводниками, выносливыми и неприхотливыми, которые в тайге ориентируются как в своем доме и ловко обращаются с моторными лодками, с

¹ Флоринский В. М. Заметки и воспоминания // Русская старина. 1906. № 4. С. 130 - 131.

² Ventsel A. Siberian movements: how money and goods travel in and out in Northwestern Sakha // Folklore. 2011. Vol. 49. P. 124.

³ См.: Collins D. N. Sexual Imbalance in Frontier Communities: Siberia and New France to 1760 // Sibirica, 2014. Vol. 4. № 2. P. 162–185; Хабек О. Й. Гендер, «культура», северные просторы // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 59 - 68.

оружием и топором¹. Существует представление о том, что черты сибирского характера даже способствовали формированию особого «этоса» сибиряков как комплекса идей морального и физического превосходства над «изнеженными» жителями Европейской России. П. Лонгуорт указывает на стойкость, жесткость и общинность сибиряков как результат столкновения с суровостью климата и огромного расстояния². Не случайно, идеологический потенциал концепта «сибиряк» оказался таким востребованным в художественном дискурсе советского периода, для которого оказались актуальными типажи правильного, сильного, целеустремлённого, негибкого, занятого коллективным делом человека, то есть *нового* человека новой страны. Пространственная же протяженность Сибири, суровость климата, богатые ресурсы превращали ее, по замечанию П. Вайля и А. Гениса, в идеальную стартовую площадку для закалки характера и построения подлинно человеческого социализма³.

В то же время выражением процесса обретения «сибирскости», как считает М. Ю. Рожанский, выступает и *маргинальность*, понимаемая не как исключенность из социальных групп, а в значении, указанном Робертом Парком, как – нахождение между мирами, культурами, социальными порядками. Статус маргинальности в таком определении влечет за собой появление особых черт характера в культуре сибиряков: не только положительных, но и отрицательных, на что довольно часто указывалось в литературе о Сибири еще имперского периода. Наряду с радушием и гостеприимством, миролюбием, добротой, отзывчивостью, сердечностью и открытостью⁴ в сибирском характере отмечалось недоверие к «чужакам», осторожность, стремление откупиться и даже хитрость: ...ласков, добродушен, большой хлебосол, но не клади ему палец в рот – он без намерения, но откусит. Сибирское основное свойство –

¹См.: Басалаева И. П. Между быть и становиться: сибиряки в советском кинематографе 1930-х-1940 х гг. // Сибирь: контексты настоящего...С. 27-56. Отметим, что мотив Сибири как пространства (и символического ресурса) возмужания неоднократно использовался в фильмах о Сибири («Партийный билет» 1936, «Пятый океан» 1940, «Парень из тайги» 1941, «Сказание о земле Сибирской» 1947, «Разные судьбы» 1956 и др.)

² Longworth P. Russia: the once and future empire from pre-history to Putin. New York, 2005.

³ Вайль П., Генис А. Собр. соч.: в 2 т. Т. 1. Шестидесятые. Мир советского человека. Екатеринбург, 2003. С. 594.

⁴ Именно данная совокупность черт сибирского характера выделяется авторами коллективной монографии «Сибирский характер как ценность» (Сибирский характер как ценность... С.20)

недоверчивость и осторожность, чтобы не даться в обман, и если можно самому обмануть. Быть обманутым считается за стыд. Сибирская скромность, по-моему, скрытность...¹ Проступает в характере сибиряка и индивидуалистская жилка (выраженная, к примеру, в положительной оценке зажиточности), выносливость и упорство, воспитанные суровыми условиями и необходимостью постоянного взаимодействия с «чужаками». Сибирский характер, таким образом, сохраняет в себе известную противоречивость и амбивалентность русского национального характера, относительно его присутствуют как положительные, так и значительный процент отрицательных ассоциаций или интерпретаций.

Представляется, что выделенные (во многом противоречивые) аспекты региональной самоидентификации оказываются ценностным основанием для «контекстуальной общности» сибиряков. Многие из жителей Сибири отмечают, что, когда они находятся вне дома, им (по не всегда понятным причинам) проще общаться со «своими»². Актуализация самоидентификации «сибиряк» происходит чаще всего в контексте осознаваемой дифференциации между Европейской Россией и Зауральем, а также в ситуациях, связанных с путешествием за границу, переездом, встречей земляков (сибирские диаспоры в Москве и Санкт-Петербурге, сибирские землячества в армии), в ситуациях общения с не-сибиряками. Кроме того, в настоящее время средства массовой информации предоставляют возможность помыслить себя в разных частях физического и социального пространства и создают условия для разнопланового сравнения своего региона с другими регионами (если не в опыте, то в воображении).

Отметим, что эти контексты представляют собой определенный «материал для сборки» сибирской идентичности и «работают» на ее конструирование только в том случае, если сами жители Сибири хотят использовать их в этом качестве. Здесь уместно использовать понятие В. Адорно «проработка прошлого», употребленное первоначально в контексте обсуждения

¹ Андюсов Б. Е. Ментальность сибиряков // Андюсов Б. Е. Сибирское краеведение. 2-е изд. Красноярск, 2003. С. 24 - 34.

² Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность... С. 68.

проблемы отношения немцев к памяти о национал-социализме, а в настоящее время используемое для обозначения тактического приема политики памяти в целом¹. Степень близости-неблизости пространства определяется не стажем жизни в нем, а в большей степени тем, насколько человек готов воспринимать данное пространство как «свое».

В исследовании А. А. Анисимовой и О. Г. Ечевской было показано, к примеру, что давность пребывания предков в Сибири и укорененность обеих родительских семей, длительность собственного проживания в регионе зачастую не делают для информантов сибирскую идентичность ценностно значимой². Кроме того, принадлежность к региональному сообществу сибиряков может отходить на второй план в тех случаях, где имеет место присутствие явно этнического/национального колорита в его традиционном понимании³. Для многих принадлежность к сибирскому региональному сообществу может вовсе быть нерелевантной. К тому же, в условиях современной классовой разделенности, джентрификации общества, идея «сибирскости» может восприниматься частью населения как совершенно чуждая.

Другой аспект представленности ценностей в структуре региональной идентичности связан с сознательным и целенаправленным выделением и подчеркиванием своих сакральных ценностей, поскольку жители Сибири часто не имеют свободного доступа или причастности к культурным центрам общероссийского значения. В сибирских городах, в частности, активно развивается движение, направленное против обезличенности городской среды, характерной для многих постсоветских городов, где образ жизни ориентирован на производственные традиции. В этой связи наиболее невероятные исторические и археологические факты избираются для нарративной трансляции. Действующие субъекты политического и социально-

¹ Адорно Т. Что означает «проработка прошлого» // Память о войне 60 лет спустя: Россия. Германия. Европа. М., 2005. С. 64.

² Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Указ соч. С. 39.

³ Там же. С. 54.

экономического поля пытаются опереться на «натуральные» и «самоочевидные» ценности, а «сибирскость» выделяется через определенные символы.

В Иркутске сакральной ценностью становится Байкал, Новосибирске – Академгородок, в Томске – Томский государственный университет, в Тобольске – Кремль и т.п. Владение символическим капиталом означает выход городских и региональных субъектов на сцену со своим правом голоса и возможностью быть услышанными, вследствие чего целенаправленная разработка сакральных ценностей приводит к появлению бренда. По определению Ю. Визгалова, в качестве бренда региона или города выступает идентичность, системно выраженная в ярких и привлекательных идеях, символах, ценностях, образах и нашедшая максимально полное и адекватное отражение в имидже города¹.

С помощью определенного набора ассоциаций бренд создает территориальным общностям «имя», включает их в определенный контекст. В разное историческое время средствами конструирования бренда, повышения узнаваемости сибирских территорий становились августейшие визиты, описание локальных мероприятий в газетах, известный народный промысел или знаменательное открытие (например, железная дорога, университет), поиск следов присутствия в Сибири общегосударственных знаменитостей (например, через апелляцию к сибирской политической ссылке), успехи в народном хозяйстве, а в постсоветскую эпоху – культивирование городских легенд в бронзовых скульптурах.²

Представляется, что ценности регионального самосознания могут быть рассмотрены в качестве основания существования сибирской идентичности. С одной стороны, выявление ценностных оснований региональной идентичности позволяет рассматривать региональное сообщество сибиряков как целостную, культурно-самобытную региональную группу, с другой, – региональные ценности лежат в основе осознания личной ответственности за судьбу региона, решении общих проблем совместной жизни, обустройства региона, т.е.

¹ Визгалов Д. В. Брендинг города. М., 2011.

² Агеев И. А. Брендинг города и региона как средство формирования территориальной идентичности: исторический опыт сибирских городов // Вестник науки Сибири. 2015. № 2 (17). С. 155 - 163.

формируют «смысловой комплекс знаний и умений, позволяющих ориентироваться в пределах определенного региона»¹.

Учитывая то, что на первый план на уровне индивидуального сознания могут выходить разные ценности (ценность семейно-родственных, трудовых отношений, природного начала, мультикультурность, исторические ценности и др.), представляется интересным на уровне частных исследований проследить, что является «ценностным ядром» сибирской идентичности в каждом конкретном случае. На наш взгляд, такой ракурс рассмотрения сибирской идентичности открывает еще одну перспективу для ее исследования и помогает ответить на вопросы: какие из ценностей обуславливают большую устойчивость регионального сообщества к внешним социальным изменениям и носят долгосрочный характер? Какие из этих ценностных оснований в первую очередь способствуют преодолению возможного кризиса сибирской региональной идентичности?

§ 4. «Чувство места» в Сибири:

чувственно-эмоциональный компонент сибирской идентичности

Конструирование образа объекта в современной теории познания связано с широким спектром когнитивных операций: от фиксации зримых, лежащих на поверхности, характеристик объекта до вывода на первый план его глубинных свойств, переживаемых в эмоциональном плане. В научной литературе изучение сибирской идентичности в ее эмоциональной размерности, как правило, ограничивается рамками исследования сибирского характера, в котором, действительно, формируется значительный объем суждений и представлений о поведенческих особенностях сибиряков². В частности, можно говорить о неких

¹ Филиппов А. Ф. Социология пространства. С. 262.

² См.: Сибирский характер как ценность: кол. монография. Т. 4. Красноярск, 2011.

особых качествах сибиряков и чертах характера, обусловленных проживанием в трудных бытовых условиях и условиях сурового климата. Вместе с тем, сибирский характер как конструкт дает представления о том, что собой представляют поведенческие реакции жителей Сибири, но он не дает ответа на вопрос из чего формируется и как складывается эмоциональное восприятие своего региона. Любое описание сибирского характера испытывает массу ограничений (это и необходимость учитывать стереотипность такой конструкции, ее условность по отношению к многочисленным региональным субъектам, противоречивость высказываемых оценок и т.п.)¹, в силу чего его функциональные рамки часто оказываются недостаточными для отображения всей гаммы проявлений эмоциональной составляющей сибирской региональной идентичности.

Именно этим объясняется интерес к гуманитарной географии в современных философско-культурологических исследованиях в целом, и ее регионалистской составляющей – в частности. В гуманитарной географии ставятся вопросы эмоциональной привязанности людей к территории, являющейся объективной предпосылкой развития местного патриотизма, привязанности территориально сплоченных групп к своей «малой родине», стремления так или иначе ее «обустроить». При таком подходе региональная идентичность, помимо когнитивных образов территории, ее восприятия через рациональные построения, предполагает также эмоциональную, аффективную привязанность к «месту», то, что в западных научных исследованиях часто обозначается как *place attachment*².

¹ В этой связи можно привести высказывание А. А. Кауфмана, который писал: «Что, в самом деле, общего между коренным пахарем, честным, предприимчивым, трезвым крестьянином южной части какого-нибудь Туринского округа, выжимающим из земли все, что она может дать, и плутоватым, вечно пьяным, живущим «с бичика» придорожным мужиком или крестьянином-пахарем притомского района?.. Все это, ведь, «сибиряки»!.. Но есть ли возможность подвести этих «сибиряков» под какую-либо общую характеристику?» (Кауфман А. А. Влияние переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общинной жизни в Западной Сибири // Север. вестник. 1891. № 4. С. 27–52).

² Altman I., Low, S (eds). *Human behavior and environments: advances in theory and research*. Volume 12. *Place Attachment*. New York, 1992; Brown G., Raymond C. The relationship between place attachment and landscape values: Toward mapping place attachment // *Applied Geography*. 2007. № 27 (2). P. 89–111. Hidalgo, M., & Hernandez, B. Place attachment: Conceptual and empirical questions // *Journal of Environmental Psychology*. 2001. № 21. P. 273–281; Lewicka M. Ways to make people active: the role of place attachment, cultural capital, and neighborhood ties // *Journal of Environmental Psychology*. 2005. № 25 (4). P. 381–395; Morgan P. Towards a developmental theory of place

В российской научной литературе роль *place attachment* для изучения региональной идентичности, к сожалению, недооценивается, и эмоциональное восприятие своей территории не рассматривается в качестве важнейшего способа конструирования региональной образности. Однако, очевидно, что эмоциональные образы территории, по сравнению с политическими и научными ее конструкциями, оказываются более действенным и эффективным инструментом формирования личных впечатлений географического образа территории¹. Исследование чувственно-эмоционального компонента, помимо прочего, создает операционный механизм для раскрытия природы региональной идентичности, позволяет рассчитать потенциальные траектории ее развития.

Эмоциональное отношение к региону в конструктивистском аспекте включает в себя и интенциональное отношение – процесс конструирования реальности посредством придания эмоциональной значимости ее отдельным фрагментам на некотором смысловом поле. Региональная среда для воспринимающего субъекта существует не сама по себе, а носит реляционный характер: все предметы среды существуют как элементы событий, эмоционально значимых для субъекта восприятия. Как отмечает Дж. Энтрикин, «место является условием человеческого опыта...мы всегда находимся в определенном месте, так же, как мы всегда существуем «в культуре»². Поскольку предметы и события, как значимая система действий существует в смысловом контексте, то при его утрате отдельные предметы региональной среды теряют свою эмоциональную выразительность для жителей региона и могут стать безразличными.

Представляется, что функционирование чувственно-эмоционального компонента в региональной идентичности оказывается также тесно связанным с мифологическим, религиозным и художественным дискурсом о культурном

attachment // *Journal of Environmental Psychology*. 2010. № 30 (1). P. 11 – 22; Stockols D., Shumaker SA. People in places: A transactional view of settings. // Harvey J (ed.) *Cognition, social behaviour, and the environment*. Hillsdale, N.J., 1981. P. 441 – 488.

¹ См.: Twigger-Ross, C. L., Uzzell, D. L. Place and identity processes // *Journal of Environmental Psychology*. 1996. № 16. P. 205 – 220.

² Entrikin, J. N. *The betweenness of place: Towards a geography of modernity*. Baltimore, 1991. P. 1.

ландшафте Сибири, проявляющем себя посредством визуальных (материальных), духовно-информационных и ассоциативных элементов. В эмоциональном восприятии своей территории воспроизводится целый блок ощущений, связанных с противопоставлением и оцениванием «мы-они», восприятием мест региона как позитивных и негативных, «мистических», эстетическим удовольствием от места проживания, переживанием связи со своей территорией через травму, чувство вины, ностальгии и т.п.

По словам Б. Осборна, не только когнитивное знание о территории, но и интуитивное чувство места глубоко укоренены в коллективных идентичностях¹. Как показал анализ когнитивного компонента сибирской идентичности, проживание на одной территории отнюдь не порождает у сибиряков одинаковую региональную образность. Связь с территорией в эмоциональном плане также имеет двойственный характер: с одной стороны, она может проявляться в форме присвоения пространства (это *моя* территория, мой регион, мой город), с другой – в форме идентификации (я–отсюда). Различный характер эмоциональной привязанности к региону свидетельствует о том, что это не единичный перцептивный акт, а когнитивная конструкция, отражающая различные типы опыта.

Первый тип такого отношения, на наш взгляд, можно выразить через понятие «чувство места» (place sense), активно используемое в современных зарубежных исследованиях локальной и региональной идентичности². В терминах А. Мартин, чувство места является живым и материализованным ощущением качества места³. Французские исследователи Ф. Чартон-Ваше и К. Ломбарт определяют «чувство места» как переживание локальности в разных измерениях: физическом (природный ландшафт, климат, физические аспекты места), социальном (социальные связи, родственные отношения и т.п.), культурном (история места, его архитектурное наследие, традиции, праздники,

¹ Osborne B.S. Landscapes, Memory, Monuments, and Commemoration: Putting Identity in Its Place. P. 5.

² Buttner A. Home, reach, and sense of place // A. Buttner & D. Seamon (Eds.). The Human experience of space and place. London, 1980. P. 73 - 85; Hay B. Sense of place in developmental context // Journal of Environmental Psychology. 1998. № 18. P. 5 – 29; Steele F. The sense of place. Boston, 1981.

³ Martin A. The Practice of Identity and an Irish Sense of Place // Gender, Place and Culture. 1997. № 4 (1). P. 89 - 114.

кухня и т.п.)¹. «Чувство места» включает доверие жителей к месту их проживания, их отношение к местным социальным и политическим вопросам, их чувства к другим местам. Чувство места может быть компонентом как индивидуальной, так и групповой идентичности. Оно оказывает влияние на развитие ресурсов, принятие экономических решений, развитие туризма, национальные и политические отношения, способствует выстраиванию ответственного взаимодействия с окружающей средой².

«Место» является в известной степени субъективным понятием, поэтому не имеет строго определенного пространственного (регионального) масштаба. Для его обозначения иногда предлагаются и другие, относительно новые понятия «вернакулярный район» (vernacular region) и идентичное по смыслу «образный район» (perceptual region). Т. Джордан дает им такое определение: «Образный или вернакулярный район существует как часть народной культуры. Вернакулярные районы — скорее продукт пространственного восприятия «среднего человека», нежели интеллектуальное создание профессионального географа»³. Речь идет о том, что индивиды отождествляют себя не с внешне задаваемым регионом (в том числе административным), а с территорией непосредственного проживания как ментально-духовным пространством, где жизнь протекает привычно и предсказуемо. Условиями появления вернакулярных районов является историческая и культурная общность территории, удаленность от административных центров, наличие сильного, иногда внешнего, субцентра. По словам эстонского исследователя Аймара Вентселя, жизнь в Сибири как раз и оказывается связанной с такими «внутренними пространствами» (inside places) как значимым контекстом формирования повседневных, нерефлексируемых форм опыта⁴.

¹ Charton-Vachet. F., Lombart C. New conceptual and operational approach to the link between individual and region: Regional belonging // Recherche et Applications en Marketing. 2015. Vol. 30 (1). P. 50 – 75.

² Ardoin N. Toward an Interdisciplinary Understanding of Place: Lessons for Environmental Education ... P. 119; Cary W. de Wit. Interviewing for Sense of Place // Journal of Cultural Geography. 2013. Vol. 30. № 1. P. 120 - 144.

³ Jordan T. Perceptual Regions of Texas // Geographical Review. 1978. Vol.68. № 3. P. 293 - 307.

⁴ Ventsel A. Siberian movements: how money and goods travel in and out of Northwestern Sakha // Folklore. 2011. Vol. 49. P. 123.

Упоминание «чувства места» указывает на целую область человеческой жизни за пределами сознания; сознание, в конечном счете, — лишь один из видов ментальных процессов. Эти процессы состоят и из ощущений, рефлексов и автоматизмов, формирующих «бессознательное» региональной идентичности, и объясняют большую часть региональной жизнедеятельности. В современных исследованиях по региональной идентичности Дорин Мэсси¹ ставит интересные и сложные вопросы переосмысления нашего чувства места в контексте глобализации: каково чувство места, которое было бы адекватно современной культуре, кто и каким образом переживает это чувство места, получаем ли мы выгоду или страдания от чувства места? Эти вопросы интересно рассмотреть в отношении к сибирской идентичности.

Прежде всего, различные нарративы о Сибири демонстрируют, что эмоциональная привязанность сибиряков к своей территории зачастую формировалась через личный опыт познания Сибири, деятельность, с ней связанную, и сопутствующий им опыт личностной трансформации человека. Воспринимаемое пространство Сибири оказывалось, по терминологии антрополога Тима Ингольда, *taskscape* – пространством связанных видов деятельности². Территория Сибири постепенно обживалась и наполнялась множеством разнообразных значений и локальных традиций, формировались практики и жизненные стили, которые обусловили эмоциональную привязанность к Сибири как «своей» территории. Преодоление трудностей, общее дело, адаптация к суровым условиям в этом контексте выглядит как конструктивный элемент в формировании сибирской идентичности, является предметом гордости отдельных семей³. В нарративах, образующих дискурс *place dependence*⁴, это часто выражается фразами «Сибирь тянет», «Сибирь не отпускает», которые можно услышать, как от самих сибиряков, так и от тех, кто

¹ Massey D. *Space, Place and Gender*. Minneapolis, London, 1994.

² Ingold T. *The Temporality of the Landscape* // *World Archaeology*. 1993. Vol. 25. № 2. P. 152 - 174.

³ Saxinger G. "To you, to us, to oil and gas" – The symbolic and socio-economic attachment of the workforce to oil, gas and its spaces of extraction in the Yamal-Nenets and Khanty-Mansi Autonomous Districts in Russia // *Fennia*. 2015. № 193: 1. P. 88.

⁴ Stokols, D., Shumaker, S.A. *People in places: A transactional view of settings* // J.H. Harvey (Ed.), *Cognition, social behavior and the environment*. N.J., 1981.

переехал из Сибири в другие регионы. Относительно нейтральные, а иногда и прямо конструктивистки-искусственные наименования частей сибирского пространства заменяются в речевой практике теплыми, естественными названиями, в которых используется понятие «земля». Интересные результаты в этом плане демонстрирует совсем недавно проведенное исследование А.А. Маляр, в котором информантам из Сибири предлагалось расположить свой регион на воображаемом «теле страны» (в виде человеческой фигуры) и которое показало, что точкой «исхода» сибирской идентичности является не голова, а «сердце» тела страны¹.

Наряду с «чувством места» можно выделить еще один тип эмоционального отношения к Сибири, который может быть описан в терминах освоения сибирской территории как *ресурса*. В современной культуре люди часто являются «мигрантами», где домом становится перемещение². Идентичность в таком случае может рассматриваться как кратковременная рефлексия о том, где субъект находится в данный момент, как быстротечный момент его биографии. В этом контексте Сибирь воспринимается как место краткосрочного пребывания с личными практическими целями, а сибирскость – как разновидность социальной мобильности. Новое место проживания рассматривается как «периферия», не имеющая постоянного контакта с целым, изолированная от него, а потому зачастую выглядящая неполноценной. Одновременно это пространство мыслится как место относительной свободы и риска, где можно извлечь прибыль. Эта позиция характерна для «освоителей-временщиков», людей, приезжающих в Сибирь временно, на работу по контракту или работающим вахтовым методом. Мигрант или федеральный чиновник не ощущает, что новое место – это место для него, в его глазах территория Сибири часто выглядит как «производственная площадка». В этом случае следует

¹ Маляр А.А. Указ. соч. С. 87.

² См., например: Featherstone M. Undoing Culture... P. 126 - 157.

говорить о присутствии в сибирской идентичности идеи эмоционального отчуждения (alienation)¹ от территории.

Как отмечает Э. Релф, любое современное исследование территориальной идентичности должно опираться на самые разные впечатления, посредством которых мы познаем и создаем места². В связи с этим, можно обозначить градацию эмоционального восприятия территории в сибирской идентичности. Так, у переселенцев, прибывших в Сибирь, преодоление препятствий, тягот пути, достижение чего-то удаленного обостряло восприятие территории и обогащало его эмоционально. Новизна, ощущение первооткрывателя, условная недоступность Сибири увеличивала яркость впечатлений при контакте с ней, формировала и усиливала особое «импрессиональное» поле, что ярко видно в сочинениях путешественников, письмах переселенцев и т.п.³ В советскую эпоху позитивное восприятие Сибири дополнялось героическим дискурсом, в рамках которого, к примеру, нефтяное освоение края воспринималось в поэтических терминах, как «борьба с природой» и непрерывное самопожертвование при принципиальном отсутствии жизненных удобств.

В то время, как рефлексирующий путешественник зачастую «прочитывал» Сибирь с некоторой поэтической чувствительностью, сами современные жители региона, как правило, рассматривают его с более отстраненной точки зрения. Укорененность в Сибири, длительный период проживания приводит к тому, что объекты занимаемой территории становятся типичными, неприметными и визуально обыденными, эмоциональное восприятие места снижается, а деятельность на своей территории рассматривается как рутина. На повседневном уровне от сибиряков часто можно услышать фразы о том, что ничего интересного в их городе/селе нет, а все достопримечательности расположены в других регионах. Схожие эмоциональные оценки сибирских мест можно

¹ Hummon D. M. Community attachment: Local sentiment and sense of place // I. Altman, S. Low (Eds.). Human behavior and environments: Advances in theory and research. Volume 12: Place attachment. New York, 1992. P. 253 - 278.

² Relph E. Place and placelessness. London, 1976. P. 6.

³ Jürgenson A. The wild and homely Siberia: how Siberian Estonians perceive their natural environmental // Folklore. 2002. № 21. P. 60.

обнаружить и в литературных нарративах, и в научном дискурсе. Пример первого – впечатления от путешествия по Сибири А. П. Чехова, который западносибирские города именовал «скучнейшими», «лишенными всяких разумных развлечений и удобств». Пример второго – замечания сотрудников Императорского Русского Географического Общества, которые отмечали, что «застывшие обычаи» в Сибири негативно отразились на самом населении глухих деревень, сохранив его отсталым и «некультурным», то есть необразованным и неграмотным, легко поддающимся обману «сметливых людей», в связи с чем «кулачество, эксплуатация чужого труда, произвол административной «мелкой сошки» достигают здесь невероятных размеров»¹.

Как правило, привязанность к собственной территории существует на бессознательном уровне². Здесь мы следуем логике П. Бурдьё: процесс конструирования доминирующей идентичности происходит по большей части неосознанно, когда участники группы усваивают те принципы идентификации, которые и производят их идентичности. Усиление *place attachment* происходит под влиянием иной среды, в которой оказываются сибиряки. В этом случае нарративы, которые предлагаются сибиряками в качестве доказательства своих чувств к Сибири обычно содержат в себе эмоционально окрашенные словосочетания «*вот у нас в Сибири*» или «*мы сибиряки*». Представляется, что в основе позитивного эмоционального восприятия своей локальной территории может лежать тенденция общего снижения в Сибири интереса к центральной власти и политике, существующим как бы «параллельно» локальным местным интересам, а также потребность в устойчивом развитии, которую оказывается возможным реализовать на современном этапе именно на локальном уровне. Другой способ актуализации чувства места – включенность индивида в социально-экономические процессы, протекающие на территории, выполнения

¹ Кузнецова Т.А. Периодические издания Русского Географического Общества как институт формирования сибирской идентичности // *Сибирь: контексты будущего...* С. 68 - 69.

² Hester, R. Sacred structures and everyday life: a return to Manteo, North Carolina. // D. Seamon (Ed.). *Dwelling, seeing and designing: toward a phenomenological ecology*. NY, 1993. P. 271 - 298.

им определенных общественно-значимых функций, стремление защитить свое пространство.

Включенность в региональное сообщество рождает чувство общего опыта, сходных образцов деятельности и похожести между членами коллектива. Вербальный и невербальный обмен опытом рождает чувство «мы» и, следовательно, коллективную идентичность¹. В деятельности, как правило, происходит и соотнесение своих личных качеств и черт характера с характером места, нахождение соответствия между ними, что выражается, в частности, в таком суждении, как *«Сибирь близка мне по духу»*. Как отмечают А. А. Анисимова и О. Г. Ечевская применительно к сибирской идентичности: «в ходе деятельности в публичной сфере жизни индивид обретает особое, небезразличное отношение к территории, на которой он живет и трудится, и как результат этого – особый способ категоризации внешней действительности, который и лежит в основе идентичности»².

Как формируется и какими смыслами наполнено «чувство места» в отношении к Сибири у современных ее жителей и внешних наблюдателей?

Прежде всего следует отметить, что эмоциональная привязанность к месту, как правило, формируется через оппозиции, выражающие отношение одного сообщества к другим сообществам. Через конструирование границ сообщества утверждается особость и альтернативность внутреннего мира группы. Ю. М. Лотман определяет границу как «черту, на которой кончается периодическая форма». Это пространство определяется, по мифологическому типу, как «наше», «свое», «безопасное»; ему противостоит «их-пространство», «чужое», «враждебное», «опасное», «хаотическое»³. Д. Хаммон утверждает, что укорененность одних членов сообщества неизбежно означает детерриторизацию (displacement) других⁴. Э. Коэн отстаивает точку зрения, что невозможно понять

¹ Habeck, J. O. Dimensions of identity // Erich Kasten (ed). *Rebuilding identities: Pathways to reform in Post-Soviet Siberia*. Berlin, 2005. P. 9 - 21.

² Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Социологический анализ биографических нарративов как способ изучения механизмов формирования сибирской региональной идентичности. С. 50.

³ Лотман Ю. М. *Семиосфера*. СПб., 2004. С. 257.

⁴ Hummon, D. M. *Community attachment: Local sentiment and sense of place...* P. 260.

культурные границы, не перейдя на язык дискурса, который они содержат. Невозможно рассматривать их, не приняв во внимание требования, которые создают этот дискурс¹.

В случае с Сибирью как места, занятого переселенцами, логично говорить о формировании эмоциональной солидарности, принимавшей форму противопоставления местных жителям Европейской России, «россейским». Эмоциональную привязанность к «своей» территории в Сибири в дореволюционный период во многом обеспечивала община, именуемая «обществом», которая защищала своих членов, как от государственной опеки, так и от «непрощенных гостей»². Сибирские старожилы, в условиях земельных конфликтов, пренебрежительно относились к переселенцам из Европейской России, именуя их «лапотниками», «неумытыми» и «необразованными», а также к представителям государственной власти, которые зачастую оценивались как «шайка казнокрадов, взяточников и самодуров, с которыми следует бороться ради физического и морально-нравственного выживания»³.

На современном этапе «чужой», как правило, обозначается в следующих параллелях: Сибирь – Россия (в частности, Сибирь – Урал), Сибирь – центр (Москва, Санкт-Петербург), Сибирь – Европа, Сибирь – США, сибиряки – иностранцы. Следствием регионального эмоционального разделения «своих» и «чужих» является также тенденция к дискурсивному исключению мигрантов и «временщиков» из различных сфер общества. В современных нарративах о Сибири отчетливо выражена тема негативной оценки деятельности федеральных чиновников в отношении региона, а также болезненного восприятия текущего состояния дел в Сибири через осознание того, что она воспринимается лишь как ресурс, как донор для других регионов.

¹ Cohen A.P. Self-consciousness: An alternative Anthropology of identity. London, 1994. P. 129.

² Суворова Н. Г. «Сибирская нация» в исторических конструкциях и административных практиках XIX века // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности. Томск, 2015. С. 115.

³ Савельева Л. Истоки сибирского регионального сознания, или О конструировании воображаемой реальности // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. М.; Иркутск, 2005. Вып. 5. С. 188-199; Жигунова М. А., Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Сибирский ракурс региональной идентичности... С. 52 - 53.

Отметим, что тема несправедливого отношения к Сибири не нова: еще областники, противопоставляя Сибирь Европейской России, отмечали эрозию местной культуры, пагубное влияние на нее администрации, православной миссии и русских поселенцев. Так, довольно устойчив был образ «пропасти» между Европейской Россией и Сибирью в материалах газеты «Восточное обозрение», издаваемой сибирскими областниками¹. В художественном дискурсе советского периода была отчетливо выражена тема «народности» Сибири в ее сопоставлении с Москвой, взаимной удаленности центра и окраин, недостатка их эмоционального сближения, «канцелярского» и «бюрократического» центра, аккумулировавшего образы персонажей из власти: секретарей парткомов, директоров и начальников производств и т. п., то есть всех тех, кому сибиряк должен повиноваться. В частности, в кинематографических нарративах советского времени обязательно присутствует тема настойчивого сопоставления (а иногда – резкого противопоставления) Сибири и Москвы², *сибиряк* получает команды (в широком смысле) именно из Москвы: он в неё едет учиться, из неё он стремится домой, переживает в ней какие-то искусы³. По словам Б. Л. Лавровского и В. И. Сулова, есть только два примера, когда Москва отнеслась к Сибири не как к колонии, а как к российской территории: строительство Новосибирского Академгородка и развитие военно-промышленного комплекса, при котором к Сибири относятся как к «запасному аэродрому»⁴.

Многие отечественные и зарубежные авторы и сегодня отмечают, что переживания сибиряков за свою территорию, имеющие экономический подтекст, обостряют в сибирской идентичности сепаратистские чувства и настроения. Тема потерянного и несправедливо отнятого статуса в сознании современных сибиряков характеризуется эмоциональной окрашенностью и нагруженностью

¹ Кожухова А.К. Образ Европейской России в сибирской газетной прессе: версия «Восточного обозрения» // Сибирь: контексты настоящего ... С. 57 - 62.

² Рожанский М. Я. Место Москвы в советском сибирском кинотексте: от 1930-х годов к советскому финалу // Символическая политика: Сб. науч. тр. М., 2016. Вып. 4. С. 216 - 244.

³ Басалаева И. П. Указ соч. С. 65.

⁴ Сулов В. И., Лавровский Б. Л. Имидж Сибири в зеркале экономической истории и стратегии // Сибирь: имидж мегарегиона. Новосибирск, 2012. С. 154 - 155.

фактами. Так, по мнению британских географов М. Брэдшоу и Дж. Прендергаст, сибирская идентичность «может приобрести открытое политическое выражение, если население и элиты двинутся на Запад, а центр не сможет предложить решение социально-экономических проблем Сибири, предлагая извлекать прибыль из ее ресурсов»¹. В целом, современная ситуация в Сибири характеризуется тем, что *чувство региональной социально-экономической ущемленности*, как и в прошлом, способствует выстраиванию иной, конкурирующей с «большой русской нацией» сибирской идентичности.

Эмоциональное переживание за свою территорию часто звучит и в дискурсе конкурирующего локализма, наиболее ярко проявляющегося в соперничестве между городами Сибири («научеомкого Новосибирска», «инновационного Томска», «индустриального Красноярска», «аутентичного Иркутска») и соседними регионами (например, Уралом, где региональная идентичность включает в себя экономический успех²). В сибирских городах ведется борьба за получение статуса столицы Сибири, звания «глобального города», сохраняется противостояние между ведущими научными центрами (Новосибирский Академгородок, Томский государственный университет), разворачивается борьба за обладание культурным наследием (к примеру, противостояние между алтайскими и новосибирскими археологами по поводу пазырыкской мумии).

В историческом плане в более престижном положении оказались города с выгодным для себя направлением транспортных путей, которые, одержав «инфраструктурную победу», стали своеобразными «точками роста» в Сибири. Наиболее явно конкуренция проявляется в так называемом «сибирском пятиугольнике» «Омск – Новосибирск – Томск – Кемерово – Красноярск». На местах ищут замену официальным названиям, как бы пытаюсь подчеркнуть «естественность» субъектов федерации и их границ и обозначить свою

¹ Водичев Е. Г. Сибирь в перекрестье идентичностей // Евразия: Региональные перспективы. Новосибирск, 2007. С. 133.

² Каганский В. Л. Ареальная парадигма пространственной идентичности: основания, пределы, выход за пределы // Вестник ПНЦ УрО РАН. 2014. № 5. С. 16.

специфику, определяемую через «эмоциональные» термины (например, Иркутская область именуется Приангарьем, Омская область – Прииртышьем, Ханты-Мансийский АО – Югрой и т.п.). Большое внимание уделяется локальной символике и праздникам, подчеркивающим местную индивидуальность. *Чувство конкуренции, соперничества*, таким образом, также позволяет сибирякам вычленять в общественном сознании именно свою территорию проживания как эмоционально значимое пространство.

Современные зарубежные исследования в сфере «чувства места» рассматривают данный феномен не столько как «индивидуальное, ментальное и аполитичное»¹ явление, сколько как коллективно разделяемое, осознанное и идеологически нагруженное². Хотя опыт переживания пространства индивидуален, он все-таки является продуктом политической, экономической и социальной реальности. «Округи, деревни, города, регионы, страны... все они могут вызывать чувство принадлежности, частично из-за прямого личного опыта человека, а частично из-за опосредованного опыта – приписываемых им социальных и культурных значений»³. Мы смотрим на определенную территорию отстраненно, используя в качестве инструмента для размышлений такие технологии, как карты, зарисовки, художественные и научные тексты, фотографии и фильмы. Теоретически нагруженный эмоциональный опыт восприятия Сибири, помимо прочего, предопределяет деление в общественном сознании мест в сибирском регионе на позитивные (желаемые для достижения) и негативные (сопровождающиеся избеганием и нарративами страха).

В относительно разнородной гамме чувств, связанной с Сибирью, отправной точкой анализа, на наш взгляд, является то, что эмоциональная привязанность к месту в сибирской идентичности формируется и выражается, в

¹ Dixon, J., Durrheim, K. Displacing place identity: A discursive approach to locating self and other // British Journal of Social Psychology. 2000. № 39. P. 31.

² Hayden D. Urban landscape history: the sense of place and the politics of space // P. Groth, & T. Bressi (Eds.). Understanding ordinary landscapes. New Haven, 1997. P. 111 - 133.; Massey D., Sarre P. Human geography today. Cambridge, 1999.; Ardoin N. Toward an Interdisciplinary Understanding of Place: Lessons for Environmental Education ...P. 116.

³ Gustafson P. Mobility and Territorial Belonging // Environment and Behavior. 2009. № 41. P. 492.

первую очередь, через любовь жителей региона к сибирской природе. На всех уровнях общественного сознания Сибирь воспринимается как место спонтанного (природного) роста здоровых (природных) сил, а *чувство гордости* сибиряки испытывают, прежде всего, по отношению к природным объектам, расположенным на территории Сибири. Учитывая это, обратимся далее к проблеме конструирования эмоциональной привязанности к сибирской территории через природную тематику.

В этом контексте стоит отметить, что вклад в формирование *place attachment* в Сибири помимо, разумеется, индивидуальных ощущений и личных впечатлений, внесло художественное описание природы Сибири. Для внешнего наблюдателя (с ограниченным эмпирическим опытом знакомства с сибирской культурой и природой) художественные произведения – зачастую единственный источник информации о регионе, они же позволяют получить представление о том, насколько у местных жителей развито чувство места. Без художественного творчества и его освоения массовым сознанием практически невозможно конструирование гносеологических образов Сибири, имеющих эмоциональную составляющую, поскольку эмоции транслируются в первую очередь художественными средствами. Художественный дискурс, помимо прочего, являлся той конструирующей технологией, который способствовал значительной трансформации в общественном сознании компонентов образа Сибири и сибиряков, вплоть до их общей позитивной или негативной окраски.

Известно, к примеру, какую большую роль художественное описание природно-ландшафтного разнообразия Сибири сыграло как в формировании историко-литературного процесса в Сибири, так и в развитии строившейся вокруг сибирского пейзажа живописи художников¹. Благодаря восприятию

¹ См.: Курдина Н. Н. У истоков поэтики сибирского пейзажа в русском романтизме // Литература Сибири. История и современность. Новосибирск, 1984. С. 19 - 41; Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27 - 35.

уникальных природных объектов в Сибири в русской культуре появился особый «сибирский текст»¹.

Под «сибирским текстом» понимается наличие в тексте упоминаний о Сибири, ее природе, структурно-семантический комплекс мотивов и образов, объединенных темой Сибири. К примеру, филолог Т. Л. Рыбальченко пишет, что формулой «сибирского текста» «является фантастически суровая природа, где героям свойственны гипертрофированные проявления как добра, так и зла (богатырь либо зверь), где сюжет путешествия-борьбы завершается победой рода над стихией, где господствует этологизм, густая бытопись и орнаментальный, преувеличенно экспрессивный язык»². Особенности «сибирского текста» выражаются и в характерных чертах авторского самосознания (сибирские областники, «писатели из народа»), в опытах художественного картографирования периферийных и «внеисторических» территорий, в отборе и особой актуализации жанровых моделей (жанр травелога, тема переселения), в разнообразных типах социальной и символической коммуникации с государственным центром³. Именно в этой локальной культурной традиции, как разновидности национального художественного дискурса, происходило «изобретение» сибирского региона как важного момента производства нарративов (визуальных и вербальных) с определенной фабулой и символическим кодом, в которых артикулировались относительно стабильные элементы сибирских образов и сюжетов.

В «Опытах...» Ф. Бэкона присутствует мысль о том, что «...жители северных стран по природе своей более воинственны, будь то влияние звезд этого полушария или следствие расположения на севере больших материков,

¹ Ковтун Н. В. «Сибирский текст» в прозе второй половины XX века (на материале романа С. Залыгина «Комиссия») // Литература Урала: История и современность: Сб. ст. Вып. 4. Екатеринбург, 2008. С. 102 - 110; Митрофанова Л.М. «Урал», «Зауралье», «Россия» и «Сибирь»: Перекресток понятий в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Литература Урала: История и современность: Сб. ст. Вып. 4. Екатеринбург, 2008. С. 130 - 135; Разувалова А. И. «Оттепель в Сибири»: трансформации территориального мифа в советской прозе конца 1950-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. 2014. Т. 133. № 4. С. 165 - 177; Рыбальченко Т. Л. Мифологемы образа Сибири в русской прозе второй половины XX в. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/6_1.html

² Рыбальченко Т. Л. Указ. соч.

³ См.: Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX-XXI веков. Серия Универсалии культуры. Вып. VI / отв. ред. Н. В. Ковтун. М., 2015

тогда как юг, насколько известно, почти целиком занят морями; или же (что всего вероятнее) следствие холодного климата северных стран, который без помощи военного обучения всего более укрепляет тела и горячит сердца»¹. В литературных репрезентациях Сибирь также выглядела, прежде всего, как пространство освоения ее мужественными людьми, а также пространство испытаний и борьбы с суровой природой, с климатическими обстоятельствами, со стихиями, местной фауной (см, напр.: С. Залыгин «Пик половодья», В. Аксенов «На полпути к луне», В. Астафьев «Тимкоуль», В. Максимов «Мы обживаем землю» и др.). Сибирские писатели опирались на традиционный комплекс хронотопов – тайга, деревня, дом, река, дорога, а природные пейзажи нередко помогали раскрыть характер персонажей (В. Арбузов «Иркутская история», Б. Полевой «На диком берегу», С. Сартаков «Барбинские повести», Г. Марков «Грядущему веку» и др.).

Не случайно в региональной литературной традиции получили развитие исторический, приключенческий, криминально-детективный жанры, а также социальные драмы о людях труда (геологах, нефтяниках, строителях и т.д.), изображающих сибирское пространство как место для «особых» людей. Как заключает сибирский писатель М. Тарковский: «природа – «самый простой язык, на котором небо разговаривает с людьми <...> она любит труд, терпение, и не переносит жадности с верхоглядством»². Сибирской природе при этом давались, в соответствии с художественным дискурсом, этические и эстетические характеристики (зачастую крайне противоречивые).

В этическом плане сибирская природа характеризовалась, как помогающая выжить человеку, рождающая сильных духом людей и, в тоже время, отмечалось, что она может быть опасной и непредсказуемой, в том числе, в психологическом смысле. Как констатировал в свое время Н. К. Михайловский, хроническая скудость впечатлений в условиях сибирской природы могла вызвать состояние, близкое к гипнотическому: «...скудная флора и фауна,

¹ Бэкон Ф. Опыты, или наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Соч. в 2-х тт. М., 1972. Т. 2. С. 485.

² Тарковский М. А. Избранное. Новосибирск, 2014. С. 84.

однообразная снежная пелена, в течение полугода с лишком дающая глазу исключительно впечатление белого цвета, скудость звуков, красок, форм, скудость промыслов, занятий, интересов, скудость жизни вообще. Совокупность этой скудости, очевидно, весьма немногим превосходит ту, которая дается неустанным созерцанием стеклянного шарика, постоянным прислушиванием к тиканью часов и т.д. На севере европейской России и Сибири некоторые формы нервных страданий чрезвычайно распространены и именно те, которые особенно способны передаваться путем подражания»¹.

В эстетическом плане природа в Сибири часто характеризуется как нетронутая, первозданная, вековая, великая, богатая уникальными объектами и т.п. Так, в письмах из Сибири, написанных американским путешественником Дж. Кеннаном в XIX веке, можно прочитать следующие эмоционально окрашенные строки о сибирском пейзаже: «Пейзаж был, в каждой своей составляющей, отчетливо сибирским: удивительно ясный, прозрачный воздух; густой серый туман, нависающий над водной гладью залива; обширные заснеженные степи, простирающиеся от окраины леса до белых призрачных гор в отдалении; здесь и там – беспорядочное скопление собак и нарт между деревьями впереди. Все это составляло картину, подобную которой нельзя найти за пределами Северо-Восточной Азии»².

В художественной прозе периода «оттепели», как известно, конструирование образа Сибири также прочно оказалось связано с местом первозданной природы и деревни, местом естественного бытия духовно зрелых людей, оказавшихся в «метафизической ситуации»³, для которых были важны вопросы нравственно-этического плана. Всеобщие процессы, связанные с распадом традиции, гибелью крестьянского мира, уничтожением природы на сибирском материале осмысливались и выявлялись рельефнее, нежели, чем в

¹ Михайловский Н. К. Герои и толпа // Михайловский Н. К. Герои и толпа: Избранные труды по социологии в двух томах. СПб., 1998. Т. 2. С. 65.

² Смит-Питер С. Сибирские письма Джорджа Кеннана-Старшего, 1866-1867 // Сибирские исторические исследования. 2016. № 3. С. 112.

³ Немцев М. Ю. «Метафизическая ситуация» в советской деревне: к философской и антропологической интерпретации «деревенских рассказов» В. М. Шукшина // Идеи и идеалы. 2012. № 2 (12). Т. 1. С. 67 - 78.

средней России (В. Максимов «Жив человек», В. Чивилихин «Пестрый камень», А. Рекемчук «Молодо-зелено» и др.).

При характеристике художественного дискурса о Сибири, по сравнению с литературным творчеством, как правило, меньше внимания обращается на роль кинематографа (также являющегося частью сибирского текста) как важного средства в формировании «чувства места» в Сибири. Между тем кинематографические нарративы вполне могут конкурировать с художественной литературой по степени своего влияния на формирование позитивного эмоционального восприятия той или иной территории. По сравнению с политической риторикой кинематографические образы имеют ряд выраженных преимуществ: обладают метафорическим языком, большей выразительностью, являются более точными в формулировании ключевых посланий и формировании соответствующего смыслового ряда. Игровой способ репрезентации реальности зачастую оказывается более массовым, действенным и эффективным инструментом доставки и распространения идей, представлений и ожиданий. Через кинематограф, пожалуй, наиболее очевидно раскрывается способ, каким сочетаются, налагаются, исчезают и вновь соединяются ритмы региональной среды, создавая определенный синтез образов региона. Позволяя ощущать и реконструировать внутри себя сначала невербальные смыслы и значения, кинематографические образы затем переводят их в вербальный формат.

Так, художественные фильмы о Сибири советского периода (часто построенные на литературных сценариях) транслировали целый спектр концептуальных представлений о природных и человеческих ресурсах Сибири на многочисленную зрительскую аудиторию. В частности, по сообщению И. П. Басалаевой, к 1940 году, к выходу на экраны одноимённого программного фильма Л. Кулешова, в СССР была изобретена новая категория идеологического дискурса – *сибиряки*,¹ в котором они были гипостазированы как особое сообщество, семья. В фильме «Сказание о земле Сибирской» И. Пырьева (1947)

¹ Басалаева И.П. Указ. соч. С. 34.

Сибирь изображалась, прежде всего, как романтическое место, позволяющее избежать ограничений норм «цивилизованного мира», познать жизнь через столкновение с суровой природой, через эмоции и переживания обычных людей, которые не прячутся за социальными нормами и правилами¹. По замечанию Е. Н. Савельевой, Сибирь в произведениях А. Кончаловского («Сибириада»), В. Шукшина («Печки-лавочки», «Калина красная»), С. Герасимова («У озера») являлась «не просто географическим фоном неких событий, но топосом, конституирующим их идейную основу развития. Образы Сибири, созданные в отечественном кинематографе в 1960-е гг., становились особенно запоминающимися и привлекательными для зрителя. В них обнаруживается художественная ценность естественной фактуры предметов, подлинность человеческого поведения (не театрально-сценического), фрагментарность мизансцен, выхваченных из естественного течения жизни (сибирские пейзажи, снятые не как экзотика, а изнутри; привлечение непрофессиональных актеров и т.п.). Эти образы обладали дискурсивной убедительностью, поскольку в них «связываются в тугой узел этнографические признаки сибирских земель и их жителей с возложенной на данный топос миссией духовного истока»².

Конструирование образов Сибири осуществлялось не только средствами художественного, но и документального кино³. Документальные фильмы представляют собою особый, малоизученный пласт информации об образах Сибири и вызывают особый интерес, поскольку их воздействие на эмоциональную сферу позволяло усилить закрепление идентификационных признаков: зрителя интересовали явления повседневности своего культурного мира (природные объекты, культурные, политические, производственные аспекты жизни и т.п.). Как отмечает Е. Н. Савельева, именно в области

¹ Sitnikova A. The image of Siberia in Soviet, Post-Soviet Fiction and Werner Herzog's Documentary Films //Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. № 4 (8) P. 686 - 687.

² Савельева Е. Н. Жанровые и стилистические особенности фильмов сибирской тематики в российском кинематографе 1960-х гг. // Вестник Томского гос. ун-та. 2007. № 305. С. 62 - 66.

³ См.: Хилько Н. Ф. Кинематограф Сибири: коммуникация, язык, творчество. Омск, 2010.

документального кино о Сибири появляются тенденции, указывающие на повышенный интерес к своеобразию собственной региональной культуры¹.

С одной стороны, документальные фильмы являлись вкладом в научное описание Сибири, будучи источником по этнографии коренных народов, природных объектов и культурного наследия региона, с другой стороны, – в неигровых кинокартинах (особенно советского периода) просматриваются свидетельства государственной национальной политики, связанной с пропагандой заселения отдаленных территорий Зауралья². Документальные фильмы были насыщены материалами, дающими зрителю представления, в первую очередь, о географическом положении Сибири, ее природных ресурсах, полезных ископаемых, растительном и животном мире. В соответствии с логикой «модернизационного рывка» в литературе и кинематографе советского периода всячески акцентировалась «дикость», т.е. докультурное состояние осваиваемого пространства и одновременно молодость строителей и обустраиваемой ими территории. Речь идет о создании стереотипного сюжетно-образного инструментария, используемого при работе с сибирской темой, который И. П. Басалаева называет «сибирским комплексом»³. Нарративы документального кинематографа поддерживали позитивное восприятие сибирской земли и ее жителей внутри страны и за рубежом и самовоспроизводились у разных поколений людей.

Таким образом, воображение Сибири и эмоциональная привязанность к ней формировались исторически во многом посредством гуманитарных нарративов, культурных ассоциативных, образных и перформативных репрезентаций. Литературные тексты, живописные работы художников и кинематографические нарративы прочерчивали свои границы, отделяя

¹ Савельева Е. Н. Художественно-образная модель Сибири и «сибирская идентичность» в отечественном кино XX века // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2015. № 4 (20). С. 15.

² Головнева Е. В., Головнев И. А. Образ Сибири в кинематографическом нарративе: конструктивистский подход // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 159. № 23 (1). С. 114 - 123.

³ Басалаева И. П. Указ соч. С. 45.

коллективное «Мы» от не менее коллективного «Они» («Другие») и конструируя такие концепты, как «сибирская природа» и «достопримечательности Сибири».

В современной культуре интересным примером механизмов репрезентации природных объектов Сибири являются также практики их фотографирования с последующим размещением фотографии о Сибири на презентационных сайтах и в социальных сетях. Такие практики содержат в себе «коммуникативную интенцию» (Д. Серль), включающую требование активно проявлять свои эмоции в публичном пространстве в виде «лайков». Как представляется, виртуальные сайты о Сибири, ее природе, основных достопримечательностях в настоящее время являются важным социокультурным фоном для интернет-пользователей, где разворачивается своя система эмоционального реагирования. Изучая виртуальные образы сибирской природы, можно увидеть не только сами природные достопримечательности, но и эмоции, желания, воспоминания, переживания сибиряков того природного ландшафта, в котором они живут.

Еще одним способом позитивного эмоционального реагирования на территорию Сибири, как у самих ее жителей, так и у внешних наблюдателей, является ее восприятие в качестве духовного центра, слабо затронутого процессами модернизации и глобализации. В таком типе дискурса (религиозного по содержанию) Сибирь представляет собой самостоятельную религиозную единицу, архипелаг сакральных мест. Территория Сибири осмысливается в терминах сакральной географии: упоминаются подвижники, «святые», чья деятельность оказалась связанной с Сибирью, выделяются древние памятники и святыни, о территории говорится в мессианском аспекте и т.п. В научном дискурсе становятся популярны идеи поиска религиозной основы «урало-сибирской цивилизации», в качестве которой предлагаются не только христианство (как у евразийцев), но и «тенгри-космизм»¹, и российский буддизм².

¹ См.: Федорова Л. В. Евразийство. Якутск, 2012. С. 60.

² См. Горшева Г. В. Региональная идентичность на уровне этногосударственных субъектов Российской Федерации на рубеже XX-XXI вв. // Вестник ТГПУ. 2012. № 9. С. 70.

В художественных нарративах получила выражение тема восприятия Сибири как Нового Завета в трудах иностранных исследователей – пиетистов¹, как «места изобилия и праведности», открытое старообрядцами (романы С. Залыгина «Комиссия» 1976, В. Астафьева «Царь-рыба» 1975), как «чудесный мир» Беловодья. При этом в описаниях Сибири была задействована религиозная терминология, давалась характеристика территории в «волшебных категориях». Например, «страна Беловодья» описывалась в терминах «Царства Духа Чистого, красоты, чудных огней, возвышенных чарующих тайн, радости, света, любви, своего рода покоя и непостижимых величий...»². Могучая сибирская природа в сибирской прозе уподоблялась храму: «черные валежины и высокие пни курились синенькими струйками, словно только что задутые свечи»;³ «скалы предостерегающими перстами маячили над лесом»⁴. В таком качестве религиозный дискурс о Сибири вписывался в русло социокультурных и философских исканий русской литературы, связанных с идеей «земли обетованной» – идеальной Руси, и в контекст споров о национальной религиозности.

Ощущение духовной отличительности Сибири в рамках целого, когда религия служила средством определения региона⁵, имеет давнюю традицию. Сибирь как религиозный центр мира многократно репрезентировалась, к примеру, посредством ее картографического изображения. Для сибирского картографа, историка и архитектора конца XVII – начала XVIII века С. У. Ремезова «Сибирь была не холодным отдаленным местом, а любимым Богом регионом, орошаемым могучими реками, прорезающимися сквозь покрытые травой холмы с множеством красивых, благословенных мест»⁶.

¹ Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003.

² Цит. по: Абдуллина Л. И. Творческая мастерская: индивидуальный почерк и территориальное самосознание // Геопозитика писателей Сибири и Алтая: сборник научных статей / отв. ред. А. И. Куляпин. Барнаул, 2016. С. 5.

³ Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Красноярск, 1997. Т. 2: Стародуб: Повесть. С. 109–180; 1998. Т. 13: Стародуб: Повесть (вариант). С. 377.

⁴ Там же. С. 392.

⁵ См.: Holford M. The North and the Dynamics of Regional Identity in Later Medieval England // An Agenda for Regional History / Ed. Bill Lancaster et al. Newcastle upon Tyne, 2007. P. 303 – 320.

⁶ Смит-Питер С. С. У. Ремезов и сибирская идентичность в конце XVII – начала XVIII века // Сибирские исторические исследования. 2014. № 3. С. 8.

С. У. Ремезов наделил Сибирь собственной священной хронологией и создал карту, на которой сибирский город Тобольск располагался в центре мира, с концентрическими кругами, расходящимися от него в соответствии с картографической традицией в отношении Иерусалима¹.

Близкий к религиозному, образ Сибири как истока духовных преобразований и духовного прозрения человека широко был представлен, начиная с жития Аввакума, как в художественной литературе (В. Шишков «Угрюм-река», Г. Д. Гребенщиков «Чураевы»), так и в кинематографе («сибирская тематика» в фильмах С. Герасимова, А. Михалкова-Кончаловского, В. Шукшина, А. Дудорова). Тема возрождения человека через его приобщение к Сибири может быть выражена словами В. Г. Короленко в повести «Соколинец»: «Сибирь заставляет даже в убийце видеть человека...». Хорошим современным примером репрезентации Сибири как особого религиозного центра является фильм известного режиссера Вернера Херцога «Колокола из глубины. Вера и суеверия в России» (1993),² в котором Сибирь репрезентируется как уникальная территория с массой редких религиозных практик. Данный фильм сыграл серьезную роль в конструировании у западного зрителя эмоционального восприятия Сибири как особого религиозного пространства, источника некоего особого знания, за пределами рационального.

Отражением этого является, в частности, частое использование архетипических образов в художественном дискурсе о Сибири, а также появление многочисленных паранаучных версий сибирского пространства. Последние ориентированы на поиск и фиксацию различного рода «таинственных сил» и «мест силы» в Сибири, создание сакральных комплексов и экопоселений, известных далеко за пределами сибирского региона (например, Церковь последнего завета и город Солнца в Красноярском крае, скифские погребения Укока, Долина царей в Тыве, Уймонская долина на Алтае и др). К примеру, одно

¹ Там же. С. 14.

² Sitnikova A. A. The Image of Siberia in Soviet, Post-Soviet Fiction and Werner Herzog's Documentary Films. P. 677 – 706.

из современных сибирских «мест силы» – знаменитый «окуневский феномен» в Омской области (Западная Сибирь), характеризуется рядом религиозных групп и многочисленными паломниками как духовный центр, «Пуп Земли», на котором расположено обрядовое место Омкар – «тайные ворота в параллельные миры». Широко распространяется мифологема, что в Сибири происходили события, описанные в древнеиндийской поэме «Рамаяна» и именно с этой территорией связано возрождение храма и предстоящее спасение России в грядущей мировой катастрофе.¹ Аналогичные мифологемы циркулируют и в отношении Уймонской долины на Алтае, которая многими «спасающимися» характеризуется как центр новой цивилизации, место, которое не коснется конец света².

Как отмечает филолог Т. Л. Рыбальченко, в современной литературной традиции в образе Сибири актуализируются уже скорее не языческие характеристики, а черты буддистского мироощущения (Сибирь как мир отрешенности, медитируемый мир, мир, рождаемый сознанием) и иначе интерпретируются размеры, природность сибирского региона (Сибирь как пространство пустоты, выход сознания из реальности (транс))³. Отметим, что и для иностранцев современная Сибирь становится привлекательной в эмоциональном плане, прежде всего, через сохраняющуюся здесь «восточную ментальность», мистику, духовность, аутентичность и особую миссию. В данном случае внешними наблюдателями охотно разделяется сконструированное на базе традиционной сакральной географии восприятие Сибири как центра религиозной жизни, находящегося в неразрывном единстве с нетронутой природой.

Социологическое изучение сибирской идентичности, проведенное А. А. Анисимовой и О. Г. Ечевской, показало, что она «представляет собой вариант преимущественно позитивной идентификации, основанной как на

¹ См.: Golovneva E. Inventing the Sacred Place: The Case in Western Siberia // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. № 6 (8). P. 1086 - 1093; Головнева Е. В., Шмидт И. В. Обращение к вере, утопия и сакральное место (д. Окунево в Западной Сибири) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 3 (33). С. 290 - 321.

² Подробнее об этом см. Жидкевич Н. Н., Позаненко А. А. Преимущество заселения Уймонской долины республики Алтай // Сибирь: контексты будущего... С. 153 - 164.

³ Рыбальченко Т. Л. Указ соч. С. 10.

собственных достижениях, так и на высокой оценке исторического прошлого и личностных качеств сибиряков»¹, однако современные исследования в области place attachment обращают внимание и на значимость негативных эмоций при конструировании «чувства места»². Территория проживания может выступать не «прибежищем, а местом насилия»,³ вызывать в памяти болезненные воспоминания, иметь «теневые стороны»⁴. Такой подход делает уместным использование понятия рессентимента в идентичности как навязчивого чувства злобы и ненависти к определенным историческим моментам⁵.

Так, в сибирской идентичности можно выделить уровень негативных и травматичных переживаний, связанных с определенными историческими периодами и событиями в развитии Сибири (коллективизация, раскулачивание, насильственное переселение и депортация народов, политическая ссылка, создание лагерей и тюрем, каторжный труд и т.п.). Для многих переселенцев, очутившихся в Сибири не по своей воле, Сибирь стала символом несвободы, заточения и репрессий⁶. Характерно, что в художественную литературу Сибирь входит именно через тему ссылки, для которой были актуальны мотивы «гиблого места», «непосильного труда» и «инопространства»⁷. Как отмечал областник Н. М. Ядринцев: «Часто слово “Сибирь” страшно звучало в ушах русского человека! С ним сопряжена была самая грустная идея, самая мрачная картина. Ему виделась снежная страна, где в горных рудниках томятся люди,

¹ Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Исследование механизмов формирования и трансформации сибирской региональной идентичности на основе анализа биографических нарративов // Сибирь: контексты настоящего... С. 17.

² Guiliani, M. V., Feldman, R. Place attachment in a developmental and cultural context // Journal of Environmental Psychology. 1993. № 13. P. 267–274; McDowell B. Gender, identity and place: understanding feminist geographies. Minnesota, 1999.

³ Altman, I., Low, S. Human behavior and environments: advances in theory and research. P. 113.

⁴ Chawla L. Childhood place attachments // I. Altman, S. Low (Eds.). Human behavior and environments: advances in theory and research. Volume 12: Place attachments. New York, 1992. P. 66.

⁵ Васильев А.Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идеи XXI века. М., 2015. С. 3 - 30.

⁶ Общее количество сосланных с конца XVI по начало XX вв. оценивается в миллион человек: каждый десятый житель Сибири был из числа ссыльных или их потомков. Через советскую ссылку прошло около 6 млн чел.; это в шесть раз превосходит размеры ссылки в Российской Империи. Об этом см., например: Аблажей Н. Н. Сибиряки поневоле: регион в контексте советских депортаций и повторных переселений спецпереселенцев // Сибирь: контексты настоящего... С. 105 - 112.

⁷ Анисимов К. В. Путешествие: к вопросу о жанровой составляющей сибирского текста // Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2002. С. 20 - 30.

обреченные на каторгу среди неволи, цепей и глухих страданий»¹. По меткому выражению Г. Н. Потанина, «в такой стране, как Сибирь, бессмертием пользуются только скоты, как мамонты, люди же не оставляют после себя никаких следов»². Этот образ до известной степени коррелировал с представлениями авторов сибирских периодических изданий Русского географического общества, которые подчеркивали падение нравственности во всех слоях русского населения Сибири (вследствие утраты православной веры, приверженности местного населения к пьянству и т.п.), отсутствие региональной интеллигенции, «победу низшей культуры над высшей»³.

Помимо сетований на захолустность и окраинность Сибири подчеркивался также еще один момент эмоционального восприятия этого пространства – эсхатологическое переживание края света и конца времен. Литературовед В. И. Тюпа, анализируя «сибирский текст» русской классической литературы, рассматривает Сибирь как страну мифической смерти: «Ландшафт маргинального пространства каторги, ссылки и проживания различного рода “коммунитас” с его поражающими воображение лесами и реками (переправа через реку и углубление в лесную чащу – традиционные компоненты обряда инициации) с растягивающейся на полгода зимой и полярной ночью в наиболее северных районах оказался благодатной почвой для актуализации одной из наиболее архаичных культурных моделей. Уникальное взаимоналожение геополитических, культурно-исторических и природных факторов привело к мифологизации Сибири как края лиминальной полусмерти, открывающей проблематичную возможность личного возрождения в новом качестве и соответствующего обновления жизни»⁴.

¹ Ядринцев Н. М. Спящая красавица // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 70 – 73.

² Потанин Г.Н. Родиноведение // Литература Урала: история и современность. Сб. статей. Вып. 4. Екатеринбург, 2008. С. 121.

³ Кузнецова Т. А. Периодические издания Русского Географического Общества... С 63 - 72.

⁴ Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о сибирском тексте русской литературы // Сиб. филол. журнал. 2002. № 1. С. 28; Хламова А. М. Мотивы обращения к теме уголовной ссылки в Сибирь русских писателей второй половины XIX в. // Пишем времена и случаи. Материалы Всерос.науч-практ. конф. Новосибирск, 2008. С. 241 – 244.

Для многих Сибирь стала эмоционально значимой территорией именно через драматические события, связанные с историей семьи, деятельностью предков, личным жизненным опытом, поскольку в памяти поколений сохранились воспоминания, воспринимаемые негативно, через травму¹. Сам статус ссыльного и/или первопроходца в Сибири не в последнюю очередь предполагал акцент на каждодневном дискомфорте природным и социальным окружением, когда люди «мерзли в балках, кормили своей кровью мошку, тонули вместе с бульдозерами в топях»². При таком эмоциональном восприятии Сибирь представлялась и изображалась не только в массовом сознании, но и в литературных нарративах в ночной, мрачно-угрюмой цветовой гамме,³ как унылая и безрадостная «цивилизационная пустыня», место социального отчуждения людей (см.: В. Астафьев «Проклятые и убитые», А. Вампилов «Свидание в предместье», «Провинциальные анекдоты», «Прошлым летом в Чулымске», «Утиная охота», Д. Константиновский «Следовательно, существую», В. Шугаев «Петр и Павел», В. Шаламов «Колымские рассказы» и др.). Не случайно, как указывают исторические и литературоведческие исследования, мотив страдания стал одним из центральных в сибирском фольклоре и публицистике⁴.

Отметим, что отношение к Сибири как «территории насилия», где сохраняется низкий уровень духовной культуры и религиозности, воспроизводится и в современном массовом сознании и научной литературе. Так, томские исследователи Е. Е. Дутчак и В. В. Кашпур отмечают, что фразы «Как вы там живете? У вас же одни зоны!» до сих пор приходится слушать жителям Томска – города со старыми университетскими традициями⁵. Немецкий

¹ См.: Логунова Л. Ю. Влияние исторической травмы на семейно-родовую память сибиряков // Социологические исследования. 2009. №9. Сентябрь. С.126 - 136; Badcock S. From Villains to Victims: Experiencing Illness in Siberian Exile // Europe-Asia Studies. 2013. № 65:9. P. 1716 - 1736.

² Трахтенберг А. Д. «Югра же людье есть язык нем: опыт исторического анализа дискурса... С.311.

³ Тюпа В. И. Указ. соч. С. 29 - 30.

⁴ Антипин К. В. Климат как «закоснелый сепаратист» ... С.4; Панарина Д. С. Мифы и образы сибирского фронта ... С. 39-52; Родигина Н. Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: дис. ... докт. истор. наук. Новосибирск, 2006; Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX–начале XX в. Новосибирск, 2006.

⁵ Дутчак Е. Е., Кашпур В. В. «Русский сибиряк» или парадоксы региональной идентичности... С. 121.

антрополог О. Хабек характеризует модель поведения в Сибири как «мачизм», которую отличают самоуверенность, соперничество, хвастливость, конфронтация, использование физической силы или угроз как средств решения конфликта и сознательное игнорирование социальных норм¹. В обыденном сознании, в котором «северное» и «сибирское» часто рассматриваются как содержательно однородные, бытуют представления о том, что северные города и поселки Сибири отличаются не только суровыми климатическими условиями, но и повышенной социальной напряженностью, вследствие чего эти места считаются потенциально опасными для посещения и проживания. Здесь, к примеру, распространенной оказывается практика, когда «у каждого по две фамилии: одна по паспорту, другая по прозвищу» (маркер мифологического оборотничества). Развито убеждение о том, что «Север не любит слабых», а многие отдаленные сибирские города и поселки воображаются как арена для неформального поведения и имеют репутацию жестких и трудных мест. Таким образом, эмоциональное восприятие Сибири как «окраины мира», «криминогенно неблагополучной среды», где живут уголовные элементы, во многом сконструированное под влиянием беллетристики и публицистики XIX века, подкрепленное в обыденных массовых представлениях советской репрессивной политикой, оказывается устойчивым и в современных оценках сибирского региона.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что эмоциональная привязанность к Сибири имеет как положительные, так и отрицательные коннотации и зачастую нагружена созданными извне идеями, мифологическими, художественными, религиозными образами. Как было показано ранее, развитию чувства места в Сибири способствует, прежде всего, личный опыт жизни в Сибири, когда имеет место активное познание края, эмоциональная привязанность к нему, проживание на данной территории важных этапов личной биографии и осуществление определенной деятельности. «Чувство места» в Сибири наполняется разными значениями и смыслами для разных региональных

¹ Хабек Й. О. Гендер, «культура», северные просторы // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 64.

субъектов. Для приезжающих с короткими визитами в Сибирь первостепенными оказываются эстетические критерии и «экзотические места», связанные с восприятием природных красот Сибири, а также экономические мотивы, ориентации, направленные на извлечение из региона прибыли. Сами жители Сибири, проживающие длительное время на ее территории, сформировали довольно сложную систему значений и смыслов эмоциональной привязанности к своему месту, включающие как чувство гордости за историческое прошлое своего региона, любовь к своей земле и ее природе, так и чувство региональной социально-экономической ущемленности и конкуренции. Освоение сибирского пространства в эмоциональном плане также выглядит неоднородным: в нем выделяются места, желаемые для посещения и избегаемые, сопровождающиеся негативными оценками. И хотя, по оценке Мейровитца, «мы живем в мире, где потоки информации и образов уничтожают чувство коллективной памяти и традиционной локальности в том смысле, что нет больше «чувства места»,¹ в отношении сибирской идентичности, на наш взгляд, можно говорить о проблематичном, но довольно устойчивом возобновлении чувства места.

§ 5. Поведенческие стратегии сибиряков: регулятивный компонент сибирской идентичности

Феномен региональной идентичности связан с тем, что в процессе своего развития территориальная общность приобретает особенности не только ценностного и символического, но и поведенческого плана. Как отмечают Р. Брубэйкер и Ф. Купер, идентичность является одновременно категорией ежедневного социального опыта, развиваемого и разыгрываемого обычными социальными акторами². Региональное сообщество самоорганизуется на основе

¹ Meyrowitz J. No Sense of Place. Oxford, 1985.

² Brubaker R., Cooper F. Beyond “identity” // Theory and Society. 2000. Vol. 29. P. 4.

определения целей, средств и сфер деятельности движения, проявляющихся в системе ритуалов по созданию символов и границ между «своим» и «чужим», и повседневных практиках, сопровождающихся чувством психологической солидарности.

В структуре региональной идентичности регулятивный компонент тесно связан с ценностно-нормативной сферой, является ее следствием. Ценности и нормы группы формируют систему социального взаимодействия, которая включает мотивы, цели, направленность субъектов действия, сами действия, ожидания и оценку. В процессе освоения регионального пространства индивид сначала адаптируется к культурным нормам региональной группы, затем воспринимает их так, что одобряемые нормы регионального сообщества становятся его эмоциональной потребностью, а запреты в рамках региональной культуры – частью его региональной идентичности.

Методологически представление об обусловленности регулятивного компонента идентичности социокультурной средой восходит к концепции культуры К. Леви-Стросса, который в свое время обосновал идею об изоморфности места, климата, мышления, а также целей деятельности самоорганизующейся в пространстве группы¹. Убеждение в том, что существуют некие общие, характерологические особенности поведения жителей того и иного региона, существует на уровне обыденного сознания в виде традиции рассматривать определенное поведение как правильное или неправильное в соотнесении с региональной принадлежностью. С помощью определенного набора действий, осуществляемой в рамках определенной территории, становится возможным тождественное переживание событий, схожесть реагирования на возникающие вызовы и усиление региональной идентичности. Именно повседневные и перформативные практики, сопряженные с локальностью, порождают пространственную идентификацию.

В данном параграфе предлагается проанализировать как традиционные (сложившиеся исторически) способы формирования практик в сибирской

¹ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985. С. 317.

идентичности, так и обратиться к анализу новых социокультурных практик сибиряков, связанных с освоением ими пространства. Как представляется, такой подход позволяет понять не только то, что собой представляют эти поведенческие практики в содержательном смысле, но и ответить на сложный вопрос: как и почему формируется и поддерживается в сибирской идентичности комплекс связанных с поведенческими стратегиями представлений?

Для выявления новых практик сибирской региональной идентичности обратимся сначала к тем регулятивам, которые сложились в сибирской идентичности на протяжении исторического времени. Представляется, что детерминантами ключевых идентификационных практик здесь выступали особые природно-климатические условия сибирской территории, ее фронтальный характер, а также способы самоорганизации сибирской общности, сложившиеся в процессе переселения.

Поскольку «социальное и пространственное нераздельно: ни люди, ни природа»,¹ деятельность сибиряков рассматривают, прежде всего, как обусловленную особыми природно-климатическими условиями, которые оказывали воздействие на достаточно большой набор поведенческих практик: от хозяйственной деятельности до способа ношения одежды и этических правил.

Экономический (хозяйственный) режим жизни, формирующийся в особых природных условиях – один из самых базовых факторов, обуславливающий систему социальных связей и культурных символизаций регионального сообщества. С одной стороны, «сибирская неповторимость»² проявлялась в сложившихся типах хозяйственной деятельности, производственных навыках сибирского населения, особой организации поселений и жилищ, а на уровне языковой практики закрепились в выражениях – маркерах отличия сибирского образа жизни («сибирская колесуха», «сибирская порода скота», «сибирский клад» (ямы-тайники с орудиями труда), «завтракают по-сибирски»). С другой

¹ Eyles J. Thinking Geographically: the Editor as Tailgunner // Research in Human Geography. Oxford, 1988. P. 201.

² Селиванов В. В. У истоков сибирской неповторимости // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона. Сб. ст. СПб., 2007. С. 7.; Андюсов Б. Е. Ментальность сибиряков // Андюсов Б. Е. Сибирское краеведение. Красноярск, 2003. С. 24 – 34.

стороны, способы хозяйствования определяли соответствующие поведенческие установки сибирского старожильческого населения, которые широко отмечались внешними наблюдателями – склонность к планированию своей хозяйственной деятельности, предприимчивость, рачительность, прагматизм.

Своеобразные природно-климатические условия Сибири привели также к появлению особого типа одежды (валенки, тулупы, унты, шапки-ушанки), который, по определению Б. Конклина, является одним из самых мощных факторов культурной отличительности¹. «Незападный» вид одежды, убывание черт «цивилизованности» во внешнем облике человека по мере его отдаления от исторической части России на северо-восток воспринимались как знаки аутентичности локального сообщества и явились источником многих стереотипов о сибиряках².

Помимо природно-климатического фактора, на формирование отличительных практик Сибири оказало влияние ее фронтальное положение. Географическая удаленность сибирских территорий от европейской части России обусловила тенденцию к самоизоляции сибирского регионального сообщества от государства, что, в свою очередь, выразилось в практике отсутствия крепостного права, преобладании индивидуальных интересов над общественными, религиозной индифферентности сибирских старожилов³, полном отсутствии каких-либо исторических преданий, традиций, в разработке стратегии противостояния «чужим» (беглым и каторжным). Не случайно многие путешественники, исследователи, писатели подчеркивали отличительные

¹ Об этом: Conklin B. A. Body Paint, Feathers, and VCRs: Aesthetics and Authenticity in Amazonian Activism // *American Ethnologist*. 1997. Vol. 24. № 4. Nov. P. 711 - 737.

² Характерен в этом отношении эпизод из фильма «Партийный билет» И. Пырьева (1936), в котором показывается некто *приезжий с Иртыша*, выходящий из кромешной тьмы на берегу сияющей огнями Москва-реки. Город празднует 1 мая, его наполняет нарядная толпа в лёгких летних одеждах, а на *сибиряке* – меховая шапка, шарф и чуть ли не полушубок. (См. Басалаева И. П. Указ. соч. С. 44 - 45.)

³ По замечанию В. П. Семёнова-Тян-Шанского, «сибирякам была мало свойственна религиозность. Живя разбросанными на огромном пространстве деревнями в 15, 20, 50, 80 верстах от церкви, сибирский крестьянин поневоле бывал в ней очень редко, часто только раз в жизни, когда приходилось венчаться. Сибиряк отвыкал от церкви и в конечном счёте отвык до такой степени, что не хотел в неё идти, когда она находилась недалеко от его жилья. В Сибири не стеснялись хоронить в лесу без отпевания» (цит. по: Чуркин М. К. Адаптивная ситуация, барьеры и стратегии поведения переселенцев Черноземного центра Европейской России (вторая половина XIX-начало XX вв.) // *Сибирские исторические исследования*. 2013. № 1. С. 25).

особенности в поведении сибиряков, их привычках, нередко характеризуя жителей Сибири как своего рода «культурную аномалию»¹.

Как правило, на периферии больше внимания обращают на себя вопросы, связанные с обеспечением безопасности. Отдаленные территории характеризуются как «край», «ворота», что фиксирует их фронтрное положение, уязвимость перед лицом различных опасностей. Энтони Коэн считает, что сообщества мобилизуются на основе презентации себя как обладающих отчетливыми границами, которые находятся в опасности². По выражению антрополога Мэри Дуглас, «находиться в пограничном состоянии, – значит соприкасаться с опасностью и приближаться к источнику силы»³. Как отмечает Аймар Вентсель, жители сибирского «фронта» для того, чтобы выжить, вынуждены быть инициативными и использовать все возможные средства для самосохранения⁴.

Забота об обеспечении безопасности на своей территории у сибиряков прочерчивала свои границы, отделяя коллективное «мы» от не менее коллективного «они» и фиксируя соответствующие различия в качестве опознавательных характеристик иных идентичностей. Так, взаимовыручка (например, *помочи* у сибирских старожилов) и подчинение локальным правилам являлись отличительными чертами фронтрной сибирской идентичности.

Еще один важный фактор – способ самоорганизации сибирского сообщества, возникший в практике переселения, привел, с одной стороны, к появлению стратегий взаимодействия с «чужими» (умению жить в этнически разнообразной, многокультурной среде, обычаю деления пищи с гостями, «сибирскому гостеприимству»), с другой стороны, – побуждал к социальной активности и предприимчивости, к участию в общем деле.

¹Ядринцев Н. М. Сибирские литературные воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 4. Новосибирск, 1979. С. 313.

²Harrison S. Cultural Boundaries // Anthropology Today. Vol. 15. № 5. October 1999. P. 10 - 13.

³Дуглас М. Чистота и опасность. М., 2000. С. 147.

⁴Ventsel A. Siberian movements.... P. 120.

Одной их значимых характеристик в описании жителей Сибири до сих пор является представление о том, что сибиряк может и не быть уроженцем Сибири, но он должен приехать в Сибирь и остаться в ней жить, т.е. обрести «идеологический статус сибиряка»¹. Семейные траектории развития многих современных жителей региона включали приезд в Сибирь их родителей, о которых в 1964 году была написана ленинградским бардом Ю. Кукиным песня «За туманом», ставшая неофициальным гимном геологов и туристов, а в устных нарративах за сибиряками закрепилось наименование «пионеры». Анализируя устные воспоминания первостроителей Братска, ключевой чертой, характеризующей поколение сибирских строителей, М. Я. Рожанский называет *номадизм*, понимая под ним стремление проявить себя и готовность решать свои экзистенциальные и/или материальные проблемы, «перекочевав» в новое, незнакомое место жизни и работы².

В эпоху «ударных строек» периода социализма в Сибири явственно можно выделить и такую поведенческую стратегию, широко распространенную среди сибиряков, как *солидарность*. По замечанию М. Я. Рожанского, сибирскую солидарность сложно было сконструировать извне, солидарность проявляла себя как стихийно формирующееся психологическое качество³. Зачастую она базировалась также на необходимости вынужденного, травматически переживаемого, изменения места жительства⁴. По словам А. Д. Агеева, «покорять в высшей степени суровую природу можно было только коллективно. Коммунистическое созидание в Сибири, как и рытье платоновскими героями котлованов, было способом преодоления страха. Огни ГЭС и металлургических комбинатов среди дикой природы и в условиях политического бесправия создавали иллюзию защищенности»⁵.

¹ Анисимова А. А., Ечевская О. Г. «Сибиряк»: общность, национальность или состояние души? С. 24.

² Рожанский М. Я. Социальная энергия. Устная история ударных строек // *Cahiers du monde russe*. 2011. № 4 (vol. 52). С. 619–657.

³ Рожанский М. Я. Сибирь как пространство памяти. С. 93.

⁴ Логунова Л. Ю. Влияние исторической травмы на семейно-родовую память сибиряков // *Социологические исследования*. 2009. №9. Сентябрь. С. 131.

⁵ Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005. С. 108.

Сибирская солидарность как принцип поведения был присущ и первоцелинникам 1950-х годов и «комсомольцам-добровольцам» на сибирских стройках второй половины XX века. Внешними формами обнаружения этой солидарности могла являться, к примеру, распространенная у сибиряков бытовая практика отсутствия замков в квартирах и домах, или взаимный обмен умениями в обустройстве быта¹. Через подобные поведенческие стереотипы могло выражаться и тяготение переселенцев Сибири к свойственному природе людей порядку, который дает ощущение экзистенциальной безопасности.

Солидарность и коллективизм в советской Сибири, безусловно, имели и объективную причинность, связанную с вынужденной необходимостью проживания многих жителей советской Сибири в бытовом плане – коммуналках и бараках, в пространственном – компактных и закрытых городах. Архаизация быта во многом влияла на архаизацию ценностей, закрепляла мотивации, стереотипы поведения в разных сферах. По словам И. Утехина, пространство коммунального быта отличалось открытостью для восприятия, а границы между приватным и публичным были проницаемы. Поскольку пространство коммунальной квартиры было замкнуто, то коммуникация зачастую носила вынужденный характер и невозможно было избежать реакции на свои поступки и слова².

Итак, как показал проведенный анализ, исторически среди жителей Сибири возникли различные идентификационные практики, а их становление и последующее воспроизводство можно объяснить влиянием взаимодополняющих друг друга факторов: особыми природно-климатическими условиями, географической удаленностью от Центра и переселенческим характером сибирского регионального сообщества.

Новые поведенческие практики в Сибири складываются уже в условиях культуры постмодерна, для которой характерны манипулирование региональной

¹ См.: Жидченко А. В. Повседневная жизнь студенческих общежитий новых районов крупных городов Сибири в 1950-60 е гг. (локальный аспект) // Лабиринт. 2015. № 2. С. 52 - 62.

² Утеhin И. Очерки коммунального быта. М., 2004. С. 47.

солидарностью и ее внешняя репрезентация, борьба за культурное наследие региона и его коммерциализация, ориентация на восприятие своей территории не только как «малой родины», но и как «пространства потребления», выделение новых субъектов деятельности (туристов, мигрантов, каучсерферов, паломников, комьютеров). Эти процессы, с одной стороны, «размывают» специфичность собственно сибирских культурных практик, с другой стороны, – наполняют их новым содержанием и смыслом. Рассмотрим последовательно, как существуют эти новые идентификационные практики в Сибири на современном этапе.

В настоящее время сибирская солидарность является не только самоопределением жителей по отношению к конкретной территории, ее жизненного уклада, но выступает и как способ публичного заявления общности с целью признания отличий, культурной специфичности, продвижения социальных и экономических инициатив. В таком виде «сибирскость» выполняет инструментальную роль: в ситуациях взаимодействия сибиряков с представителями других территориальных и национальных групп (жителями других стран, европейской части России) жители Сибири используют для самопредставления именно свой «сибирский» статус, что, очевидно, позволяет им избегать реальных или воображаемых рисков. Так, выражение «я из Сибири» может обеспечивать своеобразную индульгенцию сибиряку, позволяя ему рассчитывать на благожелательное отношение к себе за счёт подразумеваемого значения «я трудяга, я – небогатый, надёжный человек»¹.

Сибирская солидарность может приобретать и политические коннотации, выражаться, к примеру, в противопоставлении сибиряков себя жителям из центральных регионов России (здесь вечными «оппонентами» оказываются, безусловно, москвичи), а также проявлять себя в стихийных акциях протеста (защита объектов культуры, объектов природной среды, выступления в поддержку определенных региональных лидеров и привилегий). Так, в 2006 году в Иркутске прошли массовые митинги против строительства нефтепровода

¹ Маляр А. А. Указ. соч. С. 78 - 79.

вдоль берега Байкал, которые нашли поддержку у сибиряков из других городов. В 2008 году вызвали протест жителей Эвенкийского Автономного Округа планы строительства гигантской ГЭС на р. Нижняя Тунгуска. В Горно-Алтайске состоялись массовые митинги против объединения с Алтайским краем. В ряде городов Сибири автомобилисты массово протестовали против повышения пошлин на японские автомобили. Особняком стоят протестные движения за федерализацию Сибири под лозунгом «Хватит кормить Москву!», которые получают поддержку со стороны общественных организаций.

Отличительной особенностью выражения такой коллективной солидарности и функционирования «протестной идентичности» на современном этапе является перенесение дискуссий в онлайн среду, где возникают интернет-сообщества, посвященные обсуждению вопросов, связанных с Сибирью и активному распространению идей сибирячества¹. Они существуют по типу «воображаемых сообществ» в терминах Б. Андерсона, поскольку многие из людей никогда не встречались друг с другом вне виртуальной реальности, но при этом большинство из них разделяет чувство принадлежности к сибирякам, ощущает общесибирскую солидарность, которая поддерживается, в том числе, благодаря интернет-группам. При этом обсуждение проблем Сибири и «сибирскости» в некоторой степени является ролевым и игровым: по крайней мере, находясь в интернете, участники групп подключаются к дискурсу под названием «настоящие сибиряки» и воспроизводят его, ориентируясь на существующие в «реальной» жизни стереотипы о сибиряках².

Культурные нарративы об объединении, солидарности сибиряков, используемые в онлайн общении, являются зачастую более политичными, чем дискурсивные построения управленческой и менеджерской власти, поскольку именно в культурных категориях интерпретируются ключевые концепты власти

¹ См.: Я – сибиряк. I am Siberian. VK (URL: <https://new.vk.com/imsiberian>), Это – Сибирь! (<http://etosibir.ru/>), Сайт о Сибири для тех, кто понимает (URL: <http://simpleattribute.com/>), Сибирская замка (URL: <http://zaimka.ru/>) и т.п.

² К примеру, на сайте I am Siberian можно прочитать: «Сибирь – это огромная территория, малозаселенная и дикая. Здесь нет никого, кроме бескрайней тайги, мороза и диких медведей. Никто не услышит тебя, что бы ты ни делал. Здесь можно делать все, что не укладывается в рамки, позволять все, что запрещено, поступать так, как желаешь нужным. Будь диким. Необузданным. Неуправляемым». Посетителям сайта предлагается также участвовать в проекте «Насколько ты крепок, чтобы стать сибиряком?» URL: <http://www.imsiberian.com/projects>

(идентичность, безопасность, центральность, маргинальность и т.п.). Наиболее мощными «символическими» ресурсами Сибири для участников интернет-сообществ представляются география и история сибирских территорий. Огромное пространство Сибири, богатство ее ресурсов, и одновременно отдаленность от центра находится в фокусе обсуждения и является одним из важнейших элементов репрезентации сибирской идентичности. Несмотря на то, что географически центр России находится именно в Сибири, в дискурсивных практиках этот регион расценивается как периферия, провинция, и часто – колония России. Ключевой проблемой, постоянно обсуждаемой в дискуссиях, является нахождение путей объединения сибиряков, поиск основ для солидарности, попытки сделать Сибирь видимой на политической и экономической карте России. Основной задачей групп в интернете, посвященных Сибири, помимо информирования участников, становится и их объединение для проведения конкретных акций и мероприятий. Несмотря на то, что по оценке А. А. Анисимовой и О. Г. Ечевской, «солидаризация на основе сибирской идентичности происходит в узких группах гражданских и политических активистов»¹, на наш взгляд, можно говорить о сохранении сибирской солидарности как качества со стороны подчиненных групп, особенно когда речь идет об общих для региона интересах.

Поскольку человек в культуре постмодерна стал, по выражению многих западных авторов, «утонченным потребителем пространства»², сегодня в Сибири, как и в других регионах, особую роль играет отношение к историческому наследию, что выражается в существовании коммеморативных практик – целенаправленной, часто стереотипной и ритуализованной, деятельности, необходимой для сохранения и трансляции коллективной памяти³. Например, во многих сибирских городах сегодня активно развивается практика установки бронзовой городской скульптуры, обращающей внимание местных

¹ Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибиряк: общность, «национальность» или «состояние души»? С. 25.

² Kotkin J. The new geography: How the digital revolution is reshaping the American landscape. N.Y., 2000.

³ Об этом см.: Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск, 2015.

жителей и туристов на героев городского фольклора, известных в городе животных, известных гостей города, литературных или киногероев, простых, но узнаваемых горожан. Установка городских памятников связывается также с напоминанием об особом значении места, где они установлены (нулевой километр, место основания города, скульптура рабочего (инженера, электрика и др.) у соответствующего предприятия, старинный трамвай или паровоз – у депо и т.п.). В этом процессе «прошлое» в публичном дискурсе конструируется, как правило, из разрозненных событий и фактов, слепленных воедино для объяснения современных процессов, о чем на примере изобретения традиций писал еще Э. Хобсбаум¹.

Не трудно заметить, что жители Сибири охотно посещают праздничные торжества, связанные, например, с празднованием дня города или села, в которых обязательно есть отсылка к историческому прошлому и традиционным ритуалам. В разных местах Сибири можно увидеть, как развиваются ярмарки, как люди продают сувениры, амулеты, костюмы, связанные с региональной спецификой, с одной стороны, чтобы привлечь внимание туристов и получить прибыль, с другой, чтобы представить региональную идентичность *материальным* образом². Так, активно развиваются брендирующие практики, связанные с приданием старым памятникам новых функций (например, формирующаяся во многих городах Сибири практика стилизации архитектурных зданий, вывесок, указателей под стиль, характерный для другой, но значимой для города эпохи, копирование памятников в виде сувениров, появление студенческих традиций окрашивания скульптур, связанных с университетом и т.п.). В данном контексте материальные объекты представляют собой «живое» прошлое, инкорпорируют традиционное наследие в современную жизнь.

Кажущаяся неутилитарной, такая символическая деятельность, тем не менее, превращается в инструментальную, а будучи коммерчески

¹ Hobsbawm E. The Invention of Tradition. Cambridge, 1983.

² На сайте I am Siberian, к примеру, предлагают купить «медвежьи кеды», бабушкины варежки, а также другую разнообразную продукцию с логотипом «I am Siberian».

ориентированной – неожиданно оказывается культуротворческой. Организация музейных выставок, связанная с прошлым региона, установка городской скульптуры, открытие мемориальных досок во многих современных сибирских городах является частью «материальной культуры» и одновременно выполняет функцию «одомашнивания пространства», делает его менее отчужденным. Помимо прочего, такая практика служит и демонстрацией отличительности одного территориального сообщества от другого. Жители Сибири, как и других регионов, стараются продемонстрировать свое многообразие и оригинальность, вызвать интерес к самостоятельному ознакомлению с регионом (этому, в частности, служит практика продажи идентифицирующей атрибутики, наиболее заметной при путешествиях: футболок, бейсболок, обложек на документы, дорожных сумок и т.п.). Нарратив о «прошлом» успешно завершается институционализацией традиционного наследия региональными властями и региональным бизнесом.

В постсоветской Сибири мы наблюдаем также появление новых поведенческих стратегий в отношении «присвоения пространства» (отдых, туризм, работа). Во-первых, разнообразие современных практик освоения пространства региона усложняется за счет выделения новых субъектов деятельности: туристов, мигрантов, каучсерферов¹, беженцев, паломников, комьютеров (людей, ежедневно перемещающихся по маршруту «дом-работа»)². Во-вторых, появление новых поведенческих практик в Сибири, связанных с освоением пространства (выбора проведения досуга, отпуска, маршрутов передвижения, избегание посещения определенных мест), во многом объясняется также эмоциональным опытом прошлого и реакцией на культуру быта советского периода.

В современной культуре жителю любой территории очень трудно отделить свое приватное переживание места от образов, приобретенных из опыта посещения (виртуального или реального) других мест. По словам З. Баумана,

¹ Zuev D. Couchserfing Along the Trans-Siberian Railway and Beyond: Cosmopolitan Learning through Hospitality in Siberia // *Sibirica*. 2013. Vol. 12. № 1. Spring. P. 56 – 82.

² Urry, J. *Consuming Places*. London, 1995. P. 28 - 29.

современное общество – во многом общество номадическое, и дислокальность стала одним из основных принципов современности¹. На восприятие собственной территории накладывается и отчужденный коммерческий образ региона, который несут с собой туристы, мигранты, приезжие и который складывается именно благодаря тому, что через регион проходит огромное количество людей. В Сибири вообще возникла своя особая практика преодоления огромных расстояний². Интересными объектами для анализа, в этой связи, становятся предпочитаемые маршруты передвижения, паломничества, варианты проведения досуга среди современных жителей Сибири. Их анализ позволяет рассмотреть преломление общих глобальных тенденций в конкретном региональном масштабе, увидеть регион как протяженную сеть коммуникаций, соединяющих отдаленные места. Мы устанавливаем наличие региона по проложенным путям и выстраиваем вокруг них представления о «своей» территории со всей ее усложненностью, масштабами и изменениями.

Как показывает практика, зачастую не имея финансовой возможности отдыхать за пределами региона и воспринимая свою территорию как отделенную большими расстояниями от центра России, сибиряки предпочитают ближние маршруты, связанные с посещением интересных мест на своей территории. Так, в Сибири, благодаря богатой флоре и фауне всегда был популярен природный туризм, а излюбленные рекреационные практики были ориентированы на не городское пространство: лыжные прогулки зимой, пешие походы по сопкам и горам, сбор грибов и ягод, охота и рыбалка, жизнь на даче. Как отмечает А. Болотова, дачные территории становились пространством для творчества на границе города и природы, их облик определяли сами горожане, в нарративах «дача» и «природа» часто выступали как синонимы³.

В современной Сибири можно увидеть появление новых маршрутов передвижения и новых, желаемых для достижения мест, которым отводится

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005.

² Argunova-Low T. Close Relatives and Outsiders: Village People in the City of Yakutsk, Siberia // *Arctic Anthropology*. 2007. Vol. 44. № 1. P. 51 – 61.

³ Болотова А.А. «Если ты полюбишь Север, не разлюбишь никогда»: взаимодействие с природой в северных промышленных городах // *Неприкосновенный запас*. 2014. № 5 (97). С. 170 - 188.

особый статус. Удаленность и труднодоступность этих мест в условиях «текущей современности» придает им, по словам З. Баумана, эксклюзивность и исключительность¹. Эти места, нередко локусы проведения ритуала, часто приурочены к естественным элементам ландшафта. Они представляют собой одновременно фиксированные и динамичные пространства, поскольку являются географически прикрепленными и в то же время имеют ряд динамических культурных значений в сознании жителей региона. Интерес к ним может возникать стихийно или поддерживаться целенаправленно, посредством культурной политики региона. Люди едут в эти места, как туристы или путешественники, в надежде отыскать что-то отличное от их повседневного опыта, удивительный природный ландшафт, памятники архитектуры или людей с рутинной совершенно иного толка. Приобретение впечатлений вне своего локуса в то же время позволяет артикулировать собственную пространственную идентичность².

Достижение этих мест, во многом, облегчается современным «автомобильным бумом» в Сибири³, который удовлетворяет потребность в «гибкой мобильности» (*flexibilized mobility*)⁴. Как отмечает З. Бауман, «завоевание пространства» теперь обеспечивается быстрыми машинами: ускоренное движение означает большее пространство, а ускорение движения – единственное средство расширения пространства⁵. Путешествие на собственном автомобиле за сотни километров, но в пределах одного региона, становится сегодня все более предпочитаемой досуговой практикой у сибиряков, поскольку такое путешествие обеспечивает свободу действий, спонтанность принятия решений, приватность в дороге, незапланированность эмоций, приключенческий дух. Машина, как пишет Ж. Бодрийяр, «не просто противостоит дому, образуя вторую половину повседневного быта, – она и сама представляет собой особое

¹ Бауман З. *Текущая современность*. СПб., 2008. С. 15.

² Manzo L.C. *Beyond house and haven: toward a revisioning of emotional relationships with places*. P. 47 – 61.

³ Broz L., Habeck. J. O. *Siberian Automobility Boom: From the Joy of Destination to the Joy of Driving There // Mobilities*. 2015. Vol.10. issue 4. P.552-570.

⁴ Urry J. *Inhabiting the Car // The Sociological Review*. 2006. № 54. P. 20.

⁵ Бауман З. *Указ. соч.* С. 15.

жилище, только недоступное для посторонних; это замкнуто-интимная сфера, но без обычных черт уюта, с острым чувством формальной свободы, с головокружительной функциональностью»¹. Возможность наблюдать живописные виды из окна автомобиля, по своему усмотрению совершать остановки в пути, заниматься шоппингом, фотографироваться (с последующим размещением фото в социальных сетях) – это то, что отличает путешествие от рутинного передвижения по маршруту «дом-работа» и может быть описано в терминах «эмоциональной географии»². В условиях постсоветской реальности такое увлечение автомобильными маршрутами, безусловно, предстает как реакция жителей Сибири на советский опыт запланированного (и далеко не всегда доступного) проведения отпусков «по путевкам».

Вблизи любого сибирского города можно найти привлекательные для путешествия места. Для современных жителей г. Новосибирска и других сибирских городов предпочитаемым маршрутом является путешествие на собственном автомобиле на Алтай³. В Омской области центром паломничества и туристического внимания в последние двадцать лет стала деревня Окунево в Муромцевском районе, приобретшая славу нового сакрального места⁴. В Тюмени – популярным региональным направлением является поездка на термальные источники; развивается исторический туризм с центром в г. Тобольске, село Покровское (родина Григория Распутина), Абалакский монастырь. В Красноярском крае популярно посещение природного заповедника Столбы, расположенного на северо-западных отрогах Восточных Саян и т.п.

Трансляция многочисленных сообщений об этих удивительных местах, находящихся в Сибири, картинок, фактов и мифов посредством СМИ, существенным образом влияет на перемещение сюда людей. Развитие

¹ Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 2001. С. 76.

² Manzo, L., Wolfe, M. The social production of built forms and environmental settings // Culture, Space, History. Ankara, 1990. P. 303 – 313.

³ Broz L., Nabeck J.O. Указ.соч.

⁴ Golovneva E. Inventing the Sacred Place: The Case in Western Siberia /Изобретая сакральное пространство: случай в Западной Сибири //Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 8. № 6. С. 1086-1093; Головнева Е. В., Шмидт И. В. Обращение к вере, утопия и сакральное место (д. Окунево в Западной Сибири) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 3 (33). С. 290 - 321.

виртуальной репрезентации места становится важным способом конструирования пространственной идентичности. Сейчас практически каждый крупный туристический объект в Сибири имеет свой сайт в интернете, свой виртуальный образ, который детерминирует наше восприятие конкретного места. Свою роль играют и регионально ориентированные интернет-сообщества, которые позволяют эффективнее конструировать формы аутентичности локального и, соответственно, распространять их на максимально широкую аудиторию. Паломники и туристы, едущие в «живописные» места Сибири, уже имеют о них некоторые представления, ряд смыслов, сформированных посредством фильмов, литературы, рекламы и других средств передачи информации. Большую роль в этих представлениях играет и инвариантный мотив социальных утопий – идея «назад к природе». Видимо, в данном случае мы имеем дело с ситуацией, когда, по словам Э. Гидденса, наследие в исполнении туристической индустрии превращается в перформанс, спектакль¹.

Представляется, что популярность «внутреннего туризма» в Сибири связана также с так называемым провинциальным мифом, в котором статус региона-периферии в экономическом смысле характеризуется отрезанностью Сибири от ресурсов, восприятием ценностей мегаполисной среды как дефицитных, постоянным подтягиванием под «центр». В онтологическом, пространственном и семиотическом плане жизнь в периферийном регионе отличается рубежностью, неполноценностью, истонченностью культурного слоя, ощущением нахождения «между мегаполисом и деревней». Неудивительно, что, с одной стороны, на периферии маргинальность соседствует с безвластием и политическим вакуумом, с другой – здесь формируются новые формы контроля над территорией. В этих условиях, миф о наличии неподалеку красивых мест, «мест силы» приобретает для путешественников и паломников из соседних регионов дополнительную привлекательность. Опираясь на высказывания самих туристов, можно отметить, что практика паломничества к интересным местам Сибири как самих сибиряков, так и жителей других территорий, обусловлена не

¹Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 61.

только личной мотивацией (любопытство, желание отдохнуть вдали от города, желание изменить что-то в своей жизни, исцелить недуги и пр.), но и объективными условиями: природным расположением места и его транспортной доступностью. Для многих сибиряков предпочтение внутрирегиональных маршрутов связано с тем, что можно увидеть экзотическое, далеко не отрываясь от привычного.

В условиях мобильного характера современной культуры сибиряки по-прежнему стремятся к солидарности, а «сибирскость» может проявлять себя как обладание определенными коммуникативными качествами. Антрополог В. Симонова подмечает, что пассажиры, путешествующие из Петербурга в Москву, «ведут себя как в метро» и не чувствуют необходимости знакомиться с соседями. При случайных разговорах друг с другом они не сообщают свои имена и не делают фото на память. Напротив, люди, которые путешествуют в Сибирь и на Дальний Восток, пытаются знать больше о соседях, стремятся свести к минимуму долю возможного риска и заручаются поддержкой соседа, взамен также предлагая поддержку и общество¹.

Весьма распространено явление, когда поездка/путешествие в Сибири сопряжены с приглашением разделить трапезу, попыткой продемонстрировать свою «изюминку», доказать, что именно региональную, «местную», «домашнюю» пищу стоит попробовать. С одной стороны, такие поведенческие стратегии репрезентируют сибирскую идентичность, поскольку виды потребляемой пищи и напитков выделяют определенные социальные группы, указывают на границы принадлежности к данной группе и исключенности из нее. С другой стороны, такая поведенческая тактика направлена на привлечение туристов, которые как «потребители позднесовременной эпохи ищут новых впечатлений и коллекционируют впечатления»². В Улан-Удэ предлагают попробовать манты, на оз. Байкал – копченого омуля, на Алтае – сыр, мед, облепиху и т.п. На эксплуатации символов региональной «натуральности»,

¹ Симонова В. В. Транссиб: путь в жизнь, жизнь в пути // Социологические исследования. 2007. № 5. С. 104.

² Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества М., 2004. С. 134.

«экзотичности» и «экслюзивности» основывается продажа определенных товаров и услуг, что приводит к появлению еще одной практики в современной Сибири – коммерциализации регионального наследия. Как справедливо отмечает Р. Бендикс, в поисках аутентичности люди стремятся восстановить те элементы культуры, которые существовали до эпохи модерна, но делают они это в настоящее время с помощью технологий и методов «современного» общества¹.

В частности, в последнее время в Сибири активизировалась деятельность организаций, ведомств, компаний, инициативных групп, занимающихся маркетингом и продвижением территории. Сюда относится продвижение территорий Сибири посредством реализации социально значимых и эффективных проектов: издательских, медийных, образовательных, событийных, туристических и пр., в том числе, способствование бизнес-проектам по развитию туристической инфраструктуры в конкретных административно-территориальных образованиях и в Сибири в целом; позиционирование Сибири в сфере въездного и внутреннего туризма; создание стойкого положительного образа Сибири с использованием технологий креатива и трансляции позитивных мифологем конкретных территорий; создание адекватного современному состоянию социума бренда Сибири и т.п. Речь в данном случае идет о политике сибирской идентичности, которую можно определить как сознательное изобретение и использование региональной уникальности, а также продвижение конструируемой уникальности, что выражается в формировании регионального имиджа.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что идентификационные практики в Сибири исторически претерпевают изменения, а их конструирование и воспроизводство в современной культуре осуществляется под воздействием новых факторов. Тем не менее, можно говорить о сохранении относительно устойчивой во времени поведенческой нормативности регионального сообщества сибиряков. Она включает в себя активное взаимодействие с

¹ Bendix R. In Search of Authenticity: The Formation of Folklore Studies. Madison, 1997.

природой, заботу об обеспечении своей безопасности, солидарность, номадизм, коммеморативные практики. Сложившиеся нормы и образцы поведения в Сибири выступают как система регулятивов сибирской идентичности, обеспечивающих распространение определенных культурных практик в пределах сибирского региона.

Выводы к главе 3:

1) В современной культуре обозначение границ сибирского региона носит не столько физический, административный или экономический характер, сколько историко- и культурно-географический, что позволяет рассматривать данную территорию как «воображаемое сообщество» и культурный конструкт. Границы Сибири, как территориального сообщества людей с неким особым самосознанием, связываются с конкретными носителями сибирской идентичности, разделяющих концепт «сибирскости»;

2) Современная ситуация вокруг сибирской идентичности характеризуется ее включенностью в сферу научного и политического дискурса, а также ее определением как активно растущей и выраженной в идеологическом и культурном пространстве России. Основанием актуализации сибирской идентичности выступает целый комплекс «вызовов» и «угроз», с которыми столкнулась современная Сибирь в экономической, политической и демографической сферах;

3) Анализ существующих представлений о «сибирском» в быденном, политическом и научном дискурсе выявляет их множественную природу и разнонаправленный характер. Подобная ситуация отражает необходимость научного изучения сибирской идентичности, а также поиск эффективного методологического инструментария для ее исследования;

4) Эвристичность применения методологии конструктивизма для изучения сибирской идентичности в философии культуры может быть обозначена по следующим параметрам:

А. Конструктивистский подход описывает содержание сибирской идентичности, в том числе, учитывая в ее составе компоненты, являющиеся результатом целенаправленной социокультурной обработки, поскольку, говоря о своей принадлежности, жители Сибири, как правило, используют «вторичный», уже заранее сформированный дискурс о «сибирскости»;

Б. В центре внимания конструктивистского подхода оказываются акторы конструирования сибирской идентичности и те процедуры, с помощью которых в культуре происходила трансформация исходного образа Сибири и сибиряков;

В. Конструктивизм как научно-исследовательская программа исходит из признания того, что регион Сибирь и сибирская идентичность могут конструироваться на основе разных параметров (политического, экономического, культурного, исторического), вследствие чего образы Сибири приобретают разную размерность. В таком контексте и коллективный дискурс о «сибирском» рассматривается как поддерживаемый разными факторами структурного порядка;

Г. Конструктивистский подход признает идею постоянной трансформируемости и изменчивости региональной идентичности, что является важным в условиях формирования сибирского регионального общества как подвижного, переселенческого, исторически формирующегося на основе «разнообразного мира «сибирскости» (дальневосточники, забайкальцы, северяне и др.);

Д. Конструктивизм акцентирует внимание на значимости в сибирской идентичности ее субъектной составляющей и связан с изучением когнитивного, ценностного, чувственно-эмоционального и регулятивного компонентов в ее структуре;

5) *Когнитивный компонент* сибирской идентичности включает в себя конструируемые образы Сибири и сибиряков, которые воспроизводятся на обыденном и теоретическом уровне и характеризуются амбивалентностью. Противоречивый характер образов Сибири исторически оказался связан с пересекающимися в культуре процессами повседневного символического

освоения региона переселенцами и его концептуального освоения (в сибирском областничестве). Источниками и механизмами конструирования позитивных и негативных образов Сибири и сибиряков являлись путеводители, сочинения путешественников, письма переселенцев на историческую родину, фольклор, правительственная публицистика XIX века, труды РГО, а также миссионерская деятельность русской православной церкви и формирование нейминга карты «Азиатской России». Концепты «сибиряк», «сибирская идентичность», «сибирский язык», «сибирская природа», «сибирская литература», «Сибирь как колония» и т.п. являлись предметом специальной разработки со стороны сибирской интеллигенции (областничества). Образы Сибири получили свое оформление в XIX веке и продолжают успешно функционировать в современной культуре;

б) *Ценностный компонент.* Ценностные ориентации в структуре сибирской идентичности создают набор потенциальных возможностей для самоидентификации сибиряков и формируют осознание принадлежности к сибирскому региону. Можно выделить инвариантное число смысловых контекстов (конструктов), являющихся ценностно-размеченными, которые образуют специфику «сибирского дискурса»: принадлежность к территориальному сообществу сибиряков и сибирской земле, выделение особых природно-климатических и топонимических условий (устойчивая корреляция образа Сибири с зоной «холода», «тайги», «бескрайнего пространства»), значимость переселенческого и этнокультурного нарратива, апелляция к историческим ценностям (особенно – советскому культурному наследию) и культивирование «мест памяти» (П. Нора), а также – выделение особого регионального типа «сибиряк» и «сибирского характера» с его амбивалентными чертами «героического», «пассионарного» и «маргинального». Репрезентация ценностей в структуре сибирской идентичности осуществляется по-разному: от их полного отрицания до сознательного выделения и подчеркивания «сакральных» ценностей в практике брендинга территории;

7) *Чувственно-эмоциональный компонент.* Эмоциональная привязанность к региону выступает в качестве важнейшего способа конструирования региональной образности. В эмоциональном плане отношение к Сибири варьируется от «поэтической чувствительности» к занимаемой территории до негативных эмоций, или восприятия ее лишь в качестве «ресурса». Актуализации «чувства места» в Сибири способствуют столкновение с *Другими* (переселенцами, «бюрократическим центром», «временщиками», мигрантами и т.п.) и совместная деятельность в рамках региона. В общественном сознании Сибирь как эмоционально значимое пространство вычленяется через сложную гамму чувств: чувство региональной социально-экономической ущемленности, чувство конкурирующего локализма, чувство гордости и любви по отношению к природным объектам, позитивного эмоционального восприятия Сибири как духовного центра и «места силы». Функционирование эмоционального компонента сибирской идентичности оказывается тесно связанным с мифологическим, религиозным и художественным дискурсами, а в конструировании эмоционального восприятия «сибирской природы» и «сибирских достопримечательностей» огромную роль сыграли литературные тексты и кинематографические нарративы;

8) *Регулятивный компонент.* Формирование особой устойчивой поведенческой нормативности сибирского регионального сообщества и его членов исторически зависело от природных условий, фронтального характера сибирской территории, способа самоорганизации населения, возникшего в практике переселения. Особенности поведенческих стратегий сибиряков проявляются в видах осуществления хозяйственной деятельности, способах ношения одежды, этических правилах, заботе об обеспечении безопасности, социальной активности и предприимчивости, номадизме, солидарности и коллективизме. В современной культуре Сибирь конструируется также как «пространство потребления» посредством коммеморативных практик, а также относительно новых практик туристического «освоения» пространства и коммерциализации регионального наследия

Заключение

Проблема региональной идентичности имеет устойчивую традицию осмысления в рамках философии и частных наук и может рассматриваться с точки зрения эссенциалистского, инструменталистского и конструктивистского подходов. Одной из самых актуальных задач ее изучения в настоящее время является поиск методов анализа и формулирование методологического подхода, способного объяснить, каким образом формируются и осуществляются процессы региональной идентификации в российском социокультурном пространстве. Данная задача должна решаться с учетом новых направлений в современных гуманитарных исследованиях, часто обозначаемых как «критические», развитие которых было вызвано изменениями в понимании онтологического статуса пространства и его форм, в частности – отказом от объективистской трактовки региона, усилением субъектной составляющей при его характеристике, появлением в структуре региона и региональной идентичности компонентов, имеющих конструктивистскую природу.

Поскольку региональная идентичность в современной культуре перестает выглядеть как устойчивое и зафиксированное образование, а ее эмпирические исследования могут оказаться репрезентативными для любой территории, то при анализе региональной идентичности в философии культуры акцент переносится с констатации ее наличия и роста на описание процесса ее формирования и, в конечном итоге, конструирования различными субъектами. Конструктивизм в данном случае понимается не как политическая практика, а в смысле теории (социальный конструктивизм) и одновременно научно-исследовательской программы, способной предложить определенный спектр способов изучения региональной идентичности. В ходе реализации этого подхода в ее анализе появляются новые темы и сюжеты, позволяющие раскрыть закономерности процессов региональной идентификации у субъектов, проживающих в той или иной региональной культуре, дать содержательную характеристику компонентов

региональной идентичности, описать образующие ее дискурсы, а также объяснить, на каких уровнях (обыденном, специализированном) возможно ее функционирование.

В онтологическом плане региональная идентичность в рамках философии культуры может анализироваться двояко. С одной стороны, она предстает как самоопределение регионального сообщества и его членов в современной культуре, включающее в себя когнитивное, ценностное, чувственно-эмоциональное, регулятивное отношение к занимаемой территории. С другой стороны, она активно конструируется и репрезентируется. И в том, и в другом случае при ее формировании и функционировании оказывается важным существование конвенциально оформленных способов говорения о *территориальном и региональном*, которые становятся существенной частью определения своей региональной принадлежности на индивидуальном уровне.

В отличие от национальной идентичности, отражающей идею одной страны с одним историческим и культурным прошлым и одним политическим будущим, региональная идентичность основана на выделении своеобразия конкретного региона. Ее содержание составляют изменчивые идентификации, которые образуют систему конструктов.

Методология конструктивизма оказывается теоретическим основанием для анализа конкретных вариантов региональной идентичности, в частности, – для предпринятого в данном исследовании изучения ее сибирской разновидности. Оправданность применения этой методологии вызвана тем, что в настоящее время анализ сибирской идентичности разворачивается либо в направлении ее эмпирических исследований и сводится к констатации стихийных установок по поводу *сибирскости* на уровне обыденного сознания респондентов, либо в сторону вычленения «коллективного бессознательного» населения сибирского региона, представленного в разного рода источниках (текстовых, визуальных, медийных и др.). Изучение сибирской идентичности с позиции конструктивистского подхода в философии культуры, с одной стороны, позволяет объединить между собой разнородные факты и феномены,

относящиеся к сибирской идентичности и фиксируемые на уровне частных наук, а с другой стороны, – объяснить, как формируются, складываются и осуществляются процессы региональной идентификации сибиряков в самом социокультурном пространстве Сибири.

Проведенный анализ показывает, что границы Сибири в общественном сознании связываются не с административно-политическим делением, а с восприятием этого региона как «воображаемого сообщества», субъектами которого являются конкретные носители сибирской идентичности, разделяющие концепт «сибирскости». Территориальность Сибири может приобретать специфическую размерность в зависимости от параметров ее конструирования (институционально-политический контроль, экономическое развитие, культурная стандартизация, общность исторического прошлого региона), а любое ее измерение обеспечивает (реальную или воображаемую) внутреннюю гомогенность территории.

Обращаясь к процессам региональной идентификации в сибирской идентичности, мы обнаруживаем их осуществление по четырем основаниям, образующим одновременно структуру сибирской идентичности.

Во-первых, идентификация «Я-сибиряк» реализуется как познавательное отображение Сибири и ее жителей. Как было показано, образы Сибири и сибиряков в современной культуре характеризуются значительной сложностью, амбивалентностью и имеют конструктивистскую природу. Их устойчивое функционирование в общественном сознании на протяжении длительного времени объясняется, помимо прочего, культурно-историческими причинами – процессами повседневного символического освоения региона переселенцами в ходе колонизации Сибири и его концептуального освоения (в сибирском областничестве и др.) – *когнитивный* компонент сибирской идентичности.

Во-вторых, региональная идентификация сибиряков осуществляет себя через приверженность и следование определенным ценностным ориентациям. Особость сибирского дискурса, формирующегося на основе общих разделяемых ценностей, образуют: принадлежность к территориальному сообществу

сибиряков и сибирской земле, выделение особых природно-климатических и топонимических условий (устойчивая корреляция образа Сибири с зоной «холода», «тайги», «бескрайнего пространства»), значимость переселенческого и этнокультурного нарратива, апелляция к историческим ценностям (особенно – советскому культурному наследию) и культивирование «мест памяти» (П. Нора), а также – выделение особого регионального типа «сибиряк» и «сибирского характера» с его амбивалентными чертами «героического», «пассионарного» и «маргинального» – *ценностный* компонент сибирской идентичности.

В-третьих, сибирская региональная идентичность раскрывает себя как сложная система значений и смыслов эмоциональной привязанности к региону. На индивидуальном и коллективном уровне сознания Сибирь, как эмоционально значимое пространство, вычленяется через сложную гамму чувств: чувство региональной социально-экономической ущемленности, чувство конкурирующего локализма, чувство гордости и любви по отношению к природным объектам, позитивного эмоционального восприятия Сибири как духовного центра и «места силы». Пространство Сибири также может быть маркировано через отрицательный эмоциональный опыт (например, осмыслено в категориях «травмы» и «вины») – *чувственно-эмоциональный* компонент сибирской идентичности.

В-четвертых, сибирская региональная идентичность реализуется в предрасположенности к определенным действиям на территории Сибири, в конкретных поведенческих стратегиях и практиках сибиряков. В современной культуре набор таких стратегий и поведенческих ориентаций предстает как многослойный, включающий в себя активное взаимодействие с природой, социальную активность и солидарность, коммеморативные и перформативные практики, связанные с освоением сибирского пространства – *регулятивный* компонент сибирской идентичности.

Факторами, которые поддерживают разнообразие сибирской идентичности и одновременно являются формами ее дискурсивной репрезентации выступают мифологический, религиозный, художественный, научный и философский

дискурс о Сибири и сибиряках. В современной культуре они с содержательной и логической стороны формируют собой конвенционально оформленные способы рассуждения о *сибирскости*. Следует также отметить, что целостность образов сибирской идентичности в настоящее время обеспечивается вербальными и визуальными источниками (в частности, литературными и кинематографическими нарративами), формирующими особый «сибирский текст».

В конечном итоге, анализ самых различных социокультурных аспектов бытования и содержания сибирской идентичности способствует пониманию того, чем она собственно является как философско-культурологический феномен. На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что выявленные в работе принципы конструирования сибирской идентичности могут быть применены для дальнейшего анализа других разновидностей региональной идентичности. И в этом контексте, перспективным направлением разработки обозначенной тематики в будущем может стать, например, возможное сравнительное изучение различных региональных идентичностей между собой, выявление важнейших акторов и параметров конструирования конкретной региональной идентичности, выявление механизмов ее функционирования и возможных форм репрезентации, а также проведение с учетом полученного материала философской экспертизы в отношении разработки брендов конкретных территорий.

Список литературы

1. Абашев, В. В. Пермь как центр мира. Из очерков локальной мифологии / В. В. Абашев // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 46. – С. 275 – 287.
2. Абдуллина, Л. И. Творческая мастерская: индивидуальный почерк и территориальное самосознание / Л. И. Абдуллина // Геопозитика писателей Сибири и Алтая: сборник научных статей / отв. ред. А. И. Куляпин. – Барнаул : АлтГПУ, 2016. – С. 5 – 15.
3. Аблажей, Н. Н. Сибиряки поневоле: регион в контексте советских депортаций и повторных переселений спецпереселенцев / Н. Н. Аблажей // Сибирь: контексты настоящего: сборник материалов международных конференций молодых исследователей Сибири / науч. ред. И. П. Басалаева, М. Я. Рожанский. Иркутск : Центр независимых социальных исследований, 2016. – С. 105 – 112.
4. Абрамов, В. А., Волнина, Н. Н. Глобализирующийся человек: грани социокультурного изменения / В. А. Абрамов, Н. Н. Волнина. – Чита : Читинский гос. ун-т, 2006. – 2008 с.
5. Авдонин, В. С. Проблемы формирования региональной культурной идентичности в депрессивном социально-экономическом контексте (случай Рязанской области) / В. С. Авдонин // Культурная политика в регионах и борьба за идентичность / Под ред. В.В. Маланина. Пермь : ПГУ, 2011. – С. 7 – 14.
6. Агеев, А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров / А. Д. Агеев. – М. : Аспект – Пресс, 2005. – 334 с.
7. Агеев, И. А. Брендинг города и региона как средство формирования территориальной идентичности: исторический опыт сибирских городов / И. А. Агеев // Вестник науки Сибири. – 2015. – № 2 (17). – С. 155 – 163.
8. Адорно, Т. Что означает «проработка прошлого» / Т. Адорно // Память о войне 60 лет спустя: Россия. Германия. Европа. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – 800 с.

9. Азадовский, М. К. Литература сибирская (дореволюционный период) / М. К. Азадовский // Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. Л. – Н. / гл. ред. Б.С. Шумяцкий. Зап. – Сиб. отд. ОГИЗ, 1932. – 804 стб.
10. Амин, Э., Трифт, Н. Внятность повседневного города / пер. Л.Баньковской / Э. Амин, Н. Трифт // Логос. – 2002. – № 3 (34). – С. 1–25.
11. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева / Б. Андерсон. – М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
12. Андрианов, Б. В., Чебоксаров, Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблема их картографирования / Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров // Советская этнография. – 1972. – № 2. – С. 3–16.
13. Андюсев, Б. Е. Ментальность сибиряков / Б. Е. Андюсев // Андюсев Б. Е. Сибирское краеведение. 2-е изд. – Красноярск : РИО КГПУ, 2003. – С. 24 – 34.
14. Анисимов, К. В. Климат как «закопснелый сепаратист». Символические и политические метаморфозы сибирского мороза / К. В. Анисимов // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 5 (99). – С. 98 – 114.
15. Анисимов, К. В. Путешествие: к вопросу о жанровой составляющей сибирского текста / К. В. Анисимов // Сибирский текст в русской культуре: к 400-летию Томска и 125-летию первого ун-та Сибири: [Сб. ст.] / Томский гос. ун-т; [Ред.-сост. А. П. Казаркин]. – Томск : Сибирика, 2002. С. 20 – 30.
16. Анисимов, К. В. Соотношение «политического» и «психологического» начал в сибирском областничестве XIX века / К. В. Анисимов // Ежегодник Красноярского государственного педагогического института. – 2002. – Т. 1. – С. 70 – 76.
17. Анисимов, К. В. У истоков сибирской темы в русской литературе XIX века: журнал Г.И. Спасского «Сибирский вестник» / К. В. Анисимов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2004. – № 3 (40). – С. 65 – 72.

18. Анисимова, А. А., Ечевская, О. Г. Исследование механизмов формирования и трансформации сибирской региональной идентичности на основе анализа биографических нарративов / А. А. Анисимова, О. Г. Ечевская // Сибирь: контексты настоящего: сборник материалов международных конференций молодых исследователей Сибири / науч. ред. И. П. Басалаева, М. Я. Рожанский. – Иркутск : Центр независимых социальных исследований, 2016. – С. 9 – 26.

19. Анисимова, А. А., Ечевская, О. Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Монография / А. А. Анисимова, О. Г. Ечевская. – Новосибирск : НГУ, 2012. – 176 с.

20. Анисимова, А. А., Ечевская, О. Г. «Сибиряк»: общность, национальность или состояние души»? / А. А. Анисимова, О. Г. Ечевская // Laboratorium. Журнал социальных исследований. – 2012. – № 4 (3). – С. 11 – 43.

21. Анисимова, А. А., Ечевская, О. Г. Социологический анализ биографических нарративов как способ изучения механизмов формирования сибирской региональной идентичности / А. А. Анисимова, О. Г. Ечевская // Гуманитарный исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 2 (28) – С. 44 – 55.

22. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. / Я. Ассман. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

23. Астафьев, В. П. Собрание сочинений: В 15 т. / Виктор Петрович Астафьев. – Красноярск : ПИК «Офсет», 1997. – Т. 2 : Стародуб : Повесть. – С. 109 – 180; 1998. – Т. 13: Стародуб: Повесть (вариант).

24. Баберовски, Й. Цивилизаторская миссия и национализм в Закавказье: 1828 – 1914 гг. / Й. Баберовски // Новая имперская история постсоветского пространства. – Казань : Центр исследований национализма и империи, 2004. – С. 307 – 352.

25. Баков, А. А., Дубичев, В. Р. Цивилизации Средиземья / А. А. Баков, В. Р. Дубичев. – Екатеринбург : Уральский рабочий, 1995. – 118 с.

26. Баранов, А. В. Региональная политическая идентичность: Методы исследования в Западной Европе / А. В. Баранов // Социальная политика и социология. – 2006. – № 1. – С. 23 – 31.
27. Барт, Ф. Этнические группы и социальные границы / пер. с англ. И. Пильщикова / Ф. Барт. – М. : Новое издательство, 2006. – 198 с.
28. Басалаева, И. П. Между быть и становиться: сибиряки в советском кинематографе 1930-х-1940 х гг. / И. П. Басалаева // Сибирь: контексты настоящего: сборник материалов международных конференций молодых исследователей Сибири / науч. ред. И. П. Басалаева, М. Я. Рожанский. – Иркутск: Центр независимых социальных исследований, 2016. – С. 27 – 56.
29. Бауман, З. Глобализация: последствия для человека и общества / пер. с англ. / З. Бауман. – М. : Весь мир, 2004. – 188 с.
30. Бауман, З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. / З. Бауман. – М. : Логос, 2002. – 390 с.
31. Бауман, З. Текучая современность. / З. Бауман. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
32. Бедаш, Ю. А. Акционистская парадигма в исследовании пространства: подход Бенно Верлена / Ю. А. Бедаш // Топос. – 2011. – № 1. – С. 106 –115.
33. Бедаш, Ю. А. Концепция социального пространства Анри Лефевра / Ю. А. Бедаш // Вестник ТПУ. – 2012. – № 11 (126). – С. 219 – 224.
34. Безруков, Л. А., Корытный, Л. М. Роль территории Сибири в экономическом развитии России / Л. А. Безруков, Л. М. Корытный // География и природные ресурсы. – 2009. – № 3. – С. 22 –30.
35. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
36. Бережнова, М. Л. Загадка чалдонов: история формирования и особенности культуры старожильского населения Сибири. / М. Л. Бережнова. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2007. – 266 с.
37. Бережнова, М. Л. Сибиряки как проект и реальность // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации.

Материалы межд. науч. конф. / под ред. Т. К. Щегловой. / М. Л. Бережнова. – Барнаул : Алтайский гос. пед. ун-т, 2012. – С. 9 –16.

38. Бережнова, М. Л. Челдоны как группа русских сибиряков: поиск социальных истоков её формирования / Электронная библиотека МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. [Электр. ресурс] / М. Л. Бережнова. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-227-2/978-5-88431-227-2_02.pdf

39. Бляхер, Л. Е., Григоричев, К. В. Мигранты и миграционная политика в постсоветской Сибири и на Дальнем Востоке / Л. Е. Бляхер, К. В. Григоричев // Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. – Иркутск : Отгиск, 2011. – С. 142 – 183.

40. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Пер. О.А. Печенкина. / Ж. Бодрийяр. – Тула : Тульский полиграфист, 2013. – 204 с.

41. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М. : Рудомино, 2001. – 218 с.

42. Болотова, А. А. «Если ты полюбишь Север, не разлюбишь никогда»: взаимодействие с природой в северных промышленных городах / А. А. Болотова // Неприкосновенный запас. – 2014. – № 5 (97). – С. 170 – 188.

43. Бороноев, А. О. Проблемы динамики сибирской идентичности / А. О. Бороноев // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2010. – № 3. – С. 81 – 85.

44. Бороноев, А. О. Территориальная ментальность и проблемы социокультурного развития региона / А. О. Бороноев // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона. Сборник статей. – СПб : «Астерион», 2006. – С. 7 – 13.

45. Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 263 с.

46. Бочаров, А. В. Методологические и эмпирические аспекты изучения региональной сибирской идентичности в информационном поле региональных СМИ / А. В. Бочаров // Вестник Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2012. – № 2 (18). – С. 81 – 91.

47. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV XVII вв. / Пер. с фр. Куббеля Л.Е. / Ф. Бродель. – М. : Прогресс, 1992. – Т. 3. Время мира. – 679 с.

48. Бродель, Ф. Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история / Ф. Бродель. – М. : Изд-во им Сабашниковых, 1994. – 405 с.

49. Брубейкер, Дж., Купер, Ф. За пределами идентичности / Дж. Брубэйкер, Ф. Купер // *Ab imperio*. – 2002. – № 3. – С. 61 – 115.

50. Бурдьё, П. Социология социального пространства / Пер. с фр. под общ. ред. Н. А. Шматко / П. Бурдьё – СПб. : Алетейя, 2005. – 288 с.

51. Бэкон, Ф. Опыты, или наставления нравственные и политические / Ф. Бэкон // Бэкон Ф. Соч. в 2-х тт. – М. : Мысль, 1972. – Т. 2. – 582 с.

52. Вайль, П., Генис, А. Собр. соч.: в 2 т. – Т. 1. Шестидесятые. Мир советского человека / П. Вайль, А. Генис. – Екатеринбург, 2003. – С. 513 – 948.

53. Вайс, К. Русское географическое общество и создание образа Сибири в XIX веке. [Электр.ресурс] / К. Вайс http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/2_1.html

54. Васильев, А. Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа / А. Г. Васильев // Культурная память в контексте формирования национальной идеи XXI века / отв. ред. Н. А. Кочеляева. – М. : Совпадение, 2015. – С. 3 – 30.

55. Вахтин, Н. Б. От «дикости» к «Другому»: к эволюции образа Сибири и Севера в русском языке / Н. Б. Вахтин // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII. Мифология культурного пространства : К 80-летию С. Г. Исакова*. – Тарту : Tartu Ulikooli Kirjastus, 2011. – С. 203 – 216.

56. Вахштайн, В. С. Пересборка города: между языком и пространством / В. С. Вахштайн // *Социология власти*. – 2014. – № 2. – С. 9 – 38.

57. Веденин, Ю. А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения / Ю. А. Веденин // Изв. АН СССР. Серия географическая. – 1990. – № 1. – С. 3 – 17.
58. Вендина, О. И. Московская идентичность или идентичность москвичей / О. И. Вендина // Изв. РАН. Серия географическая. – 2012. – № 5. – С. 27 – 39.
59. Верлен, Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география / Пер. с англ. С. П. Баньковской / Б. Верлен // Социологическое обозрение. – 2001. – №1 (2). – С. 26 – 47.
60. Визгалов, Д.В. Брендинг города / Д. Визгалов. – М. : Институт экономики города, 2011. – 160 с.
61. Виндельбанд, В. От Канта до Ницше / пер. с нем. Введенский А. И. / В. Виндельбанд. – М. : КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. – 496 с.
62. Винокурова, У. А. Постсоветский сибиряк: трансформация ценностей / У. А. Винокурова // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 16. Психология. Педагогика. – 2011. – № 2. – С. 25 – 35.
63. Вирт, Л. Локализм, регионализм и централизация / Л. Вирт // Логос. – 2003. – № 6 (40). – С. 53 – 66.
64. Водичев, Е. Г. Сибирь в перекрестье идентичностей / Е. Г. Водичев // Евразия: Региональные перспективы. Сб. материалов межд. науч. конф. / отв. ред. Е.Г. Водичев. – Новосибирск : Сибирское научное изд-во, 2007. – С. 127 – 137.
65. Волкогонова, О. Д., Белоусов, С. О. Феномен региональной идентичности как фактор политического процесса в России / О. Д. Волкогонова, С. О. Белоусов // Россия и современный мир. – 2009. – № 1 (62). – С. 49 – 62
66. Гайдуков, В. Н., Осипов, В. Г. Региональный этос и «москвоборчество»: феноменология политической культуры современной России / В. Н. Гайдуков, В. Г. Осипов // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. – М : Моск. общ. науч. центр, 1999. – С. 151 – 163.

67. Генисаретский, О. И., Зильберман, Д. Б. Возможность философии. Переписка 1975–1977 гг. / О. И. Генисаретский, Д. Б. Зильберман – М. : Путь, 2001. – 352 с.
68. Гидденс, Э. Модерн и самоидентичность / реф. Е. В. Якимовой / Э. Гидденс // Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс: реферативный сборник / под ред. Ю. А. Кимелева. – М. : ИНИОН РАН, 1995. – С. 95 – 113.
69. Гидденс, Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. / Э. Гидденс. – М. : Весь мир, 2004. – 120 с.
70. Глазычев, В. Л. Политическая экономия города. / В. Л. Глазычев – М : Дело АНХ, 2009. – 192 с.
71. Голд, Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии / Дж. Голд. – М. : Прогресс, 1990. – 304 с.
72. Головнёв, А. В. Дрейф этничности / А. В. Головнёв // Уральский исторический вестник. – 2009. – № 4 (25). – С. 46 – 55.
73. Головнёв, А. В. Колонизация в антропологии движения / А. В. Головнёв // Уральский исторический вестник. – 2009. – № 2 (23). – С. 4 – 14.
74. Головнёв, А. В. Феномен колонизации / А. В. Головнёв. – Екатеринбург: УрО РАН, 2015. – 592 с.
75. Головнева Е. В., Головнев И. А. Образ Сибири в кинематографическом нарративе: конструктивистский подход / Е. В. Головнева, И. А. Головнев // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2017. – Т. 159. – № 23 (1). – С. 114 – 123.
76. Головнева, Е. В., Шмидт, И. В. Обращение к вере, утопия и сакральное место (д. Окунево в Западной Сибири) / Е. В. Головнева, И. В. Шмидт // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2015. – № 3 (33). – С. 290 – 321.
77. Горнова, Г. В., Мирошникова, О. В. Объективация идеальной стороны городского бытия в экзистенциальной парадигме города / Г. В. Горнова,

О. В. Мирошникова // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 4. – С. 315 – 322.

78. Горшева, Г. В. Региональная идентичность на уровне этногосударственных субъектов Российской Федерации на рубеже XX – XXI вв. (Республика Хакасия, Республика Алтай, Республика Тува) / Г. В. Горшева // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 9 (124). – С. 66 – 74.

79. Гриценко, А. А. Влияние политических и ландшафтных границ на региональную идентичность в российско-украинском порубежье: автореферат дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / Гриценко Антон Алексеевич – М., 2010. – 25 с.

80. Гриценко, А. А. Исследование региональной идентичности национальной окраины (на примере российско-украинского приграничья) / А. А. Гриценко // Идентичность как предмет политического анализа. Сб. статей. / Отв. ред. И.С. Семененко. – М. : ИМЭМО РАН, 2011. – С. 216 – 218.

81. Гришковец, Е. В. Реки / Евгений Гришковец. – М. : Махаон, 2005. – 192 с.

82. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. И. Даль – М. : Рус. яз., 1998. – Т. 4. – 685 с.

83. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. – М. : Мысль, 1991. – 358 с.

84. Дацышен, В. Г. Другая история Сибири: преодоление мифа / В. Г. Дацышен // Судьба континента Сибирь: проблемы развития. Экспертный дискурс: сб. статей / под ред. В. С. Ефимова. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2012. – С. 97 – 109.

85. Дворцов, В. И. «Регионы-системы» как новое госэкономическое инфраструктурное деление – проблема становления / В. И. Дворцов // Безопасность Евразии. – 2005. – № 2. – С. 443 – 445.

86. Джеймс, П., Мартин, Дж. Все возможные миры. История географических идей / П. Джеймс, Дж. Мартин. – М.: Прогресс, 1988. – 627 с.

87. Джерджен, К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. Сб. статей. / Пер. с англ. А.М. Корбута / К. Джерджен – Минск : БГУ, 2003. – 232 с.
88. Джонсон, К., Коулман, А. Внутренний «Другой»: диалектические взаимосвязи между конструированием региональных и национальных идентичностей / К. Джонсон, А. Коулман // Культурная и гуманитарная география. – Т.1. – № 2. – С. 107 – 125.
89. Дзякович, Е. В. Локальные идентичности в контексте социокультурной динамики российских регионов: автореферат дис. ... доктора культурологии: 24.00.01 / Дзякович Елена Владимировна. – М., 2001. – 46 с.
90. Дебор, Г. Общество спектакля / Г. Дебор. – М. : Логос, 2000. – 183 с.
91. Дегальцева, Е. А. Холод как метафора Сибири (на примере репрезентаций XIX века) / Е. А. Дегальцева // Российский гуманитарный журнал. – 2012. – Т.1. – №1. – С. 84 – 94.
92. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М. : Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.
93. Демешкина, Т. А. Славянский компонент в самоидентификации жителей Сибири / Т. А. Демешкина // Русин. – 2015. – № 3 (41). – С. 90 – 107.
94. Денисов, С. Ф. Философско-антропологическая систематика бытийных форм бездомья / С. Ф. Денисов // Реальность. Человек. Культура: Философия и философствование в современной культуре. VII Ореховские чтения. Материалы Всерос. науч. конф. (12 -13 ноября 2015). – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2015. – С. 114 – 118.
95. Денисов, С. Ф., Денисова, Л. В. Квазинаука в ненаучном знании: структура и эволюция / С. Ф. Денисов, Л. В. Денисова // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия, Социология, Политология. – 2016. – № 4 (36). – С. 120 – 128.
96. Денисов, С. Ф., Красиков, В. И. Память, время и «Я» / С. Ф. Денисов, В. И. Красиков // Омский научный вестник. – 2013. – № 5 (122). – С. 85 – 87.

97. Денисова, Г. С. Структура региональной идентичности городского и сельского населения Ростовской области / Г. С. Денисова // Наука и образование. Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области. – Ростов н / Дону, 2010. – С. 82 –90.

98. Докучаев, Д. С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях: социально-философский анализ: автореферат дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Докучаев Денис Сергеевич. – Иваново, 2011. – 24 с.

99. Донских, О. А. Становление мегарегиона Сибирь: социокультурный и геополитический контекст / О. А. Донских // Идеи и идеалы. – 2016. – № 1 (27). Т.1. – С. 151 – 166.

100. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Федор Михайлович Достоевский. – Ленинград : Наука, 1972 – 1990. – Т. 27.

101. Дробижева, Л. М. Российская идентичность в массовом сознании / Л. М. Дробижева // Вестник российской нации. – 2009. – № 1. – С. 135 – 144.

102. Дуглас, М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу / М. Дуглас. – М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. – 286 с.

103. Дутчак, Е. Е., Кашпур В. В. «Русский сибиряк» или Парадоксы региональной идентификации / Е. Е. Дутчак, В. В. Кашпур // Общественные науки и современность. – 2013. – № 4. – С. 116 – 129.

104. Дутчак, Е. Е., Львова Э. Л., Нам И. В. Сибирская региональная идентичность – фактор конфликта или ресурс формирования общероссийской идентичности? / Е. Е. Дутчак, Э. Л. Львова, И. В. Нам // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «История». – 2012. – № 2 (3). – Ч. 1. – С. 41 – 44.

105. Ермоленкина, Л. И., Костяшина, Е. А. Аксиологические параметры этнокультурной идентификации: опыт экспериментального исследования / Л. И. Ермоленкина, Е. А. Костяшина // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2014. – № 379. – С. 10 –16.

106. Ерохина, Е.А. Сибирский вектор внутренней геополитики России / Е. А. Ерохина. – Новосибирск : Инст-т философии и права СО РАН, 2012. – 418 с.

107. Ершова, В. Е. Образ жителя Сибири в медиапространстве Томска и Северска (на материале телевизионных выпусков и радиосообщений) / В. Е. Ершова // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. – 2016. – № 4 (42). – С. 168–180.

108. Жигунова, М. А. Идентичность и этнокультурные предпочтения современных русских Сибири (на материалах эмпирических исследований) / М. А. Жигунова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 3. – С. 73 – 77.

109. Жигунова, М. А. Сибиряк как новая национальность: миф или реальность? / М. А. Жигунова // Родина. – 2011. – № 11. – С. 11 – 15.

110. Жигунова, М. А. Этносоциология русских Сибири: проблемы современной идентичности / М. А. Жигунова // Этносоциальные процессы в Сибири. Темат. сб. / РАН СО Институт философии и права. – Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 1998. – С. 191 – 195.

111. Жигунова, М. А., Ремнев, А. В., Суворова, Н. Г. Сибирский ракурс региональной идентичности / М.А. Жигунова, А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова // Национальные приоритеты России. – 2014. – № 2 (12). – С. 48 – 62.

112. Жигунова М. А, Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Региональный вариант сибирской идентичности / М. А. Жигунова, А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова // Омский науч. вестн. – 2014. – № 2 (12). – С. 48 – 62.

113. Жидкевич, Н. Н., Позаненко, А. А. Преемственность заселения Уймонской долины республики Алтай / Н. Н. Жидкевич, А. А. Позаненко // Сибирь: контексты настоящего: сборник материалов международных конференций молодых исследователей Сибири / науч. ред. И. П. Басалаева, М. Я. Рожанский – Иркутск : Центр независимых социальных исследований, 2016. С. – 153–164.

114. Жидченко, А. В. Повседневная жизнь студенческих общежитий новых районов крупных городов Сибири в 1950-60 е гг. (локальный аспект) /

А. В. Жидченко // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2015. – № 2. – С. 52 – 62.

115. Жирякова, И. В., Ильева, И. А. Регион как объект междисциплинарного исследования / И. В. Жирякова, И. А. Ильева // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки: философия, социология, культурология. – 2010. – Вып. 4 (84). – С. 209 – 214.

116. Зайнутдинов, А. Э. Сибирское областничество: историко-социологический анализ: автореферат дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01 / Зайнутдинов Андрей Эдуардович. – СПб, 2012. – 22 с.

117. Зайнутдинов, А. Э. Цивилизационная идентичность Сибири: от областничества рубежа XIX – XX веков к современному сибирству / А. Э. Зайнутдинов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. XV. – № 2 (61). – С. 81 – 97.

118. Зайонц, Л. О. История слова и понятия «провинция» в русской культуре / Л. О. Зайонц // Russian Literature: North Holland. – 2003. – Т. 53. – С. 307 – 330.

119. Залыгин, С. П. Писатель и Сибирь / С. П. Залыгин // Залыгин С. П. Критика, публицистика. – М., 1987. – С. 269 – 290.

120. Замятин, Д. Н. Географические образы путешествий / Д. Н. Замятин // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1. – М. : Институт наследия, 2004. – С. 12 – 40.

121. Замятин, Д. Н. Геоспациализм: онтологическая динамика пространственных образов / Д. Н. Замятин // Социологическое обозрение. – 2011. – Т. 10. – № 3. – С. 21 – 28.

122. Замятин, Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук / Д. Н. Замятин // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9. – № 3. – С. 26 – 50.

123. Замятин, Д. Н. Идентичность и территория: гуманитарно-географические подходы и дискурсы / Д. Н. Замятин // Идентичность как

предмет политического анализа. Сб. ст. / Отв. ред. И. С. Семенов, Л. А. Фадеева. – М. : ИМЭМО РАН, 2011. – С. 186 – 203.

124. Замятин, Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. / Д. Н. Замятин. – М. : Знак, 2006. – 488 с.

125. Замятин, Д. Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. / Д. Н. Замятин. – Смоленск : Ойкумена, 1999. – 118 с.

126. Замятин, Д. Н. Понятие геокультуры: образ и его интерпретации / Д. Н. Замятин // Социологический журнал. – 2002. – № 2. – С. 5 – 12.

127. Замятин, Д. Н. Стрела и шар: введение в метагеографию Зауралья // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / отв. ред. К. В. Анисимов / Д. Н. Замятин. – Красноярск : Сибирский федер. ун-т, 2010. – С. 7 – 27.

128. Замятина, Н. Ю. Социальная лесотундра: географическая подвижность как элемент семейных траекторий жителей северных городов (на примере Норильска и Дудинки / Н. Ю. Замятина. // Неприкосновенный запас. – 2014. – № 5 (97). – С. 189 – 208.

129. Зубаревич, Н. В. Региональное развитие и институты: российская специфика / Н. В. Зубаревич // Региональные исследования. – 2010. – № 2 (28). – С. 3 – 14.

130. Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты: коллективная монография / К. В. Патырбаева, В. В. Козлов и др. – Пермь : Пермский гос. нац.- иссл. институт, 2012. – 250 с.

131. Идентичность во французском обществознании. К вопросу о переводе понятий [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1547.pdf>

132. Каганский, В. Л. Ареальная парадигма пространственной идентичности: основания, пределы, выход за пределы / В. Л. Каганский // Вестник ПНЦ УрО РАН. – 2014. – № 5. – С. 10 – 20.

133. Каганский, В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей / В. Л. Каганский. – М. : Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.

134. Каганский, В. Л. Методологические основания регионального анализа как культурной практики / В. Л. Каганский // Культура в современном мире. – 1997. – Вып. 3. – С. 4 – 29.

135. Каганский, В. Л. Советское пространство: конструкция и деструкция / В. Л. Каганский // Регионология. – 1998. – № 5. – С. 38 – 56.

136. Каганский, В. Л., Родоман, Б. Б. Наука о культуре: итоги и перспективы / В. Л. Каганский, Б. Б. Родоман. – М. : РГБ (Информкультура). – 1995. – Вып. 3. – 88 с.

137. Казакова, Г. М. Российская региональная идентичность: культурологический дискурс / Г. М. Казакова // Вестник МГУКИ. – 2008. – № 6. – С. 16 – 20.

138. Казаченко, Л. Д. Регион как объект научного исследования / Л. Д. Казаченко // Известия государственной экономической академии. – 2012. – № 3. (электронный журнал).

139. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – СПб : ИКА «ТАЙМ-АУТ», 1993. – 478 с.

140. Карабулатова, И. С., Замалетдинов, Р. Р., Федорова, Е. А., Сайфулина, Е. С. Лингвомифологическое пространство топонима «Сибирь» в современном языковом сознании / И. С. Карабулатова и др. // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 6 (43). – С. 397 – 401.

141. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 458 с.

142. Касториадис, К. Воображаемое установление общества. / Пер. с фр. Г. Волковой. / К. Касториадис – М. : Изд-во «Гнозис», «Логос», 2003. – 480 с.

143. Кауфман, А. А. Влияние переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общинной жизни в Западной Сибири / А. А. Кауфман. // Север. вестник. – 1891. – № 4. – С. 27–52.

144. Келли, Дж. Теория личности: психология личных конструктов / Дж. Келли. – СПб : Речь, 2000. – 249 с.
145. Кеннан, Д. Сибирь и ссылка / пер. З.Н. Журавской / Д. Кеннан. – СПб : Изд-во С.Н. Салтыкова, 1999. – Т. 1. – 390 с.
146. Кислицына, Д. О. Реализация культурной политики в Кировской области: противостояние традиций и инноваций / Д. О. Кислицына // Вестник Пермского ун-та. – 2011. – № 5. – С. 34 – 50.
147. Китинг, М. Новый регионализм в Европе / М. Китинг // Логос. – 2003. – № 6 (40). – С. 67 – 116.
148. Ковтун, Н. В. «Сибирский текст» в прозе второй половины XX века (на материале романа С. Залыгина «Комиссия») / Н. Ковтун // Литература Урала: История и современность: Сб. ст. – Вып. 4. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2008. – С. 102 – 110.
149. Кожухова, А. К. Образ Европейской России в сибирской газетной прессе: версия «Восточного обозрения» / А. К. Кожухова // Сибирь: контексты настоящего: сборник материалов международных конференций молодых исследователей Сибири / науч. ред. И. П. Басалаева, М. Я. Рожанский; Иркутск, 2016. – С. 57 – 62.
150. Козлов, В. В. Интегративная психология: Пути духовного поиска, или освящение повседневности / В. В. Козлов. – М. : Психотерапия, 2007. – 528 с.
151. Колобов, О. А., Макарычев, А. С. Российский регионализм в свете зарубежного опыта / О. А. Колобов, А. С. Макарычев // СОЦИС: социологические исследования. – 1999. – № 12. – С. 34 – 43.
152. Кон, И. С. Открытие Я / И. С. Кон. – М. : Политиздат, 1978. – 367 с.
153. Кондаков, Б. В. Русская литература 1880-х гг. и художественный мир Д. Н. Мамина-Сибиряка / Б. В. Кондаков // Известия Уральского университета. – 2002. – № 24. Гуманитарные науки. – Вып. 5. – С. 9 – 24.
154. Корандей, Ф. С. Преддверие Сибири: образы границы в описаниях путешествий по Сибири (вторая половина XIX в.) / Ф. С. Корандей // Русский травелог XVIII – XX веков. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2015. – С. 166 – 196.

155. Корепанов, Г. С. Региональная идентичность как объект социологического анализа / Г. С. Корепанов // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. – 2009. – № 1. – С. 16 – 23.

156. Красильников, С. А. Образ Сибири в исторической перспективе / С. А. Красильников // Сибирь: имидж мегарегиона / под ред. В. И. Супруна. – Новосибирск : ФСПИ «Тренды», 2012. – С. 95 – 110.

157. Красильникова, Е. И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.) / Е. И. Красильникова. – Новосибирск : ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2015. – 404 с.

158. Крылов, М. П. Взаимодействие смежных наук при изучении региона: эффективность и сочетаемость методологий и теоретических допущений / М. П. Крылов. // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. – № 1. – С. 37 – 57.

159. Крылов, М. П. Понятие «регион» в культурном и историческом пространстве России / М. П. Крылов // География и региональная политика. Часть 1. – Смоленск : Изд-во СГУ, 1997. – С. 32 – 37.

160. Крылов, М. П. Российская региональная идентичность как фокус социокультурной ситуации (на примере европейской России) / М. П. Крылов // Логос. – 2005. – № 1 (46). – С. 275 – 289.

161. Крылов, М. П. Современная региональная идентичность в Европейской России: Север-Юг / М. П. Крылов. // Известия РАН. Сер. Географическая. – 2005. – № 5. – С. 51 – 60.

162. Крылов, М. П., Гриценко, А. А. Региональная и этнокультурная идентичность в российско-украинском и российско-белорусском порубежье: историческая память и культурные трансформации / М. П. Крылов, А. А. Гриценко // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. – № 2. – С. 28 – 42.

163. Кузнецова, Т. А. Периодические издания Русского Географического Общества как институт формирования сибирской идентичности /

Т. А. Кузнецова // Сибирь: контексты настоящего: сборник материалов международных конференций молодых исследователей Сибири / науч. ред. И. П. Басалаева, М. Я. Рожанский; Иркутск, 2016. – С. 63 – 72.

164. Кулеш, Е. А. Множественность идентичностей в Томской области / Е. А. Кулеш // Культурная политика в регионах и борьба за идентичность / под ред. В. В. Маланина. Пермь : Изд – во ПГНИУ, 2011. – С. 62 – 74.

165. Курасов, А. И., Трейвиш, А. В. Мировые города в постиндустриальной экономике: термины, теоретические конструкции и реальность / А. И. Курасов, А. В. Трейвиш // Мир России. – 2009. – № 1. – С. 34 – 46.

166. Курдина, Н. Н. У истоков поэтики сибирского пейзажа в русском романтизме / Н. Н. Курдина // Литература Сибири. История и современность. – Новосибирск, 1984. – С. 19 – 41.

167. Курилов, В. Н. Русский субэтнос Западной Сибири в середине XIX в.: расселение и топонимии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Курилов Владимир Николаевич. – Новосибирск, 2002. – 29 с.

168. Кушнер, П. И. К методологии определения этнографических территорий / П. И. Кушнер // Советская этнография. – 1946. – № 1. – С. 12 – 24.

169. Ламин, В. А., Резун Д. Я. Метаморфозы фронта в истории Сибири, Северной Америки и Австралии (к постановке проблемы) / В. А. Ламин, Д. Я. Резун // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. – Новосибирск : ИИ СО РАН, 1998. – С. 17 – 24.

170. Латур, Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию / пер. И. Полонской / Б. Латур. – М. : Изд. дом Высшая школа экономики, 2014. – 382 с.

171. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М. : Главная редакция восточной литературы, 1985. – 536 с.

172. Лекторский, В. А. Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии? / В. А. Лекторский // Конструктивизм в теории познания / Рос.

акад. наук, И-т философии; / Отв. ред. В. А. Лекторский. – М. : ИФРАН, 2008. – С. 4 – 30.

173. Лефевр, А. Другие Парижи / А. Лефевр // Логос. – 2008. – № 3 (66). – С. 141 – 147.

174. Лефевр, А. Производство пространства / А. Лефевр // Социологическое обозрение. – 2002. – Том 2. – № 3. – С. 27 – 29.

175. Лефевр, А. Пространство. Социальный продукт и потребительная стоимость / А. Лефевр // Социология власти. – 2014. – № 2. – С. 190 – 202.

176. Линч, К. Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева / К. Линч. – М. : Стройиздат, 1982. – 328 с.

177. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб : Алетейя, 1998. – 160 с.

178. Литовкина А.М. Концепт «Сибирь» и его эволюция в русской языковой картине мира: от «Сибирских летописей» до публицистики В.Г. Распутина: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Анна Михайловна Литовкина. – Иркутск, 2008. – 21 с.

179. Ло, Дж. Объекты и пространства / Дж. Ло // Социология вещей: сб. статей / под ред. В. С. Вахштайна. – М. : Территория будущего, 2006. – С. 223 – 243.

180. Логунова, Л. Ю. Влияние исторической травмы на семейно-родовую память сибиряков / Л. Ю. Логунова // Социологические исследования. – 2009. – №9. Сентябрь. – С.126 – 136.

181. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб : Искусство, 2010. – 704 с.

182. Луман, Н. Введение в системную теорию / Пер. с нем. К. Тимофеевой / Н. Луман. – М. : Логос, 2007. – 360 с.

183. Луман, Н. Общество как социальная система / Перевод с нем. А. Ю. Антоновского / Н. Луман. – М. : Логос, 2004. – 200 с.

184. Луман, Н. Реальность масс-медиа / Перевод с нем. А. Ю. Антоновского / Н. Луман. – М. : Праксис, 2005. – 252 с.

185. Макарычев, А. С. «Игры понятий»: новая «геометрия регионализма» в европейском контексте / А. С. Макарычев // *Международные процессы*. – 2003. – № 3. – С. 68 – 77.
186. Мак-Люэн, М. Галактика Гутенберга / М. Мак-Люэн. – Киев : Ника-Центр, Эльга, Издательский дом Дмитрия Бурого, 2003. – 432 с.
187. Малахов, В. С. Неудобства с идентичностью / В. С. Малахов // *Вопросы философии*. – 1998. – № 2. – С. 43 – 54.
188. Малинова, О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России / О. Ю. Малинова // *Полис*. – 2010. – № 2. – С. 90 – 105.
189. Малькова, В. К., Тишков, В. А. Культура и пространство. Книга первая. Образы российских республик в Интернете / В. К. Малькова, В. А. Тишков. – М. : ИЭА РАН, 2009. – 147 с.
190. Малякин, И. Региональная мифология: три возраста / И. Малякин // *Pro et Contra*. – Зима 2000. – С. 109 – 122.
191. Маляр, А. А. Топология и сюжеты сибирской идентичности: Кузбасс / А. А. Маляр // *Сибирь: контексты настоящего: сборник материалов международных конференций молодых исследователей Сибири* / науч. ред. И. П. Басалаева, М. Я. Рожанский; Иркутск, 2016. – С. 73 – 90.
192. Мамсик, Т. С. У истоков сибирского евразийства / Т. С. Мамсик // *Сибирское общество в контексте модернизации XVIII – XX вв.* – Новосибирск : СО РАН, 2003. – С.26 – 35.
193. Мартишина Н. И. Категория конструирования: за пределами технической интерпретации / Н. И. Мартишина // *Вестник СГУПС*. – 2011. – № 25. – С. 25 – 31.
194. Мартишина, Н. И. Конструирование правовой нормы: онтологическое содержание процесса / Н. И. Мартишина // *Онтология и аксиология права. Тезисы докладов и сообщений Седьмой международной научной конференции* / отв. Л. В. Денисова, П. В. Векленко. 2015. – С. 22 – 24.

195. Мартишина, Н. И. Конструктивистская исследовательская программа в социально-гуманитарном знании / Н. И. Мартишина // Гуманитарные исследования. – 2015. – № 2 (6). – С. 19 – 23.
196. Мартишина, Н. И. Реальность и ее конструирование / Н. И. Мартишина. – Новосибирск : СГУПС, 2009. – 172 с.
197. Матханова, Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века / Н. П. Матханова. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. – 551 с.
198. Машнина, М. В. Тюмень: нефтяной край versus пилотный регион / М. В. Машнина // Культурная политика в регионах и борьба за идентичность / под ред. В.В. Маланина. – Пермь : ПГНИУ, 2011. – С. 75 – 84.
199. Милграм, С. Эксперимент в социальной психологии / С. Милграм. – СПб : Изд-во «Питер», 2000. – 338 с.
200. Миллер, А. О. О дискурсивной природе национализмов / А. О. Миллер // Pro et Contra. – 1997. – Т. 2. – № 4. – С. 141 – 151.
201. Митин, И. И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов / И. И. Митин. – Смоленск : Ойкумена, 2004. – 160 с.
202. Митин, И. И. На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства / И. И. Митин // Топос. – 2011. – № 1. – С. 62 – 73.
203. Митин, И. И. На пути к региональной культурной географии: опыт англо-американских географов XX века [Электр. ресурс] / И. И. Митин. Режим доступа: http://pskgu.ru/projects/pgu/storage/prj/prj_13/prj_13_01.pdf
204. Митрофанова, Л. М. «Урал», «Зауралье», «Россия» и «Сибирь»: Перекресток понятий в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка / Л. М. Митрофанова // Литература Урала: История и современность: Сб. ст. – Вып. 4. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2008. – С. 130 – 135.
205. Михайлов, Д. А. Евразийство в национальном дискурсе Сибири / Д. А. Михайлов // Вестник Российской нации. – 2014. – № 1. – С. 144 – 159.

206. Михайловский, Н. К. Герои и толпа / Н. К. Михайловский // Михайловский Н. К. Герои и толпа: Избранные труды по социологии в 2-х томах / отв. ред. В. В. Козловский. – СПб : Алетейя, 1998. – Т.2. – 768 с.

207. Морозова, Т. А. Медиатизация технологий конструирования имиджа города: автореферат дис. ... д. филол. наук: 10.01.10 / Морозова Татьяна Анатольевна. – Краснодар, 2013 – 36 с.

208. Мурзина, И. Я. Региональная идентичность и региональное самосознание / И. Я. Мурзина // Дискурс–Пи. – 2003. – Т. 3. – № 1. – С. 101 – 104.

209. Муш, Т. Территориальность и мобильность: о мигрирующих сообществах и территориальной «укорененности» / пер. О. К. Ермаковой / Т. Муш // Уральский исторический вестник. – 2012. – № 2 (35). – С. 15 – 19.

210. Назукина, М. В. Варианты конструирования региональной идентичности в Северном Кавказском федеральном округе / М. В. Назукина // Вестник Пермского ун-та. Сер. Политология. – 2011. – № 3. – С. 5 – 21.

211. Назукина, М. В. Концепт региональной идентичности: методологический взгляд политолога / М. В. Назукина // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2011. – № 6. – С. 86 – 92.

212. Назукина, М. В. Особенности региональной идентичности Пермского края: социокультурный аспект / М. В. Назукина // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. – 2010. – № 1. – С. 64 – 75.

213. Назукина, М. В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: автореферат дис. ... канд. пол. наук: 23.00.02 / Назукина Мария Викторовна. –Пермь, 2009. – 26 с.

214. Назукина, М. В., Подвинцев, О. Б. Идеологические и политико-психологические основы москвоборчества в российских регионах // Политический альманах Прикамья / под ред. Л. А. Фадеевой. / М. В. Назукина, О. Б. Подвинцев. – Пермь : Пермское книжное изд-во, 2006. – Вып. 6. – С. 184 – 196.

215. Назукина, М. В., Подвинцев, О. Б. Особенности позиционирования регионов Урала на современном этапе / М. В. Назукина, О. Б. Подвинцев // Политическая регионалистика и исследования в регионах России. Политическая наука. Ежегодник. – М. : РОССПЭН, 2011. – С. 216 – 237.

216. Нарский, И. Путешествие между университетскими мирами, или бремя свободы / И. Нарский // Гражданин мира или пленник территории? К проблеме идентичности современного человека. Сб. материалов второй ежегодной конф. в рамках исслед. проекта «Локальные истории: научный, художественный и образовательный аспекты» – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – С. 138 – 164.

217. Немцев, М. Ю. «Метафизическая ситуация» в советской деревне: к философской и антропологической интерпретации «деревенских рассказов» В. М. Шукшина / М. Ю. Немцев // Идеи и идеалы. – 2012. – № 2 (12). – Т. 1. – С. 67 – 78.

218. Нефедова, Л. К. Репрезентация конфликтологических идей в истории художественной литературы / Л. К. Нефедова // Омский научный вестник. – 2012. – № 2 (106). – С. 95 – 98.

219. Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в.: Материалы Региональной научно-практической конференции, посвященной памяти проф. И. В. Островского / Под ред. В. А. Зверева. – Новосибирск : Издательство НГПУ, 2006. – 266 с.

220. Окунев, И. Ю., Остапенко Г. И. Символический капитал столичности: опыт концептуального картирования столиц без актуальной государственности / И. Ю. Окунев, Г. И. Остапенко // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН, Малинова О. Ю., гл. ред. и др. – М., 2016. – Вып. 4 : Социальное конструирование пространства. – С. 155 – 186.

221. Панарин, С. А. Вместо послесловия: двенадцать тезисов о региональной идентичности / С. А. Панарин // В поисках России: Серия публикаций и дискуссий об идентичности. – Т.3. Восточная Россия – Дальний

Восток / Сост., отв. ред. С. А. Панарин. – СПб : Интерсоцис, 2011. – С. 206 – 243.

222. Панарина, Д. С. Мифы и образы сибирского фронта / Д. С. Панарина // Культурная и гуманитарная география. – 2013. – № 1. – Т. 2. – С. 39 – 52.

223. Панарина, Д. С. Феномен фронта в культуре Америки и России (США и Сибирь): автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Панарина Дарья Сергеевна. – М., 2012. – 22 с.

224. Парк, Р. Город как социальная лаборатория / пер. С. П. Баньковской / Р. Парк // Социологическое обозрение. – 2002. – Том 2. – № 3. – С. 3 – 12.

225. Парк, Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок / пер. В. Николаева / Р. Парк // Социологическое обозрение. – 2006. – Том 5. – № 1. – С. 11 – 18.

226. Парк, Р. Сознание бродяги: рассуждения по поводу соотношения сознания и перемещения / пер. С. П. Баньковской / Р. Парк // Социологическое обозрение. – 2003. – Том 3. – № 1. – С. 35 – 37.

227. Петров, Н. Формирование региональной идентичности в регионах России: общие закономерности, подходы к изучению / Н. Петров // Центр и региональные идентичности в России. – СПб, М., 2003. – С.125 – 186.

228. Петровская, Е. В. Безымянные сообщества / Е. В. Петровская. – М. : ООО «Фаланстер», 2012. – 384 с.

229. Пивоев, В. М. Этнос и нации: проблемы идентификации / В. М. Пивоев. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006. – 109 с.

230. Побережников, И. В. Азиатская Россия: фронт, модернизация / И. В. Побережников // Известия Уральского федерального университета: Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 96. – С. 191 – 203.

231. Побережников, И. В. Уральская региональная идентичность: у истоков формирования / И. В. Побережников // Десятые Татищевские чтения. Всерос. науч.- практ. конф. (Екатеринбург, 21-22 ноября 2013 г.): Материалы / Под ред. Г. Е. Корнилова. – Екатеринбург, 2013. – С. 140 – 145.

232. Подвинцев, О. Б. Ментальная граница между Уралом и Сибирью в современной России / О. Б. Подвинцев // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН, ИНИОН. Малинова О. Ю., гл. ред., и др. – М., 2016. – Вып. 4 : Социальное конструирование пространства. – С. 208 – 215.

233. Подвинцев, О. Б. Москва как одна из координат в процессе формирования региональной идентичности России / О. Б. Подвинцев // Вестник Пермского научного центра. – 2014. – № 5. – С. 33 – 40.

234. Политика и культура в российской провинции. Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области / Под ред. С. Рыженкова, Г. Люхтерхардт-Михалевой. – М., СПб : Летний сад, 2001. – С. 209 – 232.

235. Полищук, Л. И. Российская модель «переговорного федерализма: политико-экономический анализ / Л. И. Полищук // Политика и экономика в региональном измерении / Под. ред. В. Климанова, Н. Зубаревич. – М., СПб : Летний сад, 2000. – С. 88 – 108.

236. Потанин, Г. Н. Родиноведение / Г. Н. Потанин // Литература Урала: история и современность: Сб. ст. Вып. 4. / Институт истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. – С. 116 – 121.

237. Потанин, Г. Н. Роман и рассказ в Сибири / Г. Н. Потанин // Литературное наследство Сибири. – Т.7. – Новосибирск, 1986.

238. Разуvalова, А. И. «Оттепель в Сибири»: трансформации территориального мифа в советской прозе конца 1950-х гг. (на материале произведений В. Осипова и А. Кузнецова) / А. И. Разуvalова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. – 2014. – Т. 133. – № 4. – С. 165 – 177.

239. Распутин, В.Г. Собр. соч.: В 3-х т. / Валентин Григорьевич Распутин. – Т.3. – М. : Молодая гвардия, Вече-Аст, 1994.

240. Рачева, А. А. «...и целой Сибири мало: трансформация представлений о Сибири и Иркутске (на материале глубинных интервью с жителями Иркутска) / А. А. Рачева // Сибирь: контексты настоящего: сборник

материалов международных конференций молодых исследователей Сибири / науч. ред. И. П. Басалаева, М. Я. Рожанский; Иркутск, 2016. – С. 91 – 102.

241. Ремезовская летопись по Мировичеву списку // Сибирские летописи – С.-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1907. – 467 с.

242. Ремнев, А. В. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX–начало XX в.) / А. В. Ремнев // Административное и государственно-правовое развитие Сибири XVII-XXI вв. – Иркутск : ИГУ, 2003. – С. 22 – 43.

243. Ремнев, А. В. Империя расширяется на восток: «топонимический национализм» в символическом пространстве Азиатской России XIX – начала XX века / А. В. Ремнев // *Ofiary imperium. Imperia jako ofiary. 44 spojrzzenia* / Red. Andrzej Nowak. Warszawa, 2010. – С. 153 – 168.

244. Ремнев, А. В. Михаил Никифорович Катков в поисках «сибирского сепаратизма» // Личность в истории Сибири XVIII – XX вв. Сборник биографических очерков / А. В. Ремнев. – Новосибирск : ИД «Сова», 2007. – С. 64 – 80.

245. Ремнев, А. В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX века / А. В. Ремнев // *Полития*. – 2011. – № 3 (62). – С. 109 – 128.

246. Ремнев, А. В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) / А. В. Ремнев // *Ab Imperio*. – 2000. – № 3 – 4. – С. 343 – 358.

247. Ремнев, А. В. Россия на Дальнем Востоке. Имперская география власти XIX – начала XX веков. / А. В. Ремнев. – Омск : ОмГУ, 2004. – 552 с.

248. Ремнев, А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX вв. / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова. – Омск : Изд. дом «Наука», 2013. – 248 с.

249. Ремнев, А. В., Суворова, Н. Г. «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации /

А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова // Исторические записки. – № 11 (129). – М. : Наука, 2008. – С.132 – 180.

250. Ремнев, А. В., Суворова Н. Г. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Азиатской империи / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова // Полития. – 2010. – № 3 – 4 (58-59). – С. 150 – 191.

251. Рер, А. Поселок Ния (Грузинская) в годы ГрузстройБАМА (1975 - 1982): коммеморация и воспоминания бывших работников и нынешних жителей / А. Рер // Сибирь: контексты настоящего: сборник материалов международных конференций молодых исследователей Сибири / науч. ред. И. П. Басалаева, М. Я. Рожанский; Иркутск, 2016. – С. 225 – 240.

252. Рикёр, П. Я-сам как другой / П. Рикёр. – М. : Изд-во гуманитарной литературы, 2008. – 416 с.

253. Родигина, Н. Н. «Героический сотник», «женщина-Герострат» и другие: образы путешественников из Сибири в столицу в еженедельных журналах второй половины XIX – начала XX в. / Н. Н. Родигина // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – том 22. – №1. – С. 10 – 14.

254. Родигина, Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XVIII – начала XX в. / Н. Н. Родигина. – Новосибирск : Изд.-во НГПУ, 2006. – 343 с.

255. Родигина, Н. Н. Репрезентации Сибири в песнях каторжан второй половины XIX – начала XX века / Н. Н. Родигина // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14. – Вып. 1: История. – С. 76 – 90.

256. Рожанский, М. Я. Место Москвы в советском сибирском кинотексте: от 1930-х годов к советскому финалу / М. Я. Рожанский // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Малинова О. Ю., гл. ред., и др. – М., 2016. – Вып. 4 : Социальное конструирование пространства. – С. 216 – 244.

257. Рожанский, М. Я. Сибирские узлы империи [Электр. ресурс] / М. Я. Рожанский. Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/15048>

258. Рожанский, М. Я. Сибирь как пространство памяти / М. Я. Рожанский. – Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2013. – 180 с.
259. Рожанский, М. Я. Социальная энергия. Устная история ударных строек / М. Я. Рожанский // Cahiers du monde russe. – 2011. – № 4 (vol. 52). – С. 619 – 657.
260. Рыбальченко, Т. Л. Мифологемы образа Сибири в русской прозе второй половины XX в. [Электр. ресурс] / Т. Л. Рыбальченко http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/6_1.html
261. Савельева, Е. Н. Жанровые и стилистические особенности фильмов сибирской тематики в российском кинематографе 1960-х гг. / Е. Н. Савельева // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 305. – С. 62 – 66.
262. Савельева, Е. Н. Художественно-образная модель Сибири и «сибирская идентичность» в отечественном кино XX века / Е. Н. Савельева // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2015. – № 4 (20). – С. 14 – 24.
263. Савельева, Л. П. Истоки сибирского регионального сознания, или О конструировании воображаемой реальности / Л. П. Савельева // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. – М.; Иркутск, 2005. – Вып. 5. – С. 188 – 200.
264. Сверкунова, Н. В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования / Н. В. Сверкунова – СПб : Изд-во НИИ химии Санкт-Петерб. ун-та, 2002. – 192 с.
265. Селиванов, В. В. У истоков сибирской неповторимости / В. В. Селиванов // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона. Сб. ст. – СПб : Астерион, 2007. – 322 с.
266. Семененко, И. С. Идентичность в предметном поле политической науки / И. С. Семененко // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей / Отв. ред. И. С. Семененко. – М. : ИМЭМО РАН, 2011. – С. 8 – 12.

267. Семененко, И. С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности / И. С. Семененко // Политические исследования. – 2008. – № 5. – С. 7 – 19.

268. Серто де М. По городу пешком / пер. А. Космарского / М. де Серто // Социологическое обозрение. – 2008. – Том 7. – № 2. – С. 24 – 38.

269. Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX-XXI веков. Серия Универсалии культуры. Вып. VI: Монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. – М. : Флинта: Наука, 2015. – 384 с.

270. Сибирская историческая энциклопедия. – Новосибирск, 2009. – Т. 2.

271. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / отв. ред. К. В. Анисимов. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2010. – 237 с.

272. Сибирский характер как ценность: кол. монография. Т. 4 / под общ. ред. И. Шиловой; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2011. – 248 с.

273. Сибирские летописи. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская). – Рязань : Александрия, 2008. – 688 с.

274. Сибирь и Русский Север. Проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XVII – начало XXI вв) / Е. Ф. Фурсова, А. Б. Пермиловская и др. – Новосибирск : ИАЭ СО РАН, 2014. – 296 с.

275. Симонова, В. В. Интерпретации пространства представителями малочисленных народов Севера в различных социокультурных средах: автореферат дис. ... канд. социол. наук: 23.00.02 / Симонова Вероника Витальевна. – М., 2008. – 36 с.

276. Симонова, В. В. Транссиб: путь в жизнь, жизнь в пути / В. В. Симонова // Социологические исследования. – 2007. – № 5. – С. 103 – 113.

277. Слезкин, Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Ю. Слезкин. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – 512 с.

278. Смирнягин, Л. В. О региональной идентичности / Л. В. Смирнягин // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. – Вып. 17. «Меняющаяся география зарубежного мира». – М., 2007. – С. 21 – 49.

279. Смирнягин, Л. В. Региональная идентичность и география / Л. В. Смирнягин // Идентичность как предмет политического анализа. Сб. статей. / Отв. ред. И. С. Семенов. – М. : ИМЭМО РАН, 2011. – С. 177 – 185.

280. Смирнягин, Л. В. Эволюция места в ходе «производства пространства» / Л. В. Смирнягин // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Ред. кол.: Малинова О. Ю., гл. ред., и др. – М., 2016. – Вып. 4: Социальное конструирование пространства. – С. 84 – 105.

281. Смит-Питер, С. С. У. Ремезов и сибирская идентичность в конце XVII – начала XVIII века / С. Смит-Питер // Сибирские исторические исследования. – 2014. – № 3. – С. 7 – 23.

282. Смит-Питер, С. Сибирские письма Джорджа Кеннана-Старшего, 1866-1867 / С. Смит-Питер // Сибирские исторические исследования. – 2016. – № 3. – С. 105 – 134.

283. Соджа, Э. Постметрополис. Критические исследования городов и регионов / Э. Соджа // Логос. – 2003. – № 6 (40). – С. 113 – 150.

284. Созина, Е. К. Уральский текст в литературе региона 1800-1820 гг. / Е. К. Созина // Литература Урала: история и современность: Сб. ст. Вып. 4. / Институт истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. – С. 53 – 68.

285. Соколовский, С. В. Заметки о принципах выделения регионов в географии и антропологии / С. В. Соколовский // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 5. – С. 54 – 60.

286. Соколовский, С. В. Метафизика идентичности и исследования процессов идентификации в социальных науках / С. В. Соколовский // Сибирские исторические исследования. – 2015. – № 1. – С. 8 – 22.

287. Соколовский, С. В. Онто-логики национального: культурная сложность национальных сообществ и проблемы ее категоризации /

С. В. Соколовский // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М. : Политическая энциклопедия, 2016. – С. 35 – 56.

288. Сорокин, П. А. Система социологии. В 2-х томах. Т.2. / П. А. Сорокин. – М. : Изд-во Наука, 1993. – 1136 с.

289. Сочава, В. Б., Тимофеев, Д. А. Физико-географические области Северной Азии / В. Б. Сочава, Д. А. Тимофеев // Докл. Ин-та географии Сибири и Дальнего Востока. – 1968. – Вып. 19. – С. 3 – 19.

290. Ссорин-Чайков, Н. В. Гоббс в Сибири: социальная жизнь государства / Н. В. Ссорин-Чайков // Социология власти. – 2012. – № 4 –5 (1). – С. 155 –187.

291. Степин, В. С. Конструктивные основания научной картины мира / В. С. Степин // Конструктивизм в теории познания / Рос. акад. наук, И-т философии / Отв. ред. В. А. Лекторский. – М. : ИФРАН, 2008. – С. 4 – 30.

292. Столин, В. В. Самопознание личности / В. В. Столин – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 284 с.

293. Стрелецкий, В. Н. Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов / В. Н. Стрелецкий // Псковский регионологический журнал. – 2012. – № 14. – С. 9 – 21.

294. Стрелецкий, В. Н. Парадигмы геопространства и методология культурной географии / В. Н. Стрелецкий // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. – Вып.1. – М. : Институт наследия, 2004. – С. 95 – 119.

295. Строгановская летопись по списку Спасского. – В кн. : Сибирские летописи / Изд.-во Имп. Археографической комиссии. СПб., 1907.

296. Суворова, Н. Г. «Сибирская нация» в исторических конструкциях и административных практиках XIX века / Н. Г. Суворова // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности. Сб. науч. ст. – Томск : Изд-во ТГУ, 2015. – С. 113 – 130.

297. Супрун, В. И. Сибирь как мегарегион: концепции и реальность / В. И. Супрун // Идеи и идеалы. – 2016. – № 1 (27). – Т.1. – С. 124 – 134.

298. Суслов, В. И., Лавровский, Б. Л. Имидж Сибири в зеркале экономической истории и стратегии / В. И. Суслов, Б. Л. Лавровский // Сибирь: имидж мегарегиона. – Новосибирск : ФСПИ «Тренды», 2012. – С. 143 –163.

299. Сюни, Р. Г. Конструируя примордиализм: старые истории для новых наций // Антропология социальных перемен: сборник ст. / отв. ред Э. Гучинова, Г. Комарова / Р. Г. Сюни. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2011. – С. 52 – 86.

300. Тарковский, М. А. Избранное / М. А. Тарковский. – Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2014.

301. Теннис, Ф. Общность и общество / Пер. с нем. Д. В. Складнева / Ф. Теннис – СПб : Изд-во «Владимир Даль», 2002.

302. Терских, М. В. Имидж Сибири в аспекте брендинга туристической дестинации / М. В. Терских // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4 (38). – С. 263 – 272.

303. Тишков, В. А. Усложняющееся разнообразие: как его понять и упорядочить / В. А. Тишков // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М. : Политическая энциклопедия, 2016. – С. 7 – 18.

304. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е изд. / под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. – Т. 4. – СПб., 1909.

305. Толстой, Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М. : Изд-во «Индрик», 1995. – 512 с.

306. Трахтенберг, А. Д. «Югра же людье есть язык нем»: опыт исторического анализа дискурса / А. Д. Трахтенберг // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2005. – № 6. – С. 290 – 312.

307. Трейвиш, А. И. Регионализация и централизация в России / А. И. Трейвиш // Региональные исследования. – 2008. – № 5 (20). – С. 3 – 13.
308. Трубина, Е. Г. Город в теории / Е. Г. Трубина. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 520 с.
309. Трубина, Е. Г. Поворот к пространству: междисциплинарное движение и сложности его популяризации / Е. Г. Трубина // Политическая концептология. – 2011. – № 4. – С. 34 – 49.
310. Трубина, Е. Г. Центр и периферия: между ростом и развитием / Е. Г. Трубина // Логос. – 2013. – № 4 (94). – С. 237 – 266.
311. Тульчинский, Г. Л. Наррация в символической политике: уровни и диахрония / Г. Л. Тульчинский // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН; Ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др. – М., 2016. – Вып. 4: Социальное конструирование пространства. – С. 65 – 83.
312. Туровский, Р. Ф. Региональная идентичность в современной России / Р. Ф. Туровский // Российское общество: становление демократических ценностей? – М., 1999. – С. 87 – 136.
313. Тюпа, В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы / В. И. Тюпа // Сибирский филологический журнал. – 2002. – № 1. – С. 27 – 35.
314. Уральская матрица // Сайт творчества Алексея Иванова [Электр. ресурс] / А. Иванов. Режим доступа: <http://www.arkada-ivanov.ru/ru/Uralskajamatrix/>
315. Утехин, И. В. Очерки коммунального быта / И. В. Утехин. – М. : ОГИ, 2004. – 277с.
316. Фадеева, Л. А. Психологические и культурные основания конструирования идентичности: пермский кейс [Электр. ресурс] / Л. А. Фадеева. Режим доступа: http://identityworld.ru/Statyi/Fadeeva_perm_case.pdf
317. Федорова, Л. В. Евразийство: стремление к древнейшей или новой религиозности универсальных идей / Л. В. Федорова. – Якутск : Издательский дом СВФУ им. М.К. Аммосова, 2012. – 320 с.

318. Федорова, Н. В. Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: история взаимодействия на торговых путях / Н. В. Федорова // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 4 (12). – С. 91 – 101.

319. Федяев, Д. М., Федяева, Л. В. Образы города: организм и отключенный механизм / Д. М. Федяев, Л. В. Федяева // Визуальные образы современной культуры. Человек в современном городе: облик, образ, образование. Сб. трудов конф. / отв. ред. П. Л. Зайцев – Омск : ОмГУ, 2016. – С. 7 – 11.

320. Федяев, Д. М., Чинакова, Л. И. Диалектика границы: общее в различных версиях / Д. М. Федяев, Л. И. Чинакова // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – №3. – С. 324 – 333.

321. Филатов, В. П., Касавин И. Т., Антоновский А. Ю., Рузавин Г. И. Обсуждаем статьи о конструктивизме / В. П. Филатов и др. // Эпистемология и философия науки: Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. – 2009. – Том 20. – № 2. – С. 142 – 156.

322. Филиппов, А. Ф. Социология пространства / А. Ф. Филиппов. – СПб : Владимир Даль, 2008. – 285 с.

323. Филиппова, Е. И. Интервью с Франц Герен-Пас и Изабель Виль / Е. И. Филиппова // Этнографическое обозрение. – 2005. – № 5. – С. 58 – 64.

324. Филиппова, Е. И. Территории коллективной идентичности в современном французском дискурсе: автореф. дис...докт. ист. наук: 07.00.07 / Филиппова Елена Ивановна. – М., 2010. – 51 с.

325. Филиппова, Е. И. Этническая или региональная идентичность? (Как принятые в России и во Франции способы классификации населения влияют на формирование коллективных идентичностей) / Е. И. Филиппова // Французские тетради: диалоги и переводы / Отв. ред Е. И. Филиппова. – М. : «Росинформагротех», 2008. – С. 5 – 21.

326. Филлипс, Л., Йоргенсен, М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Филлипс, М. В. Йоргенсен. – Харьков : Гуманитарный центр, 2004. – 336 с.

327. Флоринский, В. М. Заметки и воспоминания / В. М. Флоринский // Русская старина. – 1906. – № 4. – С. 109 – 156.
328. Фуко, М. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой / М. Фуко. – СПб : ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга (Серия «Au Pura. Французская коллекция»), 2004. – 416 с.
329. Фуко, М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления, интервью / Пер. с фр. С. Ч. Офертаса под общ. ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова / М. Фуко – М. : Праксис, 2002. – 384 с.
330. Хабек, О. Й. Гендер, «культура», северные просторы / О. Й. Хабек // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 4. – С. 59 – 68.
331. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М. : Ad marginem, 1997. – 452 с.
332. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – С. 197 – 202.
333. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. / Пер. с англ. А. Башкирова / С. Хантингтон. – М. : АСТ: ООО «Транзиткнига», 2004. – 635 с.
334. Харви, Д. Пространство как ключевое слово / Д. Харви // Топос. – 2011. – № 1. – С. 10 – 38.
335. Хилько, Н. Ф. Кинематограф Сибири: коммуникация, язык, творчество / Н. Ф. Хилько. – Омск : Сибирский филиал РИК, 2010. – 101 с.
336. Хламова, А. М. Мотивы обращения к теме уголовной ссылки в Сибирь русских писателей второй половины XIX в. / А. М. Хламова // Пишем времена и случаи: Материалы Всероссийской науч.-практ. конф., посвященной 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ. – Новосибирск, 2008. – С. 241 – 244.
337. Черняева, Т. Город: производство идентичностей / Т. Черняева // Гражданин мира или пленник территории? К проблеме идентичности современного человека. Сб. материалов второй ежегодной конф. в рамках

исслед. проекта «Локальные истории: научный, художественный и образовательный аспекты». – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – С. 116 – 137.

338. Чернышов, Ю. Г. Имидж региона и региональная идентичность (на примере Алтайского края) / Ю. Г. Чернышов // Вестник Пермского университета. Сер. «Политология». – Пермь, 2011. – С. 105 – 112.

339. Чеснокова, И. И. Проблема самосознания в психологии / И. И. Чеснокова. – М. : Наука, 1977. – 144 с.

340. Чистов, К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд) / К. В. Чистов. – СПб : Дмитрий Буланин, 2003. – 540 с.

341. Чуркин, М. К. Адаптивная ситуация, барьеры и стратегии поведения переселенцев Черноземного центра Европейской России (вторая половина XIX – начало XX вв.) / М. К. Чуркин // Сибирские исторические исследования. – 2013. – №1. – С. 18 – 30.

342. Шахеров, В. П. Роль азиатского компонента в формировании сибирской самобытности / В. П. Шахеров // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «История». – 2012. – № 2 (3). – Ч. 1. – С. 180 – 184.

343. Шевцов, В. В. Образ Сибири на страницах официальной и частной дореволюционной печати / В. В. Шевцов // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – № 3 (92). – С. 92 – 99.

344. Шевцов, В. В. Сибирь и сибиряки на страницах губернских ведомостей / В. В. Шевцов // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности. Сб. науч. ст. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2015. – С. 128 – 139.

345. Шерстова, Л. И. В поисках себя: «новые» идентичности современных тюркоязычных народов Сибири / Л. И. Шерстова // Томский журнал

лингвистических и антропологических исследований. – 2016. – № 1 (11). – С. 62 – 73.

346. Шиловский, М. В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. / М. В. Шиловский. – Новосибирск : Сова, 2008. – 270 с.

347. Шлямин, В. А. Россия в «Северном измерении» / В. А. Шлямин. – Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2002. – 188 с.

348. Шматко, Н. А., Качанов, Ю. Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования / Н. А. Шматко, Ю. Л. Качанов // Социс. – 1998. – № 4. – С. 94 – 101.

349. Шнирельман, В. А. Единая Европа и соблазн кельтского мифа / В. А. Шнирельман // Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. – М. : Наука, 2007. – С. 452 – 485.

350. Шнирельман, В. А. Идентичность и политика постсоветской памяти / В. А. Шнирельман // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2009. – № 2. – С. 209 – 230.

351. Штепа, В. Новая эра географических открытий // Неприкосновенный запас. 2013. № 91 (5). [Электронный ресурс] / В. Штепа. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/4009>

352. Штомпка, П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 2. – С. 3 – 12.

353. Щербинин, Д. И. Конфликтный потенциал сибирского сепаратизма (по материалам социологических исследований в Алтайском и Красноярском краях, республике Алтай, Кемеровской и Читинской областях): автореферат дис. ...канд. социол. наук: 22.00.04 / Щербинин Денис Игоревич. – Барнаул, 2010.

354. Эксперт-Сибирь. Региональный деловой журнал. – 2011. – № 50.

355. Элдон, С. Утраченная точка: глобализация, детерриториализация и пространство мира /пер. А. В. Дьякова / С. Элдон // Хора. – 2008. – № 2. – С. 55 – 71.

356. Ядов, В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности / В. А. Ядов // Мир России. – 1995. – №3 – 4. – С. 158 – 181.

357. Ядринцев, Н. М. Сибирские литературные воспоминания / Н. М. Ядринцев // Литературное наследство Сибири. – Т. 4. – Новосибирск : Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1979.

358. Ядринцев, Н. М. Сибирь как колония: географический, этнографический, исторический аспекты. 2-е изд. / Н. М. Ядринцев. – СПб., 1892. – 736 с.

359. Ядринцев, Н. М. Сибирь перед судом русской литературы / Н. М. Ядринцев // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1980. – Т. 5.

360. Ядринцев, Н. М. Спящая красавица / Н. М. Ядринцев // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1980. – Т. 5.

361. Agnew J., Duncan J. (eds). The Power of Place: Bringing Together Sociological and Geographical Imaginations / J. Agnew, J. Duncan. – London : Unwin Hyman, 1989. – 272 p.

362. Allen, J., Cochrane, A. Beyond the territorial fix: regional assemblages, politics and power / J. Allen, A. Cochrane // Regional Studies. – 2007. – № 41(9). – P. 1161–1175.

363. Allen, J., Massey, D., and Cochrane A. Rethinking the region / J. Allen, etc. – London : Routledge, 1998. – 159 p.

364. Altman, I., Low, S. Human behavior and environments: advances in theory and research / I. Altman, S. Low // Place Attachment. – Vol. 12. – New York: Plenum Press, 1992. – P. 1 – 32.

365. Amin, A. Local community on trial / A. Amin // Economy and society. – 2005. – № 34 (4). – P. 612 – 633.

366. Amin, A. Regions unbound: towards a new politics of place / A. Amin // Geografiska Annaler. – 2004. – № 86. – P. 33 – 44.

367. Andersson M., Karlsson C. Regional innovation systems in small and medium-sized regions / M. Andersson, C. Karlsson // Johansson B., Karlsson C. and

Stough R. (Eds). *The Emerging Digital Economy: Entrepreneurship, Clusters and Policy*. – Berlin : Springer, 2006. – P. 55 – 81.

368. Antaki, C, Widdicombe, S (eds). *Identities in talk* / C. Antaki, S. Widdicombe. – London : Sage, 1998. – 240 p.

369. Antonsich, M. Meanings of place and aspects of the self / M. Antonsich // *GeoJournal*. – 2010. – №.75. – P. 119 –132.

370. Antonsich, M., Holland, E.C. Territorial attachment in the era of globalization: the case of Western Europe / M. Antonsich, E. Holland // *European Urban and Regional Studies*. – 2014. – Vol. 21 (2). – P. 206 – 221.

371. Appadurai, A. Disjunction and difference in the global cultural economy / A. Appadurai // *Theory, culture and society*. – 1990. – № 7 (2–3). – P. 295 – 310.

372. Ardoin, N. Toward an Interdisciplinary Understanding of Place: Lessons for Environmental Education / N. Ardoin // *Canadian Journal of Environmental Education*. – 2006. – № 11. – P. 112 –126.

373. Argunova-Low, T. Close Relatives and Outsiders: Village People in the City of Yakutsk, Siberia / T. Argunova-Low // *Arctic Anthropology*. – 2007. – Vol. 44. – № 1. – P. 51–61.

374. Arisaka, Y. On Heidegger's Theory of Space: A Critique of Dreyfus / Y. Arisaka // *Inquiry*. – December 1995. – № 38 (4). – P. 455 – 467.

375. Badcock, S. From Villains to Victims: Experiencing Illness in Siberian Exile / S. Badcock // *Europe-Asia Studies*. – 2013. – № 65 (9). – P. 1716 – 1736.

376. Ballinger, P. Beyond the “new” regional question? Regions, Territoriality, and the space of Anthropology in Southeastern Europe / P. Ballinger // *Ethnologia Balkanica*. – 2007. – №. 11. – P. 59 – 78.

377. Bassin, M. Visions of empire: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865 / M. Bassin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 348 p.

378. Bauman, Z. Disappearing into Desert / Z. Bauman // *Times Literary Supplement*, December 16 – 22, 1988.

379. Beck, U. *Rick Society. Towards a new Modernity* / U. Beck. – London : Sage, 1992. – 260 p.
380. Bendix, R. *In Search of Authenticity: The Formation of Folklore Studies* / R. Bendix. – Madison : University of Wisconsin Press, 1997. – 306 p.
381. *Between Heaven and Hell. The Myth of Siberia in Russian Culture* / Diment G., Slezkine Y. (eds). – New York : St. Martin`s Press, 1993. – 253 p.
382. Boås, M., Hveem, H. *Regionalisms compared: The African and Southeast Asian experience* / M. Boås, H. Hveem // Björn Hettne, Andreas Inotai and Osvaldo Sunkel, (eds.) *Comparing Regionalisms*. – London : Palgrave, 2001. – P. 93 – 131.
383. Bragg, E. A. *Towards ecological self: deep ecology meets constructionist self-theory* / E. A. Bragg // *Journal of Environmental Psychology*. – 1996. – № 16. – P. 93 –108.
384. Brennan, T. *The national longing for form* / T. Brennan // H. Bhabba (ed.) *Nation and Narration*. – London : Routledge, 1990. – P. 8 – 22.
385. Brenner, N. *The limits to scale? Methodological reflections on scalar structuration* / N. Brenner // *Progress in Human Geography*. – 2001. – № 25 (4). – P. 591 – 614.
386. Brown, G., Raymond, C. *The relationship between place attachment and landscape values: towards mapping place attachment* / G. Brown, C. Raymond // *Applied Geography*. – 2007. – № 27 (2). – P. 89 – 111.
387. Broz, L., Habeck, O. J. *Siberian Automobility Boom: From the Joy of Destination to the Joy of Driving There* / L. Broz, O. J. Habeck // *Mobilities*. – 2015. – Vol. 10. – issue 4. – P. 552 – 570.
388. Brubaker, R. *Ethnicity without Groups* / R. Brubaker. – Cambridge : MA : Harvard University Press, 2004. – 283 p.
389. Brubaker, R. *Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town* / R. Brubaker. – Princeton : Princeton University Press, 2006. – 439 p.
390. Brubaker, R., Cooper, F. *Beyond «Identity»* / R. Brubaker, F. Cooper // *Theory and Society*. – 2000. – № 1. – P. 1 – 47.

391. Budwig, N. The linguistic marking of agentivity and control in child language / N. Budwig // *Journal of Child Language*. – 1989. – № 16. – P. 263 – 284.

392. Burbank, J., Hagen, M. v. Coming into Territory: Uncertainty and Empire / J. Burbank, M. v. Hagen // J. Burbank & M. v. Hagen & A. Remnev (eds.) *Russian Empire. Space, People, Power, 1700–1930*. – Bloomington and Indianapolis : Indiana University Press, 2007. – P. 1 – 32.

393. Butler, J. *The psychic life of power: theories in subjection* / J. Butler. – Stanford, CA : Stanford University Press, 1997. – 228 p.

394. Buttimer, A. Home, reach, and sense of place / A. Buttimer // A. Buttimer & D. Seamon (Eds.). *The Human experience of space and place*. – London : Croom Helm, 1980. – P. 73 – 85.

395. Cairncross, F. *The death of distance: how the communications revolution will change our lives* / F. Cairncross. – Boston, Mass. : Harvard Business School Press, 1997. – 303 p.

396. Cary, W. De Vit. Interviewing for Sense of Place / W. de Vit Cary // *Journal of Cultural Geography*. – 2013. – Vol. 30. – № 1. – P. 120 – 144.

397. Castells, M. *The informational city: information, technology, economic restructuring and the urban-regional process* / M. Castells. – Oxford : Blackwell, 1989.

398. Castells, M. *The power of identity* / M. Castells. – Cambridge, Mass. : Blackwell, 1997. – 566 p.

399. Charton-Vachet, F., Lombart, C. New conceptual and operational approach to the link between individual and region: regional belonging / F. Charton-Vachet, C. Lombart // *Recherche et Applications en Marketing*. – 2015. – Vol. 30 (1). – P. 50 – 75.

400. Chawla, L. Childhood place attachments / L. Chawla // I. Altman, & S. Low (Eds.), *Human behavior and environments: advances in theory and research*. Volume 12: Place attachments. – New York : Plenum Press, 1992. – P. 63 – 84.

401. Cohen, A.P. Culture as Identity: An Anthropologist's View / A. P. Cohen // *New Literary History*. – Vol. 24. – № 1. Culture and Everyday Life. – Winter 1993. – P. 195 – 209.

402. Cohen, A.P. Self-consciousness: An alternative Anthropology of identity / A. P. Cohen. – London : Routledge, 1994. – 220 p.
403. Collins, D. N. Sexual Imbalance in Frontier Communities: Siberia and New France to 1760 / D. N. Collins // *Sibirica*. – 2004. – Vol. 4. – № 2. – P. 162 – 185.
404. Conklin, B.A. Body Paint, Feathers, and VCRs: Aesthetics and Authenticity in Amazonian Activism / B. A. Conklin // *American Ethnologist*. – 1997. – Vol. 24. – № 4. – P. 711 – 737.
405. Connerton, P. How Society Remembers / P. Connerton. – Cambridge : Cambridge University Press, 1989. – 121 p.
406. Cosgrove, D. E. Models, descriptions and imagination in geography / D. E. Cosgrove // *Remodelling geography* / Ed. by B. MacMillan. – Oxford : Blackwell, 1989. – P. 230 – 244.
407. Cox, K. R. Political geography: territory, state and society / K. R. Cox. – Oxford : Blackwell, 2002. – 400 p.
408. Cresswell, T. Place [Электр. ресурс] / T. Cresswell. Режим доступа: <https://booksite.elsevier.com/brochures/hugy/SampleContent/Place.pdf>
409. Daniels, S., Cosgrove, D. Introduction: The iconography of landscape / S. Daniels, D. Cosgrove // *The iconography of landscape: Essays on the symbolic representation, design and use of the past environments* / Ed. by S. Daniels, D. Cosgrove. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – P. 1 – 10.
410. Darby, H. C. The problem of geographical description / H. C. Darby // *Transactions of the Institute of British Geographers*. – 1962. – Vol. 30. – P. 1 – 14.
411. Delanty, G. and Rumford, C. Rethinking Europe: social theory and the implications of Europeanization / G. Delanty, C. Rumford. – London : Routledge. – 2005. – P. 68 – 86.
412. Dixon, J., Durrheim, K. Displacing place identity: A discursive approach to locating self and other / J. Dixon, K. Durrheim // *British Journal of Social Psychology*. – 2000. – № 39. – P. 27–44.

413. Entrikin, J. N. The betweenness of place: towards a geography of modernity / J. N. Entrikin. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1991. – 204 p.

414. Erikson, E. Psychosocial Identity / E. Erikson // A Way of Looking at Things. Selected Papers / Ed. By S. Schlein. – N.Y., 1995.

415. Explaining Post-Soviet Patchworks. Vol. 3 : The Political Economy of Regions, Regimes and Republics / ed. K. Segbers. – Aldershot : Ashgate, 2001. – P. 19 – 137.

416. Eyles, J. Thinking Geographically: the Editor as Tailgunner / J. Eyles // Research in Human Geography / Ed. by J. Eyles. – Oxford : Blackwell, 1988. – P. 1 – 16.

417. Featherstone, M. Undoing Culture: Globalization, Postmodernism and Identity / M. Featherstone. – London : Sage Publication, 1995. – 192 p.

418. Ferguson, J. Siberia, the Russian Far-East, and the “future land” [Электр. ресурс] / J. Ferguson. Режим доступа: <http://www.international-relations.com/wbeurasia/wblec7.htm>

419. Fialova, D., Chromy, P., etc. The forming of regional identity and identity of regions in Czechia – introduction to the research on the impact of second housing and tourism / D. Fialova, P. Chromy, etc // Acta Universitatis Carolinae. – 2010 Geographica. – Nos. 1 – 2. – P. 49 – 60.

420. Frederickson, L. M., Anderson, D. H. A qualitative exploration of the wilderness experience as a source of spiritual inspiration / L. M. Frederickson, D. H. Anderson // Journal of Environmental Psychology. – 1999. – № 19. – P. 21 – 39.

421. Friedland R., Boden D. NowHere: An Introduction to Space, Time and Modernity / R. Friedland, D. Boden // NowHere: Space, Time and Modernity Friedland R. & Boden D. (eds.). – Los Angeles : University of California Press, 1994. – P. 257 – 286.

422. Friedman, S. Mappings: Feminism and the Cultural Geographies of Encounter / S. Friedman. – Princeton : Princeton University Press, 1998. – 360 p.

423. *Frontiers, Regions, and Identities in Europe* / Ed. by Ellis S.G., etc. – Pisa : Plus-Pisa University, 2009. – 297 p.

424. Gans, H. *Urbanism and suburbanism as ways of life: a re-evaluation of definitions* / H. Gans // *Human behavior and social processes: an interactionist approach* / Ed. A. M. Rose. – Boston : Houghton Mifflin, 1962. – P. 625 – 648.

425. Gergen, K. J. *Realities and Relationships: Soundings in Social Constructionism* / K. J. Gergen. – London, Cambridge (Mass), 1994. – 356 p.

426. Gilbert, A. *The new regional geography in English and French-speaking countries* / A. Gilbert // *Progress in Human Geography*. – 1988. – № 12. – P. 208 – 228.

427. Gilbert, E. W. *The idea of the region* / E. W. Gilbert // *Geography*. – 1960. – Vol. 45. – № 3. – P. 157 – 175.

428. Glaserfeld, E. von. *Radical constructivism: A way of knowing and learning* / E. v. Glaserfeld. – London : Falmer Press, 1995. – 230 p.

429. Golovneva, E. *Inventing the Sacred Place: The Case in Western Siberia* / E. Golovneva // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. – 2015. – (8) № 6. – P. 1086 – 1093.

430. Gottman, J. *The significance of territory* / J. Gottman. – Charlottesville : University Press of Virginia, 1973. – 182 p.

431. Gregory, D. *Regions and regional geography* / D. Gregory // Johnston R. J, Gregory D, Pratt G. and Watts M. J (eds). *The dictionary of human geography*. – Oxford: Blackwell, 2000. – P. 687 – 689.

432. Guibernau, M. *The identity of nations* / M. Guibernau. – Cambridge : Polity Press, 2008. – 248 p.

433. Guiliani, M. V., Feldman, R. *Place attachment in a developmental and cultural context* / M. V. Guiliani, R. Feldman // *Journal of Environmental Psychology*. – 1993. – № 13. – P. 267 – 274.

434. Gupta, A., Ferguson, J. *Beyond "Culture": Space, Identity, and the Politics of Difference* / A. Gupta, J. Ferguson // *Cultural Anthropology*. – 1992. – Vol. 7. – № 1. – P. 6 – 23.

435. Gustafson, P. Mobility and Territorial Belonging / P. Gustafson // *Environment and Behavior*. – 2009. – № 41 (4). – P. 490 – 508.
436. Habeck, O. J. Dimensions of identity / O. J. Habeck // Erich Kasten (ed.), *Rebuilding identities: Pathways to reform in Post-Soviet Siberia*. – Berlin : Reimer, 2005. – P. 9 – 21.
437. Halbwachs, M. *The Collective Memory* / M. Halbwachs. – New York, Harper & Row Colophon Books, 1980. – 186 p.
438. Hall, S. Introduction: Who needs “identity”? / S. Hall // *Questions of Cultural Identity*/ ed. by S. Hall and P. du Gay. – London : Sage Publications, 1996. – P. 1 – 17.
439. Hall, S. and P. du Guy. (eds). *Questions of Cultural Identity*. – London : Sage Publication, 1996. – 198 p.
440. Harrison, S. Cultural Boundaries / S. Harrison // *Anthropology Today*. – October 1999. – Vol. 15. – № 5. – P. 10 – 13.
441. Hart, J. F. The highest form of the geographer's art / J. F. Hart // *Annals of the Association of American Geographers*. – 1982. – Vol. 72. – № 1. – P. 1 – 29.
442. Harvey, D. *Justice, Nature & the Geography of Difference* / D. Harvey. – Oxford : Blackwell, 1996. – 468 p.
443. Harvey, D. Space as a Keyword / D. Harvey // *David Harvey: a critical reader* / Castree N., Gregory D. (Eds.). – Oxford : Blackwell Publishing. – 2006. – P. 270 – 294.
444. Harvey, D. *Spaces of Capital: Towards a Critical Geography* / D. Harvey. – Edinburgh : Edinburgh University Press. – 2001. – P. 208 – 233.
445. Hay, B. Sense of Place in developmental context / B. Hay // *Journal of Environmental Psychology*. – 1998. – № 18. – P. 5 – 29.
446. Hayden, D. Urban landscape history: the sense of place and the politics of space / D. Hayden // P. Groth, & T. Bressi (Eds.). *Understanding ordinary landscapes*. – New Haven : Yale University Press, 1997. – P. 111 – 113.
447. Herbertson, A. J. Regional environment, heredity and consciousness / A. J. Herbertson // *Geographical Teacher*. – 1996. – № 8. – 147 – 153.

448. Hester, R. Sacred structures and everyday life: a return to Manteo, North Carolina / R. Hester // D. Seamon (Ed.). Dwelling, seeing and designing: toward a phenomenological ecology. – NY : State University of New York Press, 1993. – P. 271 – 298.

449. Hettne, B. Globalization and the new regionalism: the second great transformation / B. Hettne // Globalism and the New Regionalism / Ed. by B. Hettne, A. Inotai, O. Sunkel. – Basingstoke : Macmillan, 1999. – P. 1 – 24.

450. Hettne, B., Soderbaum F. Theorising the Rise of Regionness / B. Hettne, F. Soderbaum // New Political Economy. – 2000. – Vol.5. – № 3 – P. 457 – 473.

451. Hidalgo, M., Hernandez, B. Place attachment / M. Hidalgo, B. Hernandez // Journal of Environmental Psychology. – 2001. – № 21. – P. 273 – 281.

452. Hill, F., Gaddy, C. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold / F. Hill, C. Gaddy. – USA : The Brookings Institution Press, 2003. – 303 p.

453. Hobsbawm, E. J. The Invention of Tradition / E. J. Hobsbawm. – UK, Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 322 p.

454. Hobsbawm, E. J. The Social Function of The Past / E. J. Hobsbawm // Past and Present. – 1972. – № 55. – P. 3 – 14.

455. Holford, M. The North and the Dynamics of Regional Identity in Later Medieval England / M. Holford // An Agenda for Regional History / Ed. Bill Lancaster et al. – Newcastle upon Tyne, 2007. – P. 303 – 320.

456. Hubbard P., Kitchin R., Valentine G. (Eds.). Key texts in Human Geography. – London : Sage Publication Ltd., 2008. – 236 p.

457. Hudgins, S. The other side of Russia: a slice of life in Siberia and the Russian Far East / S. Hudgins. – Texas A&M University Press, 2006. – 349 p.

458. Hummon, D. M. Community attachment: Local sentiment and sense of place / D. Hummon // I. Altman, & S. Low (Eds.). Human behavior and environments: Advances in theory and research. – Volume 12: Place attachment. – New York : Plenum Press, 1992. – P. 253 – 278.

459. Hurrell, A. One world? Many worlds? The place of regions in the study of international society / A. Hurrell // *International Affairs*. – 2007. – № 83 (1). – P. 127 – 146.
460. Ingold, T. *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill* / T. Ingold. – London : Routledge, 2000. – 465 p.
461. Ingold, T. *The Temporality of the Landscape* / T. Ingold // *World Archaeology*. – 1993. – Vol. 25. – № 2. – P. 152 – 174.
462. Inozemtsev, V., Ponomarev, I., Ryzhkov, V. *Continent Siberia: From a Colony to a Global Player* / V. Inozemtsev, etc. // *Russia in global affairs*. – 2012. – Vol. 10. – № 4. – P. 140 – 153.
463. Ivic, S. *The assembly of European regions' Udine declaration: contradictory approaches to European and regional identities* / S. Ivic // *European Urban and Regional Studies*. – 2010. – № 17 (4). – P. 443 – 446.
464. Jackson, P., Penrose P. (eds). *Construction of Race, Place and Nation*. – UCL Press : London, 1993. – 213 p.
465. Jenkins, R. *Social Identity* / R. Jenkins. – London : Routledge, 1996. – 206 p.
466. Jessop, R. *The Political Economy of Scale and the Construction of Cross-Border Regions* / R. Jessop // F. Söderbaum, T. M. Shaw (eds). *Theories of New Regionalism. A Palgrave Reader*. – Basingstoke : Palgrave, 2003. – P. 179 – 196.
467. Johansson, R. *The impact of imagination. History, territoriality and perceived affinity* / R. Johansson // Tägil S (ed.). *Regions in central Europe*. – West Lafayette : Purdue University Press, 1999. – P. 1 – 29.
468. Johnston, R. J., Gregory. D., Pratt G. and Watts M. (eds.). *The dictionary of human geography* / R. J. Johnston. – Blackwell Oxford, 2000. – P. 274 – 303.
469. Joenniemi, P. *The New Saint Petersburg: Trapped in Time? Alternatives* / P. Joenniemi // *Global, local, political*. – 2003. – № 28 (5). – P. 583 – 609.
470. Jones, E., Eyles, J. *An Introduction to Social Geography* / E. Jones, J. Eyles. – Oxford : Oxford University Press, 1977. – 288 p.

471. Jordan, T. Perceptual Regions of Texas / T. Jordan // *Geographical Review*. – 1978. – vol. 68. – № 3. – P. 293 – 307.

472. Jürgenson, A. The wild and homely Siberia: how Siberian Estonians perceive their natural environment / A. Jürgenson // *Folklore. Electronic Journal of Folklore*. – 2002. – № 21. – P. 52 – 76.

473. Kaiser, R. Borderland spaces of identification and dis/location: Multiscalar narratives and enactments of Seto identity and place in the Estonian-Russian borderlands / R. Kaiser, E. Nikiforova // *Ethnic and Racial Studies*. – September 2006. – Vol. 29. – № 5. – P. 928–958.

474. Karrholm, M. The Materiality of Territorial Production: A conceptual discussion of territoriality, materiality and the everyday life of public space / M. Karrholm // *Space and Culture*. – 2007. – Vol. 10 (4). – P. 437 – 453.

475. Katzenstein, P.J. The Culture of National Security. Norms and Identity in World Politics / P. Katzenstein. – New York : Columbia University Press, 1996. – 562 p.

476. Keating, M. Rethinking the region. Culture, institutions and economic development in Catalonia and Galicia / M. Keating // *European Urban and Regional Studies*. – 2001. – № 8. – P. 217 – 234.

477. Keating, M. The new regionalism in Western Europe: territorial restructuring and political change / M. Keating. – Cheltenham : Edward Elgar, 1998. – 424 p.

478. Kebreab, G. Revisiting the debate on people, place, identity and displacement / G. Kebreab // *Journal of Refugee Studies*. – 1999. – Vol. 12. – № 4. – P. 384 – 410.

479. King, A. The Siberian Studies Manifesto / A. King // *Sibirica*. – 2006. – Vol.5. – № 1. Spring. – P. 5 –15.

480. Kotkin, J. The new geography: How the digital revolution is reshaping the American landscape / J. Kotkin. – N.Y. : Random House, 2000. – 272 p.

481. Kusber, J. Mastering the imperial space: the case of Siberia. Theoretical approaches and recent directions of research / J. Kusber // *Ab Imperio*. – 2008. – № 4. – P. 52 – 74.

482. Kuus, M. Ubiquitous identities and elusive subjects: puzzles from Central Europe / M. Kuus // *Transactions of the Institute of British Geographers*. – 2007. – № 32 (1). – P. 90 – 101.

483. Langenhove, von L. Why we need to “unpack” regions to compare them more effectively ? / L. v. Langenhove // *The international spectator: Italian Journal of International Affairs*. – 2012. – № 47 (1). – P. 16 – 29.

484. Langer, P. Four Images of Organised Diversity / P. Langer // Rodwin L., Hollister M. (eds.) *Cities of the Mind: Images and Themes of the City in the Social Sciences*. – London : Plenum Press, 1984. – P. 97 – 118.

485. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory / B. Latour. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 300 p.

486. Leamer, E. E., Storper, M. The economic geography of the Internet age / E. E. Leamer, M. Storper // *Journal of international business studies*. – 2001. – Vol. 32. – № 4. – P. 641 – 665.

487. Lewicka, M. Ways to make people active: the role of place attachment, cultural capital, and neighborhood ties / M. Lewicka // *Journal of Environmental Psychology*. – 2005. – № 25 (4). – P. 381–395.

488. Longworth, P. Russia: the once and future empire from pre-history to Putin / P. Longworth. – New York : St. Martin’s Press, 2005. – 296 p.

489. Lombaerde, de P., Soderbaum, F. etc. The problems of comparison in comparative regionalism / P. de Lombaerde, F. Soderbaum // *Review of International Studies*. – 2010. – № 36. – P. 731 – 753.

490. MacLeod, G. In what sense a region? Place hybridity, symbolic shape, and institutional formation in (post-)modern Scotland / G. MacLeod // *Political Geography*. – 1998. – № 17. – P. 833 – 863.

491. Makarychev, A. Identity and representation of Russian regions: Adopting a critical theory perspective / A. Makarychev // *Journal of Eurasian Studies*. – 2012. – Vol. 3. – № 2. – P. 185 – 192.
492. Manzo, L. Beyond house and haven: toward a revisioning of emotional relationships with places / L. Manzo // *Journal of Environmental Psychology*. – 2003. – № 23. – P.47 – 61.
493. Manzo, L., Wolfe, M. The social production of built forms and environmental settings / L. Manzo, M. Wolfe // *Culture, Space, History*. – Ankara, Turkey: METU, The Faculty of Architecture Press, 1990. – P. 303 – 313.
494. Marks, G. Territorial Identities in the European Union / G. Marks // *Regional Integration and Democracy: Expanding of the European Experience*. Lanham; Boulder. – N.-Y., Oxford. 1999. – P. 69 – 91.
495. Markusen, A. Regions: economics and politics of territory / A. Markusen. – Rowman & Littlefield publishers, 1987. – 304 p.
496. Martin, A. The Practice of Identity and an Irish Sense of Place / A. Martin // *Gender, Place and Culture*. – 1997. – № 4 (1). – P. 89 –113.
497. Massey, D., Allen, J. and Pile, S. (eds). *City Worlds*. – London : Routledge, 1999. – 196 p.
498. Massey, D. *For Space* / D. Massey. – London : Sage, 2005. – 222 p.
499. Massey, D. *Space, Place and Gender* / D. Massey. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1994. – 288 p.
500. Massey, D. The conceptualization of place / D. Massey // Massey D. and Pat J. (eds). *Place in the World*. – Oxford : Oxford University Press, 1995. – P. 45 – 86.
501. Massey, D. The Political Place of Locality Studies / D. Massey // Linda McDowell (ed.), *Undoing Place? A Geographic Reader*. – London : Arnold, 1997. – P. 317 – 331.
502. Massey, D. Travelling thoughts / D. Massey // P. Gilroy, L. Grossberg and A. McRobbie(eds), *Without Guarantees: In Honour of Stuart Hall*. – London : Verso, 2000. – P. 225 – 232.

503. Matthews, J., Herbert, D. Geography: A very short introduction / J. Matthews, D. Herbert. – Oxford : Oxford univ. press, 2008. – 200 p.
504. McAdams, D. P. Personal Narratives and the Life Story / D. P. McAdams // John, O. P. and Pervin, L. A. eds. Handbook of personality: Theory and research. – New York : Guilford Press, 2008. – P. 241 – 261.
505. McDowell, B. Gender, identity and place: understanding feminist geographies / B. McDowell. – Minnesota : University of Minnesota Press, 1999. – 295 p.
506. Meinig D. W. Symbolic Landscapes: Some Idealizations of American Communities / D. W. Meinig // The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays / Ed. D. W. Meinig. – New York; Oxford : Oxford University Press. 1979. – P. 164 – 192.
507. Meyrowitz, J. No Sense of Place / J. Meyrowitz. – Oxford : Oxford University Press, 1985. – 432 p.
508. Minshull, R. M. Regional Geography: Theory and Practice / R. M. Minshull. – London : Hutchinson University Library, 1971. – 168 p.
509. Mittelman, J. H. Rethinking the “New Regionalism” in the Context of Globalization / J. H. Mittelman // Global Governance. – 1996. – Vol. 2. – № 2. – P. 189 – 213.
510. Morgan, P. Towards a developmental theory of place attachment / P. Morgan // Journal of Environmental Psychology. – 2010. – № 30 (1). – P. 11 – 22.
511. Muller, B. Securing the Political Imagination: Popular Culture, the Security Dispositive and the Biometric State / B. Muller // Security Dialogue. – 2008. – Vol. 39. – № 2–3. – P. 199 – 220.
512. Murphy, A.B. Regions as social constructs / A. Murphy // Progress in Human Geography. – 1991. – № 15. – P. 22 – 35.
513. Nora, P. Between memory and history: Les Lieux de Memoire / P. Nora // Representations. – 1989. – Vol. 26. – P. 7 – 24.
514. Olalquiaga, C. Megalopolis: Contemporary Cultural Sensibilities / C. Olalquiaga. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1992. – 112 p.

515. Osborne, B. S. Landscapes, Memory, Monuments and Commemoration: Putting Identity in Its Place / B. S. Osborne // *Canadian Ethnic Studies*. – 2001. – Vol. 33. – P. 39 – 77.

516. Paasi, A. Constructing territories, boundaries, and regional identities / A. Paasi // Forsberg, T. (ed.). *Contested Territory: Border Disputes at the Edge of the Former Soviet Empire*. – Edward Elgar, Aldershot, 1995. – P. 42 – 61.

517. Paasi, A. Deconstructing regions: notes on the scales of socio-spatial life / A. Paasi // *Environment and Planning*. – 1991. – A 23. – P. 239 – 254.

518. Paasi, A. Place and region: regional identity in question / A. Paasi // *Progress in Human Geography*. – 2003. – Vol. 27. – № 4. – P. 475 – 485.

519. Paasi, A. Place and region: regional worlds and words / A. Paasi // *Progress in Human Geography*. – 2002. – Vol. 26. – № 6. – P. 802 – 811.

520. Paasi, A. Re-visiting the region and regional identity. Theoretical reflections with empirical illustrations / A. Paasi // Barndon R., Oye I. and Asbjorn E. (eds). *The Archeology of Regional Technologies*. – London: The Edwin Mellen Press, 2010. – P. 15 – 33.

521. Paasi A. Territory / A. Paasi // *A companion to political geography*. Eds. J. Agnew, K. Mitchell and G. Toal. – Oxford: Blackwell, 2003. – P. 109 – 122.

522. Paasi, A. Territorial identities as Social Constructs / A. Paasi // *Hagar – International Social Science Review*. – 2000. – № 1. – P. 91 – 113.

523. Paasi, A. The institutionalization of regions: a theoretical framework for understanding the emergence of regions and the constitution of regional identity / A. Paasi // *Fennia*. – 1986. – № 164. – P. 105 – 146.

524. Paasi, A. The Resurgence of the “Region” and “Regional Identity”: Theoretical Perspectives and Empirical Observations on Regional Dynamics in Europe / A. Paasi // *Review of International Studies*. – 2009. – vol. 35. S1. – P. 121 – 146.

525. Paasi, A., Zimmerbauer, K. Theory and Practice of the Region: a Contextual Analysis of the Transformation of Finnish Regions / A. Paasi, K. Zimmerbauer // *Treballs de la Societat Catalana de Geografia*. – 2011. – Vol. 71 – 72. – P. 163 – 178.

526. Pred, A. Place as historically contingent process / A. Pred // *Annals of the Association of American Geographers*. – 1984. – № 74. – P. 279 – 297.

527. Prendergrast, J. G. Regional Identity and Territorial Integrity in Contemporary Russia // *A New Russian Heartland?* [Электр. ресурс] / J.G.Prendergrast.Режимдоступа:<http://www.le.ac.uk/geography/research/RussianHeartland/index.html>

528. Prokkola, E., Zimmerbauer, K., Jakola, F. Performance of regional identity in the implementation of European cross-border initiatives / E. Prokkola, K. Zimmerbauer, F. Jakola // *European Urban and Regional Studies*. – 2015. – Vol. 22 (1) – P. 104 – 117.

529. Raagmaa, G. Regional Identity and Social Capital in Regional Economic Development and Planning / G. Raagmaa // *European Planning Studies*. – 2002. – Vol. 1. – Issue 10. – P. 55 – 76.

530. Relph, E. Place and placelessness / E. Relph. – London : Pion, 1976. – 156 p.

531. Robertson, R. Globalization: Social Theory and Global Culture / R. Robertson. – London : Sage Publication, 1996. – 211 p.

532. Rose, G., Degen, M., and Basdas, B. More on ‘Big Things’: Building Events and Feelings / G. Rose, M. Degen, B. Basdas // *Transactions of the Institute of British Geographers*. – 2010. – № 35. – P. 334 – 349.

533. Rose, M. The seductions of resistance: power, politics, and a performative style of systems / M. Rose // *Environment and Planning D: Society and Space*. – 2002. – Vol. 20 (4). – P. 383 – 400.

534. Roth, K. What's in Region? Southern European regions between globalization, EU-integration and marginalization / K. Roth // *Ethnologia Balcanica*. – 2007. – Vol. 11. – P. 17 – 42.

535. Rowntree, L. B., Conkey, M. W. Symbolism and cultural landscape / L. B. Rowntree, M. W. Conkey // *Annals of the Association of American Geographers*. – 1980. – Vol. 70 (4). – P. 459 – 474.

536. Sack, R.D. Human territoriality. Its theory and history / R. Sack. – Cambridge; L.; N-Y.; New Rochelle; Melbourne; Sydney, 1986. – 272 p.
537. Sagan, I. Contemporary Regional Studies: theory, methodology and practice / I. Sagan // Regional and local studies. – 2006. – № 5. – P. 5 – 19.
538. Sarup, M. Home and Identity / M. Sarup // Traveller`s Tales. Edited by G. Robertson. – London : Routledge, 1994. – P. 89 – 101.
539. Sarup, M. Identity, culture and the postmodern world / M. Sarup. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 1996. – 192 p.
540. Saxinger, G. “To you, to us, to oil and gas” – The symbolic and socio-economic attachment of the workforce to oil, gas and its spaces of extraction in the Yamal-Nenets and Khanty-Mansi Autonomous Districts in Russia / G. Saxinger // Fennia. 2015. – Vol. 193. – № 1. – P. 83 – 98.
541. Schmitt-Egner, P. The concept of «region»: theoretical and methodological notes on its reconstruction / P. Schmitt-Egner // European Integration. – 2002. – Vol. 24. – № 3. – P. 179 – 200.
542. Shearmur, R. Innovation, Region and Proximity: From Neo-regionalism to Spatial Analysis / R. Shearmur // Regional Studies. – 2011. – Vol. 45 (9). – P. 1225 – 1244.
543. Shelby, T. We Who Are Dark: The Philosophical Foundations of Black Solidarity / T. Shelby. – Harvard : University Press, 2005. – 320 p.
544. Sherman, D. The Construction of Memory in Interwar France / D. Sherman. – Chicago : The University of Chicago Press, 1999. – 448 p.
545. Shevtsov, V. V. The regional identity of the Siberian community: major formation factors and reconstruction problems / V. V. Shevtsov // Europolis: Journal of Political Analysis and Theory. – 2013. – Vol. 7. – № 1. – P. 77 – 92.
546. Shields, R. Places on the Margin: Alternative Geographies of Modernity / R. Shields. – London : Routledge, 1991. – 334 p.
547. Simmel, G. Sociology: inquiries into the construction of social forms / translated and edited by Anthony J. Blasi, Anton K. Jacobs, Mathew Kanjirathinkal;

with an introduction by Horst J. Helle / G. Simmel. – Leiden-Boston : Brill, 2009. – 715 p.

548. Sitnikova, A. The image of Siberia in Soviet, Post-Soviet Fiction and Werner Herzog`s Documentary Films / A. Sitnikova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2015. – № 4. – P. 677 – 706.

549. Sloner-Weiss, K. Local Heroes. The Political Economy of Russian Regional Governance / K. Sloner-Weiss. – Princeton : Princeton University Press, 1997. – 264 p.

550. Smyth, A. Nationalism and modernity: a critical survey of recent theories of nation and nationalism / A. Smyth. – L.; N.Y. : Routledge, 1998. – 270 p.

551. Smith, D.M. Introduction: the sharing and dividing of geographical space / D. Smith // Shared space: Divided space. Essays on conflict and territorial organization M. Chrisholm, D. Smith (eds). – London : Routledge, 1990. – P. 1 – 21.

552. Smyth, D., Burch, S. Enacting Identities in the EU-Russia Borderland: An ethnography of place and Public Monuments / D. Smith, S. Burch // East European Politics and Societies. – 2012. – Vol. 26. – № 2. – P. 400 – 424.

553. Smyth, N. Uneven Development: Nature, Capital and the Production of Space / N. Smyth. – Oxford: Basil Blackwell, 1990. – 219 p.

554. Stockols, D., Shumaker, S.A People in places: A transactional view of settings / D. Stockols, S. Shumaker // Harvey J. (ed.) Cognition, social behaviour, and the environment. – Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 1981. – P. 441 – 488.

555. Soja, E. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory / E. Soja. – Verso, 1989. – 266 p.

556. Steele, F. The sense of place / F. Steel. – Boston, MA : CBI Publishing Company, Inc, 1981. – 216 p.

557. Stolberg, E.M. The Siberian Frontier between “White Mission” and “Yellow Peril,” 1890s –1920s / E. v Stolberg // Nationalities Papers. – 2004. – Vol. 32. – № 1. – P. 165 – 182.

558. Stone, K.H. Geography`s wartime service / K. Stone // Annals of the Association of American Geographers. – 1979. – № 69. – P. 89 – 96.

559. Storper, M. The regional world: territorial development in a global economy / M. Storper. – New York: Guilford Press, 1997. – 338 p.

560. Stryker, S., Stratham, E.A., Symbolic interaction and role theory / S. Stryker, E. Stratham // Handbook of social psychology. – NY., 1985. – Vol. 1. – P. 311 – 378.

561. Sunderland, W. Imperial Space: Territorial Space and Practice in the Eighteenth Century / W. Sunderland // Jane Burbank, Mark von Hagen, Anatolyi Remnev (Eds.). Russian Empire: Space, People, Power, 1700-1930. – Bloomington, 2007. – P. 33 – 66.

562. Sunderland, W. Peasant Pioneering: Russian peasant settlers describe colonization and the Eastern frontier, 1880s – 1910s / W. Sunderland // Journal of Social History Publisher: History; Sociology and social work. – 2001. Vol. 34. – Issue 4. – P. 895 – 922.

563. Terlouw, K. From thick to thin regional identities? / K. Terlouw // GeoJournal. – 2012. – Vol. 77 (5). – P. 707 – 721.

564. Terlouw, K. Rescaling regional identities: Communicating thick and thin regional identities / K. Terlouw // Studies in Ethnicity and Nationalism. – 2009. – № 9 (3). – P. 452 – 464.

565. Urry, J. Consuming Places / J. Urry. – London : Routledge, 1995. –189 p.

566. Urry, J. Inhabiting the Car / J. Urry // The Sociological Review. – 2006. – № 54. – P. 17 – 31.

567. Urry, J. Sociology beyond society. Mobilities for the twenty-first century / J. Urry – London and New York : Routledge, 2000. – 255 p.

568. Tuan, Y.-F. Language and the making of place: A narrative-descriptive approach / Y.-F. Tuan // Annals of the Association of American Geographers. – 1991. – Vol. 81. – № 4. – P. 684 – 696.

569. Tuan Y.-F. Space and Place: Humanistic Perspective / Y.-F. Tuan // Human Geography. An Essential Anthology. – Oxford, 1996. – P. 444 – 457.

570. Tuan Y.-F. Topophilia: A study of environmental perception, attitudes, and values / Y.-F. Tuan. – N.Y.: Columbia univ. press, 1990. – 260 p.

571. Twigger-Ross, C. L., Uzzell, D. L. Place and identity processes / C. Twigger-Ross, D. Uzzell // *Journal of Environmental Psychology*. – 1996. – № 16. – P. 205 – 220.

572. Yuval-Davis, N. National Spaces and Collective Identities: Borders, Boundaries, Citizenship and Gender Relations / N. Yuval-Davis // *Inaugural Lecture Series: The University of Greenwich*, 1997.

573. Valentine, G. Imagined Geographies: Geographical Knowledges of Self and Other in Everyday life / G. Valentine // *Human Geography Today* / Ed. by D. Massey, J. Allen and P. Sarre. – Cambridge : Polity Press, 2007. – P 47 – 61.

574. Ventsel, A. Siberian movements: how money and goods travel in and out of Northwestern Sakha / A. Ventsel // *Folklore: Electronic Journal of Folklore*. – 2011. – Vol. 49. – P. 113 –130.

575. Warner, W. L. Social Class in Yankee City / W. L. Warner // Bell C., Newby H. (eds.) *The Sociology of Community: A Selection of readings*. – London : Frank Cass and Company Ltd., 1973. – 265 p.

576. Weiss, C. “Nash”: Appropriating Siberia for the Russian Empire / C. Weiss // *Sibirica. Interdisciplinary Journal of Siberian Studies*. – 2006. – Vol. 5. – № 1. – P. 141 –155.

577. Wright, J. K. Terra incognita: The place of the imagination in geography / J. K. Wright // *Annals of the Association of American Geographers*. – 1947. – Vol. 37. – № 1. – P. 1 – 15.

578. Zimmerbauer, K From image to identity: building regions by place promotion / K. Zimmerbauer // *European Planning Studies*. – 2011. – № 19 (2). – P. 243 – 260.

579. Znamenski, A. A. The “ethic of empire” on the Siberian borderland: The peculiar case of the “rock people,” 1791–1878 / A. Znamenski // *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history* / Edited by N. B. Breyfogle, A. Schrader, and W. Sunderland. – London, New York : Routledge, 2007. – P. 81 – 105.

580. Zuev, D. Couchserfing Along the Trans-Siberian Railway and Beyond: Cosmopolitan Learning through Hospitality in Siberia / D. Zuev // *Sibirica. Interdisciplinary Journal of Siberian Studies*. – 2013. – Vol. 12. – № 1. – P. 56 – 82.